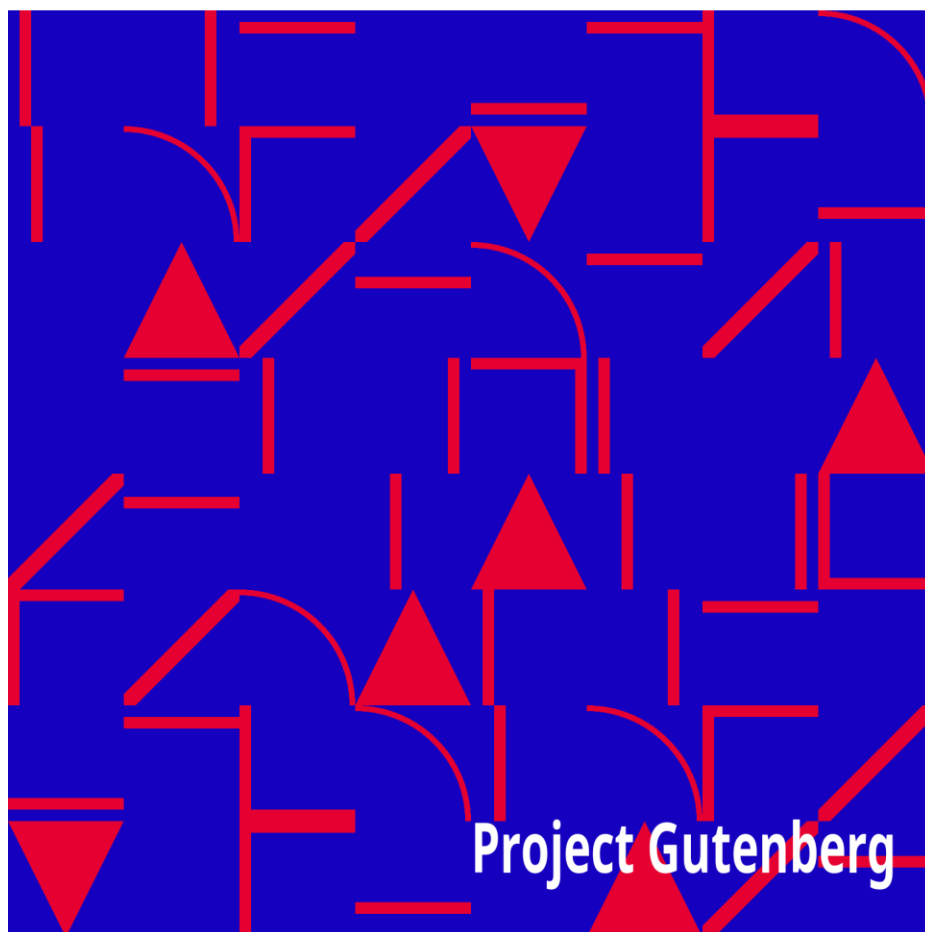

Религии Древнего Египта и Вавилонии

А. Г. Сейс

The religions of ancient Egypt and Babylonia

A. H. Sayce

The Project Gutenberg eBook of The religions of ancient Egypt and Babylonia.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: Религии древнего Египта и Вавилонии

Автор: А. Г. Сейс

Дата выхода: 12 апреля 2011 [eBook #35856]

Язык: Английский

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE RELIGIONS OF ANCIENT EGYPT AND BABYLONIA

Религии Древнего Египта и Вавилонии

The Gifford Lectures on the Ancient Egyptian and Babylonian Conception of the Divine, Delivered in Aberdeen By Archibald Henry Sayce, D.D., LL.D.

Профессор ассириологии, Оксфорд

Эдинбург

Т. и Т. Кларк, 38 Джордж-стрит

1903

Содержание

- Предисловие.
- Часть I. Религия Древнего Египта.
- Лекция I. Введение.
- Лекция II. Египетская религия.
- Лекция III. Нетленная часть человека и потусторонний мир.
- Лекция IV. Бог-Солнце и Эннеада.
- Лекция V. Поклонение животным.
- Лекция VI. Боги Египта.
- Лекция VII. Осирис и осирианская вера.
- Лекция VIII. Священные книги.

- Лекция IX. Народная религия Египта.
- Лекция X. Место египетской религии в истории теологии.
- Часть II. Религия вавилонян.
- Лекция I. Вводная.
- Лекция II. Примитивный анимизм.
- Лекция III. Боги Вавилонии.
- Лекция IV. Бог Солнца и Истар.
- Лекция V. Шумерские и семитские представления о божественном: Ассур и монотеизм.
- Лекция VI. Космологии.
- Лекция VII. Священные книги.
- Лекция VIII. Мифы и эпосы.
- Лекция IX. Храмовый ритуал.
- Лекция X. Астро-теология и моральный элемент в вавилонской религии.
- Указатель.
- Footnotes

[pg v]

Предисловие.

Темой следующих лекций было "Представление о Божественном у древних египтян и вавилонян", и при их написании я постоянно держал в поле зрения этот аспект. Время для систематической истории вавилонской религии еще не пришло, как бы ни обстояли дела с древним Египтом, и, по причинам, изложенным в тексте, мы должны довольствоваться общими принципами и отрывочными деталями.

Именно по этой причине было сделано так мало шагов вперед в постижении реальной природы и особенностей вавилонской религии, и предполагалось, что своего рода естественно-историческое описание ее - это все, что нужно для изучающего религию. Перечитывая свои "Лекции Хибберта", а также более поздние работы на эту тему, я с удовлетворением обнаружил, как много они заимствовали у меня, пусть и без признания. Но мои "Лекции Хибберта" неизбежно были новаторской работой, и теперь мы должны попытаться развить материал, который был собран воедино. Таким образом, в настоящем томе материалы носят предположительный характер; в большинстве своем они будут найдены либо в моих "Лекциях Хибберта", либо в клинописных текстах, которые были опубликованы с тех пор.

К счастью, в отношении религии Древнего Египта мы находимся в лучшем положении. Благодаря, в первую очередь, непревзойденному сочетанию образованности [pg vi] и гениальности профессора Масперо, мы начинаем узнавать, чем на самом деле была старая египетская вера и на каких основах она покоилась. Развитие ее догм можно проследить, во всяком случае, в определенной степени, и мы даже можем наблюдать за ходом их распада.

Есть два факта, которые, я должен добавить, были навязаны мне изучением старых религий цивилизованного человечества. С одной стороны, они свидетельствуют о преемственности религиозной мысли. Свет Божий освещает всякого человека, приходящего в мир, и религии Египта и Вавилонии иллюстрируют слова евангелиста. Они, как , являются фоном и подготовкой для иудаизма и христианства; христианство - это исполнение не только Закона, но и всего самого истинного и лучшего, что было в религиях древнего мира. В нем нашли свое объяснение и воплощение верования и чаяния Египта и Вавилонии. Но, с другой стороны, между иудаизмом и грубо политеистической религией Вавилонии, а также между христианством и старой египетской верой, несмотря на ее высокую нравственность и духовную проницательность, лежит непроходимая пропасть. И существованию этой пропасти я могу найти только одно объяснение, пусть и немодное и устаревшее. Говоря языком прошлого поколения, она обозначает разделительную линию между откровением и непроявленной религией. Она подобна тому "чему-то", что трудно определить, но невозможно отрицать, что отделяет человека от обезьяны, хотя с физиологической стороны обезьяна может быть предком человека.

A. H. Sayce.

Октябрь 1902 г.

[pg 001]

Часть I. Религия Древнего Египта.

Лекция I. Введение.

Я с немалой долей неуверенности принял приглашение прочитать курс лекций в этом университете в соответствии с условиями завещания лорда Гиффорда. Тема их не только обширна и всеобъемлюща, но и полна трудностей. Материалы, на которых должны основываться лекции, почти полностью монументальны: они состоят из скульптур и картин, предметов, погребенных вместе с мертвыми или найденных среди развалин храмов, и, прежде всего, текстов, написанных на языках и знаках, которые всего столетие назад были абсолютно неизвестны. Насколько фрагментарными и изуродованными должны быть такие материалы, мне нет нужды указывать. Египетские или вавилонские тексты, которыми мы располагаем в настоящее время, - это лишь десятая часть тех, которые когда-то существовали, или даже тех, которые еще будут обнаружены. Действительно, что касается вавилонских текстов, то значительная часть тех, которые [pg 002] уже хранятся в музеях Европы и Америки, все еще не расшифрована, и работа по их тщательному изучению будет делом многих лет. А в тех, что были скопированы и переведены, очень много недостатков. Нередко текст обрывается именно там, где, казалось бы, он должен был пролить свет на какую-то проблему религии или истории, или там, где нужно было добавить еще несколько слов, чтобы объяснить смысл. Или, опять же, из длинного ряда документов до нас может прийти лишь один, как одна глава из книги, что приведет к формированию совершенно неверного представления о смысле автора и цели написанного или составленного им

произведения. Все мы знаем, как опасно объяснять отрывок в отрыве от его контекста и к каким ошибочным выводам может привести такая практика.

И все же именно с такими рваными и шаткими материалами приходится работать изучающему религии прошлого. Классическая античность может дать нам лишь небольшую помощь. В литературную эпоху Греции и Рима древние религии Вавилонии и Египта ушли в небытие, а концепции, на которых они основывались, были преобразованы или забыты. То, что от них осталось, было не более чем пустой и непонятной шелухой, а то и просто карикатурой. Боги, во имя которых цари Ассирии отправлялись на завоевания и в честь которых Навуходоносор воздвиг храмы и дворцы Вавилона, превратились в покровителей магической системы; жрецы, которые когда-то делали и делали владык Востока, стали "халдейскими" гадалками, а о религии и науке Вавилонии помнили только по их связи с астрологией. Старая традиция сохранилась в Египте с менее заметными изменениями, но даже там преемственность религиозных верований и учений была скорее кажущейся, чем реальной, скорее внешней, чем внутренней; И хотя [pg 003] Птолемеи и ранние римские императоры перестраивали храмы по старым образцам и позволяли себе изображать фараонов в одежде, принося жертвы богам, чьи имена они не могли произнести, все это было лишь притворством, переодеванием в одежды религии, из которой улетучился весь дух и жизнь.

Поэтому и в Египте, и в Вавилонии мы снова сталкиваемся с монументальными текстами, которые экскаватор извлекает из земли, а дешифровщик собирает воедино с бесконечным трудом и терпением. На каждом шагу мы сталкиваемся с несовершенством записей и осознаем, как много нам приходится читать в этой истории, как скудны свидетельства, как несвязанны факты. Выводы, которые мы формируем, должны быть в значительной степени теоретическими и предварительными, подлежащими пересмотру и изменению с получением нового материала или более умелым сочетанием того, что уже известно. Мы вынуждены интерпретировать прошлое в свете настоящего, судить о людях прошлого по людям сегодняшнего дня и объяснять их убеждения в соответствии с тем, что кажется нам общепринятым и естественным мнением цивилизованного человечества.

Мне нет нужды указывать на то, насколько шаткими должны быть все подобные попытки. Нет ничего труднее, чем определить реальный характер религии того или иного народа, даже если эта религия еще жива. Мы можем описать ее внешние характеристики, хотя даже они нередко становятся предметом споров; но сами религиозные идеи, составляющие ее суть, гораздо труднее постичь и определить. Действительно, самому человеку не всегда легко с философской или научной точностью сформулировать религиозные убеждения, которых он придерживается. Как ни трудно узнать, во что верит другой человек, порой не менее трудно точно [pg 004] узнать, во что верит сам человек. Наши религиозные идеи и убеждения - это наследие, пришедшее к нам из прошлого, но также подвергшееся влиянию и изменению под воздействием пережитого нами опыта, полученного образования и, прежде всего, знаний и тенденций нашего века. Мы редко пытаемся свести их в гармоничное целое, примирить их противоречивость или уложить в последовательную систему. Верования, восходящие, быть может, к эпохе варварства, существуют с незначительными изменениями рядом с другими, вытекающими из последних откровений физической науки; а наши представления о духовном мире нередко представляют собой плохо отсортированную смесь уцелевших представлений того времени, когда вселенная была лишь небольшим участком земной поверхности с похожим на гаситель небосводом над ней, и представлений, которые дала нам астрономия о безграничном пространстве с его миллионами миров.

Если трудно понять и точно описать религии, которые живут среди нас, то насколько же труднее понять и описать религии, которые были до них, даже когда материалы для этого находятся под рукой! Нам постоянно говорят, что прошлая история тех или иных форм религии, которые мы исповедуем, была неправильно понята и осмыслена; что только сейчас, например, открывается и пишется подлинная история раннего христианства или что мотивы и принципы, лежащие в основе Реформации, правильно поняты. Ранние этапы истории религии вскоре становятся непонятными для последующего поколения. Если мы хотим понять их, мы должны обладать не только материалами, в которых, так сказать, воплотилась запись о них, но и зорким глазом и сочувствующим умом, которые позволят нам погрузиться в прошлое, увидеть мир таким, каким его видели наши предки, и на какое-то время разделить [pg 005] их верования. Тогда и только тогда мы сможем понять, что на самом деле означала религия прежних поколений, какова была ее внутренняя суть, а также внешняя форма.

Когда вместо того, чтобы изучать и описывать прошлый этап в истории все еще существующей формы веры, мы призваны изучить и описать форму веры, которая полностью ушла в прошлое, наша задача становится бесконечно более сложной. Нам больше не помогает принцип преемственности и развития; мы должны изучать новое растение, а не то же самое растение в более ранний период его роста. Основополагающие идеи, которые формируют, так сказать, его среду, чужды нам; политеизм Вавилонии или поклонение животным в Египте переносят нас в мир идей, который стоит совершенно отдельно от того, в котором движемся мы. Нам трудно поставить себя на место тех, кто не видел в мироздании единства, единого принципа, к которому можно было бы все отнести, или верил, что бессловесные животные были воплощениями божественного. И все же, пока мы не сможем этого сделать, религии двух великих культурных народов древнего мира, пионеров цивилизации, которой мы наслаждаемся сегодня, будут для нас безнадежной загадкой, лабиринтом без разгадки.

Прежде чем найти ключ к разгадке, мы должны избавиться от нашего *модернизма*. Мы должны вернуться мыслями и чувствами к старому Востоку и забыть, насколько это возможно, о промежуточных веках истории и развития, об умственных и моральных различиях между Востоком и Западом. Я говорю "насколько это возможно", ибо возможность эта относительна. Ни один человек не может избавиться от влияния эпохи и страны, ребенком которой он является; мы не можем отменить наше воспитание и образование или искоренить унаследованные инстинкты, с которыми мы родились. Мы не можем вернуть назад руку времени, как не может [pg 006] эфиоп изменить свою кожу. Все, что мы можем сделать, - это подавить собственные предрассудки, избавиться от беспочвенных предположений и предрассудков и честно и буквально интерпретировать те свидетельства, которые у нас есть. Прежде всего, мы должны обладать той силой сочувствия, тем историческим воображением, как его иногда называют, которое позволит нам осознать прошлое и в какой-то степени проникнуть в его чувства и переживания.

Первый факт, который должен иметь в виду историк религии, заключается в том, что религия и мораль не обязательно связаны друг с другом. Недавняя история религии в Западной Европе, правда, все больше затрудняет понимание этого факта, особенно в те дни, когда системы морали выдвигаются в качестве самостоятельных религий. Но между религией и моралью не обязательно существует тесная связь. Религия имеет отношение к силе, находящейся вне нас, а мораль - к нашему поведению по отношению друг к другу. Цивилизованные народы мира, несомненно, обычно рассматривают силу, управляющую вселенной, как силу морали, и, следовательно, ставят мораль под санкцию религии. Однако

эта сила может быть и безнравственной или даже аморальной: слепой закон судьбы, которому, согласно греческим представлениям, подчинялись сами боги, обязательно был безнравственным, а некоторые гностические секты объясняли существование зла теорией, согласно которой бог-создатель был несовершенен, а потому зол по своей природе. Действительно, жестокости, совершаемые тем, что мы называем природой, многим казались настолько противоречащими самим элементам морального закона, что предполагали, что сила, которая их допускает и приказывает, по сути, безнравственна. Зороастризм делил мир на бога добра и бога зла и считал, что в нынешней диспенсации бог зла в целом является более сильной силой.

[pg 007]

Первобытный человек восхищается, поклоняется и боится именно силы, а не добра. В борьбе за существование, во всяком случае на ранних ее этапах, физическая сила играет самую важную роль. Старая инстинктивная гордость силой, которая позволяла нашим первым предкам успешно сражаться с силами природы и лесными зверями, все еще сохраняется в ребенке и мальчике. Малыш по-прежнему с удовольствием отрывает крылья и лапки попавшей в его власть мухе, а героем детской площадки становится сильнейший спортсмен, а не лучший ученик или самый добродетельный школьник. Внезапная вспышка политической ярости, подобная той, что была характерна для Французской революции, показывает, насколько тонок лак общепринятой морали, покрывающий страсти цивилизованного человека, а христианская Европа все еще делает поле боя своим судом последней инстанции. Как и низшие животные, человек все еще руководствуется законом, который обрекает слабых на вымирание или упадок и отдает пальму первенства сильным. Несмотря на все, что говорят и проповедуют моралисты, миром по-прежнему правит сила, а не мораль.

Поэтому не стоит удивляться, что в самых ранних формах религии мы находим мало или совсем не находим следов нравственного элемента. То, что мы называем нравственностью, на самом деле росло медленно. Она была необходимым результатом жизни в обществе. Пока люди жили отдельно друг от друга, у них было мало возможностей для ее проявления или развития. Но с возникновением общины пришло и развитие нравственного закона. В своих практических деталях этот закон, несомненно, во многом отличался от того морального закона, который мы исповедуем сегодня. Лишь постепенно священность брачных уз или семейной жизни, как мы ее понимаем, стала признаваться. Среди некоторых племен эскимосов до сих пор существуют беспорядочные половые связи между двумя полами; и везде, где распространяется магометанство [pg 008], разрешено многоженство, с сопутствующим ему унижением женщины. С другой стороны, до сих пор существуют племена и расы, в которых практикуется многоженство, и, следовательно, у ребенка нет отца, которого он мог бы по праву назвать своим. До недавнего обращения фиджийцев в христианство считалось сыновним долгом убивать и пожирать своих родителей, когда они становились слишком старыми для работы; а в королевской семье Египта, как и среди Птолемеев, которые вошли в ее наследие, брат был вынужден по закону и обычаю жениться на своей сестре. Семейная мораль, если можно так выразиться, развивалась медленнее, чем общинная: именно в общине и в социальных отношениях людей друг к другу впервые возникло этическое чувство, и именно из общины вновь завоеванный кодекс морали был перенесен в семью. Человек осознал себя моральным агентом в отношениях с сообществом, к которому он принадлежал, задолго до того, как он осознал это как индивидуум.

Религия, однако, имеет обратную историю. Она начинается с индивида и распространяется на сообщество. Индивид должен ощущать некую силу вне себя, которой он призван

поклоняться или умиловать, прежде чем он сможет подняться до идеи племенных богов. Фетишу можно поклоняться, к предку можно обращаться с молитвой, прежде чем семья превратится в племя или беспорядочные половые связи перейдут в полигамию.

Таким образом, объединение морали и религии не только не является необходимостью, но и возникло сравнительно поздно в истории человечества. Более того, союз этих двух понятий еще далеко не завершен. Ортодоксальное христианство до сих пор утверждает, что правильность убеждений не менее важна, чем правильность поведения, и еще не так давно людей наказывали и [pg 009] до смерти не за аморальное поведение, а за отказ принять какую-нибудь догму церкви. В глазах Творца правильное изложение заумных метафизических вопросов должно было иметь большее значение, чем исполнение нравственного закона.

Первым шагом в работе по сближению религии и морали стало помещение морали под санкцию религии. Правила поведения, которые опыт социальной жизни делал необходимыми или выгодными, обеспечивались апелляцией к ужасам религиозной веры. Практики, грешившие против кодекса общественной морали, попадали под запрет богов и их служителей, а те, кто осмеливался их принять, были обречены на гибель в этом и следующем мире. Тапу, которое первоначально предназначалось для резервирования определенных мест и объектов для использования божественных сил, стало использоваться для защиты этических законов или для наказания за их нарушение, а проклятие небес было призвано не только на врага племени, но и на врага морального кодекса племени.

Религия, таким образом, становилась не только племенной, но и личной; религиозный инстинкт в индивиде облекался в формы общественной жизни, а религиозные представления, сложившиеся вокруг жизни семьи, видоизменялись и переносились на жизнь общины. Теперь уже не только чувство страха или благоговения заставляло человека склоняться перед ужасами сверхъестественного и повиноваться его велениям; к этому добавились все связи и ассоциации, связанные с жизнью племени. Этический элемент соединился с религиозным, и то, что было названо религиозным инстинктом или сознанием в отдельном человеке, привязалось к правилам и законам этического поведения. Но на первых порах эта привязанность была более или менее [pg 010] случайной; должны были пройти долгие века, прежде чем место двух элементов, этического и религиозного, поменялось местами, и религиозная санкция этического кодекса была заменена этической санкцией религии. Потребовались столетия обучения, прежде чем христианский поэт смог заявить: "Не может ошибаться тот, чья жизнь правильна".

Существует еще одна опасность, от которой мы должны уберечься, имея дело с религиями прошлого; это опасность спутать мысли и высказывания отдельных людей с общими религиозными верованиями общин, в которых они жили. Наши знания о верованиях древнего мира по большей части зависят от литературных материалов, и, следовательно, опасность, о которой я говорю, является той, которой особенно подвержен историк религии. Но не следует забывать, что литературный писатель самим фактом своей литературной деятельности отличается от большинства своих современников, и что в эпоху до изобретения книгопечатания это отличие было более значительным, чем сегодня. Он был не только образованным человеком, но и человеком исключительной культуры. Он был человеком, чьи мысли и высказывания считались достойными того, чтобы их запомнили, кто мог думать сам и к чьим мыслям прислушивались другие. Его способности или гений поднимали его над обычным уровнем; его идеи, соответственно, не могли быть идеями множества людей, окружавших его, и он не мог, в силу природы дела, выражать их таким же образом. Поэты или богословы Египта и Вавилонии обязательно были оригинальными

мыслителями, и поэтому мы не можем ожидать, что в их трудах мы найдем лишь отражение верований или суеверий тех, среди кого они жили.

Реконструировать религию Египта по литературным произведениям, от которых до нас дошло несколько фрагментов, все равно что реконструировать религию этой страны [pg 011] в прошлом веке по нескольким оборванным страницам Юма или Бернса, Дугалда Стюарта или сэра Вальтера Скотта. Попытки показать, что древнеегипетская религия была возвышенным монотеизмом или просвещенным пантеизмом, который маскировался в аллегориях и метафорах, имеют свое происхождение в путанице между стремлениями отдельных мыслителей и реальной религией их времени. Действительно, существуют литературные памятники, спасенные с обломков древнеегипетской культуры, которые воплощают самые высокие и духовные представления о Божестве и используют язык самого чистого монотеизма. Но такие памятники представляют собой верования и идеи скорее немногих культурных людей, чем египтян в целом или даже большинства образованных классов. Они представляют нам высшую точку, которой мог достичь отдельный египтянин в своих духовных представлениях, а не религию того времени, как в нее верили и исповедовали. Считать, что они представляют народную веру Египта, было бы так же ошибочно, как считать, что Сократ или Платон были верными выразителями афинской религии.

То, что такой взгляд на литературные памятники Древнего Египта верен, можно показать на двух конкретных примерах. С одной стороны, это любопытная попытка Амон-Хотепа IV., представителя Восемнадцатой династии, совершить революцию в египетской религии и заменить старую религию государства своего рода монотеистическим пантеизмом. Гимны, обращенные к солнечному диску - видимому символу нового Бога, - дышат возвышенной духовностью и напоминают нам отрывки из еврейского Писания. "О Боже", - читаем мы в одном из них. "О Бог, который воистину есть живой, который стоит перед нашими глазами; Ты создал то, чего не было, Ты образовал все это"; "Мы также возникли по слову уст Твоих".

[pg 012].

Но все эти слова были вдохновлены культом, который не был египетским и который сами египтяне рассматривали как оскорбление их национального божества и объявление войны жречеству Фив. Едва его царственный покровитель был отправлен в свою гробницу, как национальная ненависть вспыхнула против тех, кто все еще придерживался новой веры; храм и город солнечного диска были сровнены с землей, а тело самого фараона-еретика разорвано на куски. Если бы до нас дошли только религиозные произведения двора Амона-Хотепа IV, мы бы составили из них совершенно ложное представление о религии Древнего Египта и приписали бы ей доктрины, которых придерживались лишь несколько человек в один короткий период его истории, - доктрины, к тому же вызывавшие отвращение и горькое негодование у ортодоксальных приверженцев старых верований.

Другой мой пример взят из литературы, которая существует везде, где есть культурное общество и древняя цивилизация. Это литература скептицизма, тех умов, которые не могут принять популярные представления о божественном, которые с критическим презрением относятся к освященным временем традициям и считают невозможным примирить учение народного культа с повседневным опытом жизни. Они не столько отрицают или противостоят доктринам официального вероучения, сколько игнорируют их. Их скептицизм - это скептицизм Эпикура, а не французских энциклопедистов. Пусть народ верит в своих богов и жрецов, лишь бы его самого не заставляли делать то же самое.

В Египте, как и в Греции или Риме, были свои литературные скептики. Послушайте, например, так называемую "Песнь арфиста", написанную еще в эпоху Одиннадцатой династии, где-то около 2500 года до н. э. Вот как звучит ее часть в метрическом переводе каноника Роунсли, [pg 013] который точно сохраняет дух и смысл [оригинала-1](#)

"Что такое удача? говорят мудрые.

Исчезли очаги и дома;

Что делает или думает тот, кто умирает,

Никто нам не скажет.

Ешьте и пейте в мире сегодня,

Когда ты уйдешь, твое добро останется;

Тот, кто проходит последний долгий путь,

Не вернется обратно".

Песнь арфиста - не единственный фрагмент скептической литературы Египта, которым мы располагаем. Гораздо позже был написан трактат, в котором под тонко завуалированной формой басни оспариваются и ниспровергаются догмы национальной веры. Он построен в форме диалога между эфиопской кошкой - представителем всего ортодоксального и уважаемого в египетском обществе - и шакалом, который становится глашатаем еретического неверия.² Но очевидно, что симпатии автора скорее на стороне скептика, чем верующего, и именно кошка, а не шакал, терпит поражение в споре. В этом первом споре между авторитетом и разумом авторитет оказывается на втором месте, и как у Эпикура есть предшественник в лице автора "Песни арфиста", так и у Вольтера есть предшественник в лице автора диалога.

И здесь очевидно, что если бы сохранились только эти два образца египетской теологической литературы, мы бы унесли с собой весьма ошибочное представление о вере или неверии древних египтян. Кто бы мог подумать, что египтяне были народом, который разработал подробнейшее описание мира за могилой и верил [pg 014] будущую жизнь более интенсивно, чем любой другой народ до или после него? Кто бы мог предположить, что их религия прививала веру не только в бессмертие души или духа, но и в воскресение тела; и что они рисовали поля блаженных, к которым они стремились после смерти, как более счастливый и солнечный Египет, землю света и радости, пиршества и веселья? Мы не можем судить о том, какой была египетская религия, только по сочинениям некоторых литераторов или строить на их основе сложные теории о том, во что верили жрецы и миряне. Обращаясь к фрагментам египетской литературы, мы должны всегда помнить, что они отражают не идеи народных масс, а представления немногих культурных людей.

Но есть еще одна ошибка, в которую мы можем впасть. Она заключается в том, что мы придаем языку теологии слишком буквальное значение. Эта ошибка является естественным результатом реакции на старые методы толкования, которые находили аллегории в самых простых текстах и мистические значения в самых простых словах. Применение научного метода к записям прошлого принесло с собой признание того, что древний писатель имел в виду то, что говорил, в той же мере, что и современный, и что вчитывание в его язык произвольных идей современного иерофанта может быть привлекательным занятием, но не серьезным занятием. Прежде чем надеяться понять литературу прошлого, мы должны

попытаться выяснить ее буквальный и естественный смысл, не руководствуясь ни предрассудками, ни предубеждениями, ни даже авторитетом великих имен. Богословы слишком любят пользоваться двусмысленностью языка и видеть в тексте больше, чем знал или мечтал его автор. Если нет прямых свидетельств обратного, то найти притчи и [pg 015] метафорические выражения в древнеегипетской книге не более допустимо, чем в произведениях современной прессы.

Но, с другой стороны, можно зайти слишком далеко в этом буквализме. Язык, как было сказано, - это кладезь блеклых метафор; и если это верно для языка в целом, то тем более верно для богословского языка. Мы можем понять духовное и абстрактное только с помощью материального; слова, которыми мы их обозначаем, должны быть взяты, в первую очередь, из мира чувств. Как в мире чувств картина, которую мы видим, или музыка, которую мы слышим, приходит к нам через нервы зрения и слуха, так и все, что мы знаем или во что верим о моральном и духовном мире, передается нам через чувственные и материальные каналы. Мысль невозможна без мозга, через который она может действовать, и мы не можем передать другим или даже самим себе наши представления о правильном и неправильном, о красоте и добре, не прибегая к аналогиям из мира явлений, к метафоре и образности, к притче и аллегории. Что такое "концепция", как не "хватание обеими руками", или "притча", как не "бросание на обочину"? Если мы хотим иметь дело с духовным и нравственным, мы *должны прибегать* к метафорическим формам речи. Религия обязательно строится на фундаменте метафоры.

Толкование таких метафор в их чисто естественном смысле привело бы нас к грубой ошибке. К сожалению, современные студенты, изучающие религиозную историю прошлого, не всегда стараются избегать этого. Введенные в заблуждение тем, что язык часто закрепляет старые верования и обычаи, которые в противном случае ушли из памяти, они забыли, что метафора - это не обязательно выживание, а выживание - метафора. В иероглифических текстах, обнаруженных в пирамидах [pg 016] шестой египетской династии, говорится, что Саху или Орион, небесный охотник, поедает великих богов утром, меньших богов в полдень и малых богов ночью, запекая их плоть в огромных небесных печах; и был сделан поспешный вывод, что это указывает на время, когда предки исторических египтян действительно ели человеческую плоть. Столь же разумно было бы заключить из языка Евхаристического чина, что члены христианской Церкви когда-то прирастались к каннибализму. Еда и питье - очень очевидные метафоры, и есть даже языки, в которых слово "есть" приобрело значение "существовать".³ Помню, я слышал о племени, которое считало, что мы поклоняемся ягненку, потому что на их язык дословно перевели фразу: "О, Агнец Божий". Теология полна примеров, когда используемый ею язык с самого начала был метафорическим, и попытка истолковать его с помощью голы буквальности и увидеть в нем окаменевшие идеи и практики прошлого закончится лишь неудачей. Христианство - не единственная религия, которая сознательно использовала притчу для привития истин, которые она исповедует. Буддизм сделал то же самое, и "Притчи Буддхагоши" оказали более широкое влияние, чем все остальные тома буддийского канона.

В богословском языке, как и во всех других формах языка, несомненно, есть уцелевшие элементы, и одна из самых трудных задач изучающего древнюю религию - определить, где они действительно существуют. Является ли символизм, воплощенный в слове или выражении, первичным или вторичным по происхождению? [pg 017] Был ли он с самого начала символом и метафорой, призванной быть лишь чувственным каналом, через который нам могло быть передано некое восприятие божественной истины, или же он отражает нравы и мысли более ранней эпохи общества, которые с течением веков приобрели

символическое значение? Когда первобытный ариец дал Существу, которому поклонялся, имя Дьяус, от корня, означающего "быть ярким", действительно ли он видел в яркой тверди божество, которое обожал, или это название было метафорическим, выражающим лишь тот факт, что сила вне его самого была яркой и сияла, как солнце? Вавилоняне изображали своих богов в образе человека: соответственно, вавилонская религия началась с поклонения обожествленным предкам, или же человеческие фигуры были просто символами и образами, обозначающими, что высшее представление, которое человек мог составить о своем творце, - это представление о существе, подобном ему самому? Ответ на эти вопросы, которые в последние годы стало модно искать в современной дикости, неубедителен. Сначала нужно доказать, что современная дикость не является следствием вырождения, а не задержки развития, и что праотцы цивилизованных народов древнего мира когда-либо находились на том же уровне, что и современный дикарь. На самом деле современный дикарь не является и не может являться представителем первобытного человека. Если обычная доктрина развития верна, первобытный человек ничего не знал о тех основах человеческой жизни и прогресса, без которых до сих пор не обходилось ни одно дикарское сообщество. Он не знал бы ни искусства добывать огонь, ни языка, без которого человеческое общество было бы невозможно. С другой стороны, если цивилизованные расы человечества с самого начала обладали зародышами культуры и способностью развивать ее, их никак нельзя сравнивать с дикарями современного мира, которые [pg 018] поколение за поколением жили неподвижно и непрогрессивно, как вымирающие звери, хотя временами они могли вступать в контакт с более высокой цивилизацией. Объяснять религиозные верования и обычаи греков и римлян на основе религиозных идей и обычаев австралийцев или готтентотов - в большинстве случаев лишь напрасный труд, а искать истоки семитской религии в привычках и суевериях низкокастовых бедавинов - все равно что обращаться к цыганам за объяснением европейского христианства. Такая процедура является злоупотреблением, а не использованием антропологического метода. Фольклор дает нам ключ к разуму ребенка и детской части общества; он не проливает свет на зарождение ни религии, ни цивилизации, и заставлять его делать это - значит ошибочно принимать гадание за свет маяка. Это снова поиск "выживших" там, где они существуют только в воображении исследователя. Пока существовало цивилизованное общество, в нем были как невежды, так и ученые, как глупцы, так и мудрецы, и мы не более оправданы в спорах с невежеством прошлого, чем в спорах с невежеством настоящего. До тех пор пока народные сказки действительно отражают разум только неученых и детей, они мало чем помогут изучающему религии древнего цивилизованного мира.

Поэтому мы должны остерегаться обнаруживать аллегорию и символ там, где их нет; мы также должны остерегаться упускать их из виду там, где их действительно можно найти. И мы должны помнить, что, хотя метафоры и символизм ранних цивилизаций вряд ли покажутся современному европейцу естественными, это не причина, чтобы отрицать их существование. На самом деле, без них невозможен религиозный язык и верования; только через мир чувств лежит путь к познанию [pg 019] мира за его пределами. Условия, в которых мы родились, заставляют нас выражать и реализовывать наши умственные, нравственные и религиозные представления с помощью чувственных образов и подобий. Только мы никогда не должны забывать, что эти образы не одинаковы для разных рас или поколений человечества.

Прежде чем закончить, я должен сказать несколько слов в объяснение названия, которое я дал курсу лекций, которые имею честь читать перед вами. В мои намерения не входит дать систематическое описание или анализ древних религий Египта и Вавилонии. Это вряд ли соответствовало бы условиям завещания лорда Гиффорда, да и детали были бы интересны разве что небольшой компании специалистов. Действительно, в случае с древней религией

Вавилонии детали все еще настолько несовершенны и спорны, что их обсуждение скорее подходит для страниц журнала научного общества, чем для курса лекций. Все, что должен сделать лектор, - это взять уже установленные факты, посмотреть, на какие выводы они указывают, и рассмотреть теории, которые они поддерживают или осуждают. Имена и количество богов и богинь, которым поклонялись египтяне и вавилоняне, не имеют большого значения для научного исследователя религии: он хочет знать концепцию божества, которая лежала в основе этих многообразных форм, и отношение, в котором, как считалось, находился человек к окружающим его божественным силам. Что цивилизованный вавилонянин или египтянин подразумевал под термином "бог"? Какая идея или вера лежала в основе политеизма народного культа, и в каких отношениях он отличается от идей и верований, которые правят религиями нашего современного мира? Древний египтянин, конечно, мог не понимать, что мы подразумеваем под "политеизмом" и "монотеизмом", но разве он не распознал бы в этих словах две [pg 020] тенденции мышления, которые нашли у нас свое выражение? Прав ли был святой Павел, когда заявил, что старые цивилизованные народы искали Бога христианства, "если бы они могли почувствовать Его и найти Его", или же между религиозными представлениями язычества и христианской Европы лежит непроходимая пропасть? Таковы некоторые из вопросов, в решение которых я верю, что факты, которые я должен представить вашему вниманию, могут внести свой вклад, в какой бы скромной степени он ни был.

[pg 021]

Лекция II. Египетская религия.

Древний Египет известен нам в основном благодаря своим храмам и гробницам. Правда, теплый и бездождный климат Верхнего Египта сохранил многие предметы повседневной жизни, случайно погребенные в руинах его городов, и даже фрагменты хрупкого папируса были извлечены из курганов, отмечающих места расположения его деревень и городов; но они не составляют и десятой доли памятников, на которых построено наше нынешнее знание о жизни и истории Древнего Египта. Именно из гробниц и храмов мы узнали почти все, что знаем о Египте прошлого. Гробницы были наполнены подношениями мертвым и иллюстрациями повседневной жизни живых, а их стены украшались изображениями сцен, на которых присутствовал их владетель, историей его жизни или воззваниями к богам. Храмы были хранилищами религиозных знаний, которые изваяли или нарисовали на их стенах и потолках. Фактически, большей частью наших знаний о Древнем Египте мы обязаны богам и мертвым, и поэтому вполне естественно, что большая их часть связана с религией и будущей жизнью.

Таким образом, мы находимся в исключительно благоприятном положении, чтобы выяснить, хотя бы в общих чертах, религиозные идеи древних египтян и даже проследить их историю на протяжении долгих периодов времени. Цивилизация Египта [pg 022] уходит корнями в далекое прошлое, а недавние открытия привели нас почти к ее истокам. Завеса, так долго скрывавшая истоки египетской культуры, наконец-то отступает, и некоторые из самых загадочных несоответствий в религии, которая была столь неотъемлемой частью этой культуры, получают объяснение. Мы узнали, что религия того Египта, который наиболее известен нам, была очень составной, продуктом различных рас и различных течений культуры и мысли; и задача объединения их всех в однородное целое никогда не была

полностью завершена. До последнего времени египетская религия оставалась скорее сочетанием плохо подобранных уцелевших элементов, чем системой, скорее конфедерацией отдельных культов, чем определенной теологией. Как и государство, единство ей придавал фараон, который был не только сыном и представителем бога-солнца, но и видимым проявлением самого бога-солнца. Таким образом, его единство было чисто личным: без фараона египетское государство и египетская религия одинаково растворились бы в своих первоначальных атомах.

Фараоновы египтяне - то есть египтяне, которые переполнили Нил, превратили болота и пустыню в возделанные поля, построили храмы и гробницы и оставили после себя памятники, которые мы ассоциируем с египетской культурой, - похоже, пришли из Азии; вполне вероятно, что их первым домом была Вавилония. Раса (или расы), которую они обнаружили в долине Нила, уже обладала определенной степенью цивилизованности. Они находились на продвинутой стадии неолитической культуры; их кремневые орудия - одни из лучших, которые когда-либо были сделаны, и они были искусны в изготовлении ваз из самого твердого камня. Но они занимались скотоводством, а не земледелием, и жили в пустыне, а не на берегу реки. Они не могли сравниться с новоприбывшими с их оружием из [pg 023] меди; и мало-помалу расе захватчиков удалось стать хозяевами долины Нила, хотя традиции помнят ожесточенные битвы, которые потребовались, прежде чем "кузнецы", следовавшие за Гором, смогли подчинить себе более древнее население в своем продвижении с юга на север.

Насколько сами захватчики составляли единую расу, пока неясно. Некоторые ученые считают, что, помимо азиатов, которые вошли в Египет с юга, пересекая Красное море и проходя через восточную пустыню к Нилу, были и другие азиаты, которые пришли по суше из Месопотамии и пробрались в Дельту через Суэцкий перешеек. Однако я не вижу никаких доказательств этого сухопутного вторжения; насколько позволяют нам наши нынешние материалы, исторические египтяне состояли, по крайней мере, из трех элементов: азиатских захватчиков с юга и двух более древних рас, которые мы можем назвать аборигенами. Одну из них профессор Петри, вероятно, прав, считая ливийской.⁴

Таким образом, в основе египетской религии лежат по меньшей мере три различных типа религиозных верований и практик, соответствующих трем расам, которые вместе составляли египетский народ. Два из этих типов были африканскими, третий - азиатским, возможно, вавилонским. Поэтому с самого начала мы должны быть готовы к расхождениям в религиозных представлениях, а также в обрядах и церемониях. И на такие расхождения можно реально [указать](#)⁵.

Например, практика бальзамирования - одна из тех, которые мы привыкли считать характерными для Древнего Египта. Она упоминается в Книге [pg 024] Бытия и описывается классическими писателями. Есть много людей, чье знакомство с древними египтянами ограничивается тем, что после смерти их тела превращались в мумии. Именно из оберток мумии происходит большинство маленьких амулетов и скарабеев, которые заполняют столь большое пространство в коллекциях египетских древностей, а также многие папирусы, давшие нам представление о литературе прошлого. Нас учили верить, что с незапамятных времен египтяне мумифицировали своих мертвецов и что эта практика была связана с такой же незапамятной верой в воскресение мертвых; однако недавние раскопки ясно показали, что такое мнение ошибочно. Мумификация никогда не была повсеместной в Египте, и было время, когда она вообще не практиковалась. Она была неизвестна доисторическому населению, которое фараоновские египтяне обнаружили по прибытии в страну; да и среди самих фараоновских египтян она, похоже, распространялась очень медленно. До эпохи

Четвертой и Пятой династий было найдено очень мало следов, если, конечно, они вообще были найдены.

Но, как мы увидим далее, практика мумификации была тесно связана с верой в воскрешение мертвых. Отсутствие таковой, соответственно, подразумевает, что эта вера либо не существовала, либо, во всяком случае, не занимала пока заметного места в вероучении египтян. Как и бальзамирование, мумификация, должно быть, была введена фараонскими египтянами; только после того, как более древние расы страны были поглощены своими завоевателями, мумификация стала общепринятой, вместе с религиозными идеями, которые были с ней связаны. До эпохи Восемнадцатой династии она, по-видимому, была практически ограничена двором и официальным жречеством.

[pg 025]

С другой стороны, по крайней мере, одна из доисторических рас, похоже, практиковала вторичное захоронение. Скелеты, обнаруженные в ее могилах, были изуродованы необычайным образом. Череп, ноги, руки, ступни и кисти были найдены отделенными от туловища; даже сам позвоночник иногда раздроблен на отдельные части, а есть случаи, когда весь скелет представляет собой просто груду расчлененных костей. Но, несмотря на это расчленение, с особой тщательностью сохраняются отдельные фрагменты, которые часто располагаются рядом друг с другом. Объяснение расчленению искали в каннибализме, но каннибалы не утруждали себя сбором костей своих жертв и захоронением их со всеми знаками уважения; кроме того, кости не были разгрызены, за исключением одного-двух примеров, когда за дело брались дикие звери, а не человек. Поэтому кажется очевидным, что представители расы, чьи расчлененные останки были найдены на многих доисторических кладбищах Египта, позволяли телам умерших оставаться непогребенными, пока плоть не сдиралась с их костей хищными птицами и зверями, и только после этого отбеленные солнцем кости отправлялись в гробницу. Подобные обычаи все еще преобладают в некоторых частях мира; кроме "башен молчания" парси, в Новой Гвинее до сих пор принято оставлять труп среди ветвей дерева, пока плоть не будет полностью уничтожена⁶.

[стр. 026].

Между мумификацией и вторичным захоронением нет никакого примирения. Концепции, на которых основываются эти два вида практики, противоречат одна другой. В одном случае делается все возможное, чтобы сохранить тело в целости и сохранности, а в другом - тело бросают зверям пустыни и птицам воздуха, а сам скелет разрешают разрушить. Люди, практиковавшие вторичное погребение, вряд ли верили в будущее существование самого тела. Скорее, они верили в существование той теневой, парообразной формы, сравнимой с человеческим дыханием, в которой многие расы человечества представляли себе нетленную часть человека. Именно туманный призрак, увиденный во сне или обнаруженный ночью в тени леса, пережил смерть тела; само же тело вернулось в землю, откуда и появилось.

Это доисторическое верование оставило свои следы в официальной религии позднего Египта. Ба, или "Душа", с фигурой птицы и головой человека, является ее прямым потомком. Как мы увидим, концепция Ба плохо сочетается с концепцией мумии, и гармоничные усилия более позднего времени не смогли полностью скрыть внутреннее противоречие, существовавшее между ними. Душу, улетающую на крыльях птицы в заоблачный мир, нелегко было примирить с мумифицированным телом, которое в конечном итоге должно было вести жизнь в другом мире, которая должна была стать повторением и отражением его жизни в этом. Как должны были соединиться Ба и мумия, официальный культ никогда [pg 027]

не пытался объяснить; вероятно, эта задача была выше его сил. Он оставлял эти две концепции бок о бок, предлагая отдельному верующему примирить их как можно лучше.

Этот факт иллюстрирует еще одно обстоятельство, которое всегда следует иметь в виду при рассмотрении египетской религии. До последнего времени она оставалась без философской системы. Правда, были некоторые ее стороны, которые были сведены в системы, некоторые части официального вероучения, которые стали философией. Но в целом она представляла собой слабо связанное скопление верований и практик, пришедших из прошлого и одна за другой нашедших место в религии государства. Никогда не предпринималось попыток сформировать их в единое целое или найти философскую основу, на которой все они могли бы покоиться. Египтянину такая идея и в голову не приходила. Он был вполне доволен тем, что принимал свою религию такой, какой она была передана ему по наследству или предписана государством; у него не было ни той внутренней ретроспекции, которая отличает индуса, ни того желания познать причины вещей, которое характерно для грека. Противоречия, которые мы находим в статьях его вероучения, никогда не беспокоили его; он никогда не замечал их, а если и замечал, то не обращал на них внимания. Он оставил нам задачу найти философскую основу для своей веры и зафиксировать центральные идеи, вокруг которых она вращалась; задача не из легких, и она становится еще труднее из-за несовершенства наших материалов.

Египтянин не был философом, но он очень трепетно относился к прошлому. Прошое, действительно, всегда было перед ним; он не мог от него оторваться. Предметы и памятники, которые в других странах погибли бы, сохранились почти в первозданной свежести благодаря климату, в котором он жил. Как и в наши дни, так и в эпоху фараонов, самые ранние [pg 028] и самые поздние вещи сталкивались друг с другом, и часто было трудно сказать, какая из них выглядит старше. Прошое сохранялось так, как не могло сохраниться в других местах; ничто не погибало иначе, как от руки человека. И человек, воспитанный в такой атмосфере преемственности, становился крайне консервативным. Сама природа лишь усиливала эту тенденцию. Нил поднимался и опускался с монотонной регулярностью, из года в год времена года сменяли друг друга без изменений, и земледелец не зависел от переменчивого чередования дождя и солнца, или даже от сильной жары и холода. В Египте, соответственно, новое росло и приживалось, не вытесняя старое. Это была земля, к которой не применялось правило "старый порядок меняется, уступая место новому". Старый порядок, конечно, мог измениться, в результате иностранного вторжения или изобретений человеческого гения, но в любом случае он не уступал место новому. Новое просто заняло место рядом со старым.

Египетская система письма является яркой иллюстрацией этого факта. Все различные стадии, через которые должно пройти письмо в своем развитии из рисунков в алфавитные буквы, существуют в ней бок о бок. Иероглифы могут использоваться одновременно идеографически, слогово и алфавитно. То, что верно в отношении египетской письменности, верно и в отношении египетской религии. Различные элементы, из которых она возникла, все еще прослеживаются в ней; ни один из них не был отброшен, как бы мало он ни гармонировал с элементами, с которыми он был объединен. Религиозные идеи, принадлежащие к низшим и высшим формам религиозного сознания, к расам разного происхождения и разного возраста, существуют в нем бок о бок.

Правда, даже в организованных религиях мы находим подобные сочетания разнородных элементов. Пережитки [pg 029] далекого прошлого связаны в них с представлениями более поздней эпохи, а верования разного происхождения включены ими в единое вероучение. Но это определенное и последовательное вероучение, в которое они были воплощены; была

предпринята попытка соединить их в гармоничное целое и объяснить их очевидные расхождения и противоречия. Либо утверждается, что вероучение настоящего пришло в неизменном виде из прошлого, либо утверждается, что доктрины и обряды прошлого нормально и постепенно развились в доктрины и обряды настоящего.

Но египтянин не предпринимал никаких подобных попыток. Он никогда не понимал, что в этом есть какая-то необходимость. Ему было достаточно того, что вещь перешла к нему от предков, чтобы она была истинной, и он никогда не беспокоился о ее соответствии другим частям своей веры. Он принимал ее так же, как принимал противоречия и неравенства жизни, не пытаясь сложить их в гармоничную теорию или оформить в философскую систему. Его религия была подобна его храмам, в которых бок о бок существовали искусство и архитектура всех прошедших веков его истории. Все, что завещало ему прошлое, должно быть сохранено, если это возможно; его можно дополнить, но нельзя изменить или уничтожить.

Любопытно, что тот же дух преобладает и в современном Египте. Туземец никогда не реставрирует. Если здание или мебель в нем приходят в упадок, не предпринимается никаких попыток починить его; оно остается плесневеть на том месте, где стоит, а рядом с ним ставится новое здание или новая мебель. То, что новое и старое не должны сочетаться друг с другом и, по сути, должны быть вопиющим контрастом, не имеет никакого значения. Это почитание прошлого, которое сохраняется без ремонта [pg 030] или модификации, или даже адаптации к окружению настоящего, является характеристикой, которая глубоко укоренилась в сознании египтянина. Она берет свое начало в физических и климатических условиях страны, в которой он родился, и уже давно стала ведущей характеристикой его расы.

Наряду с неспособностью принять общий взгляд на верования, которых он придерживался, и свести их к философской системе, у египтянина была неспособность к формированию абстрактных идей. Эта неспособность, опять же, может быть обусловлена естественными причинами. Благодаря вечному солнечному свету в долине Нила египтянин ведет жизнь под открытым небом. Кроме как для сна, дом ему почти не нужен, а в летние месяцы даже спать он обычно ложится на крыше. Таким образом, он постоянно живет под светом и теплом южного солнца, в стране, где воздух настолько сухой и чистый, что очертания самых отдаленных предметов резкие и четкие, и нет никакого перетекания тени в свет, как это характерно для наших северных регионов. Все ясно, ничего не оставляет воображению, а зрение - это то чувство, которое чаще всего задействуется. Именно то, что египтянин видит, а не то, что он слышит или держит в руках, откладывается в его памяти, и именно через глаза он узнает и запоминает.

В то же время жизнь под открытым небом отнюдь не является праздной. Своеобразные условия долины Нила требуют от населения непрерывного труда. Как бы ни была плодородна почва, когда ее поливают, без воды она остается бесплодной пустыней или нездоровым болотом. А единственным источником воды является река Нил. Нил нужно держать в своих берегах, отводить в каналы или распределять по полям с помощью ирригационных машин, прежде чем вырастет хоть одна пшеничная травинка или будет собран хоть один урожай. День [pg 031] за днем египтянин должен трудиться, ремонтируя дамбы и каналы, вспахивая землю, сажая семена и непрерывно поливая их; Нил готов воспользоваться любым ослаблением бдительности и труда, чтобы затопить или смести возделанную землю, или отказать ей в воде, в которой она нуждается. Из всех людей египтянин - самый трудолюбивый; условия, в которых ему приходится обрабатывать землю, обязывают его быть таковым и проводить свое существование в постоянном сельскохозяйственном труде.

Но, как я уже отмечал, эта работа монотонно регулярна. В ней нет неожиданных перерывов, нет моментов, когда внезапно требуется исключительный труд. Весь год фермера расписан заранее: то, что его предки делали в течение бесчисленных веков до него, он тоже должен делать почти до дня. Это постоянный труд, день за днем, от рассвета до ночи, на протяжении большей части года.

Этот постоянный труд под открытым небом не дает возможности для философских размышлений или интроспективных теоретизирований. Напротив, жизнь египетского феллаха - это очень реальная и практичная вещь: он заранее знает, что ему нужно делать, чтобы заработать на хлеб, и у него нет времени теоретизировать на этот счет. Кроме того, его зрение постоянно находится в напряжении. Вещи, которые он знает и помнит, - это вещи, которые он видит, и он видит их ясно в ясном солнечном свете своих полей.

Поэтому мы не должны удивляться тому, что древний египтянин, с одной стороны, демонстрировал неспособность к абстрактному мышлению, а с другой - любовь к зримым символам. На самом деле эти два явления были лишь обратными сторонами одной и той же ментальной тенденции. Символизм, действительно, всегда необходим, прежде чем мы сможем постичь абстрактное: только через чувственный символ мы можем выразить абстрактную мысль. Но [pg 032] египтянин не заботился о том, чтобы проникнуть за пределы выражения. Его устраивал символ, который он мог увидеть и запомнить, и в результате его религиозные идеи были скорее материальными, чем духовными. Ему было достаточно материальной шелухи, и он не утруждал себя слишком тщательным исследованием ядра внутри. Душа была для него человекообразной птицей, возносящейся на крыльях к небесам; а сам будущий мир был лишь дубликатом Египта, на который он взирал снизу.

Иероглифическое письмо было одновременно иллюстрацией и поощрением этой особенности его ума. Все абстрактные идеи выражались в ней символами, которые он мог видеть и понимать. Акт еды обозначался изображением человека с прижатой ко рту рукой, идея зла - изображением воробья. И эти символические изображения обычно прилагались к словам, которые они обозначали, даже когда последние стали писаться по слогам и алфавиту. Таким образом, даже при чтении и письме египтянину не требовалось слишком много внимания уделять абстрактным мыслям. Конкретные символы всегда были у него перед глазами, и именно их мысленные образы заменяли ему абстрактные идеи.

Разумеется, следует помнить, что вышеприведенные обобщения относятся к египетскому народу в целом. Были и отдельные исключения; существовал даже класс, жизнь членов которого не была посвящена сельскохозяйственному или иному труду, а религиозные представления часто были духовными и возвышенными. Это был класс жрецов, чья власть и влияние росли с течением времени, и которые в конечном итоге сформировали официальную теологию Египта. Жреческие колледжи возникали в великих святилищах страны и постепенно поглощали значительную часть ее земель и доходов. Поначалу жрецы [pg 033] не были многочисленны, и вплоть до последнего времени высшие члены иерархии были сравнительно немногочисленны. Но в их руках религиозные верования народа подверглись модификации и даже элементарной систематизации; различные независимые культы царства были организованы и объединены вместе, и вместе с этой организацией пришли философские спекуляции и теоретизирование. Если профессор Масперо прав, две главные школы религиозной мысли и систематизации в раннем Египте были в Гелиополе, недалеко от вершины Дельты, и в Гермополе, современном Эшмунене, в Центральном Египте. В Гермополе впервые была сформирована и разработана концепция сотворения мира не только голосом, но даже просто звуком голоса, а Гелиополь стал источником того распределения божеств по группам из девяти человек, которое привело к отождествлению

богов друг с другом и подготовило почву для монотеизма.⁷ Если Гелиополь действительно был, как это кажется вероятным, первым домом этой религиозной теории, его влияние на остальной Египет было глубоким. Уже в начале исторического периода, в эпоху Пятой и Шестой династий, когда были составлены религиозные тексты пирамид, схема, ставящая Эннеаду или группу из девяти человек во главе Пантеона, была принята по всей стране. Это было начало неизбежного процесса мышления, который завершился превращением божеств официального культа в формы или проявления одна другой, а его приверженцев - в пантеистов.

Поэтому общая неспособность к абстрактному мышлению, которая отличала египтян, в определенной степени не распространялась на жреческие коллегии. Но даже среди жрецов абстрактное никогда не было полностью отделено [pg 034] от символа. Символизм по-прежнему доминирует над самыми глубокими мыслями и выражениями поздних надписей; писатель не может освободиться от чувственного образа, за исключением, возможно, нескольких отдельных случаев. В крайнем случае, египетская мысль не может подняться дальше концепции "бога, не имеющего формы" - признание в неспособности представить себе то, что бесформенно. Правда, после правления Восемнадцатой династии к божеству обращаются как к Хепер-зес-эф, "тому, что само растет", "самосуществующему"; но когда мы видим, что тот же эпитет применяется и к растениям вроде бальзама и минералам вроде селитры, становится ясно, что он не имеет того абстрактного значения, которое мы должны вкладывать в него сегодня. Он просто выражает убеждение, что бог, которому возносится молитва, - это бог, который никогда не рождался по-человечески, а вырос сам по себе, подобно минералу, который прорастает из земли, или растению, которое не вырастает из семени. Точно так же, когда о нем говорят, что он "существует от начала", - *kheper em ĥat*, - или, как это выражается иначе, что он "отец начала", фраза эта менее абстрактна, чем кажется на первый взгляд. Само слово *kheper* или "существующий" обозначает видимую вселенную, в то время как *ĥat* или "начало" - это крайняя точка. Фраза может быть столь же малоупотребительной, как и эпитет "владыка вечности", применяемый к божествам, чье рождение и смерть, тем не менее, утверждаются на одном дыхании. Возможно, самым абстрактным представлением о божественном, которого достигал египтянин, было представление о "безымянном", поскольку имя рассматривалось как нечто очень реальное и конкретное, как, по сути, сущность того, к чему оно относилось. Поэтому сказать, что вещь безымянна, означало либо отрицать ее существование, либо вообще вычеркнуть ее из мира конкретного.

В истории Египта был момент, когда [pg 035] была предпринята попытка придать реальное значение абстрактным терминам и фразам, обращенным к богам. Фараон Ху-н-Атен к концу правления Восемнадцатой династии внезапно появляется на сцене как царский реформатор, решивший придать жизнь и смысл языку, который описывал верховное божество как "единственного и неповторимого бога", абсолютного правителя вселенной, который существовал от вечности и чей облик был скрыт от людей. Но импульс к реформе пришел из Азии. Мать Ху-н-Атена была иностранкой, и его попытка привить азиатские идеи к египетской религии, а точнее, заменить азиатскую форму веры на веру своих отцов, оказалась неудачной. Поклонение единому верховному божеству, видимым символом которого был солнечный диск, хотя и было навязано гонениями и всей мощью самого фараона, едва ли пережило его смерть. Амон Фиванский и его жречество вышли победителями из борьбы, а пантеистический монотеизм Ху-н-Атена так и не был возрожден. Символизм остался, а абстрактная мысль, ступенькой к которой должен был стать этот символизм, так и не проникла в египетскую религию. Египтянин продолжал довольствоваться символом, как и его отец до него. Но в жреческих коллегиях и в высших

кругах культуры он стал менее материалистичным; в то время как масса народа по-прежнему не видела ничего, кроме самого символа, жрецы и писцы смотрели как бы за его пределы и видели в символе изображение какой-то божественной истины, внешнее одеяние, в которое облачилось божество. Однако особенностью египетской точки зрения было то, что это внешнее одеяние никогда не отделялось от того, что оно покрывало; оно рассматривалось как неотъемлемая часть божественной сущности, которая не могла быть отделена от нее так же, как поверхность статуи может быть отделена от камня, из которого она [pg 036] сделана. Образованный египтянин видел во множестве богов общественного культа лишь различные проявления или формы одной божественной субстанции; но все же это были проявления или формы, видимые чувствами, а кроме таких форм божественная субстанция не имела существования. Характерно, что старая вера в то, что изображения на самом деле были оживлены богами или человеческими личностями, чье подобие они носили, и о которых выразительно говорили, что они "пожирали", никогда не была отменена; действительно, царь все еще получал са или принцип бессмертия от контакта со статуей бога, которому он служил; и чудотворные изображения, которые наклоняли голову к тем, кто задавал им вопросы, продолжали консультироваться в храмах.⁸ В Дендере считалось, что душа богини Хатхор спускается с небес в виде ястреба из ляпис-лазури, чтобы оживить ее [статую](#)⁹; эта вера является важным комментарием к ментальным установкам поклоняющихся ей людей.

Одним из результатов неспособности или несклонности египтянина к абстрактному мышлению была необходимость не только представлять богов в особых и определенных формах, но даже всегда так думать о них. Система письма с ее пиктографическими символами способствовала этой привычке; и мы можем хорошо понять, как трудно было самому образованному писцу представить Тота иначе, чем в виде ибиса, или Хатхор иначе, чем в виде коровы. Каково бы ни было происхождение египетского поклонения животным или - что совсем другое - отождествления отдельных животных с главными богами, его продолжению существенно способствовали священные письма писцов [pg 037] и изображения, украшавшие стены храмов. Для простого египтянина Тот действительно был ибисом, и фольклор великих святилищ соответственно описывал его таким.¹⁰ Но для культурного египтянина ибис был его символом, а в Египте, как мы уже видели, символ и то, что символизируется, были склонны путать друг с другом.

Зверопоклонство Египта вызывало изумление и насмешки греков и римлян и безмерное презрение христианских апологетов. Мне предстоит разобраться с этим в одной из последующих лекций. Пока же достаточно указать на то, что в значительной степени она обязана своим существованием потребности в символизме, характерной для египетской мысли, несмотря на то, что в египетской религии господствовала другая, противоречивая концепция. Это была концепция божественности человека, которая нашла свое высшее выражение в доктрине, согласно которой фараон был воплощением бога-солнца. Не в грубом животном, а в самом человеке божество явило себя на земле.

Истоки этой концепции следует искать в ранней истории страны. Поначалу Египет не был единой монархией, которой он стал впоследствии. Он был разделен на множество мелких княжеств, каждое из которых было независимым от другого и часто враждовало между собой. Вполне вероятно, что в некоторых случаях жители этих княжеств не принадлежали к одной расе; что если в одном преобладало более древнее население, то в другом абсолютное господство принадлежало фараонским египтянам. В любом случае нравы и обычаи их жителей не были одинаковыми, как и религиозные верования и обряды, которых они придерживались. Бог, которого почитали в одном месте [pg 038], в другом вызывал отвращение, и ему ставили в противовес конкурирующее божество.

Верный своим консервативным принципам, Египет никогда не забывал о существовании этих ранних княжеств. Они продолжали существовать в несколько измененном виде. Они стали номами фараоновского Египта, отдельными округами, напоминающими в некоторой степени штаты Американской республики и сохранившими до последнего свою независимую жизнь и организацию. У каждого нома была своя столица, свое центральное святилище и свой князь; кроме того, у него был свой особый бог или богиня, с сопутствующими божествами, своей коллегией жрецов, своими церемониями и праздниками. Вплоть до эпохи гиксосского завоевания наследственные князья номов были феодалами, подчинялись фараону и снабжали его данью и воинами, когда от них этого требовали. Только после прихода к власти Восемнадцатой династии на смену старой феодальной знати пришли придворные чиновники и бюрократия, обязанные своим положением царю; и даже тогда потомки древних князей были начеку, чтобы воспользоваться слабостью центральной власти и вернуть себе утраченную власть. Боги нескольких номов также до последнего сохраняли видимость своей независимости. Только с возвышением нового царства и приходом к власти Восемнадцатой династии начался процесс слияния, который привел к реальной цели, отождествил различные божества друг с другом и превратил их в калейдоскопические формы Амона или Ра. Потеря их отдельного и независимого характера произошла вместе с подавлением феодальных семей, с которыми их поклонение было связано на протяжении бесчисленных поколений. Феодальный бог и феодальный князь исчезли вместе: один превратился в верховного бога фараона и его [pg 039] жрецов, другой - в придворного функционера. Лишь в сердцах и умах людей Тот оставался тем, кем был всегда, - владыкой и повелителем Гермополя и только Гермополя.

Княжества первобытного Египта постепенно объединились в два или три царства, а в конечном итоге - только в два царства, Верхний и Нижний Египет. Недавние открытия пролили неожиданный свет на этот ранний период истории. В свое время столицей южного царства был Нехен, называвшийся в греческий период Иераконполисом, на месте которого сейчас находятся руины Ком-эль-Ахмара, напротив Эль-Каба. Здесь, среди фундаментов древнего храма, мистер Квибелл обнаружил останки, которые, вероятно, относятся к эпохе, предшествующей эпохе Менеса и становлению единой египетской монархии. Среди них - огромные вазы из алебаstra и гранита, которые были посвящены неким царем Бешем в тот год, когда он покорил народ Северного Египта. С другой стороны, на стеле, хранящейся сейчас в Палермо, приводится список царей, которые, по-видимому, правили Северным Египтом, пока фараоны Нехена царствовали на юге.¹¹

Сколько веков эти два царства существовали бок о бок, то в мирном общении, то во враждебном столкновении, сказать невозможно. Тот факт, что Египет когда-то был разделен на два царства, никогда не забывался; вплоть до последних дней египетских монархов фараон носил титул "владыки двух земель", а на его голове красовалась двуединая корона Верхнего и Нижнего Египта. Нехен находился под покровительством не только Гора, бога фараоновских египтян, но и Нехеб, богини-покровительницы всей южной земли. От Катаракта на север простиралась ее власть, но именно [pg 040] в Эль-Кабе напротив Нехена, где дорога от Красного моря и рудников пустыни достигала Нила, стояло ее особое святилище. Беш называет себя на своих вазах "сыном Нехеба"; и даже во времена Шестой династии старший сын царя именовался "царским сыном Нехеба"¹².

Нехеб, стервятник, был богиней юга, в отличие от Уазит, змеи, богини севера. Но и на юге, и на севере господствовала одна и та же раса, преобладали одни и те же обычаи, говорили на одном и том же языке. Фараоновские египтяне, продвигаясь на север, несли с собой общее наследие идей и нравов. Их религиозные представления были одинаковыми, и,

следовательно, общая форма религиозного культа была схожей. Несмотря на местные различия и эгоцентричный характер многочисленных независимых княжеств, между ними все же существовало семейное сходство. Поэтому идеи и обычаи, выросшие в одном месте, легко переходили в другое, а влияние конкретного местного святилища легко распространялось за пределы района, в котором оно находилось.

Одним из самых фундаментальных верований, которые принесли с собой фараоновские египтяне, была вера в [pg 041] божественное происхождение некоторых людей. Принц, возглавлявший их, был не просто сыном бога или богини, он был воплощением самого бога. Это верование - один из многих фактов, связывающих фараонскую цивилизацию с культурой первобытной Вавилонии. В Вавилонии царь также был божественным. Один из ранних царей Ура называет себя сыном богини, как и Беш в Нехене; великие завоеватели первобытной Азии, Саргон Аккадский и его сын Нарам-Син, в своих надписях присваивают себе титул "бог", а Нарам-Син при жизни даже упоминается как "бог города Агаде" или Аккада. На протяжении многих поколений вавилонские цари продолжали получать божественные почести еще при жизни; и только после завоевания Вавилонии племенем полуцивилизованных чужеземцев с гор Элама старая традиция была нарушена, и правящий царь перестал быть богом. Как и доктрина божественного права королей в Англии, которая не смогла пережить падение Стюартов, доктрина божественной природы монарха не пережила в Вавилонии падения родных династий.

В Вавилонии, как и в Египте, к царю продолжали обращаться как к богу и после его смерти. Его памяти посвящались часовни и жрецы, ему приносились жертвы и подношения. Не обязательно, чтобы обожествленный принц был верховным правителем, достаточно, чтобы он был главой феодального княжества. Так, если Дунги, верховный правитель Вавилонии, получает в своих надписях титул "бог", то его вассал Гудеа, верховный жрец и наследный князь города Лагас, также почитается как божество, культ которого продолжался многие века. Гудеа был несемитского происхождения, но большинство вавилонских царей, обожествленных таким образом, были семитами. Поэтому возможно, что [pg 042] обожествление правителя имело семитское происхождение и было перенято от них более древним шумерским населением, как в случае с Гудеа; возможно также, что это было одним из последствий слияния двух рас, шумерской и семитской, которое привело к формированию более позднего населения и культуры Вавилонии. Как бы то ни было, апофеоз вавилонского царя при его жизни можно проследить вплоть до Саргона и Нарам-Сина, 3800 г. до н. э. Саргон включил Палестину, "землю амореев", как ее тогда называли, в свою империю, а Нарам-Син распространил свои завоевания на Маган или Синайский полуостров, таким образом принеся оружие и цивилизацию Вавилонии к самым дверям Египта. Точный характер связи, существовавшей между вавилонской и египетской верой в божественность правителя, следует оставить для будущих исследований.

В египетском сознании, во всяком случае, эта вера была глубоко укоренившейся. Фараон был богом на земле. Как и перуанские инки, он принадлежал к солнечной расе, а кровь, которая текла в его жилах, была икором богов. Существование подобного верования в Перу показывает, как легко оно могло вырасти в отношении вождя народа-завоевателя, принесшего с собой более высокую культуру и искусство жизни. Но она предполагает религиозные представления, которые, хотя и характерны для Вавилонии, прямо противоположны тем, которые, по-видимому, лежат в основе религии Египта. У вавилонян боги принимали человеческие формы; человек был создан по подобию богов, и боги, следовательно, имели человеческий облик. Однако в Египте все было наоборот. Здесь боги,

за редким исключением, представлялись в виде грубых зверей. Горус был ястребом, Нехеб - стервятником, Уазит из Буто - смертоносной змеей уреусом.

Объяснить эту аномалию можно только одним способом. [pg 043] Концепция богов, сделавшая их людьми, должна была прийти извне и быть навязана народу, чьими богами были грубые звери. Это должны были быть фараонские захватчики из Азии, для которых вождь, за которым они следовали, был воплощенным богом. Поэтому именно этот вождь, и никакой другой, был облечен в божественность. Отсюда и то, что более древнее поклонение животным никогда не было по-настоящему согласовано с поклонением фараону. Внутреннее противоречие, существовавшее между новыми религиозными концепциями, сохранилось до конца, несмотря на все усилия жреческих коллегий привести их к согласию. Религиозное искусство могло изображать бога с головой зверя или птицы и телом человека, священные книги могли учить, что божество не ограничено формой и может по желанию переходить из тела человека в тело зверя; но все эти ухищрения не могли скрыть факта. Между божеством, которое является человеком, и божеством, которое является зверем, невозможно истинное примирение.

Поэтому мы должны проследить обожествление фараона до Азии и азиатского элемента в египетском населении. Фараонские завоеватели долины Нила были теми "последователями Гора", которые поклонялись своему вождю как богу. Это был бог в человеческом облике, который привел их к победе, и Горус, соответственно, продолжал изображаться в виде человека, даже если символика иероглифов объединялась с верованием доисторических рас Египта, наделяя его головой ястреба.

Сначала правитель каждого из небольших царств, на которые был разделен доисторический Египет, почитался как бог, подобно Гудеа в Вавилонии. Когда царства стали сначала вассальными княжествами под властью верховного повелителя, а затем номами, старая традиция сохранилась. Божественные титулы давались номархам даже в поздние времена объединенной монархии, и после их [pg 044] смерти им продолжали поклоняться.¹³ Христианские писатели рассказывают, что в Анабе богами считались отдельные личности, которым приносили жертвы; а Птах, божество-покровитель Мемфиса, изображался в виде человека в оболочке мумии, в то время как Анхуру из Этоса приписывалась человеческая фигура.

С объединением мелких княжеств в два царства обожествление правителя ограничилось более узкими рамками. Но именно по этой причине оно стало более абсолютным и интенсивным. Верховный правитель, фараон, как мы будем называть его впредь, был настоящим богом на земле. Для своих подданных он был источником не только материальных, но и духовных благ. Он был "добрым богом", благодетельным подателем всех благ.¹⁴ В его руках находилась власть над жизнью и смертью, и восстание против него было восстанием против богов. В его жилах текла та же кровь, что и в жилах богов; она даже передавалась ему время от времени его божественными братьями; и на барельефах более поздней эпохи, когда традиционная вера стала не более чем символической аллегорией, он все еще изображен спиной к статуе бога, который переливает небесный ихор через его вены.¹⁵

Менес, царь Верхнего Египта, впервые объединил под одним скипетром два царства Нила. Божественность, которая до сих пор была разделена между фараонами Верхнего и Нижнего Египта, теперь во всей полноте перешла к нему. Он стал видимым богом Египта, подобно тому как [pg 045] Саргон или Нарам-Син был видимым богом Аккада. Все атрибуты божественности принадлежали ему, как они были задуманы его подданными, и от него они

перешли к его преемникам. Легитимность рождения считалась по матери, и через мать, соответственно, передавалась божественная природа фараона. Только тот, кто был рожден от принцессы из царской семьи, мог считаться обладателем ее во всей чистоте; а если этого титула не было, приходилось предполагать прямое вмешательство бога. Мать Амона-Хотепа III была азиатского происхождения; поэтому на стенах храма в Луксоре мы читаем, что он родился от девственницы и бога Фив. Александр, завоеватель Египта, был македонцем; соответственно, было необходимо, чтобы его признал своим сыном бог оазиса Аммон.¹⁶

Но такие последствия старой египетской веры в воплощение божества в человеке уводят нас в область исследования, которую мы должны будем пройти в одной из следующих лекций. Пока же достаточно постоянно держать перед глазами два факта: с одной стороны, старое египетское верование в божественность животного мира, с другой - столь же старое верование в божественность человека. Эти два верования на самом деле не должны быть согласованы одно с другим; они, по сути, произошли от различных элементов египетского населения; но, руководствуясь своим обычным консервативным инстинктом и избегая абстрактного мышления, египтянин более поздних дней скоординировал их вместе и закрыл глаза на их фактическую несовместимость.

[pg 046]

Лекция III. Нетленная часть человека и потусторонний мир.

Путешественники и этнологи иногда утверждают, что существуют племена, которые совершенно не имеют никакого представления о Боге. Обычно оказывается, что такие утверждения означают не более чем отсутствие у них какого-либо представления о том, что мы подразумеваем под Богом: даже зулусы, которые видели в тростнике творца [мира](#)¹⁷, тем не менее верили, что мир был создан некой силой, находящейся вне их самих. Современные исследования показывают, что ни одна раса людей, насколько известно, не верила в существование подобной силы или мира, отдельного от окружающего нас видимого мира; утверждения об обратном, как правило, основаны на невежестве или неправильном понимании. Сам факт, что дикарь видит сны и придает своим сновидениям реальность моментов бодрствования, несет в себе веру в то, что, за неимением лучшего термина, я назову "другим миром".

Этот другой мир, следует помнить, материален, так же материален, как и "небесный Иерусалим", к которому так стремились многие добрые христиане даже в наши дни. У дикаря нет опыта иного, чем материальное существование, и он не может, следовательно, подняться до концепции того, что мы подразумеваем под духовным, даже если бы он был способен сформировать такую абстрактную идею. Его [pg 047] духовный мир обязательно материалистичен, он не только интерпретируется и постигается с помощью чувственных символов, но и тождественен самим этим чувственным символам. Латинское *anima* означало "дыхание", прежде чем оно стало означать "душа".

Эта чувственно-материалистическая концепция духовного надолго закрепилась в человеческом сознании; более того, сомнительно, что, пока мы люди, мы когда-нибудь полностью освободимся от нее. Естественно, ее господство тем сильнее, чем дальше мы отступаем в историю. Существует "другой мир", но это мир, странно похожий на наш собственный.

С этим представлением о "другом мире" тесно связана концепция, которую человек формирует относительно своей собственной природы. Мало найдется рас человечества, среди которых мы не встречаем в той или иной форме веру во второе "я". Иногда это второе "я" во всех отношениях является отражением и образом живого "я", подобно образам тех, кого мы видим во сне; и более чем вероятно, что именно сны впервые навели на эту мысль. Иногда это просто пятнышко серого пара, которое может быть связано с дыханием, вырывающимся изо рта и, кажется, покидающим его после смерти, или с туманными формами, которые дикарь видит после наступления ночи во мраке леса и на краю болота. Иногда его представляют себе как некий светящийся газ или фосфоресцирующую вспышку света, подобную той, что испускает разлагающаяся растительность во влажной почве. Или, опять же, его можно уподобить птице, взлетающей в небо, бабочке, порхающей с цветка на цветок, или даже насекомым, вроде кузнечика, скачущим по земле. Но как бы его ни представляли, он одновременно и бестелесен, и материален, то есть нечто, что может быть воспринято органами чувств и в то же время ускользает от их понимания.

Египетская теория о природе человека в историческую эпоху нации была очень сложной. Человек состоял из множества частей, каждая из которых была способна [pg 048] жить вечно. Вера в его составной характер была обусловлена составным характером людей, описанным в предыдущей лекции, и дополнялась консервативной тенденцией, которая не позволяла им отбрасывать или даже изменять какую-либо часть наследия прошлого. По крайней мере, некоторые из элементов, которые пошли "на создание человека", были получены от различных элементов населения. Они были поглощены или, скорее, скоординированы в государственной религии, при этом мало учитывалась их взаимная совместимость и мало усилий для их примирения. Поэтому их трудно отличить один от другого; это задача, которую не пытался решить ни один египетский теолог; и когда мы видим полный список этих элементов, то, несомненно, это делается для того, чтобы не упустить ни одной составной части человека, название которой передавалось из поколения в поколение.

Однако были некоторые составные части, которые были четко определены и занимали важное место в религиозных представлениях Египта. Главным из них был Ка или "Двойник". Под концепцией Ка скрывалась грубая философия мироздания. Ка соответствовал тени в видимом мире. Как тень, которую нельзя отделить от объекта, так и Ка, или Двойник, является отражением объекта, каким он представляется уму. Но египтянин не понимал, что это всего лишь продукт разума. Для него она была столь же реальна и материальна, как и сама тень; более того, она была гораздо более материальна, поскольку имела собственное независимое существование. Ее можно было отделить от объекта, факсимиле которого она представляла, и представить его в другом месте. Более того, именно оно давало жизнь и форму объекту, образом которого являлось; оно составляло, по сути, его сущность и личность. Поэтому его иногда подменяли "Именем", которое в глазах египтянина было [pg 049] сущностью самой вещи, без которой вещь не могла существовать. В каком-то смысле Ка было духовным отражением объекта, но это было духовное отражение, имевшее конкретную форму.

Идеи Платона были последним развитием египетской доктрины Ка. Они были архетипами, по которым были созданы все вещи, и это архетипы, которые одновременно абстрактны и конкретны. Современные философы превратили их в мысли Бога, которые реализуются в конкретной форме. Но древнему египтянину была очевидна лишь конкретная сторона его концепции. То, что Ка было творением его собственного разума, ни разу не приходило ему в голову. Оно имело реальное и существенное существование в мире богов и людей, хотя и не

было видимым для внешних органов чувств. Все, что он знал или о чем думал, имело своего двойника, и он никогда не подозревал, что это его собственный акт мысли, который привел его к появлению.

Виной тому снова был символизм. Снова символ был перепутан с тем, что он обозначал, и абстрактное было переведено в конкретное. Абстрактная идея личности превратилась в материальную вещь, к которой были приложены все атрибуты материальных объектов. Подобно "Имени", которое было силой с конкретной индивидуальностью, Ка было такой же индивидуальной сущностью, как и ангелы христианской веры.

Между ним и объектом или лицом, которому он принадлежал, существовало такое же отношение, как между понятием и словом. Одно предполагало другое. Пока человек не родился, его Ка не существовало; с другой стороны, это было Ка, которому он был обязан своим существованием. Но, появившись на свет, Ка было бессмертным, как и слово, которое, однажды сформировавшись, может существовать независимо от мысли, давшей [pg 050] ему рождение. Как только оно покидало тело, оно переставало жить и обретало жизнь и сознание только после воссоединения со своим Ка. Но пока тело оставалось безжизненным и бессознательным, Ка вело независимое существование, сознательное и живое.

Однако это существование было в некотором смысле таким же материальным, как и земное тело. Ка нуждался в пище и питье. Отсюда возникли подношения, которые совершались как мертвым, так и богам, у каждого из которых было свое Ка, которое, как и человеческое Ка, зависело от поступающей к нему пищи. Но это было Ка еды и Ка питья, которыми обязательно питалось Ка человека или бога. И хотя поначалу пищу и питье предоставляли верующие, египтяне под влиянием логики пришли к выводу, что модели еды и питья в камне, терракоте или дереве столь же эффективны, как и сами еда и питье. Такие модели были дешевле, их было легче достать, и, кроме того, они обладали тем преимуществом, что были практически нетленными. Поэтому постепенно они заняли место мяса и хлеба, пива и вина, которые когда-то складывали в гробницу покойника, и со времен Восемнадцатой династии и далее мы видим терракотовые лепешки, на которых написаны имена и титулы усопших, заменяющие погребальный хлеб.

Та же идея, которая привела к изготовлению этих фиктивных подношений, уже в ранние времена привела к появлению в гробнице статуй и изображений. В гробницах Третьей, Четвертой и последующих династий были найдены статуи очень высокого уровня. Не жалели усилий, чтобы сделать их говорящими подобиями мужчин и женщин, в чьи гробницы они были помещены; даже глаза были сделаны реалистичными с помощью инкрустации слоновой костью и обсидианом. Обычно статуи высекались из [pg 051] самого твердого, а потому и самого прочного камня, так что, когда труп умершего дряхлел до неузнаваемости, его каменная копия все еще представляла его таким же, каким он был при жизни. Но статуя имела свое Ка, как и человек, которого она изображала, и если бы сходство было точным, то Ка статуи и Ка человека были бы одним и тем же. Таким образом, Ка могло найти подходящую форму, в которую оно облекалось, когда хотело вернуться в гробницу и там питаться подношениями, сделанными мертвому благочестием его потомков. И даже если мумия погибнет, статуя останется для бездомного Ка. ¹⁸

Возможно, именно поэтому мы так часто находим несколько статуй мертвеца в одной гробнице. Чем больше статуй, тем больше шансов, что хотя бы одна из них доживет до того дня, когда Ка наконец-то вновь соединится со своим телом и душой. А жрецы Гелиополя обнаружили еще одну причину такой практики. С незапамятных времен к богу солнца Ра

обращались в виде семи его птицеподобных "душ" или духов, и теперь ему приписывалось вдвое большее число Ка, каждый из которых соответствовал качеству или атрибуту, которым он мог наделить своих поклонников.¹⁹ В иероглифике уже существовали символы для этих различных качеств, так что легко было рассматривать каждое из них как имеющее отдельное и конкретное существование, а значит, практически являющееся Ка.

Погребальная статуя и связанные с ней идеи, по-видимому, были характерны для Мемфиса и существовавшей там теологической школы. Во всяком случае, [pg 052] в Абидосе не было обнаружено подобных статуй в гробницах первых двух (тинитских) династий; они появляются с усилением мемфисского влияния при Третьей династии. А с исчезновением старой мемфитской империи они также имеют тенденцию к исчезновению. Беспокойное состояние Египта после падения Шестой династии не благоприятствовало искусству, и, вероятно, уже трудно было найти художников, способных хотя бы с приблизительной точностью имитировать черты мертвых.

Но при фиванских династиях появляется еще один вид изображений. Это были ушебти или "ответчики", сотни которых можно увидеть в большинстве музеев. Обычно это небольшие фигурки из синего или зеленого фарфора, под каждой рукой нарисована мотыга, а на спине - корзина. На них обычно начертаны имя и титулы покойного, а также нередко 6-я глава египетского погребального ритуала или Книги мертвых. Глава гласит следующее: "О эти ушебти, какую бы работу ни было предписано выполнить Осирифицированному на том свете, пусть все препятствия на этом пути будут разрушены для него, как он того пожелает! Узрите меня, когда вы зовете! Смотрите, как вы усердно трудитесь там каждый миг, засевая поля, наполняя каналы водой, перенося песок с запада на восток. Узрите меня, когда вы позовете!"

В этой главе объяснялось, для чего предназначались ушебти-фигуры. Прежде чем мертвец, оправданный верой в Осириса и собственными добрыми делами, мог быть допущен к полному наслаждению райскими полями, необходимо было, чтобы он показал, что достоин их, выполнив какую-то работу. Поэтому он был призван возделывать ту их часть, которая была ему отведена, обрабатывать землю и поливать ее из небесного Нила. Если бы он [pg 053] был крестьянином на земле, задача была бы легкой; если бы он, напротив, принадлежал к более богатым классам или не был привычен к сельскохозяйственному труду, она была бы тяжелой и утомительной. Однако благодаря доктрине Ка были найдены средства для облегчения этой обязанности. Родственники умершего хоронили вместе с ним несколько ушебти-фигурок, каждая из которых изображала феллаха с мотыгой и корзиной, и считалось, что их Ка, с помощью священных слов ритуала, поможет ему в работе. Иногда, для пущей уверенности, изображения разбивали, тем самым как бы кладя конец их земному существованию и освобождая их кас.

Когда гробница была закрыта, а мумия спрятана в недрах, необходимо было найти способ, с помощью которого Ка мог бы войти в обитель мертвых и съесть и выпить пищу, которая там хранилась. Ведь следует помнить, что Ка по своей природе был подвержен тем же ограничениям, что и человек, которого он представлял. Если не было двери, он не мог войти. От живого человека он отличался тем, что существовал в мире, в котором то, что для нас является притворством и картинками, было столь же конкретной реальностью. Следовательно, чтобы позволить Ка свободно входить в гробницу, достаточно было нарисовать ложную дверь на одной из ее стен; тогда Ка мог входить и выходить через дверь Ка, и таким образом вновь присоединяться к своей мумии или статуе, когда пожелает.

Эта ложная дверь, перед которой первоначально клали подношения мертвым, должна восходить к первобытному периоду египетской истории. Профессор Флиндерс Петри

показал, что она предполагает так называемое "знамя" египетских фараонов.²⁰ С первых дней расшифровки иероглифов было известно [pg 054], что помимо имени или имен, данных фараону при рождении и обычно носимых им при жизни, у него было еще одно имя, заключенное не в картуш, а в нечто, напоминающее знамя, над которым возвышался ястреб бога Хоруса. Однако на самом деле это было не знамя, а панель над ложной дверью гробницы, и имя, написанное на ней, было именем Ка фараона, а не самого фараона. Соответственно, это было имя, под которым его знали после смерти, имя, начертанное на предметах, погребенных в его гробнице, а также имя, под которым ему поклонялись как в этой жизни, так и в следующей. Как Горус или обожествленный вождь, покоривший древних жителей Египта и основавший фараонские династии, он должен был быть известен под именем своего Ка. Подданные обожали не столько фараона, сколько Ка фараона, а фараон был богом, потому что в его жилах текла кровь Гора.

В самых ранних из обнаруженных памятников фараонов почти всегда указывается только имя царя - Ка. Этот факт, несомненно, во многом объясняется их общим характером. За редким исключением они состоят из надгробий и другой погребальной утвари. Но предметы, найденные в фундаменте храма Нехена, также являются примером того же факта. Слияние между фараоном-человеком и фараоном-богом еще не было полным, по крайней мере на юге; божественным было его Ка, а не телесная оболочка, в которой оно пребывало некоторое время.

Соответственно, Ка занимает видное место в именах фараонов Старой империи, а священное искусство храмов продолжает древнюю традицию вплоть до новейших времен. Горус и боги Нила, например, преподносят Ка Амона-Хотепа III вместе с [pg 055] младенцем-принцем фиванскому богу; а в Солебе тот же фараон изображен приносящим жертвы своему двойнику.²¹ Действительно, нередко царь и его Ка отделены друг от друга и расположены рядом; а иногда Ка становится просто символом, установленным, как штандарт, у спины монарха.

Таким образом, именно Ка в ранний период египетской религиозной мысли особенно ассоциировался с божественной природой царя. Ассоциации идей способствовал тот факт, что боги, как и люди, имели каждый свое индивидуальное Ка. И в более древний период египетской истории объектом поклонения был прежде всего Ка бога, а не сам бог. Священным названием Мемфиса было *Ḥa-ka-Ptah*, "храм Ка Птаха", который в письменах Тель-эль-Амарны фигурирует как Хикуптах, и от которого греки произошли от *Aiguptos*, "Египет". Даже в последние века египетской независимости молитвы, обращенные к богу-быку Апису, в большинстве своем по-прежнему возносятся к его Ка.

Ка, по сути, представлялось живым принципом, вдохновляющим как богов, так и людей. Его отделение от тела означало то, что мы называем смертью, и жизнь могла вернуться только тогда, когда они воссоединялись. Это воссоединение могло произойти только в потустороннем мире, после того как прошли долгие годы и развоплощенный Ка пережил странный опыт. В 105-й главе "Книги мертвых" содержатся слова, которыми в день воскрешения приветствовали Ка. "Радуйся, - говорит мертвец, - тебе, который был моим Ка при жизни! Вот, я прихожу к тебе, я встаю блестящим, я тружусь, я [pg 056] силен, я бодр, я приношу зерна благовоний, я очищаюсь таким образом, и я очищаю таким образом то, что выходит от тебя". Затем следовали магические слова, с помощью которых отгонялось все зло: "Я - тот амулет из зеленого шпата, ожерелье бога Ра, который дается тем, кто находится на горизонте. Они процветают, я процветаю, мое Ка процветает, как и они, моя продолжительность жизни процветает, как и они, мое Ка имеет изобилие пищи, как и они. Весы равновесия поднимаются, Истина поднимается высоко к носу бога Ра в день, когда мое

Ка находится там, где нахожусь я (?). Моя голова и моя рука возвращены мне там, где я нахожусь (?). Я тот, чей глаз видит, чьи уши слышат; я не жертвенный зверь". Жертвенные формулы для высших небесных существ произносятся там, где я".

Как и следовало ожидать, Ка часто изображается с символом жизни в руках. В то же время важно помнить, что, хотя под одним из аспектов Ка был идентичен принципу жизни, в сознании египтянина он был отделен от последнего, так же как и от сознания и божественной сущности. Каждый из них был самостоятельной сущностью, которой Ка обладал так же, как и его человеческий аналог. Жизнь, сознание и связь с богами - все это были атрибуты Ка, но это были атрибуты, каждый из которых имел конкретное и независимое существование.

Вначале, несомненно, ка было практически идентично жизненному принципу. Первобытный человек не различает, как мы, одушевленное и неодушевленное. Он проецирует свою личность на вещи, которые видит вокруг себя, и приписывает им те же движущие силы, которые движут им самим. Он знает только один источник движения и активности, и этот источник - жизнь. Звезды, которые движутся по [pg 057] небосводу, стрела, летящая по воздуху, либо живые, либо направляются и одушевляются какой-то живой силой. Движение, по сути, подразумевает жизнь, а движущийся объект, каким бы он ни был, - это живое существо.

Старое убеждение или инстинкт все еще сильны в ребенке. Он мстит ударившему его мячу или камню, как будто тот тоже живое существо. В законе Моисея сказано, что "если вол разорвет мужчину или женщину, и они умрут, то вола непременно побить камнями"; и подобные наказания применялись к животным, ранившим человека, не только в Средние века, но даже в XVIII веке. Так, в 1266 году в Фонтене-о-Роз сожгли свинью за то, что она сожрала ребенка; а в 1389 году в Дижоне за убийство человека была привлечена к суду лошадь и приговорена к смерти. В Бразилии в 1713 году был подан иск против муравьев, которые зарылись под фундамент монастыря, и после того, как были выслушаны адвокаты обеих сторон, судья торжественно приговорил их к изгнанию; а в 1685 году колокол протестантской часовни в Ла-Рошели был сначала подвергнут бичеванию за пособничество ереси, затем катехизации и принуждению к раскаянию, и наконец [крещен22](#).

Первые египтяне были не более просвещенными, чем ортодоксальные богословы из Ла-Рошели. Для них тоже действие должно было подразумевать жизнь, а различие между объектом и субъектом еще не было осознано. Отсюда вера в то, что объекты, как и люди, имеют каждый свое Ка, - вера, которую укреплял тот факт, что все они одинаково отбрасывают перед собой тени, а также дальнейшая вера в то, что природа Ка в любом случае одинакова. Поэтому, кроме того, ушебти-фигуры и прочую погребальную утварь разбивали, чтобы их Ка могли освободиться от них и таким образом сопровождать [pg 058] Ка умершего человека в его странствиях по потустороннему миру. Как жизнь и сила движения покинули труп мертвеца, как только его Ка отделилось от него, так и Ка ушебти ушло из него, когда его форма была изуродована разломом. Жизнь, которая была в нем, уходила, как бы, в другой мир.

Возможно даже, что само слово Ка изначально было связано с корнем, означающим "жить". Во всяком случае, по написанию оно было идентично слову, обозначающему "пищу"; а о том, что произношение этих двух слов было одинаковым, можно судить по тому, что на египетских барельефах иногда изображают подношения пищи мертвым или богам в объятиях символа [Ka23](#). Если вспомнить, что *vivande* - это не что иное, как латинское *vivenda*, "то, на чем мы

живем", то возникает, по крайней мере, возможность этимологической связи между двойником и принципом жизни, который он когда-то [символизировал](#)²⁴.

В своих "Лекциях Хибберта о религии древних вавилонян" я указывал на то, что ранние шумерские жители Вавилонии придерживались верований, почти в точности совпадающих с верованиями египтян в отношении Ка. В Вавилонии также все имело своего Зи или "двойника", и природа этого Зи ничем не отличается от природы египетского Ка. Кроме того, как и в Египте, у богов, как и у людей и вещей, был свой Зи, и, как и в Египте, поклонялись в первую очередь Зи бога, а не самому богу. Сходство между [pg 059] двумя концепциями настолько заметно, что, разрабатывая вавилонскую, я не смог удержаться от убеждения, что между ними должна была существовать какая-то связь. Это было шестнадцать лет назад. С тех пор были сделаны открытия и выявлены факты, которые указывают на то, что между Вавилонией и Египтом так называемой доисторической эпохи действительно существовала связь, и заставили меня поверить, вместе с Хоммелем, де Морганом и другими, что Вавилония была родиной и колыбелью фараоновских египтян. В шумерском языке слово Zi означало "жизнь" и обозначалось изображением цветущего тростника. Это была жизнь, на которой отпечаталась форма тела, которое на время стало ее домом, и ее отделение от тела означало смерть последнего. Шумеры так и не дошли до дальнейшей стадии превращения самого жизненного принципа в отделяемое качество; возможно, этому помешало бы изначальное значение слова, которое они так и не утратили. Но они продолжили превращать Зи в духа или демона, который, вместо того чтобы быть аналогом какого-то отдельного человека или вещи, мог по своему желанию вселяться в любой объект, который он выбирал. Даже в Египте, возможно, можно найти следы такого же логического развития идей. Если профессор Масперо прав в своей интерпретации некоторых отрывков из текстов пирамид и папирусов Птолемея, то "Двойник не позволял своей семье забыть его, но использовал все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы напомнить им о своем существовании. Он входил в их дома и в их тела, пугал их, бодрствующих и спящих, своими внезапными появлениями, поражал их болезнью или безумием и даже высасывал их кровь, как современный [вампи](#)²⁵". Такое [pg 060] представление о Ка, однако, если оно когда-либо и существовало, должно было вскоре исчезнуть, оставив после себя лишь немногие остатки.

Я так долго останавливался на доктрине Ка или двойника как из-за ее важности, так и из-за трудностей, которые она представляет для современного ученого. Ее открытие профессором Масперо и сэром П. Ле Паж Ренуфом рассеяло множество заблуждений и пролило свет на один из самых темных уголков египетской [религии](#)²⁶. И какой бы странной она ни казалась нам, она полностью соответствовала простой логике первобытного человека. Из предпосылок следовал вывод. И только когда египтянин достиг прогресса в знаниях и культуре и принял новые идеи о собственной природе, трудности стали множиться, а теория Ка - усложняться.

Среди этих новых идей была и идея о Ху или "светящейся" части человека. На недавно обнаруженных памятниках раннего периода Кху занимает место, которое он потерял после усиления влияния мемфитов при Третьей династии. На надгробиях Абидоса мы находим его в объятиях согнутых рук Ка. Кху, таким образом, мыслился как заключенный в человеческом Ка, как его часть, но в то же время как отдельная сущность. По сути, он был душой человеческого Ка и, соответственно, символизировался хохлатым [ибисом](#)²⁷. Возможно, вначале это был не более чем фосфоресцирующий свет, испускаемый разлагающейся растительностью, который запоздалый [pg 061] путник принимал за призрак; джинны современного египетского феллаха - это похожие огни, внезапно вспыхивающие из-под земли. Но самые ранние примеры его использования на памятниках говорят против такого

неблагородного происхождения и скорее предполагают, что это был прославленный дух, который поднимался, как птица, на руках своего Ка к сияющему небесному своду. И только в упадочные времена греческого и римского периодов Ху предстает в уничижительной форме как злобный призрак, вселяющийся в тела живых, чтобы мучить их. В более древние времена следов такого верования не найти. В текстах пирамид говорится о "четырех Кху Гора", "живущих в Гелиополе" и являющихся одновременно мужчинами и женщинами, а также о Кху, которые бравируют своим оружием и образуют своего рода телохранителей вокруг бога мертвых. Их отождествляют с неподвижными звездами, особенно с звездами Большой Медведицы, а в эвмеристических хрониках египетской истории они становятся "манами" Манефо, полубожественной династией, которая находилась между династиями богов и людей.²⁸

Таким образом, Ху образует связь между людьми и богами и участвует в божественной природе. Это душа, рассматриваемая как богоподобная сущность, спускающаяся с небес, а не восходящая к ним. Она не только развоплощена, но и больше не нуждается в теле; она принадлежит Ка, который все еще живет и движется, а не мумифицированному труп, из которого улетучилась жизненная искра. Оно ждет бога мертвых, а не самих мертвецов.

Поэтому кажется вероятным, что в той части Египта, где развивалась доктрина Ху, мумификация не практиковалась; и эта вероятность подкрепляется тем фактом, что до прихода Третьей династии [pg 062] бальзамирование в Верхнем Египте, очевидно, не было частым явлением, даже в случае с царями. Но, как бы то ни было, одно несомненно. Концепция Ху не могла возникнуть в той же части страны или, возможно, среди того же элемента населения, что и параллельная, но полностью противоречивая концепция, которая в конечном итоге получила преобладание. Согласно этой концепции, нетленной частью человека, которая, как и Ка, переходила после смерти в мир иной, была Ба или "душа". Как и Кху, Ба изображался в виде птицы, но птице обычно давали человеческую голову, а иногда и человеческие руки.²⁹ Но если Кху был по сути божественным, то Ба - по сути человеческим. Правда, ба, как и кху, приписывались богам - Ра из Гелиополя даже приписывали семь; но если человек обладал кху, или светлой душой, потому что был уподоблен богам, то боги обладали ба, потому что были уподоблены людям.

Взаимосвязь между этими двумя понятиями очень четко прослеживается в философии так называемых Герметических книг, которые пытались перевести теологию Египта на язык греческой мысли. Там нам говорят, что Ху - это интеллект (νοῦς), оболочкой которого является Ба, или душа (ψυχή). Пока душа заключена в земной обители тела, интеллект лишен огненного одеяния, в которое он должен быть облачен, его яркость приглушена, а чистота запятнана. Смерть тела освобождает его из темницы; он снова взлетает на небо и становится духом (δαίμων), а душа переносится в зал суда, где ее ждет наказание [pg 063] или счастье в соответствии с ее заслугами.³⁰ Ху, другими словами, - это искра божественного интеллекта, который пронизывает мир и к которому он должен вернуться; Ба - это индивидуальная душа, которая должна ответить после смерти за деяния, совершенные в теле.

Для изображения Ба обычно выбирали птицу ржанку, но иногда ее место занимал ястреб, символ Гора и солнечных богов. То, что душу уподобляли птице, вполне естественно, и мы встречаем ту же или подобную символику у других народов. Подобно птице, она летала между землей и небом, не ограниченная телом, с которым когда-то была связана. Время от времени она навещала свою мумию, в другое время она обитала с богами наверху. Время от времени, как гласят надписи, он прилетал на ветви сада, который разбил для себя при жизни, охлаждался под платанами и питался их плодами. Ведь Ба был не более

нематериален, чем Ка; он тоже нуждался в мясе и питье для пропитания и обращался к своим родственникам и потомкам, чтобы обеспечить их.

Но, как отмечает профессор [Масперо](#)³¹, между идеей Ка, или двойника, и идеей Ба, или души, было очень реальное и фундаментальное различие. Изначально Ка питался реальными приношениями, которые клали в гробницу умершего; он входил в нее через ложную дверь и потреблял пищу, которую там находил. Но душа возносилась к богам на небеса; она жила при свете дня, а не во тьме гробницы; и сомнительно, что она когда-нибудь должна была туда вернуться. Соответственно, боги должны были заботиться о Ба и следить за тем, чтобы она была должным образом обеспечена. Силой молитв и [pg 064] магических заклинаний различные предметы пищи, или, говоря более строго, их двойники, отождествлялись с богами и передавались богами душе. Задолго до того, как были составлены тексты пирамид, эта теория питания души была применена и к питанию Ка, и старая вера в материальную еду и питье Ка ушла в прошлое. Все, что от нее осталось, - это привычное подношение пищи мертвым, обычай, который до сих пор сохраняется среди феллахинов Египта, как мусульман, так и коптов.

Помимо двойника и двух душ, в человеческом теле был еще один бессмертный элемент. Это было сердце, место обитания чувств и разума. Но не материальное сердце, а его нематериальный двойник переходил после смерти в мир иной. Материальное сердце аккуратно извлекали из мумии и вместе с остальными кишками обычно бросали в Нил. [Порфирий](#)³² рассказывает, что в его время, когда тела богатых людей бальзамировали, египтяне "вынимали желудок и клали его в сундук, и, держа сундук на солнце, протестовали, один из бальзамировщиков произносил речь от имени умершего". Эта речь, которую Евфантос перевел со своего родного языка, звучит следующим образом: "О владыка Солнце и все вы, боги, дающие жизнь человеку, примите меня и сделайте спутником вечных богов. Ибо богов, о которых мне поведали мои родители, я почитал, пока жил в этом мире, и тех, кто родил мое тело, я всегда почитал. Что же касается других людей, то я никого не убивал, не обманывал вверенного мне имущества и не совершал никаких других злодеяний; если же я случайно совершил в своей жизни какой-нибудь грех, [pg 065] съев или выпив то, что было запрещено, то не сам я согрешил, а благодаря этим членам", - при этом он показывает сундук, в котором находился желудок. Сказав это, он бросает его в реку, а остальное тело бальзамирует как чистое. Так они думали, что им нужно оправдаться перед Богом за то, что они ели и пили, и поэтому так укоряли желудок "³³.

Однако время от времени сердце и кишки заменяли в мумии, но под защитой восковых изображений четырех джинов мертвых - четырех Ху из Книги мертвых. Чаще всего их помещали в четыре вазы из алебаstra или другого материала, которые хоронили вместе с умершим.³⁴ Хотя последняя практика была не очень распространена, вероятно, из-за дороговизны, она должна восходить к самым истокам египетской истории. Иероглифический символ сердца - это как раз одна из таких ваз, а одно из двух названий, применявшихся к сердцу, было ḥati, "то, что принадлежит вазе". В последующие века даже пытались провести различие между ab "собственно сердцем" и ḥati "мешком с сердцем" ³⁵.

Со времен Двенадцатой [династии](#)³⁶ место материального сердца в мумии занял амулет, под воздействием которого, как предполагалось, труп был защищен от всех опасностей и неудобств, связанных с потерей [pg 066] сердца, до дня воскрешения. Амулет был выполнен в форме жука или скарабея, эмблемы "становления" или превращения, а на нижней стороне его часто была начертана 30-я глава Книги мертвых, словам которой приписывался магический эффект. Глава гласит следующее: "О сердце (ab) моей матери, о сердце (ḥati) моих превращений! Пусть не будет для меня никаких препятствий в доказательствах (перед

судьями мертвых), никаких помех со стороны Сил, никаких отталкиваний от меня в присутствии хранителя весов! Ты - мой Ка в моем теле, бог Хнум, который делает сильными мои конечности. Приди в то доброе место, куда мы направляемся. Пусть наше имя не будет низвергнуто владыками Аида, которые заставляют людей стоять прямо! Хорошо нам, да хорошо слышать, что сердце велико (и тяжело), когда взвешены слова (жизни)! [37](#) Пусть не будет произнесена ложь против меня перед Богом. Как велик Ты!"

Тем временем нематериальное сердце, "Ка" его, к которому обращены только что процитированные слова, совершало свой путь через область потустороннего мира, пока наконец не достигло места, известного как "Обитель сердец". Здесь, в зале суда Осириса, оно встречалось с умершим человеком, которому ранее принадлежало, и здесь же обвиняло его во всех злых словах и мыслях, которые он вынашивал при жизни, или свидетельствовало о добрых мыслях и словах, автором которых он был. Ибо сердце, хотя и было органом, через который действовали его мысли и слова, не было их причиной; по своей природе оно было чистым и божественным, и оно было невольным свидетелем грехов, которые ему пришлось познать. В конце концов она была взвешена на весах против образа Истины, и только если веса повернулись в пользу умершего, она смогла воссоединиться со своим прежним телом и жить с ним вечно на островах блаженных.

Однако весы и судейский зал относятся к религиозным представлениям, сложившимся вокруг имени Осириса, как и рай, которым с нетерпением ожидала насладиться воскресшая мумия. Только после того, как поклонение Осирису стало всеобщим по всему Египту, а более древние или местные представления о будущей жизни были приспособлены к ним, египтянин мог говорить о встрече со своим развоплощенным сердцем или о свидетельстве, которое оно может дать за или против него перед судьями мертвых. Тот факт, что использование скарабея, похоже, не простирается дальше эпохи Мемфитской или Фиванской династий, может означать, что только тогда осирийские верования были официально закреплены за более ранними формами веры. Как бы то ни было, поклонение Осирису и связанные с ним верования следует оставить для другой лекции, а пока мы должны перейти к самой мумии, последней части человека, которая, как надеялись, будет бессмертной.

Мумию, или *Sâhu*, следует тщательно отличать от *Khat*, или естественного тела. Последнее было всего лишь мертвой оболочкой, которую видела душа, но которая не давала ей покоя. Мумия же, напротив, содержала в себе семена роста и воскрешения. Ее могла посетить душа и на несколько мгновений вдохнуть в нее жизнь, и египтянин с нетерпением ждал того времени, когда она вновь воссоединится со своим сердцем и душой и восстанет из мертвых.

Невозможно сказать, как далеко в историю египетской религии уходит эта вера в бессмертие мумии. Вряд ли она могла возникнуть в том же кругу идей, что и доктрина Ка, хотя доктрину Ка можно было бы легко примирить [pg 068] с ней. С одной стороны, она, как мы увидим, связана с культом Осириса; но, с другой стороны, в доисторических могилах нет следов мумификации, и сомнительно, что они есть в царских гробницах Негады и Абидоса, относящихся к эпохе Первой и Второй династий. В любом случае, скарабей, сопровождавший бальзамирование, впервые появляется гораздо позже и, возможно, имеет мемфитское происхождение. Однако есть основания полагать, что процесс бальзамирования впервые возник среди доменикских правителей Нехена, расположенного по соседству с Эль-Кабом. Почва Эль-Каба буквально истекает натроном, который, как было обнаружено, сохранял тела, погребенные в ней; и даже во времена текстов пирамид Пятой и Шестой династий, когда были известны северные источники натрона, для церемониальных

целей все еще было необходимо, чтобы материалы, используемые бальзамировщиком, содержали немного натрона из [Эль-Каба](#)³⁸.

С верой в воскрешение мумии трудно было согласовать веру, которая делала воскресшего человека "Осирисом", то есть отождествляла его по существу с богом Осирисом, а не с его прежней материальной сущностью. Поэтому в те дни, когда греческая философия взяла на себя труд систематизировать и интерпретировать теологию Египта, воскресшая мумия исчезла из поля зрения. Ху, как мы уже видели, становится божественным интеллектом, который на время воплощается в человеческой душе; и она снова нуждается в оболочке духа, который посылает дыхание жизни по венам, прежде чем сможет поселиться в теле человека. Герметические книги говорят нам [pg 069], что, хотя тело, дух и душа являются общими для человека и животных, божественный интеллект принадлежит только ему, лишенный, правда, своей родной оболочки из бесплотного огня, но все же являющийся подлинным духом Бога. Он вечно стремится возвысить человеческую душу и очистить ее от страстей и желаний, которые внушает ей тело. Но плоть ведет против нее непрерывную войну, пытаясь низвести душу до своего уровня. Если душа уступает, то после смерти интеллект возвращается в свое первоначальное состояние, а душа предстает перед небесным судилищем и, обвиненная совестью, сердцем, обрекается на наказание погибших. Сначала ее бичуют за грехи, а затем отдают на растерзание бурям, подвешивая между землей и небом. Временами в виде злого демона он ищет облегчения своих мук, вселяясь в тело человека или животного, которых он доводит до убийства и безумия. Но наконец, после долгих лет страданий, приходит конец; она умирает второй смертью и уничтожается навсегда.

Добрая же душа, которая при жизни прислушивалась к голосу божественного разума и боролась с похотями и страстями плоти, после смерти получает свою награду. Ведомый интеллектом, он путешествует по космосу, познавая тайны Вселенной и постигая то, что для нас здесь темно и загадочно. В конце концов его обучение в потустороннем мире завершается, и он получает возможность увидеть Бога лицом к лицу и потерять себя в Его неизреченной славе.

Мне нет нужды указывать вам на то, как глубоко эта эллинизированная философия Египта повлияла на религиозную мысль христианской Александрии, а через Александрию - и христианской Европы. Возможно, ее следы можно обнаружить даже в Новом Завете. Во всяком случае, [pg 070] большая часть психологии христианских богословов явно заимствована из нее. Мы все еще находимся под влиянием идей, чья первая родина была в Египте, и чье развитие было делом долгих веков. Истинные или ложные, они являются частью наследия, завещанного нам прошлым.

[pg 071]

Лекция IV. Бог-Солнце и Эннеада.

В прошлой лекции, говоря о форме, в которой египтяне изображали душу человека, я упомянул, что ее часто представляли в виде ястреба, символа бога-солнца. Почему ястреб должен был символизировать солнце - вопрос, который часто задавали. Египтяне сами не

знали; и Порфирий, в дни умирания старой египетской веры, серьезно заявляет, что это потому, что ястреб был соединением крови и дыхания! Одно из объяснений заключается в том, что ястреб слетает с неба, как лучи солнца, на которые он, подобно орлу, может смотреть не мигая; в пользу этого мнения говорит отрывок из "Одиссеи" Гомера (хв. 525), где ястреб назван "быстрым вестником Аполлона". Но если между гомеровским отрывком и египетским символом и есть какая-то связь, то это свидетельствует лишь о том, что символ был заимствован греческим поэтом. Изначально, более того, только бог солнца Верхнего Египта изображался египтянами в виде ястреба.

Это был Горус, которого в поздних текстах часто называют "Гором старшим" (Hog-ur, греч. Aroêris), чтобы отличить его от совершенно другого бога, Гора младшего, сына Исиды. Его символ, ястреб, встречается на ранних фараонских памятниках, которые были обнаружены в результате недавних раскопок. Иногда ястреб стоит [pg 072] на так называемом штандарте, который на самом деле является насестом, иногда на круге с кренделями, который обозначал город в те первобытные времена. Штандарт носят перед фараоном, представляя одновременно его собственный титул и ном или княжество, над которым он властвовал; а его сходство с каменными птицами, сидящими на подобных опорах, которых мистер Бент нашел в руинах Зимбабве, наводит на мысль о связи между доисторическими золотодобытчиками Центральной Африки и ранними жителями Южного Египта. На одном из раннеегипетских памятников, обнаруженных в Абидосе, два ястреба стоят над стеной города, который, по-видимому, носит название "город царей" [39](#), а шиферная табличка, найденная г-ном Квибеллом в Ком-эль-Аммаре, изображает фараона Нехена, осматривающего обезглавленные тела своих врагов с двумя ястребами на штандартах, которые несут перед ним, а с другой стороны ястреб ведет к нему упряжку "Север" под видом пленника, через губы которого пропущено [кольцо](#)[40](#). В первом случае ястребы могут представлять районы, покровителем которых был бог, которого они [символизировали](#)[41](#); во втором случае бог и царь должны быть отождествлены вместе. Именно как ястреб Хорус фараон покорил северных египтян, и именно Хорус, следовательно, отдал их в его руки.

Если доктор Навиль прав, то бог-ястреб Горус снова изображен на той же табличке с символом "последователь" над лодкой, которая выгравирована над телами обезглавленных убитых.[42](#) В пользу этого мнения говорит рисунок на скалах близ Эль-Каба, на котором картуши двух царей Четвертой династии, Шару и Хуфу, перенесены в лодки, на носках которых сидит ястреб, а над каждым именем - два других ястреба, стоящие на иероглифе "золото" и с коронами Верхнего и Нижнего Египта на головах. Титул "последователь Гора" отсылает нас к самым ранним традициям египетской истории. Последователи Гора", согласно поздним текстам, были предшественниками Менеса и Первой династии объединенного Египта, фараонами и князьями Южного царства, чьи имена были забыты в последующие времена. Тем не менее, помнили, что они основали великие святилища страны; так, надпись в Дендере гласит, что в правление царя Пепи из Шестой династии в стене дворца был найден пергамент, на котором был нарисован план храма во времена "последователей Хоруса". Легенды Эдфу рассказывали, как эти последователи Гора были кузнецами, вооруженными железным оружием, и как они гнали перед собой врагов своего вождя, пока не овладели всем Египтом.[43](#) [pg 074] Но прежде чем это было достигнуто, потребовалось много тяжелых сражений. Снова и снова враг был разбит - в Задмите близ Фив, в Нетер-Хаду близ Дендеры, в Минии, в Бехнесе и Ахнасе на границе Файюма и, наконец, в Зару на азиатских границах Дельты. Однако и здесь борьба не была закончена. Гору и его последователям пришлось сесть на корабль и преследовать врага по Красному морю, нанеся ему последний удар у Береники, после чего он с триумфом вернулся через пустыню в Эдфу.

В этой легенде, которая в своем нынешнем виде не старше эпохи Птолемеев, вероятно, сохранились отголоски постепенного завоевания Египта первыми последователями фараонов, хотя они и были объединены с совершенно другим циклом мифов, связанных с вечной борьбой между Гором, сыном Исида, и его братом-близнецом Сетом. Но путаница между двумя Горами возникла, видимо, в ранние времена. Уже царь Третьей династии, чьи останки были найдены в руинах Нехена и который носил титул того, "кто прославлен двумя скипетрами, в ком соединены два бога Гора", имел над своим именем коронованные эмблемы Гора и Сета.⁴⁴ Титулы цариц мемфитских династий ясно показывают, что под двумя Горами подразумеваются два царства - Верхний и Нижний Египет, и поэтому мы должны видеть в Горе и Сете символы Юга и Севера.⁴⁵

На наскальном рисунке к югу от Эль-Каба, на который я ссылался несколько минут назад, два ястреба Гора стоят на символе "золота", один из них носит корону Южного Египта, другой - Северного. Золотой Горус" был, по сути, одним из титулов, принятых [pg 075] фараоном в ранние времена. Был ли эпитет, примененный к богу, первоначально обозначением золотого цвета крыльев воробьиного ястреба, или, что более вероятно, он обозначал золотого Горуса-ястреба, который следил за судьбами царей Верхнего Египта в их древней столице Нехене, сейчас сказать невозможно.⁴⁶ Более поздние эпохи объясняли его как отсылку к золотым лучам утреннего солнца.

Во времена Четвертой династии этот титул в равной степени относился как к имени Ка или смерти, которое давали фараону после его смерти, так и к живому имени, которое давали ему при рождении в этот мир. Ястреб Горуса, без символа "золота", возвышался, насколько нам известно, только над именем Ка. Это был двойник фараона, а не сам фараон, в котором воплотился бог. Хорус приводит пленного северянина к царю и руководит его царством, но на самом деле он наблюдает только за царским Ка.

В Нехене Горус-ястреб, которому был посвящен город, изображался в виде мумии. Возможно, именно здесь впервые был использован натрон из Эль-Каба для сохранения мертвого тела от разложения, и предполагалось, что Горус будет погребен в нем, как Осирис в Абидосе. Во всяком случае, между мертвым и мумифицированным Гором и Гором, который стоит над именем двойника фараона, явно прослеживается связь. Поэтому вполне вероятно, что отождествление Гора с царями Верхнего Египта зародилось в Нехене. Горус-ястреб был знаком, под которым они сражались и правили; именно Горус вел их к победе, [pg 076] и во имя которого фараоновские египтяне с их оружием из металла победили неолитическое население Нила.

То, что Горус, соответственно, в той или иной форме стал богом-покровителем стольких княжеств в Южном Египте, ничуть не удивительно.⁴⁷ Он представлял фараоновских египтян; и когда они продвигались на север, покоряя более древних жителей страны, они несли его поклонение с собой. В Гелиополе его почитали как Хор-эм-Хути или Хармахиса, "Гора, выходящего из двух горизонтов", и отождествляли с Ра, богом солнца, покровителем города. Его изображение до сих пор можно увидеть в сфинксе в Гизе с человеческой головой и львиным телом. В Эдфу, где, по-видимому, впервые обосновались фараонские захватчики, ему поклонялись как Хор-бе-худету в виде крылатого солнечного диска, представляющего собой сочетание солнечной сферы с крыльями [ястреба](#)⁴⁸. Легенда, начертанная на стенах храма и представляющая собой любопытную смесь фольклора и ложной этимологизации, составленную по моде Лемприера жрецами эпохи Птолемеев, [pg 077] точно знает, когда именно появилась эта эмблема бога. Это было в триста шестьдесят третьем году правления Ра-Хармахиса на земле, когда он бежал от восставших против него в Нубии и высадился в Эдфу. Здесь местное божество Хор-беудет воздал почести своему сюзерену и взялся

уничтожить его врагов. Но сначала он взлетел к солнцу "в виде большого крылатого диска", чтобы узнать, где они находятся. Затем в своем новом облике он вернулся в лодку Хармахиса, и там Тот обратился к Ра, сказав: "О владыка богов, бог Эдфу (Бехудет) явился в виде большого крылатого диска: отныне он будет называться Хор-бехудет". Именно после этого Горус из Эдфу и его последователи, "кузнецы", поразили врагов от южной до северной границы Египта.

Легенда, или, скорее, прозаический вымысел, в котором она воплотилась, была сочинена, когда первоначальный характер Гора был давно забыт, а бог солнца из Гелиополя стал доминирующим богом Египта. Она относится к эпохе теологического синкретизма, когда боги Египта переходили один в другой, как цвета в калейдоскопе, и превращались в неосязаемые и постоянно меняющиеся формы Ра. Но это свидетельствует об одном факте - о древности поклонения Гору из Эдфу и эмблеме, которая была связана с ним. Крылатый солнечный диск является частью его ранней истории.

Этот факт трудно согласовать с мнением профессора Масперо, что Горус изначально был небом, и он свидетельствует в пользу общего мнения египтологов, что он с самого начала был богом солнца. Таково, во всяком случае, было мнение самих египтян в более поздний период их истории. В текстах пирамид Горус уже предстает как солнечное божество, и только как бог солнца можно [pg 078] объяснить его отождествление с фараонами. Не небо, а солнце следило за именами своих двойников. Правда, два глаза Гора считались солнцем и луной, а каламбурная этимология, связывающая его имя со словом *her* или "лицо", привела к тому, что его стали изображать как лицо неба, четыре локона волос которого были четырьмя кардинальными точками. Но этимология эта поздняя, и понять, как солнечный и лунный диски можно назвать глазами бога-солнца, не сложнее, чем понять, как от него отличался крылатый диск или как даже в современной фразе "глаз" может использоваться как синоним всего человека. Когда мы говорим о "глазе Божьем", мы имеем в виду самого [Bora49](#).

Есть, однако, один недавно обнаруженный памятник, который можно утверждать в поддержку теории профессора Масперо. Над ястребом Гора, который возвышается над именем царя Третьей династии, найденным в Нехене, находится иероглиф неба. Но объяснение этому найти несложно. С одной стороны, иероглиф охватывает ястреба, как небо охватывает солнце; с другой стороны, он дает произношение имени Гора, а небо по-египетски - это *her* или *hor*, "высокий" и вознесенный. А имя Хор-эм-Хути или Хармахис, "Горус, выходящий из двух горизонтов", должно быть, столь же древнее, как и памятник Нехена. Что представляли собой эти два горизонта, показывает нам иероглиф, изображающий их. Это были горы-близнецы, между которыми солнце появляется на рассвете, и между которыми оно снова проходит на закате.

[pg 079]

Иероглиф относится к самому началу истории фараоновского Египта. Возможно, он был принесен фараонскими переселенцами с их старой родины на Востоке. По крайней мере, обращает на себя внимание тот факт, что в шумерском языке первобытной Вавилонии горизонт назывался *kharra* или *khurra* - слово, которое буква в букву совпадает с именем Гора. Конечно, этот факт может быть случайным, и имя египетского бога действительно может происходить от того же корня, от которого произошло слово "небо", означающее "быть высоким". Но представление о горах-близнецах, между которыми бог солнца появляется каждое утро и между которыми он снова проходит с наступлением ночи, имеет вавилонское происхождение. На ранних вавилонских печатях-цилиндрах мы видим, как он входит в дверь, две створки которой откинута назад стражниками по обе стороны гор, а лучи

славы падают вверх с его плеч. На шумерском языке эти горы назывались Мас, "близнецы"; великий эпос Халдеи повествовал о том, как герой Гильгамеш пробирался к ним через пустыню, в страну тьмы, где люди-скорпионы, чьи головы возносятся к небу, а груди опускаются в ад, следили за восходом и заходом солнца. Трудно поверить, что такое представление о горизонте могло возникнуть в Египте. Там Дельта - плоская равнина, где нет ни одного холма, а в долине Верхнего Египта нет ни высоких гор, ни пиков-близнецов.

Самого Гора, как я полагаю, можно найти в вавилонских надписях. Изредка в них упоминается бог Хар или Хур, а в договорах времен Хаммурапи (2200 г. до н. э.) мы находим имя Аби-Хар, "мой отец - Хар". Но в эпоху Хаммурапи происходило взаимодействие между Вавилонией и Египтом, и поэтому бог Хар или Хор, вероятно, [pg 080] заимствован из Египта, так же как, по сообщению печати-цилиндра, это произошло с Анупу или Анубисом.⁵⁰

Но хотя имя Хар или Хур было и должно оставаться египетским, у Горуса много общего с вавилонским богом солнца Нин-ипом. Оба они - боги-воины; и как последователи Гора были работниками по железу, так и Нин-ип был богом железа. Кроме того, один из его титулов - "южное солнце", а на пограничном камне орел, стоящий на жердочке, назван "символом южного солнца"⁵¹.

Богиня, с которой ассоциировался Горус из Нехена, была Нехеб с головой стервятника. Ее храм стоял напротив Нехена в Эль-Кабе на восточном берегу Нила, в конце длинной дороги, которая вела через пустыню от Красного моря. Он был одновременно и святилищем, и крепостью, защищавшей Нехен на востоке. Но Нехеб была богиней не только Нехена, но и всего Южного Египта. Мы находим ее в самых ранних надписях на священном острове Сехель в Катаракте, где она отождествляется с местной богиней Сати. Мы снова находим ее в Фивах под именем Мут, "мать". Ее главенство, по сути, восходит к тем временам, когда Нехен был столицей юга, а его богиня, соответственно, разделяла с ним привилегии господства. Когда Нехен вновь занял положение небольшого провинциального города, Нехеб также участвовала в его упадке. При фиванских династиях, правда, имя Мут из Карнака стало почитаться во всем Египте, но ее происхождение к тому времени было забыто. Египтянин, приносивший свои подношения Мут, никогда [pg 081] не понимал, что за маской Мут скрываются черты Нехеба из Нехена.

Однако Мут продолжала носить облик стервятника, а титулы, принятые царем, хранили воспоминания о том времени, когда Нехеб была богиней-покровительницей южного царства. Со времен Менеса и далее в титуле "царь Верхнего и Нижнего Египта", в то время как змея Узита символизировала север, гриф Нехеб символизировал юг. Временами, правда, урей Узита переносился на Нехеба; но это происходило в эпоху, когда он стал означать "богиню", а ястреб Гора - "бога". Однако с древнейших времен растение, обозначавшее юг и являвшееся частью царского титула, использовалось при написании ее имени. Она была "южанкой", владычицей юга, как и ее супруг, мумифицированный Горус, был его повелителем.

Эвemerические легенды Эдфу сделали Гора верным вассалом своего повелителя Ра Хармахиса из Гелиополя. Но с исторической точки зрения отношения между двумя богами должны были быть обратными, и сами легенды содержат напоминание о том, что так оно и было. Описывая победоносное шествие Гора и его последователей на север, они рассказывают, как он пробирался мимо Гелиополя в Дельту и даже основал одну из своих "кузниц" на самых восточных ее границах. Цари Хоруса из Верхнего Египта стали хозяевами северного царства, введя в него божественного ястреба, которому они поклонялись, и титул Хорус над своими именами.

Бог солнца из Гелиополя, как и боги Вавилонии, изображался в виде человека, а не ястреба. Он был известен как Тум или Атму, который в более поздние времена религиозного синкретизма отличался от других форм солнечного бога как олицетворение заходящего солнца. [pg 082] Но Тум был личным именем бога солнца; само солнце называлось Ра. Со временем атрибуты бога были перенесены на солнце; Ра тоже стал божественным и, будучи сначала синонимом Тума, в конце концов превратился в самостоятельное божество. В то время как Тум олицетворял заходящее солнце, Ра обозначал бога-солнце во всех его формах и проявлениях. Таким образом, он был призван стать общим богом всего Египта, с которым могли отождествляться различные местные боги солнца, теряя в нем свою индивидуальность. Слово "Ра" означало "солнце" на всех диалектах страны, и именно отсутствие теологических ассоциаций сделало его отправной точкой нового этапа религиозной мысли.

Только после прихода к власти Двенадцатой династии в Гелиополе был построен специальный храм Ра.⁵² До этого времени Ра довольствовался тем, что делил с Тумом древний храм города, или, скорее, поглотил Тума в себя и таким образом стал его фактическим владельцем. Но его религиозное значение уходит корнями в доисторические времена. Храм в Гелиополе стал центром теологической школы, оказавшей огромное влияние на официальную религию Египта. Именно здесь было организовано поклонение солнцу и впервые разработана доктрина творения путем порождения или эманации; здесь же главные боги государственной религии были сформированы в группы по девять человек⁵³.

Учению об этих Эннеадах или группах из девяти богов суждено было сыграть важную роль в официальном вероучении. Из Гелиополя она распространилась в другие части Египта, и в конце концов в каждом из великих святилищ появилась своя [pg 083] Эннеада, сформированная по образцу гелиопольской. В Гелиополе цикл из девяти верховных богов включал Шу и Тефнут, Себ и Мут, Осириса и Исиду, Сета и Небхата - четыре пары, произошедшие путем последовательных актов порождения от Тума, изначального бога ному. Объяснением и анализом Эннеады мы обязаны профессору Масперо, который впервые прояснил ее происхождение⁵⁴.

Тум, который всегда изображается в человеческом облике, был древним богом солнца и покровительствующим божеством Гелиополя. Ему приписывалось сотворение мира, как и каждому из других ному - их главному богу. Но если в Катаракте создатель был гончаром, лепившим вещи из глины, или в Мемфисе - художником, высекавшим их из камня, то Тум вызвал к жизни вселенную как отец и генератор. В "Книге мертвых" о нем говорится, что он "создатель небес, создатель (всех) существований, породивший все, что есть, родивший богов, создавший самого себя, владыка жизни, дарующий богам силу молодости". Его происхождение, однако, было найдено в Ну, первобытной бездне вод, хотя возможно, что профессор Масперо прав, считая, что Ну на самом деле обязан своим существованием богине Нут, и что он был введен в космогонию Гелиополя под влиянием азиатских идей. Как бы то ни было, Шу и Тефнут, которые непосредственно исходили от него, очевидно, представляли воздух. Более позднее искусство изображало их в азиатском стиле в виде львов-близнецов, сидящих спина к спине и поддерживающих между собой восходящее или заходящее солнце.⁵⁵ Но старая [pg 084] легенда описывает Шу как поднявшего небеса над землей, где он до сих пор держит их подвешенными над собой, как греческий Атлас. Текст в Эсне, который отождествляет его с Хнумом, описывает его как поддерживающего "пол неба на его четырех опорах" или кардинальных точках; "он поднял Нут и поместил себя под ней,

как большой столб воздуха". Тефнут, его сестра-близнец, была северным ветром, который дарит миру свежесть и бодрость.

Следующей парой в гелиопольской эннеаде были Себ и Нут, земля и небосвод, которые произошли от Шу и Тефнут. Затем шли Осирис и Исида, дети земли и неба, и, наконец, Сет и Небхат, один - представитель пустынной земли, в которой ставили свои палатки азиатские кочевники, другой - цивилизованной египетской семьи, во главе которой стояла Небхат, "владычица дома". По образцу этой Эннеады впоследствии были сформированы две другие второстепенные Эннеады.

Но только ее первый отец и генератор был богом нома, в котором стоял храм Гелиополя. Производные от него божества в жреческой космогонии были взяты из других мест. Это были либо элементарные божества, такие как Шу и Себ, либо божества, поклонение которым уже распространялось по всему Египту, например Осирис и Исида. Богиня Небхат, похоже, была придумана для того, чтобы дать Сету сестру и супругу; возможно, и Тефнут первоначально появилась по той же причине.

Созданная Эннеада была с готовностью принята другими номами Египта. Она давала простой ответ на первый вопрос первобытного человечества: каково [pg 085] происхождение мира, в котором мы рождаемся? Ответ вытекал из опыта самого человека; поскольку он родился в мир, то естественно было предположить, что и сам мир был рожден. Создатель должен был быть отцом, а в стране, где женщина занимала важное место в семье, - и матерью. Хотя Тум продолжал изображаться в виде мужчины, жена ему не полагалась; отец и мать в нем были едины.

Невозможно не вспомнить о подобных верховных богах в семитских царствах Азии. Ассирийский Асшур был [безмужним](#)⁵⁶; таким же был и Хемош из Моава. На этом аналогии не заканчиваются. Творение через поколение было специфически семитской или, скорее, вавилонской доктриной. Вавилонский эпос о сотворении мира начинается с описания порождения мира из Мумму или Хаоса. Причем порождение происходит по парам, как в Гелиопольской эннеаде. Сначала Мумму, единый первоисточник всего сущего; затем Лахму и Лахаму, которые соответствуют Шу и Тефнут; далее Ансар и Кисар, небосвод и земля; и, наконец, три великих бога, которые правят нынешним миром. От одного из них, Эа, владыки глубин, родился бог солнца Бел-Меродах.

Между вавилонской и египетской схемами различия незначительны. В Гелиопольской эннеаде Тум, потомок Ну, занимает место Мумму, водного хаоса; но это потому, что он был богом государства, и поэтому его нужно было сделать творцом и поставить во главе богов. Он просто вставляет еще одно звено в цепь порождения, отделяя Ну от двух элементарных божеств, которые в вавилонской схеме происходили непосредственно от него. Ведь Ну был [pg 086] точным эквивалентом вавилонского Мумму. Оба они обозначали тот водный хаос, из которого, как считалось, произошли все вещи. И что делает этот факт еще более примечательным, так это то, что хотя представление о первобытном водном хаосе было естественным в Вавилонии, в Египте оно было иным. Вавилония омывалась водами Персидского залива, из которого вышел бог глубин Эа, принеший с собой элементы культуры, и волны которого временами гневно бушевали и затопляли берег. Но исторические египтяне жили на берегу реки, а не моря; это была река, чье движение было регулярным и поддавалось расчету, и которая даровала им все те блага, которыми они пользовались. Отнюдь не будучи олицетворением хаоса и неразберихи, Нил был для них автором всех благ. Я не вижу, как мы можем избежать вывода о том, что между Эннеадой Гелиополя с ее

теорией космологии и космологическими доктринами Вавилонии должна была существовать какая-то [связь](#)⁵⁷.

Действительно, родное имя Гелиополя наводит на мысль об азиатских связях. Это ветхозаветный Он, который назывался Он севера, чтобы отличить его от другого Он, современного Эрмента, на юге. Его символизировала рифленая и расписная колонна из [дерева](#)⁵⁸, в которой некоторые видели эмблему бога солнца, подобно солнечным столбам семитской веры. Но имя Он не ограничивалось Египтом. В Сирии был еще один Гелиополь, названный Амосом (i. 5) Он из Бекаа, где богу солнца поклонялись в виде камня. А в самой Палестине Бет-Эль, "дом [pg 087] Бога", в ранние века был известен как Бет-Он. Правда, название Он могло быть перенесено в Азию в те времена, когда Египтом правили династии гиксосов, но более вероятно, что и Бет-Он, и Он близ Дамаска восходят к более древней дате. В любом случае они свидетельствуют о каком-то контакте между поклонениями солнцу в Гелиополе в Египте и в Сирии и [Палестине](#)⁵⁹.

Между Тумом, богом солнца Северного Египта, и Хорусом, богом солнца Южного, было одно заметное различие. В то время как Горус был ястребом, Тум был человеком. В этом отношении он опять-таки напоминал богов Вавилонии, которые всегда изображались в человеческом облике. Трудно найти какое-либо другое египетское божество, которое было бы столь же удачливым. Осирис, действительно, изначально был человеком, но в ранние времена он стал смешиваться со своим символом, бараном, в своем титуле "владыки Дадду". Профессор Масперо считает, что Хнум у Катаракта, возможно, тоже изначально был человеком; но если это так, то он тоже стал бараном еще до начала истории. Птаха из Мемфиса и Анхер из Этоса - единственные другие боги, которые постоянно появляются в человеческом облике, причем Птаха - это мумия, а Анхер, как и Тум, был солнцем.⁶⁰

С принятием Эннеады и воплощенных в ней космологических идей в теологию египетских храмов вошел новый элемент. Это было отождествление одного бога с другим, или, если говорить точнее, утрата богами своей индивидуальности. Процесс [pg 088] был начат, когда жрецы Гелиополя взяли божества, признанные во всем Египте, и трансформировали их в последовательные фазы творческого действия своего местного бога. Он был завершен, когда другие религиозные центры последовали примеру Гелиополя и сформировали свои собственные Эннеады. В каждом случае местный бог по необходимости стоял во главе Эннеады, и в каждом случае он также был ассимилирован с Тумом. Какими бы ни были его прежние качества, он становился формой бога-солнца. Возникла двойная личность, которая вскоре слилась в одну.

Но не в образе Тума гелиопольский бог солнца победоносно шествовал по земле Египта. Именно под более общим и неопределенным именем Ра он был принят в египетских святилищах. Тум оставался местным богом Гелиополя, или же входил в солнечную троицу, в которой он представлял заходящее солнце. Но Ра стал божественным фараоном, в котором был объединен мир богов.

Цари Пятой династии называли себя его сыновьями. До сих пор фараоны были воплощениями бога Солнца, как и ранние монархи Вавилонии; отныне титул Гора был ограничен их двойниками в потустороннем мире, а титул "Сын Солнца" был приложен к родовому имени, которое они носили на земле. Такие же изменения произошли и в Вавилонии. Оно было вызвано нашествием иноземных варваров и установлением в Вавилоне чужеземной династии, где жрецы отказались признать законность царя, не усыновленного богом солнца Бел-Меродахом в качестве сына. Возможно, аналогичная причина действовала и в Египте. Пятая династия происходила из Элефантины, острова,

который не только находился на крайней границе Египта, но и был населен тогда, как и сейчас, не египетской расой; возможно, ценой [pg 089] их признания жрецами и князьями Мемфиса было принятие ими титула "Сын Ра". Это сужало их притязания на божественность и в то же время подразумевало их подчинение богу великого святилища, которое находилось в столь тесных отношениях с Мемфисом. Как мы уже видели, первый памятник, на котором встречается крылатый солнечный диск, принадлежит царю Пятой династии; он заслоняет его фигуру и два его имени; но хотя ястреб Гора стоит над именем его двойника, его родовое имя не содержит титула "сын Ра".

Когда был принят принцип, что главные боги Египта были лишь различными формами бога-солнца, было легко построить Эннеады, независимо от числа божеств, которых хотели в них включить. Так, в самом Гелиополе был введен Горус, сын Исиды, причем его смешение с богом солнца Гором облегчило процесс. В Этосе Анхер был отождествлен с Шу; в Фивах Амон стал единым целым с Тумом и Ра, с Менту и Мут. Там, где во главе местного пантеона стояла богиня, процесс был таким же; она менялась с другими богинями страны и даже с самим Тумом. Во всяком случае, Гораполлон (i. 12) утверждает, что Нит из Саиса была одновременно и мужчиной, и женщиной.

Одним из результатов всего этого калейдоскопического взаимообмена стало появление триединств, в которых один и тот же бог предстает в трех отдельных формах. В Гелиополе, например, Хармахис стал отождествляться с Тумом, и выросла троица Тум, Ра и Хармахис, в которой Хармахис был утренним солнцем, Тум - вечерним, а Ра воплощал их обоих. С одной точки зрения, Хармахис и Тум были лишь различными аспектами, под которыми можно было представить Ра; с другой стороны, Ра, Тум и Хармахис были тремя личностями в одном боге.

[pg 090]

Я считаю, что профессор Масперо прав, утверждая, что египетская троица имеет сравнительно позднее происхождение и искусственный характер.⁶¹ Он указывает, что она предполагает Эннеаду, и в некоторых случаях, по крайней мере, может быть показано, что она была сформирована путем объединения чужеродных элементов. Так, в Мемфисе триада была создана путем заимствования Нефер-Тума из Гелиополя и Сехета из Латополя и превращения одного из них в сына местного бога Птаха, а другого - в его жену. Знаменитая троица Осириса, Исиды и Гора, ставшая образцом для всего Египта, была образована путем переноса Небхата и Анубиса, союзников Осириса, к его врагу Сету, что привело к путанице во всей осирийской легенде. Фиванская троица, по общему признанию, является современной; она обязана своим происхождением возвышению фиванских династий, когда Фивы стали столицей Египта, а ее бог Амон неизбежно следовал за судьбой местного князя. С ним ассоциировалась Мут, "мать", простое название богини Южного Египта, и триада была завершена воплощением в ней Птаха из Мемфиса, который был главным богом Египта, когда Фивы еще были небольшим провинциальным городом. Впоследствии место Птаха занял Хонсу, бог луны.⁶²

Таким образом, мы можем проследить развитие египетской троицы, а также идей и тенденций, которые лежали в ее основе. Она стала кульминационным этапом в эволюции религиозной системы, которая получила свое начало среди жрецов Гелиополя. Сначала творение через поколение, затем Эннеада, и, наконец, триада и троица - таковы были этапы постепенного процесса [pg 091] развития. А сама доктрина триединства достигла своей высшей точки совершенства в том поклонении Осирису, о котором я расскажу в одной из следующих лекций.

Но Эннеада имела и другие результаты, помимо египетской доктрины триединства. Порождение в случае с богом не могло быть таким же, как в случае с человеком. Сам факт того, что Тум был без жены, доказывал это. Поэтому неизбежно, что оно должно было стать символическим, как порождение мысли, тем более что божества, происходившие от Тума, все были символами, представлявшими явления видимого мира. Поэтому идея порождения естественным образом перешла в идею эманации, когда одно божественное существо исходит из другого, как мысль исходит из мысли. А для египтянина, с его любовью к символизму и несклонностью к абстрактному мышлению, выражение идеи означало конкретную форму. Себ и Нут были божественными идеями, которые лежали в основе земли и небосвода и поддерживали их существование, но в то же время они были самими землей и небосводом. Они представляли собой мысль в конкретной форме, если мы можем позаимствовать фразу из гегелевской философии.

Принцип эманации был охотно взят на вооружение греческими мыслителями в те времена, когда Александрия была местом встречи старого мира с новым. Он давал объяснение не только творению, но и происхождению зла, и, кроме того, за ним стояла почтенная тень египетской древности. Она стала основой и опорой большинства гностических систем, а через них пробилась в христианскую мысль. С другой точки зрения ее можно рассматривать как предвосхищение доктрины эволюции.

Работа жреческой коллегии Гелиополя была [pg 092] завершена задолго до того, как при царях Пятой и Шестой династий были написаны тексты пирамид. Эннеада предстает в них как давно устоявшаяся доктрина со всеми вытекающими отсюда последствиями. Солнечная вера прочно закрепилась в египетской религии и заняла положение, с которого ее уже никогда нельзя было сместить. Отныне египетская религия была пронизана идеями и верованиями, вытекающими из нее, а боги и богини земли приняли солнечный облик. При Девятнадцатой династии, если не раньше, официальную санкцию получило новое представление о будущей жизни, в котором вместо Осириса появился бог-солнце, а вместо осирического рая - солнечная кора. Но я должен оставить рассказ об этом до другого случая, а сейчас ограничиться последним и наиболее примечательным развитием солнечного культа в Египте.

Возможно, вряд ли правильно применять к нему термин "развитие". Это был скорее разрыв в религиозной традиции Египта, прерывание нормальной эволюции египетского вероучения, которое, соответственно, не произвело большого впечатления на религиозную историю нации. Но в религиозной истории человечества это один из самых интересных эпизодов. Как и мозаизм в Израиле, он проповедовал доктрину монотеизма в Египте; но, в отличие от мозаизма, его успех был лишь временным. Кроме того, в отличие от мозаизма, это был пантеистический монотеизм, и он потерпел неудачу в борьбе с туманным политеизмом Египта.

Одним из последних фараонов Восемнадцатой династии был Амон-Хотеп IV. После завоевания Сирии его предком Тотмесом III и создания империи, простиравшейся до берегов Евфрата, азиатские нравы и обычаи хлынули в Египет все большим потоком, а вместе с ними идеи и религиозные верования семитского Востока. Амон-Хотеп III, отец Амон-Хотепа IV, сохранил более древние [pg 093] традиции египетского двора, по крайней мере в том, что касалось религии, хотя его мать и жена были иностранками. Но его сын, судя по всему, был еще мал на момент смерти отца. Поэтому он воспитывался под присмотром и влиянием своей матери Тейе, и его темперамент, похоже, соответствовал полученным от нее наставлениям. Его черты скорее философского мечтателя, чем человека действия, скорее религиозного реформатора, чем короля. Он с готовностью включился в религиозное

движение, центром и движущей силой которого он был, и впервые в истории подвергся гонениям за религию.

На протяжении многих веков египтянин применял титул "единого бога" к тому божеству, которому он поклонялся в данный момент или которое управляло судьбами его города или области. Но он не хотел исключить этим существование других божеств. Единый бог" был уникален только для поклоняющегося, и для поклоняющегося только в той мере, в какой его поклонение в данный момент было обращено только к этому "единому богу". Когда с развитием солнечной теории божества Египта стали объединяться друг с другом, титул стал обозначать тот атрибут божества, который объединял все остальные. Но для египтянина, следует помнить, атрибут был конкретной вещью; и хотя в одном смысле Амон, Хнум и Хорус обозначали атрибуты Ра, в другом смысле они были отдельными личностями с отдельной историей за плечами. В результате возникло то, что я назвал туманным политеизмом, в котором отдельные божества египетского пантеона растаяли, как облака, друг в друге; они потеряли свои индивидуальности, но не приобрели взамен новую индивидуальность. Консервативный дух, запрещающий египтянину порывать с традициями прошлого и [pg 094] отбрасывать какую-либо часть своего наследия, не позволил ему сделать последний шаг и перейти из политеизма в монотеизм.

Однако именно этот шаг был сделан Амоном-Хотепом IV. и его последователями, что сразу же наложило отпечаток на египетский характер его религиозной реформации. Отныне в Египте должен был быть только один Бог, вездесущий и всеведущий, существующий везде и во всем, не терпящий соперников. Он не был новым богом, поскольку уже открывался поколениям прошлого в облике Ра, а его видимым символом был солнечный диск. Но Ра поклонялись невежественно, говорили о нем недостойными словами и путали с богами, которые вовсе не были богами. Новая и очищенная концепция верховного божества нуждалась в новом имени, под которым она могла бы быть выражена, и оно было найдено в Атене, "солнечном диске", или Атен-Ра, "диске солнца".

Было маловероятно, что Амон Фиванский и его поклонники склонят головы перед новой верой без борьбы. Именно Амон привел отцов Амон-Хотепа IV к победе, подарил им империю во всем мире, и на город Фивы были сброшены азиатские трофеи. Между фиванским жречеством и царем-еретиком разгорелась ожесточенная борьба. Поклонение Амону было запрещено, само его имя стерто с памятников, на которых оно было выгравировано, а у самых ворот его древнего храма воздвигли святилище соперничающего божества. Фараон сменил собственное имя на Ху-н-Атен, "слава солнечного диска", и тем самым публично провозгласил свой отказ от религии, официальным главой которой он являлся.

Но в конце концов жрецы Амона одержали верх. Ху-н-Атен был вынужден покинуть столицу своих отцов [pg 095] и, захватив с собой государственные архивы и приверженцев новой веры, построил для себя новый город на полпути между Минией и Сиутом, где сейчас возвышаются курганы Тель-эль-Амарны. Здесь, окруженный двором, который более чем наполовину состоял из азиатов по крови и вере, он воздвиг храм новому богу Египта и построил при нем дворец для себя. Новое вероучение сопровождалось новым стилем искусства; старые традиции египетского искусства были отброшены, и на их место пришел натуралистический реализм, иногда преувеличенный. Дворец и храм были прославлены блестящей живописью и резьбой по камню, фресками на полах и стенах, колоннами и фризами, инкрустированными золотом и драгоценными камнями, панелями из фарфора с рисунком и статуями, напоминающими статуи поздней Греции.⁶³ У берегов Нила были разбиты сады, а в пустыне проложены дороги для карет, по которым царь и его двор

совершали свои утренние прогулки. Затем, возвращаясь в свой дворец, фараон читал проповеди или лекции о принципах и доктринах новой веры.

Официально она называлась "доктриной", что, как замечает профессор Эрман, свидетельствует о наличии у нее догматически сформулированного вероучения. Ее учение воплощено в гимнах, начертанных на стенах гробниц Тель-эль-Амарны. Бог, чьим видимым символом является солнечный диск, - это тот, кто, как мы узнаем из них, создал все вещи, "далекие небеса, людей, животных и птиц; наши глаза укреплены его лучами, и когда он показывает себя, все цветы растут и живут; при его восходе пастбища приносят плоды, они опьянены перед его лицом; весь скот скачет на своих ногах, и птицы на болотах порхают от радости". Именно он " [pg 096] приносит годы, создает месяцы, творит дни, исчисляет часы; он - владыка времени, по которому люди считают".⁶⁴ Кроме него, "нет другого" Бога.

"Прекрасна обстановка твоя, - начинается другой гимн, - о живой Атен, ты, владыка владык и царь двух миров! Когда ты соединяешь себя с небом при твоём установлении, смертные радуются перед твоим ликом, воздают почести тому, кто создал их, и молятся тому, кто создал их, перед Ху-н-Атеном, твоим сыном, которого ты любишь, царем Египта, живущим в истине. Весь Египет и все земли в пределах круга, по которому ты ступаешь во славе твоей, восхваляют тебя на восходе твоём и на заходе твоём. О Бог, который в истине есть живой, который стоит перед нашими глазами, ты создаешь то, чего не было, ты формируешь все это; мы также возникли по слову уст твоих "⁶⁵.

[pg 097]

Солнечный диск был, таким образом, как бы маской, через которую проявлял себя верховный Творец. И этот Творец был единственным истинным живым Богом, живущим вечно, не допускающим поклонения никакому другому богу, и, по сути, единственным Богом, существующим в истине. Все остальные боги были ложными, и последователи Атен-Ра, соответственно, были призваны свергнуть их поклонение и обратить в свою веру их приверженцев. В то же время Атен был отцом всего сущего, он словом своих уст вызвал к жизни все сущее, людей, зверей и птиц, цветы и само далекое небо. Поэтому если люди отказывались поклоняться ему, то только потому, что их сбивали с пути ложь и невежество, или же они были умышленно слепы.

Какого бы успеха ни достигли реформы Ху-н-Атена среди уроженцев Египта, они должны были иметь успех в той мере, в какой представляли собой реформацию, а не введение нового и чуждого культа. Должно быть, среди людей, особенно среди образованных слоев, была часть, чьи религиозные представления уже склонялись в этом направлении, и поэтому они были готовы принять новую "доктрину". Язык, на котором часто говорили о богах, при строгом толковании подразумевал более или менее измененную форму монотеизма; египетские божества, как мы уже видели, стали рассматриваться как проявления бога-солнца, а символ новой веры позволил связать ее с древним поклонением Ра. Старое поклонение солнцу в Гелиополе стало мостом, перекинутым через пропасть между Амоном и Атеном.

Действительно, само поклонение солнечному диску не было абсолютно странным.

Например, египтянин, похороненный в Ком эль-Афмар, напротив Эль-Каба, в царствование Тотмеса III, говорит о том, что был "любим лучами солнечного диска" (Атен-Ра); и хотя к этим словам не прилагается [pg 098] детерминатива божественности, это был всего лишь шаг вперед, чтобы сделать диск эквивалентом бога-солнца.

Тем не менее, между "доктриной" Ху-н-Атена и более древними египетскими представлениями о боге-солнце существовало огромное, если не сказать непроходимое, расстояние. Это "учение" не было результатом нормальной религиозной эволюции. Это

доказывается не только противодействием, с которым она столкнулась, и насильственными мерами, которые были приняты для ее внедрения, но и ее быстрым и полным исчезновением или истреблением после смерти ее царственного покровителя. Он пришел из Азии и, как и азиатские чиновники, был изгнан из Египта во время национальной реакции, которая закончилась возвышением Девятнадцатой династии.

Бог Ху-н-Атен, по сути, имеет много общего с семитским Ваалом. Как и Баал, он - "владыка владык", чьим видимым символом является солнечная сфера. Как и Баал, он ревнивый бог и отец человечества. Правда, Ваала сопровождал теневой Баалат; но Баалат, в конце концов, был лишь его бледным отражением, обусловленным родами семитской грамматики; и в некоторых частях семитского мира даже это бледное отражение отсутствовало. Хемош из Моава, например, и Асшур из Ассирии были одинаково безженны.

С другой стороны, между Атенем и семитским Ваалом существовала большая и существенная разница. Монотеизм Ху-н-Атена был пантеистическим, и, как следствие, бог, которому он поклонялся, был богом всей Вселенной. Характер и атрибуты семитского Ваала были четко и ясно определены. Он стоял вне созданных им существ или детей, отцом которых он был. Его царство было строго ограничено, сама его власть была ограничена. Он был "владыкой небес", отделенным от мира и от материи, из которой он состоит.

Но Атен был в вещах, которые он создал; [pg 099] он был живым, в котором заключена вся жизнь, и по чьему повелению они возникают. Вне и до него не было хаоса материи; он создал "то, чего не было", и сформировал все это. Поэтому он не был национальным или племенным богом, чья власть и защита не распространялись за пределы местности, в которой его признавали, и территории, на которой стояли его вершины; напротив, он был богом всей вселенной; не только Египет, но и "все земли" и все народы призывались поклоняться ему, и даже птицы и цветы растут и живут благодаря ему. Впервые в истории, насколько нам известно, была провозглашена доктрина о том, что Верховное Существо является Богом всего человечества.

Этот факт примечателен, с какой бы точки зрения он ни рассматривался. Ху-н-Атен датируется примерно 1400 годом до н. э., за столетие до Исхода и возникновения мозаицизма. Не раз высказывалось предположение, что между мозаизмом и "доктриной" Атена могла существовать связь. Но в мозаизме мы тщетно ищем следы пантеизма. Яхве из Заповедей стоит так же вне Своего творения, как и человек, которого Он создал по Своему образу и подобию; Его очертания четко определены, и Он - Бог Евреев, а не всего остального мира. В первой заповеди на первом плане стоит такой факт: у других народов есть свои боги, существование которых признается, но Яхве - Бог Израиля, и поэтому только Ему Израиль может служить".

[pg 100]

Лекция V. Поклонение животным.

Святой Климент Александрийский так описывает религию своих египетских соседей (Pædag. iii. 2): "У египтян храмы окружены рощами и освященными пастбищами; они снабжены пропиеями, а их дворы обнесены бесконечным числом колонн; их стены сверкают иностранными мраморами и картинами высочайшего искусства; святилище блистает

золотом и серебром, электрумом и разноцветными камнями из Индии и Эфиопии; святилище внутри него занавешено завесом, вытканым из золота. Но если вы пройдете в самую дальнюю часть ограды в надежде увидеть нечто более прекрасное и поискать образ, который обитает в храме, пастор или другой служитель, напыщенно распевая пеан на египетском языке, отодвигает небольшую часть занавеса, как бы собираясь показать нам бога, и заставляет нас разразиться громким смехом. Ибо никакого бога там нет, а есть кошка, или крокодил, или змея, вышедшая из земли, или какое-нибудь подобное грубое животное... а египетское божество явлено в виде зверя, который катается на пурпурном покрывале".

Святой Климент был христианским философом и апологетом, но поклонение египтян животным было предметом насмешек языческих писателей Греции и Рима. "Кто не слышал, - говорит Ювенал (Sat. [pg 101] хв.), - кто не слышал, где названы царства Египта...

"Каких чудовищных богов изваяли ее неистовые сыновья?

Здесь Ибис питается хорошо выращенными змеями, там

Крокодил внушает религиозный страх;...

И если вы едите порей или лук, то никакое время

Не искупит святотатственного преступления;

Религиозные нации уверены, и благословенные обители,

Где в каждом саду есть боги!"

На глазах Диодора римский солдат, случайно убивший кошку, был разорван толпой на куски, хотя римляне в то время были хозяевами страны, а царствующий Птолемей сделал все возможное, чтобы спасти преступника.⁶⁶ Для большинства людей кошка была воплощением бога.

Такое поклонение животным вызывало недоумение у философов классической эпохи. Почтенная древность Египта, высокий уровень его морального кодекса и, прежде всего, духовный и возвышенный характер большей части его религии произвели глубокое впечатление на мыслящий мир Римской империи. Этот мир нашел в смешении египетских религиозных идей с греческой метафизикой ключ к тайнам жизни и смерти; в так называемых Герметических книгах старые верования и религиозные представления Египта были сведены в систему и истолкованы с греческой точки зрения, а неоплатоническая философия представляла собой явную попытку соединить символизм Египта с тонкостями греческой мысли. Но поклонение животным было трудно совместить с философией; даже символизм не мог объяснить его или удовлетворить разум исследователя. Плутарх смело отрицал, что поклонение животному в чем-то более абсурдно, чем поклонение изображению; божество, если оно того пожелает, может проявлять себя в любом [pg 102] одинаково хорошо. Порфирий прибегнул к доктрине переселения душ. Если душа после смерти переселится в тело какого-нибудь низшего животного, утверждал он, то передаст последнему часть божественной сущности. Но в конце концов это не объясняло поклонения животному; душе не поклонялись, пока она находилась в теле своего первоначального владельца, и поэтому нет причин, почему ей должны поклоняться, когда она воплощается в другой форме. Более того, метемпсихоз в греческом понимании никогда не был египетской доктриной. Египтяне считали, что душа, после того как она была оправдана и принята в блаженное состояние, может на время принять любую материальную форму по своему усмотрению; например, она может улететь на небо в теле ласточки или вернуться в

мумифицированное тело, в котором она когда-то обитала. Но такие воплощения были лишь временными и зависели от свободного выбора; они были подобны одежде, которую душа могла надевать и снимать по своему желанию.

Современным писателям так же трудно объяснить поклонение животным в Древнем Египте, как и философам и теологам Греции и Рима. Крейцер заявил, что это результат бедности воображения, и что зверям поклонялись потому, что они олицетворяли определенные природные явления. Ленорман, напротив, утверждал, что это объясняется высокой духовной концепцией религии, которая не позволяла египтянам поклоняться безжизненным скалам и камням, как другие народы древности. В последнее время наметилась тенденция видеть в этом своего рода тотемизм, который преобладал среди аборигенов страны и был терпим к более высокой религии фараоновских переселенцев. В этом случае он представлял бы собой религию доисторической расы или рас, и его принятие в официальную религию было бы параллельно истории брахманизма, который [pg 103] так же терпимо относился к культам и суевериям аборигенных племен Индии. Действительно, можно обнаружить аналогичную процедуру в истории самого христианства. Низшие верования и формы поклонения могут быть объяснены, где это необходимо, с помощью символизма и аллегорий, в то время как масса людей остается в беспрепятственном пользовании религиозными идеями и обрядами своих предков.

Однако недавние открытия пролили новый свет на этот вопрос. Ранние памятники египетской истории, найденные в неолитических могилах и среди останков первых династий, показали, что поклонение животным в Египте было лишь частью более обширной системы. Сланцевые таблички, на которых изображены действия фараонов, предшествовавших Менесу или являвшихся его непосредственными преемниками, доказывают, что преобладающая система религии, должно быть, была близка к африканскому фетишизму. Боги появляются часто, но всегда в виде тех символов, которые в более поздние времена считались их символами. Иногда символом является животное или птица, но иногда и безжизненный предмет. Человеческие формы, к которым мы привыкли в более позднем египетском искусстве, [отсутствуют](#)⁶⁷; ничто не говорит нам о том, что религия того времени как-то отличалась от фетишизма Дагомеи или Конго.

Так, на шиферной табличке из Ком эль-Аһмар (напротив [Эль-Каба](#)⁶⁸) мы видим фараона, входящего в зал, в котором лежат тела его обезглавленных врагов, а перед ним несут четыре штандарта. На первых двух - ястребы Гора, на третьем - шакал Анубиса, на последнем [pg 104] предмет, который может быть предназначен для пряди волос.⁶⁹ На обороте таблички бог ведет перед собой пленников севера. Но бог - это ястреб, чья человеческая рука хватается за веревку, за которую тащат побежденного врага. На столь же ранней табличке, найденной в Абидосе, изображены пять штандартов, подножие каждого из которых имеет форму руки, держащей веревку. Над первыми двумя штандартами изображены шакалы Анубиса, на следующем - ибис Тота, затем ястреб Гора и, наконец, любопытный предмет, являющийся эмблемой Мина. На еще более древней табличке из той же местности написаны названия городов, которыми управлял (или которые были завоеваны) фараон, каждый из которых находится внутри своей крепостной стены, а выше изображен бог-животное, о котором говорится, что он "любим" или, возможно, "разрушен". Последний из городов - "царская" столица, над которой возвышаются два ястреба Гора, сидящие на штандартах царя; за ней - названия остальных городов под защитой скорпиона Селка, льва Сехета и ястреба Гора.⁷⁰

Но мы можем проследить штандарты и символы на [pg 105] них еще дальше в прошлое. М. де Морган отметил, что грубые и примитивные лодки, нарисованные на керамике из доисторических могил, украшены штандартами, которые по форме точно такие же, как и

штандалы, которые носили перед фараоном. На вершине одного из них сидит бегемот, на другом - рыба; на третьем - цветущая ветвь, на четвертом - парус корабля.⁷¹ Таким образом, мы можем заключить, что и штандарты, и символы были характерны для более древнего населения страны, которое фараоновские египтяне нашли, когда вошли в нее. Но символы не имели никакого отношения к письменности; мы тщетно ищем иероглифические знаки ни на керамике, ни на других предметах доисторического искусства. Возможно, штандарт был перенят расой захватчиков у их покоренных подданных и таким образом введен в их систему письма; первоначально он был не чем иным, как первобытным флагштоком на носу лодки. И, как и флагшток, символ, служивший флагом, должен был быть изобретением аборигенов.

Таков вывод, к которому нас приводят вновь найденные памятники раннего Египта. На фараонских памятниках той далекой эпохи боги еще не стали людьми; они по-прежнему представлены животными и другими фетишами. И эти фетиши были заимствованы у более древнего населения долины Нила вместе с так называемым штандартом, на вершине которого они располагались.

Штандарт с эмблемой на нем обозначал ном в исторические времена Египта. Эмблема представляла бога нома, или, скорее, главного святилища нома. Там, где богом нома был Хорус, на штандарте изображался ястреб; там, где поклонялись двум богам-Хорусам, было два ястреба. Как доисторическая лодка находилась под защитой [pg 106] того божества, чей фетиш или символ был установлен на ее носу, так и ном находился под защитой бога, чья эмблема была воздвигнута на его штандарте. Штандарты, которые несли перед фараоном на доске Ком эль-Ахмара, были штандартами номов, над которыми он претендовал на власть.

Таким образом, похоже, что бог нома в большинстве случаев был богом аборигенного племени, которое изначально его населяло, а символы, под которыми эти боги были известны, примитивно являлись самими богами. На табличке из Абидоса божеством-покровителем города является не Селк или Сехет, а скорпион и лев. А рядом с животными и птицами, как мы видели, мы находим и неодушевленные предметы, которые находятся точно на том же уровне, что и животные и птицы. Первобытная религия Египта, должно быть, представляла собой форму фетишизма.

Но при переходе от более древнего населения к азиатским иммигрантам она претерпела изменения. На тех же грифельных досках, где изображены Горус в виде ястреба и Анубис в виде шакала, царь представлен в образе быка. Это буквальное изображение фразы, так часто встречающейся в надписях, в которой фараон описывается как бык, пожирающий своих врагов. Животное перестало представлять реальную действительность и превратилось в символ.

И эта символика, надо заметить, сопровождает введение символического письма. Фигура быка, обозначающая фараона, - такой же символ, как и рыба, составляющая часть его имени. Поэтому справедливо заключить, что ястреб, который приносит пойманного врага царю, также является символом. Фетиш стал символическим; ястреб больше не является богом сам по себе, но потому, что он - воплощение божественного Гора".

[pg 107]

Еще один шаг - объединить символ с человеческой формой. Этот процесс подразумевал отказ от использования неодушевленных предметов; только живые могли быть соединены вместе. Хоруса можно было изобразить в виде человека с головой ястреба; соединить символ Мин с конечностями человека было не так просто. Такая антропоморфизация неизбежно вытекала из обожествления фараона. Раса, превратившая своего человеческого

лидера в бога, должна была представлять своих богов в человеческом облике. Однако в Египте более древний элемент населения с его религиозными идеями был слишком силен, чтобы правящая каста могла полностью игнорировать его. Компромисс, превративший фетиш в символ, завершился сохранением животных форм богов, но в подчинении у формы человека. Отныне в государственной религии Горус носил лишь маску [ястреба](#)⁷².

То, что официальные образы богов были компромиссом между двумя антагонистическими течениями религиозной мысли, становится ясно, если сравнить Египет с Вавилонией. В Вавилонии также существовали символы, связанные с богами, некоторые из них изображали животных и птиц, другие - неодушевленные предметы. Кроме того, в Вавилонии царь был богом, как при жизни, так и после [pg 108] смерти. Но в Вавилонии все фигуры богов государственной религии были человеческими; только демонам народного культа разрешалось сохранять тела зверей и птиц. Сами же боги изображались в человеческом облике. Причина этого проста: в Вавилонии преобладало семитское представление о божестве; здесь не было фетишизма, который нужно было примирить, не было культа животных, который нужно было примирить с высшей верой. Эмблемы богов оставались эмблемами, и небесные боги облекались в ту же форму, что и земной бог-человек.

Поэтому в сохранении примитивного культа животных мы должны видеть свидетельство не только силы той части населения, которой он первоначально принадлежал, но и консервативного духа, характерного для египтян. В данном случае, однако, консервативный дух был результатом влияния завоеванной расы; искусство продолжало изображать Гора с головой ястреба только потому, что те, кто считал его птицей, продолжали составлять важную часть населения. Народный культ и народные суеверия были слишком широко распространены, чтобы ими можно было пренебречь.

Египетская ортодоксия нашла готовый способ объяснить животные формы своих богов. Душа, освободившись от земного тела, могла принимать любую форму, которую выбирала, или, скорее, могла обитать в любом теле, в какое бы она ни решила войти. И то, что было верно в отношении человеческой души, в равной степени относилось и к богам. Они тоже были подобны людям, отличаясь от них лишь тем, что уже находились в потустороннем мире, а значит, были освобождены от пут и ограничений нашего нынешнего существования. Душа Ра, которая была практически самим Ра, могла по желанию появляться в облике птицы. Переход из одного тела в другое, действительно, [pg 109] никогда не представлял для египетского разума никакой трудности. Его мог осуществить маг с помощью своих заклинаний; и существовали истории, подобные народным сказкам современной Европы, в которых рассказывалось, как жизнь и индивидуальность человека могли переходить в тела животных и даже в семена и деревья. Эта вера характерна для большинства примитивных народов и, несомненно, связана со снами, в которых спящий воображает себя обладателем некой телесной формы, которая не является его собственной.

Таким образом, мы должны рассматривать поклонение животным в Египте как пережиток раннего фетишизма. Но это выживание, которое должно было приспособиться к антагонистическим концепциям антропоморфной веры. Рядом с обожествленным царем оставалось обожествленное животное, и человек и зверь смешивались в религиозном искусстве. Это было параллельно соединению пиктографических идеограмм и фонетически написанных слов в письменности более позднего времени. И точно так же, как только для культурных слоев населения письменные знаки были символами, имеющими значение, отличное от того, которое они несли для глаза, так и для тех же самых культурных слоев населения священные животные были символами и воплощениями божества, а не самим

божеством. Массы продолжали оставаться фетишистами, как и ранние жители страны, от которых большинство из них вело свое происхождение.

Именно этому факту мы должны приписать то необычайное влияние, которое поклонение животным оказывало на египетский народ в целом вплоть до периода его обращения в христианство. В то время как стены храма были покрыты изображениями, на которых боги были представлены в человеческом или получеловеческом облике, внутреннее святилище, которое они служили для окружения и защиты, содержало только зверя или птицу, в которых, как считалось, божество воплощалось на данный момент. Когда бог являл себя [pg 110] своему поклоннику, он являлся в виде ястреба или крокодила. Этот факт был бы необъясним, если бы только жрецы имели привилегию видеть его, как это часто утверждается. Однако это было не так. Каждый египтянин, независимо от его ранга и положения, мог следить за процессиями в храме, входить в его внутренние покои и смотреть на воплощенное божество, если только он соблюдал предварительные требования ритуала и не был нечист.⁷³ Храм не был исключительной собственностью привилегированной касты; только иностранцам и неверующим было запрещено ступить на его территорию. Он был открыт для всего египетского населения, а для населения священными животными были сами боги.

Мы не знаем, отличался ли ястреб, который олицетворял Гора и в котором на время поселилась душа бога, от других ястребов особыми знаками. Однако мы знаем, что так поступали с некоторыми священными животными. Согласно Геродоту (iii. 28), мемфисский бык Апис должен был быть черным, с белым треугольником на лбу, орлом на спине, двойными волосками в хвосте и жуком на языке; и хотя сохранившиеся изображения бога не подтверждают точного описания, данного греческим писателем, они показывают, что определенные характерные знаки действительно были необходимы. Таким образом, воплощение бога было отделено от других животных того же вида, на которых, однако, отражалась часть его божественности. Поскольку любой бык мог стать обиталищем божества, необходимо было с уважением относиться ко всему виду.

Бык Апис был воплощением Птаха, "новой жизни Птаха", как его часто называют на votивных табличках. Соответственно, мы должны видеть в нем местный фетиш [pg 111] додинастических египтян, живших в районе, где впоследствии возник Мемфис. На самом деле бык был священным на всей территории этого региона. В соседнем городе Гелиополе место Аписа занял другой бык, Ур-мер, или Мневис, как его неверно называли греки. Мневис был воплощением бога солнца, и, как и Апис, должен был быть черным. Поклонение быку также не ограничивалось севером. В Эрменте, недалеко от Фив, Менту, бог нома, воплощался в быке Бакисе.⁷⁴ Священность быка нетрудно понять среди земледельческого народа, находящегося на ранней стадии развития. В Индии бык до сих пор священен, а сэр Сэмюэл Бейкер рассказывает, что племена Верхнего Нила до сих пор воздерживаются от употребления в пищу плоти быка. Во Фригии убийство быка каралось **смертью**⁷⁵; предполагается, что первый царь этой страны был крестьянином, а его повозка, запряженная волами, хранится в храме Кибелы. У самих египтян, как мы уже видели, фараон с самого начала истории символизировался в виде быка.

Таким образом, быку, должно быть, поклонялись в окрестностях Мемфиса и Гелиополя еще до того, как он стал воплощением Птаха или Ра. Кроме того, из этого следует, что пока еще не было ни одного конкретного быка, которому воздавались бы божественные почести; не было ни одного конкретного быка, в которого еще не вселилась бы душа одного из богов [pg 112] фараоновских египтян, тем самым выделяя его из всех остальных. Бык по-прежнему оставался фетишем в чистом виде; священным был весь вид, а не отдельный его член.

То, что это действительно было так, доказывает обычай, сохранившийся до самых последних времен. После смерти мумифицировали не только священного быка или священного ястреба, но и других быков и ястребов. Существовали кладбища мумифицированных животных, так же как и кладбища мумифицированных людей. Огромные кладбища кошек были найдены в Бубастисе, Бени-Хасане и других местах; там же находились кладбища ястребов и крокодилов, шакалов и быков. Мы до сих пор не знаем, в каких именно условиях бальзамировали и хоронили этих существ. Невозможно предположить, что торжественное погребение было предусмотрено для всех отдельных представителей вида, который считался священным в определенном номе, тем более для всех его отдельных представителей во всем Египте, как, по-видимому, представлял себе Геродот (ii. 41); должны были существовать определенные ограничения, в рамках которых такое погребение было разрешено или предписано. А иногда захоронения вообще не было; например, мумия священного животного Сета так и не была найдена.

Тем не менее, остается фактом, что мумифицировались и помещались в специальное место погребения не только тела Аписа или Мневиса, но и других быков. Несомненно, у египтянина фараоновского периода были веские основания для такой практики. Как слуги принца хоронились вокруг своего господина, или как ушебти-фигуры помещались в гробницу мертвых, так и обычный бык был погребен подобно божественным воплощениям Птаха и Ра, в надежде, что его двойник будет сопровождать дух бога в потустороннем мире. Сцены деревенской жизни, нарисованные на [pg 113] стенах гробниц, содержат изображения овец и крупного рогатого скота, чьи касы, по тем или иным представлениям, существовали в египетском раю, и мумифицированный бык имел такое же право на надежду на будущее существование, как и мумифицированный человек. Сам акт бальзамирования подразумевал возможность его союза с Осирисом.

Египетская логика вскоре превратила эту возможность в факт. С ростом осиреанского культа мертвый Апис стал, как и благочестивый египтянин, единым целым с Осирисом, владыкой потустороннего мира. Его идентичность с Птахом бледнела и исчезала перед его новой идентичностью с Осирисом. Сначала он был Осирисом-Аписом, "Осирифицированным богом-быком", хранителем только некрополя Мемфиса; затем - богом и Мемфиса, и Египта, как в жизни, так и в смерти. При Птолемах греческие идеи объединились вокруг личности божества, которое таким образом соединило в себе ранние и поздние формы египетской веры, и из этого сочетания возник Серапис классической эпохи, поклонение которому оказало такое большое влияние на римский мир. В чертах человеческого Сераписа, с его величественным лицом и ниспадающей бородой, трудно узнать бога-быка первобытного Египта.

История Сераписа в большом масштабе такая же, как и история других священных животных Египта в меньшем. Мневис был меньшим Аписом; как Гелиополь угасал перед Мемфисом, так и его божественный бык угасал перед соперничающим божеством столицы. Они оба начинали на равных и следовали судьбе городов, где их обожали. В Мендесе объектом поклонения был не бык, а баран, в котором жрецы видели воплощение [Pa76](#), хотя тот случайный факт, что слово *ba* означало одновременно "баран" и "душа", заставил последующие поколения отождествить его с "душой" Осириса. В Файюме это был крокодил, который, естественно, стал [pg 114] богом Себеком или Сухосом, а в более позднее время Пете-сухосом, "даром Сухоса". В последнем имени мы читаем признаки растущего нежелания видеть в животном самого бога или даже его душу или двойника; Сухос становится "даром Сухоса", отдельным от бога и дарованным им человеку.

Кроме Фейюма, были и другие номы, в которых поклонялись крокодилу. Он был священным животным Онуфиса в Дельте и Омбоса на крайнем юге Египта. Но мы не должны ожидать, что Себек и священный крокодил всегда будут сопровождать друг друга. Могли быть случаи, когда крокодил отождествлялся с другими богами, нежели Себек, - например, с Сетом, как в Нубти, близ Дендеры. Священное животное существовало до того бога, чьим воплощением оно впоследствии стало. Неолитические расы были в долине Нила раньше фараоновских египтян, и божества, которым они поклонялись, следовательно, тоже были там до богов вторгшейся расы. Птаха с его человеческой фигурой не превратился бы в быка Аписа, если бы тот уже не был в его владении.

Имя бога Тота само по себе является доказательством этого. Тот был богом Гермополя, современного Эшмунна, и его покровительство письменности и книгам показывает, что он должен был быть божеством фараонов. Бог, которому приписывают изобретение иероглифов, не мог быть богом неграмотного населения.

Теперь египетская форма имени Тот - Deḥuti (или Zeḥuti), "тот, кто принадлежит ибису".⁷⁷ Тот, следовательно, [pg 115] не был изначально ибисом, и, несмотря на его птичью голову, человеческое тело, которое он сохранил, было традиционным свидетельством этого факта. Он был просто "привязан к ибису" - привязан, то есть к месту, где ибис был фетишем аборигенов.

Согласно Мането, только в правление второго царя Второй династии Апис, Мневис и Мендес "были признаны богами". Это должно означать, что именно тогда государственная религия впервые признала, что официальные боги Мемфиса, Гелиополя и Мендеса были воплощены в священных животных местных культов. О том, что это утверждение исторически верно, можно судить по тому, что храмы Мемфиса и Гелиополя были посвящены Птаху и Туму, а не Апису и Мневису. Когда они были построены, божественность быка еще не была официально признана. Боги, в честь которых они были основаны, были богами в человеческом облике, и богами в человеческом облике они и оставались. До последних дней египетского язычества бог солнца Гелиополя был не быком, а человеком; и хотя мумифицированный Апис наблюдал за кладбищами Мемфиса, бог его великого храма оставался мумифицированным человеком, а не мумифицированным быком.

Одна из легенд, тщательно придуманных в храмах из старых народных сказок и этимологических каламбуров, объясняла звериный облик богов как результат убийства Осириса Тифоном или Сетом. Страх разделить его участь заставил их спрятаться, как утверждалось, в телах зверей.⁷⁸ Но это объяснение должно относиться к эпохе, когда привнесение чуждых идей дискредитировало старое поклонение животным. В более ранние времена объяснения не требовались. Вера в силу, которой обладает душа, переселяясь из одного тела в другое, и символизм, выражением и причиной которого была иероглифическая [pg 116] письменность, образовали легкий мост, по которому фетишизм неолитического Египта и антропоморфизм исторического Египта могли быть соединены. На самых ранних памятниках, которыми мы располагаем, Горус изображен в виде ястреба, а фараон - в виде быка, и такие зримые символы неизбежно реагировали на народ, одна половина которого, по крайней мере, уже признавала ястреба и быка своими богами. Официальное признание Аписа, Мневиса и Мендеса стало последним шагом в процессе включения суеверий и практик аборигенов в государственную религию и придания им официальной санкции. Параллель с брахманизмом в Индии завершена.

Но нам еще предстоит спросить, почему в одном районе доисторического Египта поклонялись быку, а в другом - ястребу? Почему тот или иной фетиш был божеством-

покровителем определенного святилища или нома? На это может быть только один ответ. Видимо, в долине Нила когда-то была известна модифицированная форма тотемизма. Священное животное должно было быть последним представителем тотема племени или клана. Эмблемы на флажстоках доисторических лодок, как и эмблемы на штандартах нескольких номов, должны были быть животными или предметами, в которых кланы видели божественные силы, удерживающие их вместе, и от которых, возможно, они произошли. Последующая история поклонения животным в Египте - это постоянный отход от этого первобытного тотемизма. Сначала неодушевленные предметы отходят на второй план; затем, под влиянием более высокой формы религии, животные становятся символами, принимают получеловеческие формы, и, наконец, из всего вида выбирается одно, чтобы стать воплощением бога. Но бог, воплощением которого он является, сильно отличается от того божества, которое, как считалось, обитало в первоначальном фетише. Это бог в азиатском, а не в африканском смысле, бог [pg 117], чья природа духовна и свободна от ограничений нашего земного существования, так что он может в любой момент войти в любую форму, какую пожелает. Старые фетиши, конечно, сохранились, но лишь в качестве амулетов и талисманов; и к ним народ переходил по мере того, как государственная религия становилась все более непонятной для него. Магический локон волос и изображение змеи, хранящиеся в Сафт-эль-Хенне, которые, по словам жрецов, принадлежали богу солнца, несомненно, дошли до нас со времен фетишизма.

Часто утверждалось, что, кроме быка, барана или крокодила, существовали и другие существа составного или сказочного характера, которые также считались священными у египтян. Действительно, священное животное и символ Сета, похоже, было именно такого рода. Его вильчатый хвост и уши, похожие на ослиные, не позволяют поверить, что какой-либо существующий зверь когда-либо служил его портретом. Но сфинкс, в котором люди Восемнадцатой династии видели образ Хармахиса, восходящего солнца, или финикс, в котором воплощался бог солнца Гелиополя, принадлежат к другой категории. Они не являются священными животными в том смысле, в каком ими были Апис и Мневис.

Сфинкс, как и символ Сета, - одно из тех составных существ, которые время от времени встречаются нам в египетском искусстве. Говорят, что такие составные существа были для египтянина столь же реальны, как скот и овцы, за которыми он ухаживал в поле; что он был готов встретиться с ними в пустыне, как древний грек встретился бы с сатиром в лесу или горец с келпи на берегу воды. Очень может быть, что так оно и было; однако это не объясняет ни их происхождения, ни тех форм, которые им приписывались. Почему, например, сфинкс в Гизе должен быть в виде льва с человеческой головой?

[pg 118]

И снова мы должны обратиться за объяснением к Азии. Сфинкс из Гизы был хранителем гробниц умерших; он защищал их от духовных врагов, чей дом находился в пустыне. "Я защищаю твою усыпальницу, - гласит надпись, - я стерегу твою усыпальницу, я не пускаю чужака, который хочет войти, я повергаю врагов с их оружием, я изгоняю нечестивцев из твоей гробницы, я уничтожаю твоих противников.....чтобы они больше не возвращались" ⁷⁹. Сфинкс, по сути, выполнял ту же функцию, что и крылатые быки, охранявшие вход в ассирийский дворец, или херувимы, стоявшие у ворот Эдемского сада.

Крылатые быки и херувимы были составными существами и происходили из Вавилонии. Вавилония вообще была прародиной всех подобных сочетаний животных. Они были нарисованы на стенах храма Бэла в Вавилоне, и их существование составляло существенную часть вавилонской космогонии. Эта космогония основывалась на учении о состязании

между силами света и тьмы, порядка и хаоса, и о конечной победе богов света. Мир хаоса существовал так же, как и мир порядка; и прежде чем возникло нынешнее творение с его устоявшимися законами и определенными границами, обязательно было другое творение, в котором все было спутано и хаотично. Выводок Тиамат, дракона хаоса, соответствовал существам реального мира, которых вызвали к существованию боги света; это были неудачные попытки творения, состоящие из несовпадающих конечностей, "люди с телом птиц или лицом воронов".

Это отродье хаоса - демоны, которые были врагами Бел-Меродаха и его последователей. Для того чтобы [pg 119] успешно противостоять им, необходимо было, чтобы существовали такие же составные существа, которые, вместо того чтобы быть на стороне зла, подчинялись богам. Так, рядом со злым демоном появился "добрый херувим", который защищал благочестивого вавилонянина и преграждал путь духам зла. Крылатый бык с человеческой головой защищал подступы к храму или дому; люди с телами скорпионов охраняли врата солнца.

Это любопытное сходство функций, возлагаемых на изображения составных животных как в Египте, так и в Вавилонии, заставляет предположить, что сами составные формы в конечном итоге были заимствованы из вавилонского источника. То, что это было именно так, мы теперь имеем доказательство.

На грифельных дощечках и булавовидных головках из Нехена и Абидоса мы находим композитные формы, схожие с вавилонскими. То, что впоследствии стало колонной с головой Хатхор, выглядит как человеческое лицо с коровьими ушами и рогами. Ниже - два чудовища с телом собаки и головой льва, чьи переплетенные шеи - змеи. Последнее изображение тем интереснее, что М. Хозей указал точно такие же фигуры на ранней вавилонской печати, хранящейся в Лувре.⁸⁰ Таким образом, подобно печати-цилиндру, которая отличает ранний период египетской истории, составные чудовища, примерами которых являются сфинкс и символ Сета, указывают на прямую связь с Халдеей.

И, следует помнить, что только в Халдее они находят свое объяснение. Здесь они зародились в религиозных и космологических представлениях, связанных с физическими особенностями страны. Сфинкс из [pg 120] Гизы до сих пор охраняет пустыню Гизы, потому что много веков назад наводняющие волны Персидского залива заставили вавилонян поверить, что мир возник из водного хаоса, населенного бесформенными существами чудовищной формы.

Случай с phoenix или bennu несколько иной. Здесь мы имеем дело не со сказочным чудовищем, а с существующей птицей, о которой была рассказана сказочная история. Это был не орел, как предполагал Геродот, а цапля, которую в ранние времена, по-видимому, путали с гребенчатым ибисом, символом кху или светлой души. На самом деле это был дух бога солнца, и поздние легенды гласят, что он стоял и пел на вершине дерева в Гелиополе, в то время как рядом с ним разгоралось пламя, и солнце поднималось с утреннего неба. С заходом солнца он превращался в Осириса, чья мумия была погребена в Гелиополе, чтобы вновь пробудиться к жизни с первыми лучами восходящего солнца. Таким образом, для христианских писателей он стал эмблемой воскресения, и в таком виде его историю рассказывает святой Климент Римский:⁸¹ "Есть некая птица, которая называется феникс. Она единственная в своем роде и живет пятьсот лет. Когда приближается время ее распада и она должна умереть, она строит себе гнездо из ладана, мирры и других пряностей, в которое, когда время исполнится, она входит и умирает. Но по мере разложения плоти появляется некий червь, который, питаясь соками мертвой птицы, выпускает перья. Затем, набравшись

сил, она занимает гнездо, в котором лежат кости ее родителя, и, неся их, перелетает из земли Аравийской в Египет, в город под названием Гелиополис. И, пролетая днем на виду у всех людей, кладет их на алтарь солнца, а сделав это, спешит обратно в свое прежнее обиталище. Затем жрецы проверяют [pg 121] хронологические регистры и обнаруживают, что он вернулся именно тогда, когда завершился пятисотый год. "82

Легенда о фениксе выросла вокруг веры в то, что развоплощенная душа может по желанию вселиться в тело птицы. Феникс был связан с ястребом Гора и, вероятно, первоначально был идентичен с тем примитивным символом души (кху), название которого означает буквально "светящийся". Следует помнить, что в текстах пирамид говорится о "четырех кху" или "светлых душах Гора", "которые живут в Гелиополе", а к богу солнца в этом городе обычно обращались через его бау или "души", изображенные в виде трех птиц, которые на предметах, найденных в гробнице Менеса, выглядят как три страуса.⁸³ На ранней печати-цилиндре вавилонского типа бенну или кху назван "двойником Гора".⁸⁴

История с фениксом иллюстрирует влияние, которое оказал изобразительный характер египетской письменности на ход религиозной мысли. Душа сначала символизировалась птицей. Она вылетала из трупа в воздух, как птица; она была вольна вселиться в любое тело, и тело птицы было тем, которое она естественно выбрала бы. В Европе и по сей день не изжито поверье, что души умерших переходят в облик ласточек или голубей. Но сначала было неважно, какая птица была выбрана для живописного выражения идеи души. Это был страус, когда последний еще существовал в Южном Египте; [pg 122] затем он стал ржанкой, вследствие, вероятно, сходства звучания между именем ржанки и именем души. В другие времена излюбленным символом был хохлатый ибис, чье имя было идентично слову, означающему "свет". Вокруг понятия души, соответственно, возникали ассоциации со светом, и особенно со светом солнца. У бога-солнца тоже есть двойник и душа; что может быть более уместным, чем то, что их представляет гребенчатый ибис? Оставалось сделать еще один шаг, чтобы увидеть в птице воплощение самого бога-солнца.

Последующее развитие мифа было связано с тем, что бога Гелиополя продолжали изображать в виде человека. Его человеческий облик был слишком стереотипным в религиозном искусстве, чтобы его менять, и, следовательно, феникс никогда не отождествлялся с ним. Это была его душа, но не сам Ра. Сочетание человека и зверя можно было терпеть только в том случае, если оба они были скоординированными выживаниями из далекого прошлого. Тогда внутреннее противоречие между человеческим и звериным богом затушевывалось или игнорировалось.

С человеческим богом было тесно связано поклонение предкам, которое было столь же характерно для Египта, как и поклонение животным. В первую очередь, возможно, это было связано с верой в то, что Ка умершего человека нуждается в пище и питании, и что если он не получит их, то голодный двойник отомстит живым. По сей день египетские феллахи, как мусульмане, так и копты, в определенное время года посещают гробницы своих предков и, поев и выпив рядом с ними, кладут несколько зерен пшеницы или другое подобное подношение на полку перед окном, похожим на вход в гробницу. Но вера в материальные нужды Ка сама по себе не могла поддержать длинные ряды жрецов, которые были [pg 123] привязаны к культу мертвых или молитвам, обращенным к ним. Именно обожествление фараона стало причиной того, что "пророки" Хуфу и Хафра все еще посвящались во времена Двадцать шестой династии⁸⁵, и не позволяло изображать на стенах храмов формы священных животных. Пока существовал бог-человек на земле, мог существовать и бог-человек на небе; и в текстах пирамид Шестой династии мертвый Пепи или Тета - такой же бог, как и любое другое божество в пантеоне.

Когда осиреанская вера распространилась по всему Египту, и благочестивый египтянин ожидал, что после смерти он сам станет "Осирисом", появилась еще большая причина для божественных почестей, воздаваемых предку. Оказывая их ему, поклоняющийся воздавал их богу мертвых. А бог мертвых сам был одним из предков египетского народа. Он был человеческим богом, который когда-то правил на земле, и он все еще правил как фараон в мире за могилой. Как фараон был теоморфным человеком, так и Осирис был антропоморфным богом. В нем культ предков достиг своего полного развития.

Естественно, что фараоновский Египет был, насколько нам известно, местом рождения эвгемеризма. Там, где боги имели человеческий облик, а люди были богами, его возникновение было неизбежно. Обожествление фараона не позволяло провести какую-либо грань между живым человеком и божеством, которому он поклонялся. Как человек мог быть богом, так и бог мог быть человеком. Соответственно, боги Египта превратились в фараонов, которые жили, завоевывали и умирали, как фараоны в истории. Они отличались от современных людей [pg 124] только тем, что жили очень давно и поэтому обладали способностями, которые теперь утрачены. То, что они умерли, не сделало их менее божественными и бессмертными. Фараон тоже умер, как и предки, которым поклонялись в гробницах, но смерть означала не более чем переход в другую форму существования. Это было просто возрождение в новых условиях. Ка продолжал жить как прежде; не было никаких изменений ни во внешнем облике, ни в моральных и интеллектуальных способностях.

Фактически смерть бога была необходимым сопровождением антропоморфной формы религии. В Вавилонии храмы богов были также их гробницами, и даже у греков гробница Зевса была указана в Крете. Мертвому Нарам-Сину или мертвой Гудее в Халдее воздавался тот же культ, что и мертвому Хуфу в Египте. Нам нет нужды искать в каких-либо специфически египетских верованиях объяснение культа предков, который, наряду с обожествлением царя, она разделяла с Вавилонией.

Эвгемеризм египетского жречества стал звонком для старой веры. Шли века, росли более чистые и высокие представления о Божестве, и между "бесформенным" и вечным Творцом мира и человеком, ставшим богом, было слишком большое расстояние, чтобы его преодолеть. С одной стороны, боги национального вероучения превращались один в другого, пока ни один из них не приобрел характерную форму; с другой стороны, они превратились в простых человеческих царей, которые давно правили Египтом. Пантеистический Творец и обожествленные египтяне из вульгарной и прозаической истории не могли гармонично сочетаться друг с другом. Народ мог довольствоваться своими священными животными и амулетами, но мыслящая часть народа обращалась к греческой метафизике или отчаянному скептицизму. Уже во времена Одиннадцатой [pg 125] династии поэт, сочинивший дирг по царю Антефу, патетически выражает свои сомнения⁸⁶.

"Что такое судьба? говорят мудрые.

Исчезли очаги и дома,

Что делает или думает, кто умирает,

Никто не скажет нам об этом.

"Желание сердца твоего, радуйся,

Пользуйся мазью, пока жив;

Будь одет в золото и виссон,

Бери, что боги дадут.

"Ибо наступит день для каждого.

Когда голоса земли перестанут звучать;

Мертвецы не слышат речи скорбящих,

Слезы не могут восстановить".

[pg 126]

"Ешьте и пейте спокойно в этот день,

Когда ты уйдешь, твое добро останется;

Тот, кто проходит последний долгий путь

Не возвращается вновь".

Еще более безнадежными являются слова, вложенные в уста жены мемфисского
первосвященника в конце первого века до нашей эры

"О брат мой, супруг мой и друг мой!

первосвященник Мемфиса!

Не переставай пить и есть,

Наполнять себя вином и заниматься сладкой любовью;

Наслаждайся каждым праздничным днем и следуй своему желанию,

Пусть заботы не войдут в твое сердце

Все годы, что на земле ты останешься.

Подземный мир - страна густого мрака,

Печальное место для мертвых.

Они спят в своем обличье, чтобы никогда не проснуться.

и увидеть своих товарищей.

Отца и матери они не знают,

Не тоскуют они по женам и детям своим "87.

[стр. 127]

Лекция VI. Боги Египта.

На языке Древнего Египта слово *neter* означало "бог". Сэр П. ле Паж Ренуф пытался показать, что это слово первоначально означало "сильный" и что первые египтяне, соответственно, представляли своих богов как воплощение силы.⁸⁸ Но было отмечено⁸⁹, что там, где *neter* используется в значении "сильный", скорее имеется в виду похотливость молодости, и что лучше было бы перевести его как "свежий и энергичный". Глагол *neter* означает "расцветать" и "расти". Более того, возникает вопрос, есть ли вообще какая-либо связь между этим глаголом и словом "бог". Трудно понять, как боги могли быть описаны как "ростки", если только они не были задуманы как растения; а об этом в Древнем Египте нет никаких свидетельств. Мы должны довольствоваться тем фактом, что, насколько мы можем проследить историю слова *neter*, оно означало "бог" и только "бог".

Но мы также должны остерегаться предполагать, что египтяне вкладывали в него те же идеи, что и мы, или что оно имело одинаковый оттенок во все периоды их истории или среди всех классов народа. Пантеистическое божество Ху-н-Атена сильно отличалось от бога-солнца, сыновьями которого называли себя фараоны Пятой династии, а между [pg 128] божеством, которое народ видел в быке Аписе, и бесформенным и вечно живым Творцом жречества лежала пропасть, которую едва ли можно было преодолеть. Но даже концепцию Творца, сформированную жречеством, нам трудно осознать. Восемнадцать веков христианства наложили на нас свой отпечаток, и мы исходим из иных представлений, чем египтянин, к какому бы классу он ни принадлежал. Невозможно точно понять, что египтянин подразумевал под такими выражениями, как "жить вечно" или "не иметь формы"; даже слова "жизнь" и "форма" не имели для него того же значения, что и для нас. Все, что мы можем сделать, - это приблизиться к тому значению, которое он им придавал, помня, что наш перевод их на язык современности может быть только приблизительным.

Иероглифическая письменность, сохранившая воспоминания о времени, которое сами египтяне уже забыли, представляет идею "бога" в виде изображения топора. Изначально топор, по-видимому, состоял из заточенного кремня или металлического лезвия, закрепленного в деревянной рукоятке, которая иногда обматывалась полосками красной, белой и черной ткани.⁹⁰ Это возвращает нас в эпоху фетишизма, когда неодушевленные предметы рассматривались как божественные, и, возможно, отражает впечатление, которое произвели на местных жителей фараоновские египтяне с их металлическим оружием. Гору из Эдфу, как известно, служили кузнецы, а святилища, основанные им в честь завоевания Египта, назывались "кузницами". Двуглавый топор был божественным символом в Малой Азии,⁹¹ [pg 129] и как в старом, так и в новом мире фетиш заворачивали в ткани. Даже в Дельфах священный камень в дни праздников окутывали шерстью.

Таким образом, в священном топоре, обозначавшем бога, мы можем увидеть параллель со штандартами на носу доисторической лодки или с символами номов. Он должен был представлять богов тех захватчиков долины Нила, которые принесли с собой оружие из меди, и был символом расы завоевателей и божеств, которым они поклонялись. Как фараоны египтяне присвоили фетиши более древнего населения в своих скульптурах и рисунках, так и они присвоили бы то, что стало для неолитических людей знаком и эмблемой высшей власти.

Мы уже рассмотрели важный класс богов, которые имели солнечное происхождение. Были и другие боги стихийного характера, поклонение которым, похоже, не было изначально ограничено одной конкретной местностью. Такими были Себ, земля, Нут, небо, и Ну, первобытная глубина. Но они играли лишь небольшую роль в религии страны. В более

поздние времена Себ был известен главным образом как отец Осириса; в более раннюю эпоху он был грâ, или "наследственным принцем богов", титул, который отсылает нас к феодальному периоду Египта, когда еще не было фараона, правившего всей страной. Священным животным для него был гусь, возможно, из-за некоторого сходства в его названии; но он никогда не отождествлялся с ним и до последнего изображался в человеческом облике. Его символ, однако, породил космологический миф. Гусь стал матерью яйца, из которого родилась Вселенная.

Нут была женой Себа, скрепленной с ним брачными узами, как небо скреплено с землей. Кажется разумным видеть в ней женскую форму Ну, первобытного хаоса вод; и так считали египтяне исторического периода, [pg 130] поскольку они отождествляли ее с женой Нила и представляли ее сидящей на платане и льющей воду жизни на руки души у подножия дерева. Однако было высказано предположение, что Нут была более позднего происхождения, чем Нут, которая стала богиней Нила с головой змеи только после того, как сама Ну превратилась в Нил.⁹² Но идея водного хаоса не могла возникнуть на египетской земле. Там скорее пустыня представляла собой неформленное начало вещей; Нил растекался по уже существующей земле через регулярные промежутки времени и не был унылой пустой водой, из которой впервые возникла земля. Географическая родина этой идеи находилась в Вавилонии, на берегах вечно восстанавливающегося Персидского залива. А из Вавилонии вера в первобытную глубину распространилась по всей Западной Азии. Египетский Ну - аналог вавилонского Мумму, мать богов, так как Ну был их отцом. Профессор Хоммель, возможно, даже прав, отождествляя это имя с вавилонским Нун или Нуну, владыкой глубин.

Но Ну сохранился только в теологических школах, особенно в Гермополисе, современном Эшмунне. Богом Гермополя был Тот, египетский Декути. Вначале Тот, по-видимому, был луной, которая, как и в Вавилонии, была мужского пола. Легенда, повторенная [Плутархом](#)⁹³, повествует о том, как он получил пять промежуточных дней египетского года, играя в кости с луной; иногда его отождествляли с лунными богами Эа и Хонсу. Первый месяц года принадлежал ему, и он был измерителем времени, изобретателем арифметики и геометрии, музыки и астрономии, архитектуры и письма. Он знал магические формулы, которые могли связывать самих богов, и как [pg 131] министр фараона Тамоса ввел в Египте письменность и литературу. И впредь он оставался покровителем книг и образования, на которых во многом держалась культура Египта. По сути, он был богом культуры египтян, которому они обязаны элементами цивилизации.

Любопытно, что мы не знаем его настоящего имени, ведь Декути означает всего лишь бога, "который привязан к ибису". Был ли он на самом деле Ну? И действительно ли Тот является соединением бога луны и бога солнца? В любом случае богом культуры Вавилонии, который соответствовал Тоту, был Эа, глубина, а одним из самых ранних имен Эа было "бог Нун". Более того, сыном Эа был Асари, Осирис Египта; и как Асари наставлял человечество в мудрости и законах Эа, так и Тот выступал в роли служителя Осириса и решал его дела против Себа. Как и Эа, Тот написал первые книги, из которых люди почерпнули свои [законы](#)⁹⁴.

Как бы то ни было, Тот был творцом мира через слово своих уст. В космогонии Гермополя вселенная и управляющие ею боги - это творение его слова, которое в более поздние века превратилось в звук его голоса. Из Гермополя эта доктрина перешла в другие части Египта и при фиванских династиях имела тенденцию вытеснить или поглотить более древнюю гелиопольскую доктрину о сотворении мира поколением. Но эта доктрина была известна и в Вавилонии, где богом, чье слово является творческим, был Асари, Меродах семитов. В

вавилонском эпосе о творении "слово" Меродаха создает и разрушает, как и "слово" Яхве в Ветхом Завете. Я должен оставить для другой лекции рассмотрение вопроса о том, насколько [pg 132] Логос александрийской философии подвергся влиянию теологии Гермополя.

Независимо от того, был ли Тот первоначально Ну или нет, Ну в любом случае является вторым членом гермопольской Эннеады. Профессор Масперо показал, что она была создана по образцу Гелиопольской Эннеады.⁹⁵ Но в соответствии с более абстрактным характером космогонии, частью которой она была, божества, из которых она состоит, являются абстракциями, которые выглядят странно неуместными в египетском пантеоне.

Ну сопровождается женской Нут, которую не следует путать со старой богиней неба, и от них происходят последовательные пары $\text{H}\bar{\text{e}}\text{H}\bar{\text{u}}\text{i}$ и $\text{H}\bar{\text{e}}\text{H}\bar{\text{e}}\text{t}$, Кек и Кекет, Нини и Нинит, "вечность", "тьма" и "инерция".⁹⁶ Вся схема скорее азиатская, чем египетская, но боги, составляющие ее, уже упоминаются в текстах пирамид.

Четыре пары абстрактных божеств составляли "восемь" богов, в честь которых Гермополь получил одно из своих имен (Хмуну, ныне Ашмун), и к которым часто обращались как к "богу восьми", подобно "богу семи" в Вавилонии. Профессор Масперо видит в них философское развитие четырех циноцефальных обезьян, которые сопровождали Тота и приветствовали первую полосу рассвета. Но это развитие трудно проследить, и обезьяны, которые являются спутниками бога, вероятно, имели другое происхождение. Они, несомненно, должны были прийти из Судана; в Египте в исторические времена не было обезьян. Более того, только Тот из Гермополя в Верхнем Египте нашел их; Тот из Гермополя Парва в дельте [pg 133], правильно говоря, не знал их. Но с ранних времен "пяти богам" - Тоту и его четырем обезьянам-последователям, чье обличье он иногда принимал, - поклонялись в Эшмунене. Его храм назывался "Обителью Пяти", а его верховный жрец - "Великим из Дома Пяти"⁹⁷.

Как получеловеческие обезьяны Центральной Африки стали ассоциироваться с Тотом, мы не знаем. Между бабуинами, которые поют гимны восходящему и заходящему солнцу и луне, и богом культуры практически нет связи. Но любопытная биография, найденная в гробнице в Ассуане, проливает на это свет. Херхуф, о котором идет речь в биографии, был послан Хор-эм-сафом из Шестой династии в исследовательскую экспедицию в Ливийскую пустыню к югу от Первого катаракта, и он привез с собой карлика Данга, "который танцевал танцы бога", как и другой карлик Данга, привезенный из Пунта в окрестности Суакима или Массая во времена Пятой династии. Карлик, очевидно, рассматривался Херхуфом как разновидность бабуина, если судить по его рассказу о том, как с ним обращались; даже сегодня обезьяна в зоологических садах Гизы называется низшими классами в Каире "дикарем".

Путешественники описывали танцы и крики отрядов обезьян на рассвете, когда солнце впервые освещает землю, и для первобытного человека было естественно предположить, что эти танцы были в честь возвращения бога дня. Танцы в честь богов были распространены по всему миру; более того, среди варварских [pg 134] и диких народов танцы носят в основном религиозный характер. Даже Давид танцевал перед ковчегом, а мальчики до сих пор танцуют перед главным алтарем в соборе Севильи. На то, что танцы изображены на доисторической керамике Египта, указывал М. де Морган⁹⁸; а поскольку карлик Данга происходил из полумифической страны на юге, которая была известна египтянам как "земля богов", и где также обитали обезьяны Тота, было разумно полагать, что он знал танец, который был бы угоден богам⁹⁹.

Поэтому я считаю, что обезьяны Тота вначале были карликовыми обезьянами или обезьяноподобными карликами, которые танцевали в его честь в храме Гермополя. Постепенно их охватил тот символизм, который был неотделим от религии, столь тесно

связанной с пиктографической системой письма; из танцовщиц они стали последователями бога, которые пели восходящему и заходящему солнцу гимны, сочиненные Тотом. Но это происходило тогда, когда поклонение гелиопольскому богу солнца уже распространилось на Гермополь, и культ Тота смешался с культом Ра. Взаимное влияние теорий творения, которым обучали жрецы двух городов, показывает, как рано это произошло.

Не исключено, что между четырьмя бабуинами и четырьмя элементарными богами гермопольской теологии действительно существовала связь. Но это было не в порядке развития. Скорее, поскольку богов было четыре, то и танцовщиц в их храме тоже было четыре. Каждому богу, так сказать, приписывалась обезьяна.

Влияние Гермополя относится к до-менской эпохе Египта; мы уже вряд ли можем назвать его доисторическим. Так же, как и влияние Нехена, некогда [pg 135] столицы царства Верхнего Египта. В одной из предыдущих лекций я уже рассказывал о его стервятникообразной богине Нехеб, супруге ястреба Гора, чей храм в Эль-Кабе охранял выход из Красного моря, и которая в Фивах была известна как Мут, "мать". На самом деле она была богиней всего Верхнего Египта, поклонение которой распространилось на него в те времена, когда Нехен был его правящим городом. Боги фараона следовали за распространением его власти.

В ранних надписях Первого катаракта богиня с головой стервятника, сидящая на своей корзине, отождествляется с местным божеством Сати (правильнее Сути), "азиаткой". От нее получил свое название остров Сехель, где стояло ее святилище до того, как Исида из Филе вытеснила ее из своего господства. Ее символом была стрела, название которой совпадало с именем богини, и которая, кроме того, была подходящей эмблемой враждебных племен пустыни. Уже на доисторической керамике она появляется в качестве священного фетиша на "флагштоке" или штандарте на носу лодки.

Примечательно имя Сати, или, скорее, Сути. Это не только имя богини Первого катаракта, но и название, данное египтянами кочевым племенам Азии. Но не только египтяне использовали его в этом смысле. С незапамятных времен имя Сутэ имело точно такое же значение у вавилонян. Этот факт не может быть случайным; а поскольку Сутэ имеет вавилонское происхождение, мы имеем в нем новое доказательство связей фараоновских египтян с первобытной Вавилонией.

Но богиня Сати не одинока. Был еще бог Сет (или Сут), брат-близнец и враг Осириса, и, как Исаф в древнееврейской истории, представитель пустыни; а в Катаракте ее спутницей была другая богиня, по имени Внукет. *Ânuqet* - это [pg 136] женского рода *Ânuq*, ветхозаветная *Ânaq*. Чужеземная природа Внукет давно признана, ведь она носит на голове не египетский головной убор - шапочку, окаймленную перьями. Такой же головной убор носит бог Бес, которого египтяне вывезли из страны Пунт на берегах Красного моря. Похожий головной убор носят Заккал на побережье Палестины, по соседству с "сыновьями Внака", а также вавилонский царь Меродах-надин-ахи на памятнике, хранящемся в Британском музее. ¹⁰⁰ Таким образом, все указывает на то, что он был азиатского происхождения; возможно, он был сделан из страусовых перьев, которые до сих пор собирают в Аравии и даже на восточном берегу Иордана.

Греки отождествляли Внукет с Гестией, а Сати - с Херой. Вероятно, это было связано с тем, что Сати была женой Хнума (или Кнефа), бога катаракты. Сати также была известна как Хекет, "лягушка", которая должна была родиться из грязи, оставшейся после затопления Нила. Таким образом, она стала символом воскрешения и, соответственно, была принята христианами Египта. Отсюда и частота его изображения на лампах позднеермского периода.

Хнум, как и фиванский бог, был бараном, и, соответственно, обычно изображается с головой барана. Но изначально он не мог быть таким. И снова старый фетиш района, священное животное нома, должно быть, слился с богом, которого принесли с собой фараонские захватчики. Ведь Хнум был гончаром, о чем говорит его имя, а в Филе о нем сказано, что он был "формовщиком (khnum) людей, модельером [pg 137] богов."¹⁰¹ Поэтому его называют "творцом всего этого, создателем всего существующего, отцом отцов, матерью матерей", "создателем неба и земли, нижнего мира, воды и гор", "который создал самцов и самок птиц и рыб, диких зверей, скотов и ползучих тварей".

В Вавилонии Эа, бог культуры и творец, также назывался "гончаром", и именно таким образом он лепил богов и людей.¹⁰² В то же время, как и Хнум, он был богом воды. В то время как катаракта Нила была домом Хнума, Персидский залив был местом обитания Эа. Связь между водой и лепщиком из глины очевидна. Только там, где вода заливает почву и оставляет после себя влажную глину, может процветать искусство [гончара](#)¹⁰³.

Но была ли связь между вавилонским богом, которому поклонялись в древнем морском порту Халдеи, и богом египетского Катаракта? Мы видели, что жена Хнума называлась "азиаткой", причем сама форма этого имени была вавилонской. Далее мы видели, что ее спутница Внукет также была [pg 138] из Азии, и что ее традиционный головной убор хранит память об этом факте. Существует дорога от Красного моря в Ассуан, а также в Эль-Каб; возможно, она восходит к тем доисторическим временам, когда фараоны египтяне пробирались через пустыню в долину Нила, как их семитские сородичи в более поздние времена пробирались в горные районы Абиссинии.

Создатель, которому поклонялись в Мемфисе, на другом конце долины Нила, тоже был гончаром.¹⁰⁴ Это был Птаха, чье имя происходит от корня, означающего "открывать". Согласно Порфирию, он появился на свет из яйца, которое вышло из устья Кнефа. Но, скорее всего, это имя связано с церемонией "открытия рта" мумии или статуи мертвеца долотом, пальцем или красной галькой, чтобы придать ей способность принимать дыхание жизни и укрывать двойника или [душу](#)¹⁰⁵. Птаха изображался в виде мумии; на самом деле он был одним из богов подземного мира, которые, подобно Осирису или мумифицированному Гору из Нехена, имели свои гробницы, а также храмы. Однако он должен был стать творческим гончаром, прежде чем превратиться в мумию. Возможно, его превращение относится к периоду слияния с Сокарисом, который, по-видимому, был богом кладбища в Мемфисе.¹⁰⁶ В любом случае, Птаḥ и [pg 139] Хнум - это одинаковые формы одного и того же первобытного божества, а имена, которые они носят, являются лишь эпитетами. В Филе Птаḥ изображен как собирающийся вылепить человека из куска глины, а Хнуму, или "творцы", которые помогали ему создавать мир, были его детьми.¹⁰⁷

Хнуму - это Патэки Геродота (iii. 37), чьи фигуры, по словам греческого писателя, были вырезаны финикийцами на носах их судов, вероятно, для защиты от дурного глаза. Это были карлики, похожие на данговского карлика Херхуфа или бога Беса, с толстыми головами, согнутыми ногами, длинными руками и кустистыми бородами; их терракотовые фигурки часто встречались в гробницах. Из названия Патэки можно сделать вывод, что они были заимствованы финикийцами из Египта. Но также возможно, что и Египет, и Финикия заимствовали их из одного и того же источника. Д-р Шейл отметил, что подобная фигура встречается на ранних вавилонских печатях-цилиндрах, где ее шумерское имя звучит как "бог Нугидда" или "карлик", а сам он иногда изображается танцующим перед богиней Истар.¹⁰⁸ Однако до сих пор не обнаружено ни одного текста, в котором бог Нугидда ассоциировался бы с творцом мира.

Когда Мемфис стал столицей Египта и резиденцией фараона, его бог также стал верховным в египетском пантеоне. Но он уже не был просто Птахом-творцом. Он уже был объединен с Сокарисом, а возможно, и с Осирисом. Нетрудно было выделить двух мумифицированных богов, чья сфера обитания находилась среди мертвых. С распространением гелиопольского поклонения солнцу и сопутствующего ему духа пантеистического синкретизма индивидуальность старого мемфисского бога была еще более утрачена. Он был [pg 140] слит с Таненом или Татуненом, местным богом земли, а также с Ра. Он уже стал главой эннеады, а теперь эннеада была преобразована в троицу. Нофер-Тум, "украшенный Тумом", был привезен из Гелиополя и стал сыном Птаха, однако впоследствии его заменила другая абстракция - Им-Хотеп, "тот, кто приходит с миром".¹⁰⁹ Им-Хотеп считался первым хер-хебом или иерофантом; именно он произносил и толковал литургию мертвых и магические формулы, возвращавшие здоровье больным и воскрешавшие мертвых. Греки отождествляли его с Асклепием.¹¹⁰ И Им-Хотеп, и Нофер-Тум были сыновьями Сехет, львиноголовой богини из Летополя, откуда она, должно быть, была заимствована мемфитскими жрецами, когда древний бог-гончар стал генератором и ему понадобилась жена.

С упадком мемфитских династий и падением Старой империи главенствующая роль Птаха в египетском пантеоне подошла к концу. Бог царского города был отождествлен с богами провинциальных номов; его храм в Мемфисе стал главенствовать над всеми остальными, и местные жрецы были довольны тем, что их божества нашли в нем приют в качестве форм Птаха. Его даже отождествляли с Ḥrī, Нилом, хотя, возможно, звуковое сходство между священным именем реки и именем быка Аписа (Ḥrī) способствовало отождествлению.¹¹¹

[pg 141]

То, что Нилу поклонялись по всей земле Египта, вполне естественно. Сама земля была его даром, урожаи, которые на ней росли, и население, которое она поддерживала, - все зависело от его щедрости. Когда Нил иссякал, люди голодали; когда Нил был полон, Египет был страной довольства и изобилия. Удивительно, что культ Нила не был более заметным, чем он был. Храмы, построенные в его честь, не были ни многочисленными, ни значимыми, а его жрецы не обладали теми же полномочиями, что и жрецы других богов. Но причина этого объясняется историей. Неолитическое население страны жило в пустыне; Нил был для них не более чем создателем ядовитых болот и опасных джунглей, где дикие звери и ядовитые змеи подстерегали незваного гостя. Фараоновские египтяне принесли с собой собственных богов, которые, естественно, стали божествами номов. Когда река была запружена, а ее воды стали благословением, а не проклятием, священные животные и боги номов слишком прочно укоренились, чтобы их можно было [вытеснить](#)¹¹².

Но отсталость государственной религии компенсировалась благочестием отдельных людей. Гимны Нилу, подобные тем, что были высечены на скалах Сисилиса Менептой и Рамсесом III, дышат духом благодарности и преданности, который трудно превзойти.

"Слава тебе, о Нил!

который явил себя над этой землей",

[pg 142]

и пришедший дать жизнь Египту!

Таинственен твой выход из тьмы,

в этот день, когда он празднуется!

Орошая сады, созданные Ра
чтобы напоить весь скот,
Ты даешь земле пить, неисчерпаемый!...
Повелитель рыб, во время наводнения,
ни одна птица не прилетает на посевы.
Ты создаешь пшеницу, Ты рождаешь ячмень,
гарантируя храмам вечность.
Если ты прекратишь свой труд и свою работу,
то все сущее будет страдать.
Если боги страдают на небесах,
то и лица людей унывают.
Нет жилища, которое могло бы вместить тебя!
Никто не проникнет в твое сердце!
Юноши твои, дети твои, рукоплещут тебе
и оказывают тебе царское почтение.
Непоколебимы постановления твои для Египта
перед северными рабами твоими.
Он осушает слезы на всех глазах,
и охраняет приумножение благ своих.....
Установитель справедливости, человечество желает тебя,
умоляя Тебя, чтобы Ты ответил на их молитвы;
Ты отвечаешь им наводнением!
Люди приносят тебе первые плоды кукурузы;
все боги обожают тебя!...
Праздничная песнь возносится для тебя на арфе,
под аккомпанемент рук.
Юноши твои и дети твои прославляют тебя,
и готовят свои упражнения.
Ты - величественное украшение земли,
и кора твоя - пред людьми,
возвышаешь сердце рожениц,

и любишь множество стад.

Когда ты сияешь в царском городе,

богач насыщается благами,

даже бедняк презирает лотос;

все, что произрастает, - отборнейшее;

Все растения существуют для детей твоих.

Если ты отказываешься от пищи,

жилище молчит, лишенное всего хорошего",

[pg 143]

страна истощается...

О Нил, приди (и) процветай!

О ты, который заставляешь людей жить благодаря своим стадам,

а его стада - его сады!"¹¹³

Господство Мемфиса сменилось господством Фив, а при фиванских династиях, соответственно, Амон, фиванский бог, стал главенствующим в государственной религии Египта. Но прежде чем мы проследим историю его восхождения к верховенству, необходимо сказать несколько слов о египетских богинях. Женщина занимала важное положение в египетском доме; через нее прослеживалась чистота крови, и она даже восседала на троне фараонов. Божественная семья, естественно, соответствовала семье земной. Египетская богиня не всегда была бледным отражением бога, как семитская супруга Ваала; напротив, существовали богини номов, как и боги номов, и богиня-нома была точно на той же ступени, что и бог-нома. Нит из Саиса или Хатор из Дендеры ничем не отличались по своей божественной силе от Птаха из Мемфиса или Хнума из Катаракты. Подобно богам, они также становились главами эннеад или воплощались в Троице, когда сначала учение о Эннеаде, а затем о Троице пробивало себе дорогу через теологические школы. Каждый из них даже называется "отцом отцов", а также "матерью матерей" и занимает место Тума как создатель неба и [земли](#)¹¹⁴.

Нит возвысилась при Двадцать шестой династии. Ее город Саис до этого не играл никакой роли в истории, но и ее богиня, и ее святилище имели древнюю [pg 144] дату.¹¹⁵ О природе богини, однако, мы знаем немного. Ее изображают в виде женщины с челноком в качестве эмблемы, а в руках она держит лук и стрелы, как ассирийская Истар или греческая Артемида. Но сдвоенная стрела была также символом нома, который был пограничным районом, подверженным нападениям ливийских племен. Греки отождествляли ее со своей Афиной из-за небольшого сходства имен.

Сехет, или Баст из Бубастиса, более известна. Иногда у нее голова льва, иногда кошки. В Филе о ней говорят, что "она дикая, как Сехет, и мягкая, как Баст".¹¹⁶ Но лев должен был предшествовать кошке. Ранние жители долины Нила были знакомы со львом; кошка, по-видимому, была завезена из Нубии в эпоху Одиннадцатой династии. Во времена Старой империи не было божества с кошачьей головой, потому что не было кошек. Но когда кошка появилась, она с самого начала стала священным животным.¹¹⁷ Лев Сехета был превращен

в кошку; и с течением веков это одомашненное животное стало объектом поклонения, которое приобрело фанатичный характер. Геродот утверждает, что когда в доме случался пожар, египтяне его времени думали только о том, чтобы спасти кошек; и по сей день кошка [pg 145] почитается выше всех других животных на берегах Нила. Главное святилище Баст находилось в Бубастисе, где, однако, раскопки д-ра Навилля показали, что она стала главным божеством только после прихода Двадцать второй династии. [118](#)

Богини переходили одна в другую еще охотнее, чем боги. Сехет поочередно превращалась в Уазит и Мут, Селк - в скорпиона, а Хатор - в Дендеру. Пепи I., даже в Бубастисе, все еще называет себя сыном Хатхор.

Хатхор играла среди богинь ту же роль, что и Ра среди богов. Она постепенно поглотила другие женские божества Египта. Они превращались в ее формы, как боги превращались в формы Ра. Цари Шестой династии называли себя ее сыновьями, так же как они называли себя сыновьями бога Солнца. Она управляла подземным миром; она также управляла любовью и наслаждением. Семь богинь, которые, подобно феям-богатырям, даровали новорожденному все блага, назывались ее именем, и она даже отождествлялась с Мут, звездным небом. Ее главное святилище находилось в Дендере, основанном в первые дни фараоновского завоевания Египта. Здесь она была верховной; даже Горус старший и [младший](#) [119](#), вынужденные образовать с ней трицу, оставались мирскими фигурами и не более того.

Иногда она изображалась в виде коровы, иногда - в виде женщины с головой коровы, несущей между рогами солнечный диск: ведь с древнейших времен она ассоциировалась с солнцем. Иногда к ней обращаются как к дочери Ра; [120](#) иногда бог солнца - ее сын. [pg 146] В Дендере солнечный шар изображен поднимающимся с ее колен, а его лучи окружают ее голову, которая покоится на Баху, горе солнца. В другой камере того же храма мы видим ее вместе с ее сыном Гором в виде ястреба с женской головой в самом центре солнечного диска, который медленно поднимается с восточных холмов. Когда Исида изображается в виде коровы, это связано с тем, что она рассматривается как форма Хатхор. [121](#)

Первоначальный образ Хатхор был предметом споров. Одни ученые изначально представляли ее как небо или космос в целом, другие называли ее богиней света, а третьи даже отождествляли с луной. В легенде об уничтожении человечества Ра она предстает как глаз бога солнца, который занимается своей работой ночью; а в тексте из Дендеры о ней говорится, что она "покоится на своем троне в месте для созерцания солнечного диска, когда яркое соединяется с ярким". В любом случае она тесно связана с восходящим солнцем, первые лучи которого окружают ее голову.

Египетская традиция утверждала, что она пришла из страны Пунт, с тех берегов Аравии и противоположного африканского побережья, откуда фараонские переселенцы проложили свой путь в долину Нила. Кроме того, она была богиней семитских кочевников Синайского полуострова; иными словами, здесь ее отождествляли с Ашторет или Истар семитского мира. [122](#) Имя Хатхор не кажется египетским. Оно написано с помощью своеобразного ребуса, столь распространенного в идеографических формах письма. [pg 147]

Произношение имени дается с помощью идеограмм, значения которых не имеют с ним ничего общего, хотя звуки слов, которые они выражают, приближаются к его произношению. Так, имя Хатхор обозначалось путем написания ястреба Гора внутри изображения "дома", название которого было Хат. Подобный способ обозначения имен часто встречается в идеографической письменности древней Вавилонии; так, имя Асари, египетского Осириса, выражается путем помещения изображения глаза (shi) внутрь изображения места (eri).

Имя Хатор, таким образом, изначально не имело никакого отношения ни к Гору, ни к дому Гора, какими бы ни были домыслы, которые жрецы более позднего времени основывали на письменной форме этого имени. Это была лишь попытка, подобная тем, что были распространены в ранней письменности Вавилонии, изобразить произношение имени, которое не имело никакого значения в египетском языке. Но это имя мы встречаем в древних надписях Южной Аравии. Там оно фигурирует как имя бога Аттара. Но сам Аттар был заимствован из Вавилонии. Это имя вавилонской богини Истар, первоначально утренней и вечерней звезды, которая, как гласит астрономический текст, была одновременно и мужчиной, и женщиной. Как мужское божество она почиталась в Южной Аравии и Моаве; как богиня любви и войны она была главной богиней Вавилонии, покровительницей ассирийских царей и Ашторет в Ханаане. Когда с развитием астрономических знаний утренние и вечерние звезды стали отличаться друг от друга, в одной части Западной Азии она по-прежнему отождествлялась с одной, в другой - с другой.

Хатор - это, как я полагаю, Истар вавилонян. Она совпадает с Истар как по имени, так и по атрибутам. Форму имени можно проследить до [pg 148] Истар через Аттар Южной Аравии, той самой земли Пунт, откуда, как говорят, пришла Хатор. В Египте, как и в Вавилонии, она была богиней любви и радости, и ее связь с солнцем можно объяснить естественным образом, если изначально она была утренней звездой.¹²³ Даже ее животный облик связывает ее с Халдеей. Доктор Шейль опубликовал вавилонскую печать эпохи Авраама, на которой корова, дающая молоко телят, изображена как символ Истар, а в гимне времен Ассур-бани-пала богиня отождествляется с коровой.¹²⁴

У меня осталось совсем немного времени, чтобы рассказать о богах, которые пронизывали и преобразовали египетскую теологию в тот период, о котором мы знаем больше всего. Это боги Фив. На протяжении веков Фивы были доминирующим центром могущественного и объединенного Египта, а их главный бог Амон следил за судьбой своего города.

Поскольку слово "амон" означает "скрывать", жрецы обнаружили в боге воплощение таинственной и скрытой силы, которая пронизывает и управляет вселенной и материальным органом которой является солнце. Но такие открытия были продуктом более позднего времени, когда истинное значение имени было давно забыто, а фиванская теология стала пантеистической. Что на самом деле означал Амон, жрецы не знали, да и мы не в курсе.

Однако Амон был местным богом Фив, а точнее Карнака, и, похоже, с самого начала был богом солнца. Но у него был соперник в лице божества-воина Менту [pg 149] из Гермонтиса, который также, вероятно, олицетворял солнце. Во всяком случае, Менту имел голову ястреба и, следовательно, должен был быть местной формой Горуса - того Горуса, последователями которого были фараонские египтяне.¹²⁵ Как и Горус, он тоже был богом войны и, соответственно, отождествлялся в текстах Девятнадцатой династии с ханаанейским Ваалом, "Господом Саваофом". Но он также воплощался в священном быке, которому поклонялись в Эрменте и о котором я рассказывал в одной из предыдущих лекций. Этим он отличался от Амона, которого отождествляли с бараном, священным животным аборигенов, причем не только в Карнаке, но и во всем прилегающем [районе](#)¹²⁶.

Но Амон обычно имел человеческий облик с двумя высокими перьями, возвышавшимися над его короной. При фиванских династиях он стал верховным богом сначала Египта, а затем и всей Египетской империи. Все остальные боги должны были уступать ему и терять свою индивидуальность. Его верховенство началось с возвышением Одиннадцатой и Двенадцатой династий; оно было на мгновение остановлено завоеванием Египта гиксосами, но в итоге оказалось лишь новым импульсом. Именно фиванские принцы, слуги Амона,

подняли штандарт восстания против азиатского вторженца и в конце концов изгнали его обратно в Азию. Амон был их помощником в войне за независимость, и именно он впоследствии одержал для них победы в Сирии и Эфиопии. Слава и богатство Египта принадлежали ему, и на его храм и город, соответственно, были [pg 150] растащены трофеи Азии, а поезда пленников работали под плетью. Кроме того, вторжение гиксосов и последовавшая за ним долгая война за независимость уничтожили власть старых феодальных князей, в то время как власть фараона укрепились и развилась. Влияние провинциальных богов ушло вместе с феодальными князьями, чьими покровителями они были; верховенство фараона подразумевало и верховенство бога фараона. В Египте не осталось никого, кто мог бы оспорить гордую похвальбу фиванца, что Амон - "единный бог".

Но он стал единым богом не путем уничтожения, а путем поглощения других богов страны. Доктрины Эннеады и Троицы подготовили для этого путь. Они учили, как легко боги государственной религии могут быть слиты один с другим; что их атрибуты конвертируемы и в то же время являются всем тем, что придает им особую индивидуальность. Атрибуты были для египтянина не более чем конкретными символами, с помощью которых они выражались в картинной письменности; личность была не более чем именем. И символы, и имя могли быть изменены или заменены по желанию.

Процессу слияния способствовало отождествление Амона с Ра. Распространение гелиопольского солнечного культа привело к тому, что имя и поклонение Ра вошли во все храмы Египта; местные боги как бы влились в него, и даже богини были вынуждены стать его женами или дочерьми. Фараон, даже фиванский, все еще оставался "сыном бога солнца"; поскольку Амон был также его "отцом", напрашивался вывод, что Амон и Ра - одно и то же.

В фиванский период, соответственно, Амон уже не простой бог. Он - Амон-Ра, которому переданы все атрибуты Ра. Солнечный элемент [pg 151] преобладает в его характере; и, поскольку другие боги страны являются лишь подчиненными формами Амона, в их характерах он также преобладает. Большая часть религиозной литературы Египта, которой мы располагаем, относится к фиванскому периоду или происходит от него; поэтому неудивительно, что египтологи были склонны видеть бога-солнце повсюду в египетской теологии.

Фиванская триада была смоделирована по ортодоксальному образцу. Мут, "мать", местный эпитет богини Южного Египта, стала женой Амона, а Хонсу, местный бог луны, - его сыном. Но, обретая эти отношения, Хонсу утратил свою изначальную природу.¹²⁷ Поскольку божественный сын был един со своим божественным отцом, он тоже стал богом солнца, с солнечным диском и головой ястреба. Однако в качестве разработчика архитектурных планов он все еще сохранял воспоминания о своем первоначальном характере. Но в конце концов его вытеснил Менту, что стало следствием упадка Фив и возвышения Эрмента во главе нома. Нет нужды говорить, что Менту задолго до этого стал Менту-Ра.

Мы можем проследить эволюцию Амона благодаря множеству текстов, относящихся к периоду, когда его город был верховным. Мы можем наблюдать, как он медленно поднимается от положения неясного провинциального божества к положению верховного бога всего Египта, и можем проследить причины, которые привели к этому. Мы видим, как он объединяется с богом-солнцем, а затем поглощает в себя всех остальных египетских богов. Теологическая мысль, предметом и центром которой он был, постепенно, но неумолимо переходит от узкой формы политеизма к материалистическому пантеизму. На этом, однако,

все и заканчивается. Он никогда не продвигается дальше в монотеизм, в котором [pg 152] творец отделен от своего творения. При всей своей духовности египетская концепция божественного оставалась конкретной; теологи Египта никогда не избегали влияния символа и не признавали бога за материей и отдельно от нее. Именно через материю они познали Бога, и в конечном итоге именно материей была ограничена их концепция Божества.

[pg 153]

Лекция VII. Осирис и осирианская вера.

Легенда об Осирисе в том виде, в каком она существовала в конце первого века, записана Плутархом. Она была собрана из мифов и народных преданий разных эпох и разных местностей, бытовавших об этом боге. Египетским жрецам было очень трудно увязать их в единую историю; будь они греческими или римскими историографами, они бы решили эту проблему, объявив, что существовал не один Осирис; как бы то ни было, они довольствовались тем, что изложили различные рассказы о его смерти и судьбе рядом друг с другом, а затем согласовали их, как могли.

Что касается общих черт легенды, то здесь не было никаких разногласий. Осирис был египетским фараоном, который посвятил свою жизнь добру, внедрению элементов искусства и культуры среди своих подданных и превращению их из дикарей в цивилизованных людей. Он был сыном бога Солнца, рожденным в первый из дней интеркаляции, братом и мужем Исиды, а также братом Сета или Сута, которого греки называли Тифоном. Тифон взял в жены свою сестру Нефтис или Небхат, но ее сын Анубис, шакал, провозгласил Осириса своим отцом.

Осирис отправился из своего египетского царства, чтобы покорить мир искусством мира, оставив Исиду править в его отсутствие. Когда он вернулся, Сет и семьдесят два его товарища по заговору заточили его с помощью ремесла в сундук, который бросили в Нил. В те времена, когда Ханаан [pg 154] стал провинцией Египетской империи, а между финикийскими городами и Дельтой существовали тесные связи, говорили, что сундук переплыл через море в Гебал, где впился в сердцевину дерева, которое затем было срублено и превращено в одну из колонн царского дворца. Исида бродила из края в край в поисках потерянного мужа и оплакивала его; наконец, она прибыла в Гебал, сумела извлечь сундук из тайника и вернуть его в Египет. Но более древняя версия легенды ничего не знала о путешествии в Гебал. Сундук действительно был найден Исидой, но недалеко от устья Нила. Здесь он был похоронен некоторое время; но Сет, охотясь ночью, обнаружил его и, открыв крышку, разрубил тело на четырнадцать частей, которые разбросал по ветру. Тогда Исида взяла лодку и стала искать эти куски, пока не нашла их все, кроме одного. Там, где находили кусок, впоследствии возникала гробница Осириса. Исида и Нефтис тщательно собрали все части, а Анубис забальзамировал тело. Это была первая мумия, сделанная в мире.

Тем временем младший Горус был рожден Исидой и тайно воспитан в Буто, в болотах Дельты, вне досягаемости Сета. Как только он вырос до человеческого роста, он собрал вокруг себя своих последователей и приготовился отомстить за смерть отца. Долгой и ожесточенной была борьба. Однажды Сет был взят в плен, но освобожден Исидой; тогда Горус в порыве

гнева отрубил голову своей матери, которую Тот заменил головой коровы. Согласно одному из рассказов, поединок закончился победой Гора. Враги были изгнаны из одного нома в другой, и Горус сел на трон своего отца. Но есть и другие, которые утверждают, что борьба продолжалась с переменным успехом [pg 155], пока, наконец, Тот не был назначен арбитром и не разделил Египет между двумя противниками. Южный Египет достался Гору, Северный - Сету.

Трудновато распутать нити, из которых соткана эта история. В ней смешались элементы разного рода. Гора младшего, посмертного сына Осириса, отождествили с Гором старшим, древним богом солнца Верхнего Египта, а легенды, связанные с последним, перенесли на сына Исиды. Вечная война между добром и злом была неразрывно связана с войной между фараоновыми египтянами и более древним населением. Солнечная теология вторглась в миф об Осирисе, сделав его сыном Ра и наделив солнечными атрибутами. Шакал Анубис, стороживший кладбища Верхнего Египта, был ввергнут в него и стал слугой и служителем бога мертвых, который заменил его. К нему была применена доктрина Троицы, а Анубис и Нефтис, которые изначально были союзниками Осириса, были вынуждены объединиться с Сетом. То тут, то там в легенде воплощаются старые забытые обычаи или фрагменты фольклора: расчленение Осириса, например, указывает на то время, когда неолитические жители Египта расчленяли своих мертвецов; а сохранение тела Осириса в сердцевине дерева имеет отголосок в "Сказке о двух братьях", в которой таким же образом сохранялась индивидуальность героя. Зеленое лицо, с которым изображался Осирис, также является традиционным воспоминанием об обычае раскрашивать лицо умершего зеленой краской, который практиковался неолитическим населением Египта.

В личности Осириса есть три основных факта, которые четко выделяются среди мифов и теологических выдумок, собравшихся вокруг его имени. Он был [pg 156] человеческим богом; он был первой мумией; и он стал богом мертвых. А рай, которым он управлял и в который попадали верные души, верившие в него, был полем Алу, землей света и счастья.

Сехет Алу, "поле Алу", по-видимому, было кладбищем Бусириса среди болот Дельты.¹²⁸ Это название означало "поле болотных мальв" - "асфodelевые луга" Одиссея - и относилось к одному из островов, которых было так много в северо-восточной части Дельты. Именно здесь, в номе, богом-феодалом которого был Осирис, первоначально находился рай его последователей, хотя пришло время, когда он был перенесен с земли на небо. Но когда Осирис впервые стал повелителем мертвых, земля, куда они последовали за ним, все еще находилась в пределах Египта.

Поэтому кажется, что профессор Масперо прав, считая, что Осирис был главным богом Бусириса в Дельте. Это единственное царство, в котором он формально был главенствующим божеством под титулом Внз, "царь", и оно граничило с Гермополем, который был посвящен ибису-богу Тоту, так тесно связанному с историей Осириса.¹²⁹ На севере стоял храм Исиды-Реннет,¹³⁰ на юго-западе - Фарбетос (Хорбет), где поклонялись Сету, а Горус был богом многих соседних царств. Таким образом, весь цикл осирийских божеств можно найти в пределах небольшого участка Дельты.

[pg 157]

Название Бусирис означает просто "место Осириса". Первоначально он назывался Дадду, "две колоннады" ¹³¹, и Осирис стал известен как его владыка. Именно под этим именем он воплотился в барана соседнего города Мендеса на восточной границе Гермополя. Баран стал его душой, тем более что египетские слова "баран" и "душа" произносились одинаково или похоже. В Дендере говорят, что в баране Мендеса Осирис снова стал молодым; а в более

поздние времена солнечного синкретизма в его теле соединились четыре души Ра и Осириса, Шу и Хеперы. Как далеко в прошлое ушло это отождествление бога и священного животного, мы не знаем. Но важно, что поклонялись животному не в самом Дадду, а в соседнем городе, хотя на печати-цилиндре, относящейся к древнейшему периоду египетской истории, уже говорится, что Дадду был "городом барана" ¹³².

Небхат и Анубис изначально не имели ничего общего с богом Бусирисом. Небхат, по сути, всего лишь титул, который окаменел в имени божества. Это всего лишь обычный титул египетской женщины как "хозяйки дома", которая, таким образом, стоит на одной ступени с "хозяином дома", ее мужем. Этот титул мог быть присвоен любой богине, зачатой в человеческом облике, и, несомненно, применялся [pg 158] к Исиде, жене Осириса. Он был "владыкой" города, она - "хозяйкой дома". Это напоминает нам о том, как обращались к божествам Вавилонии. Там тоже бог был "господином", а богиня - "госпожой". Старые титулы Осириса и Исиды, сохранившиеся в осирийском мифе, по сути, являются вавилонскими.

Небхат или Нефтис была индивидуализирована, чтобы завершить триединство Сета, центральной фигурой которого был Сет. Соответственно, мы можем сказать, когда она превратилась в отдельную богиню. Именно тогда доктрина Троицы впервые стала доминирующей в египетских теологических школах, и все главные божества страны были вынуждены подчиниться ей. Анубис, второй человек в троице Сета, должно быть, уже был приобщен к культу Осириса. Как это произошло, выяснить несложно. Анубис-шакал был богом подземного мира. Как и его символ, шакал, он следил за гробницами, особенно в "горах", вдали от возделываемых земель. Его священное животное уже изображено на штандарте на ранних шиферных табличках Нехена и Абидоса рядом с ястребом Гора. Ему поклонялись во многих номах, прежде всего в Сиуте, где его почитали как "открывателя путей" в нижний мир. Он был изобретателем искусства бальзамирования; следовательно, он должен был быть богом мертвых, когда фараоны египтяне впервые обосновались в Верхнем Египте. В каком-то смысле он действительно был моложе Гора, поскольку "последователи Гора" не принесли с собой это искусство из своего прежнего дома; но он уже был богом мертвых, и открытие этого искусства, соответственно, приписывалось ему.

Принятие Осириса в качестве бога подземного мира означало вытеснение Анубиса. Он должен был [pg 159] путь для "владыки Дадду". Этот факт является яркой иллюстрацией того влияния, которым должно было обладать осирийское учение. Осирис был богом-феодалом только одного из номов на севере Дельты; Анубис с незапамятных времен почитался по всей долине Нила. Города, признававшие его своим главным божеством, были многочисленны и могущественны. Тем не менее ему пришлось уступить соперничающему богу и занять подчиненное место рядом с ним. Он, правда, остался в пантеоне, поскольку египтяне никогда не порывали со своим прошлым; но роль, которую он играл в нем, занял другой, и он довольствовался тем, что стал лишь служителем Осириса и хранителем кладбищ мертвых.

Тем временем Осирис, подобно греческому Дионису, продолжал свое победоносное шествие. Везде, где распространялось его поклонение, рядом с его гробницей возвышался храм, подобно храмам, пристроенным к пирамидам. Как Птаха из Мемфиса или мумифицированный Горус из Нехена, он был мертвым богом, и, следовательно, именно мертвому богу приносились жертвы и посвящались жрецы. Однако наибольшую славу он снискал в Абидосе в Верхнем Египте. Абидос был храмом гробницы Осириса в городе Это, и Это был не только местом расположения могущественного царства, которое, вероятно, сменило Нехенское, но и местом рождения Менеса, основателя объединенной монархии. Вокруг гробницы Осириса в Абидосе, соответственно, были похоронены цари и принцы династий Тинита, а там, где был похоронен фараон, желали быть похороненными и его

подданные. Со всех концов Египта тела умерших привозили на священную землю, чтобы похоронить их как можно ближе к гробнице бога, и чтобы их мумии покоились рядом с ним на земле, как они надеялись, что их души будут покоиться в раю блаженных. Даже возвышение мемфитских династий не лишило [pg 160] Абидос права на почитание. Его святость была слишком прочно установлена; сотни египтян по-прежнему продолжали хоронить там, а не в просторных некрополях мемфитских фараонов.¹³³ Абидос с его царской памятью оттеснил в тень более древний город Осириса. Правда, он все еще сохранял свой древний титул "владыки Дадду", но это был скорее архаизм, чем реальность, и именно как к "владыке Абидоса" к нему теперь обращались с предпочтением.

Но другие святилища оспаривали у Абидоса право на обладание гробницей бога мертвых. Там, где возводился храм в его честь, обязательно находилась и его гробница. Была предпринята попытка согласовать их противоречивые притязания, опираясь на старую традицию об обычае расчленения мертвых: голова бога находилась в Абидосе, сердце - в Атрибисе, шея - в Летополе. Но и в этом случае оставалась сложность: отдельных конечностей не хватало на количество гробниц, а на один и тот же член иногда претендовало сразу несколько мест. Например, в Мемфисе, где Осирис был объединен с Аписом в соединение Серапис, его голова, как говорят, была погребена так же, как и в Абидосе.

Абидос изначально был кладбищем или, скорее, одним из кладбищ Этого. А богом Этого был бог солнца Анхер, который изображался в человеческом облике. В эпоху, породившую учение Эннеады, Анхер был отождествлен с Шу, атмосферой, или, говоря более строго, бог пространства между небом и землей был слит с богом солнца. Но Анхеру поклонялись не только в этом [pg 161] городе. Он был также богом Себеннитоса, который примыкал к Бусиритскому ному, и где, таким образом, человеческий бог солнца находился в непосредственном контакте с человеческим богом мертвых. Чем мумия была для живого человека, тем Осирис был для Анхера.¹³⁴

Двойная связь между Осирисом и Анхер как в Нижнем, так и в Верхнем Египте не может быть случайностью. Осирис стал богом Абидоса, потому что Абидос был кладбищем Эт, чьим богом-феодалом был Анхер. Связь, существовавшая в Дельте между богом солнца Анхером из Себеннитоса и богом мертвых Осирисом в Бусирисе, была перенесена и в Южный Египет.

Кого или что первоначально представлял Осирис? На этот вопрос было дано множество ответов. В последнее время египтологи видят в нем то олицетворение человечества, то реки Нил, то возделываемой земли. После возникновения солярной теологической школы сами египтяне отождествляли его с солнцем, когда оно опускается за горизонт, чтобы пересечь темные области подземного мира. Таким образом, бог утреннего солнца Горус стал его сыном, рожденным как бы от бога ночного солнца и отличающимся от своего отца только формой [проявления](#)¹³⁵.

[pg 162]

Однако у нас есть один или два факта, которые помогут нам определить примитивный характер бога. Он был мумифицированным человеком, как Птаха из Мемфиса, и являлся братом и врагом Сета. Сет или Сут стал для поздних египтян олицетворением зла. Его отождествляли с Апофисом, змеем зла, против которого бог солнца ведет вечную войну; его имя было стерто с памятников, на которых оно было выгравировано. А все потому, что Сет был богом и представителем азиатских захватчиков, покоривших Египет, и вызывал в сознании египтян чувство горькой вражды к себе. Уже во времена Девятнадцатой династии фараоны, восстановившие Танис, столицу гиксосов, в его былом величии, называли себя по имени гиксосского божества. Тотмес III из Восемнадцатой династии построил храм в честь

Сета из Омбоса, которому поклонялись возле Дендеры; если вернуться к древнейшим записям объединенной монархии, мы обнаружим, что Сет символизировал север, а Горус - юг. До времен Менеса Сет был богом Северного Египта, а Горус - Южного. В доисторических [pg 163] войнах двух царств эти два бога были враждебны друг другу и в то же время братьями.

Именно войска Сета были прогнаны Гором и его металлоносными последователями из одного конца Египта в другой и в конце концов побеждены.¹³⁶ Таким образом, в легенде Сет представляет более древнее население долины Нила. Причину этого искать далеко не надо. Сет или Сут, как и Сати, обозначает семитского или африканского кочевника пустыни, вавилонского Суту. Он эквивалентен современному Бедави, который все еще бродит по египетским границам и между которым и феллахом существует вечная вражда. Та же причина, которая сделала Гора братом и в то же время врагом Сета, должна была подействовать на Осириса, чтобы поставить его в такое же отношение к нему. Осирис тоже должен был олицетворять фараона-египтянина и, как и Горус, быть первым из фараонов. Отсюда его человеческое тело, отсюда и путаница между ним и Гором, которая закончилась превращением Гора в его сына и порождением нового Гора - Гора младшего - рядом со старшим Гором египетской веры.¹³⁷

Положение Осириса по отношению к Анхеру теперь ясно. Он - бог солнца после его захода на западе, когда оно переходит в область мертвых в подземном мире. Поэтому он находится точно в таком же отношении к Анхеру, в каком мумифицированный ястреб находится к ястребу Гора. Один из них принадлежит городу живых, другой - городу мертвых. Но оба они - одно и то же божество в разных формах, одно из которых управляет городом, а другое - местом погребения. Как и Горус, Осирис, должно быть, был богом солнца [pg 164] фараоновских египтян, но богом солнца, который по какой-то особой причине был связан с мертвыми.¹³⁸

Мистер Болл обратил внимание на тот факт, что существовал шумерский бог, который носил точно такое же имя, как и Осирис, и что это имя в обоих случаях выражается точно такими же идеограммами.¹³⁹ Этимологию этого имени тщетно пытались найти в египетском языке. Но клинописные тексты проясняют ее. Осирис (Ас-ар) - это Асари древней Вавилонии, которого семиты называли Меродахом и чей обычный титул - "бог, делающий добро человеку". Имя Асари написано двумя идеограммами, одна из которых обозначает "место", а другая - "глаз", причем формы этих двух идеограмм, равно как и их значения, идентичны иероглифам, изображающим Осириса. Такое троекратное совпадение не может быть случайным: и имя, и способ его написания наверняка пришли из Вавилонии. И что еще более усиливает это согласие, так это тот факт, что идеограммы не имеют никакого отношения к значению самого имени; они выражают просто его произношение. В шумерском языке ранней Вавилонии это имя означало "могущественный"¹⁴⁰.

Асари был богом солнца в Эриду, древнем морском порту Вавилонии на берегу Персидского залива. Он был сыном Эа, главного бога города, чью волю и мудрость он истолковывал. Именно он передавал людям уроки культуры и искусства врачевания, которые [pg 165] Эа хотел, чтобы они усвоили. Как Осирис, согласно египетской легенде, всю жизнь творил добро, так и Асари был тем, "кто делает добро человеку". Он всегда был начеку, чтобы помочь своим поклонникам, передать им магические формулы, способные избавить от болезней и зла, и, как часто выражаются, "воскресить мертвых".

В этом последнем выражении мы находим ключ к роли, которую играл Осирис. Осирис умер и был похоронен, как Асари или Меродах, чей храм в Вавилоне также был его гробницей; но

это было сделано для того, чтобы он мог воскреснуть утром с новой силой и блеском. И благодаря заклинаниям, которые он получил от своего отца, все те, кто верил в него и разделял его смерть и погребение, также были "воскрешены к жизни". И в Египте, и в Вавилонии он был богом воскрешения, независимо от того, происходило ли оно в этом видимом мире или в небесном раю, который был очищенным отражением земли.

В Вавилонии Асари или Меродах был защитником света и порядка, который победил дракона хаоса и его анархические силы и обратил в бегство демонов тьмы. В Египте эту роль взял на себя Хорус. Но и Анхер, и Осирис были всего лишь местными формами - местными именами, если предпочесть это выражение, - Гора и мумифицированного ястреба. Анхер иногда изображался, как и Горус, с копьем в руке, повергающим нечестивцев; но его фигуру затмил Осирис, который стал считаться благодетелем человечества и которому люди молились в болезни и смерти. Однако бог мертвых не мог быть завоевателем: умер именно он, а не его враг, и, следовательно, победы, одержанные Гором, не могли быть приписаны ему. Но трудность не была неразрешимой; Горус стал его сыном, который в то же время был его отцом, [pg 166] и старая борьба между Гором и Сетом была перенесена в осирийский культ.

Знаменательно, однако, что в недавно найденных памятниках династии Тинитов Сет по-прежнему является братом-близнецом Гора. Он по-прежнему представляет север, до недавнего времени бывший антагонистом юга; а царь, чьи останки были найдены в Нехене и Абидосе и который называет себя "объединителем двух скипетров" Египта, по-прежнему ставит над своим именем ястреба Гора и животное Сета.

Сет, как я уже говорил, - это Суту или Бедави. Его обожали не только в Египте; моавитяне называли себя его детьми (Числ. xxiv. 17), а в клинописных текстах Суту-сар ("Суту-царь") и Набу-рабек ("Небо великий") описываются как близнецы.¹⁴¹ Но в Египте он представлял население, которое было завоевано фараонскими египтянами или продолжало жить на пустынных границах страны, и которое было сильнее в Дельте, чем на юге. Таким образом, старая борьба между светом и тьмой, порядком и беспорядком, составлявшая фон вавилонской мифологии, стала борьбой, которая велась на протяжении столь долгих веков сначала между фараоновыми египтянами и неолитическими расами, затем между царствами юга и севера и, наконец, между объединенной монархией и бедавинами пустыни или нападавшими из Азии. Там, где преобладал иноземный элемент, Сет был почитаемым богом; там, где доминировал правящий египтянин, его место занимал его брат и антагонист.

Считалось, что борьба между Гором и Сетом олицетворяет борьбу, которая постоянно идет [pg 167] между пустыней и возделанной землей. Но такая идея слишком абстрактна, чтобы лечь в основу египетского религиозного мифа. Возможно, впоследствии она была развита какой-либо теологической школой на основе контраста между Суту пустыни и богом земледельцев; но изначально ее там быть не могло. Эта интерпретация так же мало оправдана, как и та, что видит в Осирисе семя, зарытое в землю.

Правда, египтяне более позднего периода, когда осирическая доктрина воскресения была полностью развита, находили аналогию с ней в семени, которое сеется, чтобы вырасти снова. Гробница Ма-хер-па-Ра, поклонника Амон-Хотепа II из Восемнадцатой династии, обнаруженная М. Лоретом в долине Царских гробниц в Фивах, содержит доказательство этого. В ней находилась грубо сколоченная кровать с матрасом, на котором была нарисована фигура Осириса. На него была положена земля, а в землю были посеяны зерна кукурузы. Кукуруза проросла и выростала до высоты нескольких дюймов, после чего увядала. Но подобный символизм, как и аналогичный символизм христианства, является результатом доктрины воскресения, а не ее источником. Только когда люди верят, что человеческое тело

может восстать из сна тления, они ссылаются на рост семени, зарытого в землю, чтобы объяснить и подтвердить свое вероучение.

Как получилось, что доктрина воскресения была привязана к культу Осириса и стала неотъемлемой частью египетской веры? На это можно дать только один ответ: доктрина воскресения была необходимым сопровождением практики мумификации, а Осирис был мумифицированным богом.

Мы уже видели, что в старых вавилонских гимнах [pg 168] Асари или Меродах описывается как бог, "воскрешающий мертвых к жизни". Мы также видели, что Осирис был не единственным мумифицированным богом, известным в Египте. Птаха из Мемфиса также была мумией; мумифицированным был и Горус из Нехена, которому поклонялись даже в Дельте, в "арабском" номе Гошен на границах Азии. Независимо от того, зародилась ли практика бальзамирования в Нехене, где было обнаружено, что тела, погребенные в азотистой почве Эль-Каб, сохраняются неразложившимися, несомненно, что, как и искусство письма, она была характерна для фараоновых египтян с самых ранних времен. Ничем иным нельзя объяснить существование среди них мумифицированных богов. Но его принятие более древними расами, которые все еще составляли основную часть народа, было постепенным. Он стал всеобщим не ранее эпохи Восемнадцатой династии.

Однако не основная масса народа, а правящие классы поклонялись Осирису, и среди них его культ распространялся и рос. Для них он стал Ун-Нефером, "добрым существом", готовым исцелить их даже от смертельных болей и принять в своем царстве за могилой, где жизнь и действие будут восстановлены для них. Солнце светило там так же, как и здесь, ибо не сам ли Осирис был богом солнца? Поля благословенных были похожи на египетские, за исключением того, что к ним не приближались ни болезни, ни смерть, на фрукты и кукурузу не падало ни пятнышка, Нил никогда не мелел, а жара всегда сдерживалась северным бризом.

Поле Алу", Элизион греков, сначала находилось в болотах Дельты у устья Нила, подобно раю ранней Вавилонии, который тоже был "при устье рек". Но вскоре он переместился в северо-восточную часть неба, и Млечный Путь стал небесным Нилом. Здесь мертвые жили [pg 169] вечном счастье под властью Осириса, работали, пировали, читали, даже сражались, как и внизу, только без боли и вечно.¹⁴²

Но чтобы разделить это состояние блаженства, верующему в Осириса необходимо было стать подобным самому богу. Он должен был сам стать Осирисом, согласно египетскому выражению. Его индивидуальность оставалась нетронутой; каким он был на земле, таким он будет и на небесах. Осирис, по сути, был одухотворенным телом, в котором соединились все бессмертные части человека. Душа и дух, сердце и двойник - все они встречались в нем, как и во время пребывания на земле.

Очевидно, что учение об Осирисе в его развитой форме несовместимо с идеей ка. Но также ясно, что без идеи ка оно никогда бы не возникло. Обе идеи предполагают индивидуальность, отдельную от человека, которому она принадлежит, и в то же время материальную, индивидуальность, которая сохраняется после смерти и проявляется в той же форме, что и та, что характеризовала человека при жизни. Аналогична народная концепция призрака, который воспроизводит не только черты лица, но даже одежду умершего. В основе своей Осирис - это ка, но это ка, которое представляет собой не только внешнюю форму, но и внутреннюю сущность. В нем присутствует весь человек, как духовно, нравственно, интеллектуально, так и телесно. Таким образом, учение об Осирисе как бы поглощает старую идею ка и одухотворяет ее, в то же время ограничивая ее жизнью после смерти.

Но если в основе веры в Осириса лежала концепция двойника, бессущностного и в то же время материализованного, то практика бальзамирования была в равной степени ответственна за нее. Продолжение существования двойника зависело от продолжения существования тела, поскольку одно предполагало другое, и только мумифицированное тело могло продолжать существовать. До тех пор пока считалось, что двойник обитает в гробнице и получает там пищу и другие подношения, связь между ним и мумией не представляла никаких трудностей. Но когда египтянин стал с нетерпением ожидать небес Осириса, сначала на земле, а затем на небе, ситуация полностью изменилась. Мумия лежала в гробнице, бессмертный двойник самого человека находился в другом, духовном мире. Результат был неизбежен: последователь Осириса вскоре уверился, что однажды и в мумифицированное тело снова вдохнут жизнь и действие, и оно воссоединится со своим Осирисом в райских полях. Разве бог не перенес туда свое божественное тело, как и его аналог? И то, что сделал бог, могли сделать и те, кто стал таким же, как он.

Таким образом, доктрина воскресения тела стала неотъемлемой частью осиреанской веры. Будущее счастье, на которое рассчитывали его ученики, заключалось не в поглощении божеством, не в созерцании божественных атрибутов и не в монотонном существовании в пассивном безделье. Они должны были жить так же, как и в этой жизни, только без печали и страданий, без греха и вечно. Но все их телесные силы и интересы должны были оставаться и удовлетворяться так, как они не могли быть удовлетворены в этом низшем мире. Царство, в котором правил Осирис, было идеализированным воспроизведением того Египта, который так любил египтянин, с его солнечным светом и светом, широкой и несущей жизнь рекой, плодородными полями, [pg 171] и оживленными городами. Живущие в нем могли пировать и играть, кататься на каноэ, ловить рыбу или охотиться, читать сказки и стихи или писать трактаты о морали, превращаться в птиц, порхающих среди густой листвы деревьев; но они также должны были работать, как и здесь, должны были возделывать землю, прежде чем она даст колосья пшеницы высотой в два локтя, должны были подчиняться корвеям и запружать каналы. В осиреанском раю не было места праздности и бездействию.

Не успел мертвец признать себя достойным попасть туда, как был призван к труду. В самом начале своего нового существования, еще не вкусив ни одного из его удовольствий, он должен был возделывать землю и управлять плугом. Для бедного феллаха, всю жизнь занимавшегося сельским хозяйством, это не было тягостным испытанием. Но иначе обстояло дело с богачом, чьи земли обрабатывали другие, а он сам лишь наслаждался их плодами. Поэтому на заре египетской истории у феодального землевладельца было принято окружать свою гробницу могилами слуг и прислужников, чьи тела мумифицировались и хоронились за его счет. Считалось, что то, что они сделали для него в этом мире, они сделают для него в мире грядущем. И там Осирис феллаха будет работать на Осириса богачей, чья необходимая задача, таким образом, будет выполняться виртуально.

Но с течением времени росло ощущение, что в глазах Осириса все, кто ему уподоблялся, были равны друг другу. Между одним Осирисом и другим больше не было различий по рангу и положению, которые преобладали здесь. Старая концепция ка пришла на помощь верующему. Место человеческого слуги занял ушебти, эта маленькая [pg 172] фигурка из глины или дерева, которая представляла крестьянина, и чей двойник, соответственно, был послан, чтобы помочь мертвому в его делах наверху. Человеческий Осирис, каков бы ни был его жребий в этой жизни, отныне был свободен от трудов, которые когда-то ожидали его на полях Алу; он мог смотреть, пока ка ушебти выполнял свою работу. Фигуры ушебти становятся особенно многочисленными после изгнания гиксосов. Чужеземное господство и долгая

война за независимость, положившая ему конец, уничтожили феодальную знать, а вместе с ней и феодальные представления, согласно которым человечество делилось на два класса - сейчас и в будущем. С этого момента египтяне стали демократическим народом, которым они являются и по сей день. Как фараон на земле управлял людьми, которые перед ним были все равны, так и между подданными Осириса, фараона на небе, не существовало никаких различий в рангах, кроме тех, что были дарованы им самим.

Та же вера, которая заменила ушебти человеческим крестьянином, наполнила гробницы предметами, которые, как считалось, должны были доставить умершему наибольшее удовольствие. Помимо мяса и питья, которые с незапамятных времен предоставлялись ка, теперь рядом с мумией клали все, что, как считалось, могло понадобиться или захотеться ему на том свете. Не были забыты даже книги, которыми покойник наслаждался во время своего земного существования. Однако не обязательно, чтобы там находились реальные предметы. Нужен был только ка- к объект, а это может быть обеспечено как представлением объекта, так и самим объектом. И вот, помимо настоящей одежды, инструментов или оружия, погребенных в гробницах, мы находим имитацию одежды и инструментов, например "призрачные деньги" греков, или даже картины на стене, которые, при условии, что предмет был правильно изображен [pg 173] в них, считались вполне достаточными. Один из самых трогательных результатов такого тщательного реализма был отмечен профессором Видеманном.¹⁴³ "Подолы ног (мумии), которые топтали земную трясину, были удалены, чтобы Осирис мог ступать в Зал Суда чистыми ногами; и богов молили дать Осирису молоко, чтобы он мог искупать в нем свои ноги и таким образом облегчить боль, которую удаление подол должно было причинить ему. И, наконец, "подолы" помещали в мумию, чтобы в день воскресения они были под рукой, а пока можно было воспользоваться их ка.

Учение о воскресении тела включало в себя и учение о суде над делами, совершенными телом. В царство Осириса принимались лишь те, кто, подобно своему вождю, творил добро людям. Знания ритуала с его божественными преданиями и заклинаниями было недостаточно, чтобы отпереть его врата. Вошедший в них Осирис должен был быть не только нравственно, но и церемониально чист. Осирис был не только царем, но и судьей, и те, кто предстал перед ним, должны были доказать, что их поведение в этой жизни соответствовало одному из самых высоких моральных кодексов древности.

Этот моральный тест на праведность - самый примечательный факт, связанный с осиринской системой учения. Египтянин, принявший ее, должен был признать, что ортодоксальность в вере и практике недостаточна для обеспечения его будущего спасения; необходимо, чтобы он избегал греха и был активно благожелателен. В отличие от большинства древних форм веры, мораль - и притом высокого порядка - стала неотъемлемой частью религии и даже была поставлена над ней. Не столько то, во что человек верил, сколько то, что он сделал [pg 174], позволяло ему пройти ужасный небесный трибунал и быть допущенным к вечному блаженству.

Книга мертвых была путеводителем умершего в его путешествии на тот свет. Ее главы были начертаны на свитках, погребенных вместе с мумией, или нарисованы на гробе и стенах гробницы. Именно Ритуал предписывал молитвы и заклинания, которые нужно повторять во время путешествия, и описывал врагов, с которыми предстоит встретиться по ту сторону могилы. Благодаря его указаниям умерший благополучно проходил через лимб, отделяющий эту землю от царства Осириса, и наконец попадал в Судный зал, зал Двоединой Истины, где его принимала богиня истины и закона Мата. Здесь на своем судейском троне восседал Осирис, окруженный сорока двумя вершителями божественного правосудия из сорока двух номов Египта, а Тот и другие божества осиринского цикла стояли рядом. Затем умершего

призывали указать причину, по которой он должен быть допущен на поля Алу, и доказать, что при жизни он проявлял милосердие и справедливость и воздерживался от дурных поступков. Вложенное в его уста отрицательное признание - одна из самых примечательных реликвий древней литературы. "Хвала тебе (Осирису), - заставляли его говорить, - владыка Двуетидной Истины! Хвала тебе, великий бог, повелитель Двуетидной Истины! Я прихожу к тебе, мой господин, я приближаюсь, чтобы увидеть твои превосходства. [144](#)...

[pg 175]

Я не поступал обманчиво и не делал зла людям.

Я не притеснял бедных.

Я не судил несправедливо.

Я не знал о нечестии.

Я не совершал греха.

Я не требовал от работника больше работы, чем было справедливо.

Я не беспокоился. Я не был слабым в намерениях.

Я не допускал просрочек. Я не был скупым.

Я не делал того, что ненавидят боги.

Я не заставлял раба плохо обращаться со своим хозяином.

Я не заставлял никого голодать.

Я не заставлял никого плакать.

Я не совершал убийств.

Я не побуждал ни одного человека к вероломному убийству.

Я не поступал вероломно ни с кем.

Я не уменьшил хлебных приношений в храмах.

Я не портил хлеба богов.

Я не лишал мертвых хлеба и одежды.

Я не была целомудренной.

[pg 176]

Я не осквернял себя в святилище бога моего города.

Я не скупился на подношения и не был скуп на них.

Я не обманывал при взвешивании на весах.

Я не давал ложного веса.

Я не брал молока изо рта ребенка.

Я не охотился на скот в лугах их.

Я не ловил сетью птиц богов.

Я не ловил рыбу в их заповедниках.

Я не удерживал воду (у своего соседа) во время наводнения.

Я не перекрывал водный канал.

Я не погасил пламя в неподходящее время.

Я не обманул Эннеаду богов в выборе частей жертв.

Я не прогнал быков из храма.

Я не прогнал назад бога, когда он покинул храм.

Я чист! Я чист! Я чист!"¹⁴⁵

Закончив отрицательную исповедь, мертвец обратился к сорока двум заседателям и заявил, что он невиновен в том конкретном грехе, который им было поручено судить по отдельности. Затем он вновь обратился к Осирису с последней просьбой об оправдании: "Приветствую вас, боги, пребывающие в великом зале Двоединой Истины, не имеющие в своей груди фальши, но живущие истиной, питающие ею свои сердца перед богом-владыкой, обитающим в своем солнечном диске. Избавьте меня от Тифона, питающегося внутренностями, о вожди! в этот час верховного суда; даруйте, чтобы умерший пришел к вам, тот, кто не грешил, кто [pg 177] не лгал, не творил зла, не совершал преступлений, кто не давал ложных свидетельств, кто не делал ничего против себя, но кто живет на истине, кто питается истиной. Он распространил радость на все стороны; люди говорят о том, что он сделал, и боги радуются этому. Он примирил богов с собой своей любовью; он дал хлеб голодному, воду жаждущему, одежду нагому; он дал лодку потерпевшему кораблекрушение; он принес жертвы богам, погребальные яства мертвым. Избавь его от себя, не говори против него перед Владыкой мертвых, ибо чисты уста его и чисты руки его!"¹⁴⁶

Тем временем сердце мертвеца - его совесть, как мы бы назвали ее в современной фразеологии, - взвешивалось на весах против образа истины. Требовалось что-то более убедительное, чем его собственные заверения в том, что он поступал праведно и не совершал ничего дурного. Сердце было положено на весы Тотом, который, зная слабость человеческой природы, немного склонил чашу весов в его пользу. Анубис следил за взвешиванием, а Тот записывал результат. Если вердикт был благоприятным, он обращался к Осирису со следующими словами: "Узри умершего в этом Зале Двоединой Истины, его сердце было взвешено на весах в присутствии великих джиннов, владык Аида, и было признано верным. Ни следа земной нечистоты не было найдено в его сердце. Теперь, когда он выходит из трибунала правдивым (оправданным), сердце его возвращается к нему, а также глаза и материальная оболочка сердца, чтобы быть возвращенными на свои места, каждый в свое время, душа - на небо, сердце - в другой мир, как это принято у последователей Гора. Отныне пусть его тело лежит в руках Анубиса, который руководит гробницами; пусть он принимает подношения на [pg 178] кладбище в присутствии (Осириса) Ун-Нефера (Благого Существа); пусть он будет как один из тех любимцев, которые следуют за тобой; пусть его душа пребывает, где пожелает, в некрополе его города, тот, чей голос правдив перед великой Эннеадой." ¹⁴⁷

В зале суда Осириса мы находим первое выражение доктрины, которую спустя столько веков повторили древнееврейские пророки: боги требуют милосердия и праведности, а не

ортодоксальности веры. И праведность и милосердие имеют далеко идущие последствия. Вера, которая должна спасти последователя Осириса, - это вера, которая заставила его накормить голодного, напоить жаждущего, одеть нагого, воздержаться от нанесения вреда ближнему словом или мыслью, а тем более делом, и быть правдивым как в поступках, так и в словах. Не забыт и раб: если он совершил что-то, из-за чего с ним плохо обращался его хозяин, этого достаточно, чтобы лишить его райских наслаждений. Долг человека по отношению к ближнему ставится выше, чем его долг по отношению к богам, ибо он стоит на первом месте в списке праведных поступков, требуемых от него. Только после того, как умерший докажет, что поступал справедливо и милосердно по отношению к своим товарищам, ему разрешается перейти к доказательству того, что он исполнил свой долг перед богами.

И осиринское исповедание веры не было просто условным формуляром, не влияющим на жизнь и поведение тех, кто его исповедовал. Уже в текстах пирамид встречаются ссылки на него, а в гробницах более позднего периода умерший основывает свое право на память на добрых делах, совершенных им на земле. Накормить голодного, одеть нагого, поступить по справедливости - вот обязанности, которые постоянно признаются в них. "Я любил своего отца, - говорит Баба в Эль-Кабе, - я [pg 179] почитал свою мать..... Когда наступал голод, длившийся много лет, я раздавал кукурузу нуждающимся". Египетские гробницы содержат мало записей о войнах и сражениях; о делах доброты и праведных поступках упоминается [часто](#)¹⁴⁸.

О судьбе нечестивцев, тех, чьи сердца были перевешены на весах и кто не прошел через трибунал Осириса, мы знаем очень мало. Тифон, в виде отвратительного бегемота, стоял за спиной Тота в углу зала, готовый пожирать их внутренности. В "Книге потустороннего мира", о которой мне придется говорить в другой лекции, мучения заблудших изображены вполне в средневековом стиле. Мы видим, как их погружают в воду или сжигают в огне, заключают в сводчатые камеры, наполненные горящими углями, отрывают им головы или пожирают змеями их тела. Но "Книга иного мира" - это ритуал религиозной системы, которая изначально отличалась от осиринской, и вполне вероятно, что большинство египтян ожидали окончательного уничтожения нечестивцев, а не их дальнейшего существования в вечном аду. Божественные элементы в человеке, которые не могли умереть, были также неспособны совершить грех и, следовательно, возвращались к Богу, который их дал, когда человеческая индивидуальность, к которой они были присоединены, была наказана за свои преступления во плоти. Душа могла оставаться соединенной только с той индивидуальностью, которая была [pg 180] очищена от всех своих земных пятен и стала как сам бог Осирис. Индивидуальность, осужденная на суде Осириса, погибла навечно, и в сознании египтянина индивидуальность и личность были одним и тем же.

[pg 181]

Лекция VIII. Священные книги.

Как и все другие организованные религии, религия Древнего Египта имела свои священные книги. Согласно святому Клименту Александрийскому, весь свод священной литературы содержался в сборнике из сорока двух книг, происхождение которых приписывалось богу

Тоту. Первые десять из этих "герметических" томов были озаглавлены "Пророк" и посвящены теологии в самом строгом смысле этого слова. Затем следовали десять книг "Столиста", в которых можно было найти все указания по поводу праздников и процессий, а также гимны и молитвы. Далее шли четырнадцать книг "Священного писца", содержащие все, что было известно об иероглифической системе письма, науках геометрии и географии, астрономии, астрологии и тому подобных. За ними следовали две книги по музыке и гимнологии и, наконец, шесть книг по науке и практике [медицины](#)¹⁴⁹.

Герметические книги были написаны на греческом языке и представляли собой компиляцию греческой эпохи. Такое систематическое изложение знаний Древнего Египта относилось к тому периоду, когда египетская религия перестала быть творческой, [pg 182] или даже прогрессивной, а антикварный дух греческой Александрии завладел традициями и институтами прошлого. Но они были получены из подлинных источников и с большей или меньшей точностью отражали верования и практику предыдущих поколений. Правда, они представляли собой сборник, адаптированный к греческим идеям и призванный удовлетворить потребности греческого любопытства, но не менее верно и то, что материалы, из которых они были составлены, восходили к самой далекой древности. Храмовые библиотеки были заполнены рулонами папирусов, относящихся не только к мельчайшим деталям храмовой службы, но и ко всем различным отраслям священной литературы. Среди них были книги, которые называют Библией древних египтян.

Среди них особое место занимает ритуал, которому Лепсиус дал название "Книга мертвых". Он был впервые обнаружен Шампольоном на заре египетской дешифровки, а сравнительное издание текста, существовавшего в фиванский период, было сделано доктором Навилем. Папирусы, содержащие весь текст или его части, многочисленны; главы, на которые он разделен, начертаны на гробах и даже на обертываниях мертвых, а также на скарабеях и ушебти, которые были похоронены вместе с мумией. По сути, это был своего рода паспорт и путеводитель, объединенные в одно целое, который должен был безопасно провести мертвеца через опасности, подстерегавшие его в потустороннем мире, и привести его наконец к судейской палате Осириса и раю Алу. В ней подробно описывалось все, что ожидало его после смерти; в ней подробно излагались слова и молитвы, которые должны были избавить его от духовных врагов; она вкладывала в его уста признание, которое он должен был сделать перед судом мертвых. Без нее он был бы потерян в том странном мире, в который отправился, и отсюда необходимость начертать хотя бы некоторые ее фрагменты на своей гробнице или [pg 183] погребальной мебели, где их призрачные двойники могли бы быть прочитаны его ка и душой.

Книга мертвых была Библией или молитвенником осиринского вероучения. Ее повсеместное использование знаменует собой триумф поклонения Осирису и верований, которые ему сопутствовали. Именно для последователя Осириса она была первоначально составлена; суд, которым она грозила ему, был судом Осириса, небеса, к которым она вела его, были полем Алу. Тексты пирамид Пятой и Шестой династий подразумевают, что она уже существовала в той или иной форме; осиринское вероучение известно им во всех деталях, а "другой мир", изображенный в них, - это мир Книги мертвых.¹⁵⁰

Но "Книга мертвых" - это составное произведение. Не только религиозные представления, воплощенные в ней, являются составными и порой самопротиворечивыми, но и с литературной стороны она тоже составная. Кроме того, это произведение медленно развивалось; к нему добавлялись глоссы, объясняющие отрывки, ставшие непонятными с течением времени; глоссы затем попадали в текст и сами становились предметом новых комментариев и объяснений. Главы были вставлены, параграфы интерполированы, а более

поздние комментарии сочетались [pg 184] с оригинальным текстом. Книга мертвых в том виде, в каком она появилась в эпоху фиванских династий, уже прошла через долгие века роста и [модификации](#)¹⁵¹.

Тексты пирамид демонстрируют то же сочетание доктрин осиианского вероучения с доктринами солнечного культа, что и Книга мертвых.¹⁵² Но это сочетание двух взаимоисключающих систем теологии, которые были насильно придвинуты друг к другу, без какой-либо попытки соединить их в гармоничное целое. В них проявляется обычная для египетского ума тенденция принимать новое, не отбрасывая старое, и не задумываясь о том, как новое и старое могут быть соединены вместе. Достаточно было поставить их рядом; те, кто не считал осиианское вероучение достаточным для спасения, могли выбрать солнечное вероучение, предложенное им с его молитвами и заклинаниями богу Солнца. Но это не был альтернативный выбор; небо солнечной коры в своем прохождении через мир ночи примыкало к небу Алу с его полями, освещенными дневным солнцем.

Очевидно, что главы, в которых представлены доктрины солнечного культа, являются более поздним дополнением к первоначальной "Книге мертвых". Это был учебник [pg 185] осиианской души, с верованиями которой доктрины солнечного культа были абсолютно несовместимы. В то время как один из них учил, что мертвые без различия попадают в судилище Осириса, где, будучи оправданными, как по моральным, так и по религиозным соображениям, они допускаются в рай света и счастья, другой утверждал, что только избранные, достаточно богатые и ученые, чтобы получить необходимые теологические формулы, принимаются в солнечную кору, когда она скользит в течение двенадцати часов ночи, и таким образом становятся спутниками бога солнца в его путешествии через царство тьмы, которое было населено демоническими формами. Осиианское и солнечное вероучения возникли из двух совершенно разных религиозных систем, и введение в "Книгу мертвых" концепций, заимствованных из последней, какое бы подчиненное место они ни занимали, свидетельствует о пересмотре первоначального произведения. Только после того, как книга заняла господствующее положение в египетской религиозной мысли, возникла необходимость включить в нее идеи конкурирующего богословия. Но включение произошло задолго до составления текстов пирамид, возможно, еще до того дня, когда Менес объединил два царства Египта в одно.

В "Книге мертвых" есть и другие свидетельства составного богословия. В одной главе мы имеем старую доктрину о том, что ка заключена в темную и мрачную гробницу, в которой лежит ее тело; в другой мы видим душу, летящую куда угодно на крыльях птицы, сидящую на ветвях дерева под сенью листвы или расположившуюся на берегу текущей воды. Но подобные теологические несоответствия, вероятно, восходят к эпохе, когда книга была впервые написана. Представления о Ка и душе, какими бы противоречивыми они ни были, относятся к столь раннему периоду, что они вместе [pg 186] в фундаменте египетской религиозной мысли задолго до тех дней, когда появилась официальная форма религии или была составлена Книга мертвых.

В некоторых случаях можно приблизительно определить период, к которому относятся отдельные фрагменты книги. Профессор Масперо показал, что 64-я глава, которая когда-то считалась одной из самых древних, на самом деле является одной из самых поздних по дате. В ней собраны различные формулы, позволяющие душе умершего человека безопасно покинуть свое тело; соответственно, ее название, которое, однако, варьируется в разных редакциях, повторяет название, приложенное к более ранней части работы, и гласит, что в ней "в одной главе изложены главы, относящиеся к *выходу из дня*". Согласно некоторым папирусам, она была "обнаружена" либо в правление Усафеса из Первой династии, либо в

правление Мен-кау-ра из Четвертой династии под ногами Тота в храме Эшмуна, написанная буквами из ляпис-лазури на алебастровой табличке. Подробности "находки" недостаточно единообразны, чтобы мы могли им доверять; однако традиция доказывает, что египтяне считали эту главу по крайней мере такой же древней, как Четвертая династия, и это мнение подкрепляется тем фактом, что на памятниках Одиннадцатой династии она уже является неотъемлемой частью книги. Если, таким образом, глава, которая является относительно современной, все же была включена в книгу в эпоху ранних династий, мы можем получить некоторое представление о древности, к которой должна восходить сама книга, даже в ее составной форме.¹⁵³

Первые пятнадцать глав, как считал Шампольон, сами по себе образуют единое целое. В фиванских текстах они называются "Глава о походе перед [pg 187] божественным трибуналом Осириса". В саитский период это название заменяется более общим - "Начало главы о выходе из дня".¹⁵⁴ В них описывается, как душа может покинуть свою мумию, избежать принудительного труда в другом мире с помощью ушебти, пройти в безопасности "через спину змея Апофиса, нечестивца" и обрести ту "правильность голоса", которая позволит ей правильно повторять слова ритуала и таким образом входить или выходить по желанию в мир за могилой. 15-я глава - это гимн Солнцу.

С 17-й главы начинается новый раздел. В ней в сжатой форме излагается все, что душа должна была знать о богах и грядущем мире. Но она подверглась глоссированию и реглоссированию, пока ее первая форма не стала почти неузнаваемой. Комментарии, приложенные к оригинальным отрывкам, со временем сами стали настолько туманными, что нуждались в пояснениях, и теперь глава состоит из трех пластов религиозных мыслей и изложений, нагроможденных один на другой. В своем нынешнем виде она объединяет в единую цель стремления последователей Осириса и последователей солнечного культа; мертвец отождествляется с богами и таким образом проходит свой путь к божественной земле, в которой они обитают, будь то поля Алу или кора Солнца.

Последующие главы призваны вернуть мертвецу голос, память и имя. Вместе с восстановлением имени восстанавливается и его индивидуальность, ибо то, что не имеет имени, не имеет и индивидуальности. Затем следует (в главах xxvi.-xxx.) восстановление сердца, которое рассматривается сначала как простой орган тела, а затем в осиреанском смысле как [pg 188] эквивалент совести. Как орган, фигурка сердца, помещенная в гробницу, была достаточна для обеспечения его возвращения; как живая совесть и принцип жизни, требовалось нечто более таинственное и символическое. Его нашел скарабей или жук, чье имя *kherer* совпало по звучанию со словом, означающим "становиться"¹⁵⁵.

В ряде глав душа теперь защищена от ядовитых змей, включая "великого питона, пожирающего ослов", с которыми она встретится при переходе через лимб потустороннего мира. Как отмечает профессор Масперо, большое место, занимаемое этими змеями среди опасностей, подстерегающих душу при ее первом выходе из тела, ясно показывает, что в те дни, когда впервые составлялась Книга мертвых, ядовитые змеи были гораздо более многочисленны, чем когда-либо в Египте исторических времен. Действительно, питон, чьи огромные складки до сих пор красуются на стенах царских гробниц в Фивах, ушел на юг задолго до эпохи Четвертой династии. К столь же раннему периоду можно отнести сорок вторую главу, в которой душу учат, как спастись от резни врагов Гора, происходившей в Ираклеополе [pg 189] во время осиреанских войн, - главу, в которой, однако, можно заметить, что старшего Гора уже путают с сыном Осириса.¹⁵⁶

Главы с xliv. по liii. посвящены описанию того, как умерший человек таким образом сохраняется от "второй смерти". Иллюстрации взяты как из наказаний, которым подвергались враги бога Солнца в истории о его переходе через мир ночи, так и из старых верований, связанных с жребием Ка. Его не обезглавливали, не бросали в бездну вниз головой, он не должен был питаться нечистотами, как Ка, для которого не было предусмотрено никаких подношений. Опасности, от которых он таким образом уберегается, далее противопоставляются радостям, которые ожидают его в раю блаженных (гл. liv.-lxiii.).

64-я глава, которая подводит итог предыдущей части книги и является перерывом между ней и последующей, уже была рассмотрена. Все десять последующих глав аналогичным образом связаны с "выходом из дня". Таким образом, они проходят по тому же пути, что и первые пятнадцать глав книги, но рассматривают эту тему по-другому и с другой точки зрения. Они являются новым доказательством составного характера этого произведения и желания его авторов включить в него все, что было написано о будущей жизни души до момента его создания. Профессор Масперо считает, что в них воплощены различные формулы, касающиеся разделения души и тела, которые были актуальны в священнических [школах](#)¹⁵⁷.

Столь же отдельными по тону и духу являются следующие шесть глав (lxxv.-xc.), вышедшие из гелиопольской школы. Они посвящены судьбе [pg 190] Ба или "души", а не Осириса, и описывают трансформации, которые она может претерпеть, если ее укрепить словами ритуала. Она может по желанию превратиться в золотого ястреба, в цветок лотоса, в бога луны или Птаха, даже в гадюку, крокодила или гуся. Но сначала он должен долететь до Гелиополя и обитающих там солнечных божеств, и именно в Гелиополе произойдет его превращение в бога Птаха.

Следующая глава, 91-я, переносит нас в другую атмосферу религиозной мысли. В ней речь идет о воссоединении души и тела. Но две последующие главы запрещают египтянину верить, что это означает пребывание души в гробнице. Напротив, говорится, что душа не должна быть "заключена в темницу", а 93-я глава "открывает ворота гроба для души и тени (хаиб), чтобы они могли выйти и использовать свои конечности". И земля, в которую они должны были отправиться, была землей солнечного света.

С этого момента "Книга мертвых" носит чисто осирисовский характер. Но верованиям, происходящим от солнечного культа, было позволено смешаться с осирисовскими элементами; так, кора бога солнца была отождествлена с корой, которая уносила осирисовских мертвецов на поля Алу, и Осирису даже было позволено выделить место для своих верных слуг в лодке Ра, а не в раю, которым он сам правит. А сами осирисовские элементы относятся к двум разным периодам или двум разным школам мысли. В ранних главах рай Осириса обретается, как и рай Ра, магической силой слов ритуала и подношений, сделанных друзьями умершего; начиная со 125-й главы испытание праведности носит моральный характер; умерший должен быть оправдан своей совестью и судом Осириса, прежде чем он сможет войти в вечное блаженство.

[pg 191]

Кора, на которой перевозили последователей Осириса, объясняется в текстах пирамид. Когда мертвец вознесся на небо, либо по лестнице, поднявшейся из земли в Гермополе, либо каким-то другим способом, его путь преградило глубокое озеро или канал. Согласно одному из мифов, он был перенесен через него на крыльях ибиса Тота, но по более распространенному мнению, его переправила лодка паромщика [Ну-Урру](#)¹⁵⁸, прототипа греческого Харона. Однако слияние осирисовского верования с солнечным культом привело

к тому, что лодку Ну-Урру и кору бога Солнца стали путать, и, соответственно, к той главе, в которой упоминается лодка египетского Харона, были добавлены три главы (с.-сii.), "чтобы научить светлый дух (khu), как войти в кору среди слуг Ра". В следующей главе объектом молитвы становится Хатхор, "владычица запада".

Две главы (сv. и сvi.) теперь интерполированы из ритуала Птаха. Они возвращают нас в эпоху, когда подношения совершались не богам, а ка умерших, и объявляют, что "каждый день в Мемфисе" ему должна быть дана обильная пища. Они имеют мало отношения к судьбам осиианцев в раю Алу. Они вновь возобновляются в 107-й главе: описываются поля Алу и жизнь, которую ведут те, кто ими наслаждается.

В 125-й главе мы попадаем в "Зал двух истин", где Осирис восседает на своем судебном троне, а душа оправдывается или осуждается за деяния, совершенные ею во плоти. Теперь требуется не церемониальная, а нравственная чистота: последователь Осириса [pg 192] быть спасен не словами и молитвами ритуала, как бы правильно они ни были произнесены, а своими поступками и поведением в этом нижнем мире. Мы переносимся в новую атмосферу, в которой религия и мораль впервые соединились в одно целое: учение пророка заняло место учения священника.

Все благословения, обещанные ученикам других вероисповеданий, кроме осиианского, теперь даруются душе, прошедшей невредимой через зал суда. Ему принадлежат не только поля Алу, но и солнечная кора, на которую с нетерпением взирала школа Гелиополя; даже старая вера, ограничивавшая Ка узкими рамками гробницы, не была забыта, и 132-я глава наставляет осиийца, как "бродить по своему желанию, чтобы увидеть свой дом". Как и сам Осирис, он может принимать участие в празднике мертвых и разделять подношения, которые на нем приносятся. Ему открыт свободный доступ во все уголки потустороннего мира: какой бы рай или ад ни представлялся в местных святилищах Египта, он мог посещать его по своему усмотрению.

Последующие главы "Книги мертвых" возвращают нас на землю. Они посвящены мумии и месту ее упокоения, чарам и амулетам, которые сохраняли тело от разложения или позволяли душе вновь вдохнуть в него жизнь. Они образуют своего рода приложение, касающееся скорее верований и суеверий людей, чем идей богословов о богах и будущей жизни159.

Порядок, в котором я обозначил главы книги, соответствует порядку, в котором расположены фиванские тексты в редакции д-ра Навилля. Но не следует думать, что он представляет собой [pg 193] неотъемлемую часть оригинального произведения. На самом деле существует очень мало копий книги, даже среди тех, которые относятся к фиванскому периоду, в которых можно найти что-то похожее на все главы. Действительно, трудно сказать, сколько глав должно содержать полное издание. Пьерре считал, что их сто шестьдесят пять; новейшие редакторы увеличили их число до двухсот с лишним. Причину этого легко объяснить. Отдельные главы по большей части предназначены для особых целей или особых случаев, и каждая, следовательно, имеет отдельное происхождение. Они были собраны со всех сторон и брошены вместе без особых попыток упорядочить их. Они относятся к разным периодам создания и разным школам религиозной мысли: некоторые из них восходят к самой далекой древности, другие, вероятно, даже позже основания объединенной монархии. Поэтому, как правило, на рулонах папируса, которые хоронили вместе с умершим, или на гробе и погребальных предметах, помещенных в гробницу, начертаны лишь некоторые из них; только самые важные из них могли понадобиться осиийцу в потустороннем мире. Действительно, в некоторых случаях, по-видимому, было необходимо лишь подобие текста. Копии, сделанные

для мертвых, обычно изобилуют ошибками, а некоторые из них были найдены, в которых текст был представлен рядом ничего не значащих знаков. Кроме того, Книга мертвых постоянно пополнялась. Самые древние тексты - самые короткие и простые, самые поздние - самые длинные и переполненные главами. По мере того как в местных святилищах обнаруживались новые молитвы и формулы для защиты умерших в потустороннем мире или для направления их в пути, они добавлялись в виде глав; считалось, что нельзя упускать ни одной меры предосторожности, которая могла бы обеспечить безопасность тех, кто перешел за пределы могилы.

[pg 194]

Таким образом, Книга мертвых стала развиваться, и она так и осталась развиваться. Она никогда не подвергалась систематическому пересмотру, который выпал на долю большинства других священных книг. Мы тщетно ищем в ней следы индивидуального редактора. И по этой причине его форма и даже язык никогда не были фиксированными. Молитвы и формулы, содержащиеся в ней, были, правда, стереотипными, поскольку их успех зависел от правильного произнесения; но за пределами этого была допущена максимальная свобода в добавлении или изменении. Масоретский подсчет слов и слогов был бы немыслим для египтянина.

В более поздние времена, особенно в греческий период, "Книга мертвых" послужила основой для других религиозных сочинений, претендовавших на божественное авторство и авторитет, обусловленный таким происхождением. Самой популярной из них была "Книга дыханий" (Shâ-n-Sensenu), которая черпала свое вдохновение из глав liv. - lxiii "Книги мертвых" и приписывалась богу Тоту. Предвосхищая апокалиптическую литературу евреев, автор описывает состояние души в следующем мире, точно следуя указаниям старого ритуала, и заявляет, что содержащиеся в ней "Дыхания" были впервые "сделаны Исидой для ее брата Осириса, чтобы дать жизнь его душе, оживить его тело, омолодить все его члены заново". Душа Осириса, как говорят, "живет" с помощью книги, которая таким образом ему предоставлена, ибо он "получил Книгу дыханий, чтобы он мог дышать душой... чтобы он мог совершать любые превращения по своему желанию... чтобы его душа могла идти туда, куда пожелает" [160](#), - напоминают нам эти слова из последней главы Откровения (xxii. 7, 18, 19).

Книга мертвых была самой древней из священных книг Египта. Она также была повсеместно распространена. Каких бы [pg 195] других верований он ни придерживался, египтянин исторической эпохи прежде всего был последователем Осириса. Именно как осирисанин он надеялся пройти через регионы, лежащие за пределами гробницы, география и обитатели которых были открыты ему в осирисанском ритуале. С этой точки зрения, соответственно, "Книгу мертвых" можно назвать Библией египтян. Но она не была лишена конкурентов. Мы видели, что даже в "Книге мертвых" небо Осириса - не единственный рай, на который могут рассчитывать умершие. У Осириса есть соперник в лице бога солнца, и место в солнечной коре кажется почти таким же желанным, как место на полях Алу. Солнечный культ Гелиополя действительно должен был уступить более популярному культу Осириса, но при условии, что культ Осириса признавал и принимал его. Быть последователем Осириса не мешало верующему египтянину быть также последователем бога Ра.

Во второй половине фиванского периода солнечный культ получил новый импульс и зажил новой жизнью. Попытка Ху-н-Атена основать новую веру, внешним символом которой был солнечный диск, была лишь свидетельством общей тенденции развития религиозной мысли, а азиатские завоевания Восемнадцатой династии привнесли в Египет поклонение и вероучение бога солнца Ваала. Один за другим боги отождествлялись с Ра; сам Амон стал

Амоном-Ра, а местное божество Фив превратилось в пантеистического бога солнца. Именно в этих условиях для образованных слоев Египта был составлен новый ритуал, или, во всяком случае, он был принят в качестве государственной религии. Это была "Книга Ам Дуат", "Книга потустороннего мира".

Ее копии написаны на стенах темных покоев в вырубленных в скалах лабиринтах, где покоились цари Девятнадцатой и Двадцатой династий. [pg 196] В гробнице Сети I. мы находим две версии, в одной из которых текст приводится полностью, в другой - по обычному плану: полностью приводятся только последние пять разделов, а из первых семи делаются только выдержки. Текст обильно иллюстрирован картинками, чтобы умерший мог без труда понять слова ритуала или узнать друзей и врагов, которых он встретит на том свете.

В отличие от "Книги мертвых", "Книга Ам Дуат" - это систематический трактат, на котором лежит печать индивидуального авторства. Это апокалипсис, опирающийся на астрономический фундамент, и, по сути, представляет собой подробный и детальный отчет о прохождении бога-солнца по небесной реке Ур-нэс в течение двенадцати часов ночи. Каждый час представлен отдельной местностью в мире тьмы, заключенной в ворота и охраняемой огнедышащими змеями и подобными чудовищами. По мере того как кора солнечного бога скользит по ним, ворота последовательно открываются благодаря магической силе произносимых им слов, и их стражи принимают его с миром. Как только он проходит, ворота закрываются за ним, и покинутое им пространство вновь окутывает тьма.

Но хотя он и способен на короткий час осветить несколько областей потустороннего мира, он путешествует по адской реке не как живой дневной бог-солнце, а как "плоть Ра", то есть как та смертная часть его природы, которая только и может умереть и войти в царство мертвых. Река - дубликат Нила, с его полосой берега по обе стороны, полями и городами, даже домами, где бог, подобно фараону, распределяет земли и обязанности между своими последователями. Последователям Ра выпал совсем иной жребий, нежели тот, что ожидал последователей Осириса. Не было земли вечного света и счастья, [pg 197] которой они могли бы ожидать, и их судьба в будущем не зависела от их поведения в этой жизни. Их высшей целью было сопровождение бога-солнца в его коре, когда он каждую ночь проходил через двенадцать областей мертвых, а этого можно было достичь, только зная ритуал Ам Дуат и содержащиеся в нем мистические формулы. Однако немногие из тех, кто отправлялся с богом солнца в его ночное путешествие, оставались с ним до последнего; большинство из них останавливались в тех областях, через которые он проходил, где им предоставлялись поля, продуктами которых они могли наслаждаться, и где каждую ночь на один час они образовывали как бы телохранителей вокруг бога и снова жили на свету. Даже цари Верхнего и Нижнего Египта были обречены на вечное пребывание в этом мрачном Аиде, вместе с Осирисом и кху, или светлыми душами более ранней веры. Те, кому посчастливилось благодаря своим знаниям и заклинаниям выйти вместе с Ра на рассвет нового дня, отныне обретали свой дом в солнечной коре и вливались в личность бога.

Но не только друзья и последователи Ра сопровождали его в путешествии по потустороннему миру; там были и его враги, и ужасные наказания, которые им пришлось вынести, изображенные на стенах царских гробниц, были достойны воображения Данте. Берега адской реки были усеяны странными и ужасными чудовищами, некоторые из которых были древними божествами и духами народной веры, другие - просто творениями символизма, третьи - существами составной формы, в изобретение которых внесла свой вклад древняя мифология. Среди них выделяются огнедышащие змеи, освещающие тьму для друзей Ра и сжигающие его врагов своим ядовитым **пламенем**161.

Искусственный характер этой картины потустороннего мира понятен с первого взгляда. С педантичным вниманием к деталям, характерным для египтянина, каждая ее часть была тщательно проработана. Даны имена и формы персонажей, которые стоят на берегах адской реки или входят в лодку Ра, когда он с каждым часом переходит в новый регион; указана даже точная площадь каждого региона, хотя измерения не совпадают во всех версиях книги. Но лучшим доказательством искусственного характера книги является факт, на который впервые указал профессор Масперо. Две более древние концепции потустороннего мира и жизни за гробом, которые существенно отличались от солнечной доктрины, заложены в ней, но заложены как бы вынужденно. В четвертом и пятом часах или регионах мы имеем картину будущей жизни, как ее представляли себе поклонники Сокариса в первобытные времена Мемфиса; в шестом и седьмом - трибунал и рай Осириса.

Царство Сокариса представляло собой то мрачное представление о загробном существовании, которое ассоциировалось с ка. Как и мумия, ка был обречен на жизнь в темной камере гробницы, откуда по ночам выползал, чтобы поглотить предложенную ему пищу, без которой он был обречен на гибель. Задолго до эпохи, когда была написана "Книга Ам Дуат", это примитивное верование ушло из людского сознания, но традиция о нем все еще сохранялась и заняла постоянное место в богословских преданиях Египта. Соответственно, автор книги как бы присоединил его к себе и превратил в две области ночи, через которые должна пройти солнечная кора. Но термины, в которых было описано царство Сокариса, были слишком стереотипны, чтобы их можно было игнорировать или изменять, и солнечная кора, соответственно, проходит [pg 199] над первобытным Аидом, голоса обитателей которого слышны в невнятном рокоте, хотя их формы скрыты от глаз. Сохранилась память даже о песчаной пустыне Гизы и Саккары, где были похоронены жители Мемфиса и где Сокарис правил как повелитель мертвых. Царство Сокариса изображается в виде песчаной ограды, по обе стороны которой стоит полузасыпанный сфинкс.

Автор "Книги Ам Дуат" имеет дело с раем Осириса так же, как и с Аидом Сокариса. Осирис и его рай были телесно перенесены на ночной путь бога Солнца и обречены получать то небольшое, что им отныне позволяет свет от ночного прохода солнечной коры. Тот направляет кору в город, где находится гробница Осириса, тот таинственный дом, в котором находятся четыре человеческие формы бога. По пути нужно победить змея Неха-хира; он - лишь другая форма змея Апофиса, врага Ра, который таким образом занимает место Сета, врага Осириса. Когда проходит шестая область, которая является своего рода притвором для "отступления" Осириса в седьмой, другие враги Осириса, о которых, однако, осирийская доктрина знала очень мало, предаются смерти в истинно солнечной манере. Возможно, самым примечательным фактом в этом описании царства Осириса является то, что в него попадают не только все боги осиринского цикла, включая ястреба Гора, но и кху, или светящиеся маны, и древние цари Верхнего и Нижнего Египта. Этот факт безошибочно указывает на большую древность осиринского вероучения. Оно восходит к тому времени, когда египетская монархия еще не была единой, и когда кху или светящаяся душа занимала в египетской мысли то же место, которое в более ранние времена занимала ка, а позднее - душа или ба. Настолько несомненным был [pg 200] факт, что старые фараоны первобытного Египта умерли в осиринской вере, что автор Книги Ам Дуат не мог пренебречь им; он был вынужден поместить предшественников Сети или Рамсеса, для которых была написана книга, в одну из туманных областей потустороннего мира, а не в солнечную кору. Они были последователями Осириса, а не Ра, и, соответственно, для них не нашлось места в лодке бога Солнца.

Таким образом, Осирис подчиняется солнцу. Богу мертвых не позволено править даже в своих владениях. Свет и жизнь, милостиво разрешенные ему, приходят от прохождения солнечной коры раз в двадцать четыре часа. Он лишился светлых и счастливых полей Алу, ему пришлось покинуть даже судейскую палату, где он решал судьбы людей. Осирис и его вероучение были свергнуты, чтобы освободить место для другого бога с другой и более низкой формой доктрины.

Этот факт был настолько очевиден, что для того, чтобы сгладить его, был написан второй солнечный апокалипсис. Это была "Книга врат или Аида", копия которой также записана в гробнице Сети. От "Книги Ам Дуат" она отличается лишь деталями; основные контуры последней, с прохождением солнечной коры через двенадцать часов или областей ночи, остались неизменными. Но детали значительно отличаются. Ворота, отгораживающие часы один от другого, превращаются в укрепленные пилоны, охраняемые змеями, дышащими огнем. Аид Сокариса исчезает, а между пятым и шестым часами появляется зал суда Осириса. Однако целью суда является наказание врагов бога, которых привязывают к кольям и в восьмом часу сжигают или предают смерти иным способом. Среди них появляется Сет в образе свиньи, которого изгоняет из зала суда циноцефальная обезьяна. Что касается праведников, [pg 201] им все еще позволено возделывать поля царства Осириса; но это царство погружено во тьму, за исключением того короткого промежутка времени, когда по нему проплывает кора бога солнца. Осирис, тем не менее, признается владыкой мира мертвых, в отличие от Книги Ам Дуат, которая отводит ему лишь его часть; и когда бог-солнце выходит в мир света в конце двенадцатого часа, он проходит через руки Нут, неба, которое стоит на теле Осириса, "которое окружает другой мир". Змей Апофис, враг Ра, также не смешивается с Сетом; его свержение Тумом происходит в первый час, до того, как будет достигнут трибунал Осириса.

Теология этих двух книг напоминает китайский даосизм в его отождествлении религии со знанием магических формул. Нравственный элемент, отличавший осирисанскую веру, исчез, и спасение стало зависеть от знания мистического апокалипсиса. Отныне шанс получить его есть только у богатых и культурных людей. И даже для них перспектива была достаточно мрачной. Немногие - самый узкий круг учеников - могли рассчитывать на поглощение богом-солнцем, что практически означало потерю индивидуальности; для остальных же существовал лишь мир тьмы и бездействия, где отсутствовало все, что делало жизнь египтянина приятной. Автор "Книги врат" выражает этот факт, когда говорит нам, что когда последние врата потустороннего мира закрываются за богом-солнцем, души, оставшиеся во тьме, тяжело стонут. До чего же довели людей и их богов ученые богословы Египта!

Не приходится удивляться, что под влиянием такого учения интеллектуальные слои все больше и больше впадали в безнадежный скептицизм, который видел в смерти потерю всего, что мы больше всего ценим здесь, внизу. С одной стороны, [pg 202] мы имеем скептические трактаты вроде диалога между шакалом и эфиопской кошкой, где кошка, представляющая старомодную ортодоксию, имеет худший [аргумент162](#); с другой стороны, дирг на смерть жены верховного жреца Мемфиса, который я цитировал в одной из предыдущих лекций -

"Подземный мир - страна густой тьмы,

Печальное место для мертвых.

Они спят, приняв свой облик, и никогда не пробуждаются".

Лучше, конечно, чтобы это было так, чем чтобы они пробудились только для того, чтобы вести то существование, которое описано в Книге Ам Дуат.

Насколько доктрины солнечной теологии распространились за пределы узкого круга, в котором они зародились, сказать трудно. По природе дела они не могли стать популярными, поскольку исходили из предположения об эзотерическом знании. Мы знаем, что большинство египтян продолжали придерживаться осиринского вероучения вплоть до последних дней язычества - во всяком случае, они исповедовали это, - и до тех пор, пока осиринское вероучение сохранялось, моральный элемент в религии был признан. В одном отношении, однако, солнечная теология восторжествовала. Боги Египта, включая самого Осириса, были отождествлены с богом-солнцем и стали формами или проявлениями Ра. Египетская религия стала пантеистической; божество обнаруживалось повсюду, а теневые и безличные формы древних божеств смешались в безнадежной путанице. Казалось, не имело значения, к кому из них обращались, ибо каждый был всем, а все были каждым.

Гностицизм был естественной дочерью солнечной теологии. Доктрина о том, что знание - это спасение и [pg 203] что боги народного культа являются проявлениями бога-солнца, была применена для объяснения происхождения зла. Зло стало результатом несовершенства и невежества, неизбежно присущих материи и вытекающих из того факта, что творение обусловлено последним из длинного ряда эонов или эманаций верховного бога. Эоны - законные потомки многообразных божеств, которых египетские жрецы превратили в формы Ра, а отождествление зла с необходимым несовершенством материи лишает его нравственного элемента и находит средство от него в гнозисе или "знании" истинной природы вещей. Даже странные чудовища и символические фигуры, играющие столь большую роль в солнечном откровении, воспроизводятся в гностицизме. Абракасас и другие диковинные составные существа, выгравированные на гностических драгоценных камнях, произошли из Книг Ам Дуат и Врат, вместе с аллегорическими смыслами, которые в них вкладывались. Как бы ни была солярная школа теологии для старой религии Египта учением смерти, в гностицизме первых христианских веков она родилась заново.

[pg 204]

Лекция IX. Народная религия Египта.

До сих пор я рассматривал официальную религию Древнего Египта, религию жрецов и принцев, писцов и образованных классов. Естественно, это та религия, о которой мы знаем больше всего. Дошедшие до нас памятники по большей части литературные и архитектурные, они отражают идеи и верования культурной части общества. Папирусы были написаны для тех, кто умел читать и писать, храмы возводились за счет государства, а тексты и фигуры, которыми они украшались, гравировались или рисовались на их стенах под руководством священников. Скульптурно оформленная гробница, расписной ящик для мумии, дорогой саркофаг, рулон папируса, который хоронили вместе с умершим, - все это было привилегией богатых и образованных людей. Могила, в которой находилось тело бедняка, не содержала ничего, кроме грубых хлопковых одежд, в которые оно было завернуто. Поэтому наши знания о религии народа, о народной религии, отличной от религии официальной ортодоксии, несовершенны и должны быть несовершенны. Нам приходится собирать их по следам, которые она оставила в религии государства, по

случайным упоминаниям о ней в литературе, по нескольким редким памятникам, дошедшим до нас, по ее пережиткам в современном фольклоре и суевериях Египта или по ее влиянию на угасающую веру классической эпохи.

[pg 205]

Однако наряду с официальной религией существовала и народная, как и во всех странах, где есть организованная вера. И если в наши дни трудно полностью понять религию необразованных слоев населения Западной Европы или осознать их точку зрения, то в случае с Древним Египтом сделать это должно быть гораздо сложнее. Здесь наши материалы скудны, и сам факт, что мы знаем о религии высшего класса столько, сколько знаем, дополнительно затрудняет их правильную оценку.

Значительная часть феллахов происходила от более раннего неолитического населения Египта, которое фараоновские египтяне нашли уже осевшим в стране. В одной из предыдущих лекций я попытался показать, что они были фетишистами, и среди их фетишей особенно выделялись животные. У них не было жрецов, поскольку фетишизм несовместим со священством в собственном смысле этого слова. Они также не бальзамировали своих мертвых; поэтому все те верования и идеи, которые были связаны со жречеством и практикой бальзамирования, должны были прийти к ним извне; боги и священнослужители государственной религии, осирийское вероучение и вера в воскресение должны были быть для них иностранного происхождения. И они, несомненно, оставались чужеродными для основной массы народа вплоть до последних дней язычества.

Амон, Ра и Осирис были действительно знакомыми именами, храмовые праздники соблюдались должным образом, а процессии в честь государственных богов принимали должное участие; а после эпохи Восемнадцатой династии, когда слияние различных элементов в населении было завершено, практика мумификации стала общей; но имена государственных богов были только именами, которым крестьянин придавал совсем другое значение, чем то, которое требовала официальная ортодоксия. Он по-прежнему поклонялся [pg 206] дереву, тенистые ветви которого росли на краю пустыни или в углу его поля, или приносил свои жертвы какому-нибудь животному, в котором видел не символ или воплощение Гора и Сехета, а настоящих ястреба и кошку.

Насколько глубоко укоренилась в сознании народа эта вера в божественность животных, показывает тот факт, что государственная религия должна была признать ее так же, как Мухаммед был вынужден признать святость "Черного камня" Каабы. Как мы уже видели, второй царь второй династии Тинитов, как говорят, узаконил поклонение быку Апису из Мемфиса, Мневису из Гелиополя и барану из Мендеса; и хотя официальное объяснение гласило, что эти животные были лишь воплощениями Птаха и Ра, которым действительно поклонялись, это было объяснение, о котором люди не знали и не заботились.

Божественные почести, которые они воздавали быкам и баранам, воздавались самим животным, а не богам жреческого культа.

То тут, то там до нас доходят свидетельства того, что так оно и было. Например, на гробнице Ра-зер-ка-Сенеба в Фивах художник изобразил крестьянина, совершающего утреннюю молитву перед платаном, который стоит в конце кукурузного поля, а рядом с ним на земле лежат подношения из фруктов, хлеба и воды.¹⁶³ Официальная религия пыталась узаконить это старое поклонение дереву точно так же, как христианство пыталось узаконить старое поклонение источникам, связывая дерево со служением богу и видя в нем одну из форм, в которой божество проявляло себя. Так "южный платан" стал телом Хатхор, голова которой [pg 207] изображалась появляющейся из его ветвей, а напротив Сиута стоял Хор-пес, занявший

место богини.¹⁶⁴ Как и другие верования и обычаи, восходящие к неолитическому населению Египта, древнее поклонение деревьям еще не исчезло. По обе стороны Нила можно найти священные деревья, под которыми до сих пор приносят хлеб и воду, хотя бога официального культа фараоновского Египта, которому номинально воздавалось поклонение, сменил магометанский святой. Сбоку от дерева часто возвышается белый купол гробницы "шех", которому посвящено это место, напоминая нам о картине, скопированной Уилкинсоном с гробницы в Ху, где маленькая часовня, изображающая гробницу Осириса, стоит у дерева, на ветвях которого сидит бенну или феникс.¹⁶⁵ Однако самое известное из этих деревьев, дерево Матария, является объектом почитания скорее для христиан, чем для магометан. Говорят, что Святое семейство отдыхало под его ветвями во время своего бегства в Египет; в действительности же оно представляет собой платан, в котором, как считалось, обитала душа Ра из Гелиополя.

Профессор Масперо обратил внимание на некоторые стелы в Туринском музее, которые показывают, что даже в низших слоях среднего класса объектом поклонения было само животное, а не воплощенный в нем официальный бог. На одной из них, относящейся к эпохе Восемнадцатой династии, нарисованы огромные фигуры ласточки и кошки, перед которыми стоит стол с подношениями, а также два коленопреклоненных писца, а сопровождающие надписи говорят нам, что именно " [pg 208] доброй" ласточке и "доброй" кошке, а не кому-либо из государственных богов, которые могли скрываться под этими формами животных, подносились цветы и возносились молитвы. На другой стеле мы видим двух домашних кошек, которые сидят на святилище лицом друг к другу, и которых их хозяйки - две женщины, причитающие на похоронах, - поклоняются точно на том же языке, что и Осирис или Амон.¹⁶⁶ В каменоломнях к северу от Курны есть похожее изображение коровы и кобры, которые стоят лицом к лицу со столом для подношений между ними, а поклоняющийся стоит на коленях в стороне, и полустертая надпись содержит обычные формулы поклонения.¹⁶⁷ Еще более любопытна стела, хранящаяся сейчас в Каирском музее, на которой изображен бык внутри святилища, а под ним - греческая надпись, объявляющая, что "критянин", посвятивший памятник, может толковать сны благодаря повелению "бога". Богом, надо заметить, является не Апис, а обычный бык.

Но среди всех животных, которые, несмотря на жреческое учение и государственные дары, продолжали оставаться настоящими богами народа, ни одно не было так многочисленно и не вызывало такого всеобщего страха и почитания, как змеи. Змею обожали там, где Амон был лишь именем, а Ра считался принадлежностью богатых и могущественных людей, подобно прекрасным лошадям и одежде. Заметное место [pg 209] змеи в египетской мифологии и символизме указывает на то, насколько многочисленной и опасной она должна была быть в ранние времена Египта, и какое неизгладимое впечатление она произвела на туземный разум. Когда берега Нила представляли собой непригодную для жизни трясиину, а неолитические племена строили свои хижины в пустыне, змея, должно быть, действительно представляла собой грозную опасность. Самые смертоносные из них до сих пор часто встречаются в пустыне; только на возделанных землях они встречаются сравнительно редко. В Египте, как и в других местах, обработка почвы и привычки цивилизованной жизни уменьшили их количество и загнали в уединенные места пустыни. Но когда фараоновские египтяне впервые пришли в долину Нила, когда болота осушались, джунгли расчищались, а земля засеивалась пшеницей из Вавилонии, змея все еще была одной из опасностей повседневной жизни. Народная сказка, которая была присвоена и испорчена жреческими составителями легенды о Ра, рассказывает о том, как бог солнца был укушен ядовитой змеей, лежавшей на его пути, и как яд пробежал по его венам, словно огонь. Символом царской власти, принятым первыми фараонами, была кобра; она символизировала

неодолимую мощь и смертоносную силу вождя-завоевателя, который, подобно страшной кобре пустыни, побеждал жителей страны и заставлял их относиться к нему с тем же благоговением и ужасом, что и к самой змее.

До последнего бальзамировщики, могильщики и другие люди, которые должны были заниматься погребением умерших и, следовательно, жили по соседству с некрополем, были более подвержены риску укуса змеи, чем жители возделанных земель. Некрополь неизменно находился в пустыне, и характер их занятий обязывал их раскапывать песок или посещать темные камеры мертвых, где незаметно скользила [pg 210] змея. Поэтому неудивительно, что почитание змеи было особенно сильным среди населения кладбищ. Жители фиванского некрополя оставили нам молитвы и посвящения богине Мерт-Сегер, которая изображается в виде кобры или другой столь же смертоносной змеи, хотя иногда она прилично завуалирована под именем официального божества. Однажды ее место занимают две змеи, в другой раз - целая дюжина. На самом деле она была богиней-покровительницей некрополя и поэтому получила название "Западный гребень" - то есть гребень западных холмов, где находились самые ранние гробницы Фив. Профессор Масперо перевел интересную надпись, сделанную в ее честь одним из рабочих, занятых на кладбище. "Поклонение Западному гребню, - начинается она, - прострации перед ее двойником! Я совершаю свое поклонение, слушайте! С тех пор как я ходил по земле и был служителем на Месте Истины (кладбище), человек невежественный и глупый, не знавший добра и зла, я совершил много грехов против богини Гребня, и она наказала меня. Днем и ночью я был под ее рукой; труся по постели, как роженица, я кричал о дыхании, но дыхание не приходило ко мне, ибо меня преследовал Западный Гребень, могущественнейший из всех богов, богиня этого места; и вот я объявляю всем, великим и малым, среди работников некрополя: берегитесь Гребня, ибо в ней есть лев, и она бьет, как лев околдованный, и она преследует всех, кто грешит против нее! И я воззвал к своей госпоже, и она пришла ко мне, как мягкий ветерок, соединилась со мной, заставив меня почувствовать ее руку; она вернулась ко мне с миром и заставила меня забыть о моих бедах, дав мне дыхание. Ибо Западный Гребень умиротворяется, когда к ней обращаются с мольбой, - так говорит Нефер-аб, оправданный. [pg 211] Он говорит: Слушайте, слушайте, все живущие на земле, остерегайтесь Западного Гребня!"¹⁶⁸

Ясно, что Нефер-аб страдал от астмы, что он верил, что она была наложена на него местной богиней за какой-то грех, который он совершил против нее, и что он также верил, что его раскаяние и мольба о помощи побудили ее прийти к нему и вылечить его. А богиня эта была змеей. Таким образом, здесь, в некрополе Фив, змея играла ту же роль целительницы, что и в поклонении Асклепию. Следует помнить, что первый храм, воздвигнутый Эскулапу в Риме, был построен после чумы, от которой город, как предполагалось, избавила змея, спрятавшаяся в болотах Тибра. Змея, которая разрушает, также исцеляет; рядом с Какодемоном живет и добрый змей Агатодемон.

Мерт-сегер, змея некрополя, не полностью избежала покровительства государственной религии. Подобно местным культам аборигенов Индии, на которые брахманизм набросил свою мантию, культ Мерт-Сегер не остался полностью незамеченным государственной религией. Ей была воздвигнута часовня в ортодоксальной форме, и именно от нее происходит большинство стел, которые свидетельствуют о существовании старого культа. В некоторых из них Мерт-Сегер отождествляется с Мутом или даже с Изидой, но такое отождествление никогда не принималось и не понималось ее неграмотными поклонниками. Для них она оставалась тем же, чем была для их предков, - просто змеей и ничем больше. Старая вера в измененном виде пережила века христианства и магометанства. Профессор

Масперо обнаружил, что местный магометанский [pg 212] святой, чья могила находится недалеко от древней часовни Мерт-Сегер, до сих пор верит, что он творит чудеса исцеления. Он занял место богини-змеи, вот и [все169](#).

Змея, однако, не всегда почиталась, потому что ее боялись. Она жила под землей и была, таким образом, в особом смысле древнейшим обитателем земли и хранительницей почвы. Тельмесцы говорили Крёзусу, что это "дитя земли". [170](#) Безобидные змеи, которые часто встречаются в деревенских домах современного Египта, до сих пор считаются "защитниками" домашнего очага. Миска молока для них ставится так же регулярно, как когда-то в Уэльсе для фей, и рассказывается множество историй о том, какое наказание повлечет за собой пренебрежение домашним ḥarrâs или "хранителем". Ведь его яд продолжает существовать, хотя и хранится в запасе, и передается не только через клыки. Например, в Хелване, недалеко от Каира, мне рассказали об одной из этих змей-хранителей, которая однажды упустила свою самку и решила, что ее убили. После этого она пробралась в зир или кувшин, в котором хранится вода, и отравила ее. Но вскоре появилась самка, и было замечено, как она скользнула в таз с молоком, затем поползла по земле, чтобы пыль прилипла к ее телу, и снова вошла в зир. Поскольку пыль загрязнила воду, жители дома поняли, что та, должно быть, отравлена, и вылили ее на землю. В [pg 213] этом случае змея стала средством от беды, которую она была способна причинить. [171](#)

Но Агатодемон, или змей-хранитель дома, не только до сих пор сохранился среди феллахов Египта, поклонение змеям по-прежнему безраздельно господствует в долине Нила. В кратерообразном углублении горной скалы Шех Хероди находятся две купольные гробницы, посвященные не христианскому или магометанскому святому, а змею и его подруге. Шех Хероди, по сути, является змеем, а место, где он обитает, - святой землей. Ежегодно к нему совершаются паломничества, а на праздник "Шекх", который проходит в месяц, следующий за Рамаданом, съезжаются толпы моряков и других набожных верующих, которые на несколько дней собираются в окрестностях святилища.

Они не сомневаются в чудодейственной силе, которой обладает змея. Толщиной она с бедро человека, а при непочтительном обращении дышит огненным пламенем в лицо зрителя, который тут же умирает. Если же ее разрезать на части, то части воссоединяются сами собой, а вытекающая из них кровь отмечает место, где в земле спрятано золото.

Поль Лукас в начале XVIII века рассказывал, что в его время его называли "ангелом" и что незадолго до его визита на Нил он излечил женщину из Эхмима от паралича, от которого она страдала восемь лет, просто заползла в ее лохань, когда ее принесли в его жилище. Павел Лукас сам был свидетелем его сверхъестественных даров. Ее принес ему хранитель святилища, когда он гостил у бея на противоположном берегу реки. Внезапно он исчез, и его нигде не было; но гонец, посланный [pg 214] в святилище, вернулся с информацией, что "ангел уже был там и продвинулся более чем на двадцать шагов, чтобы встретить дервиша, который заботится о нем" [172](#).

Несколько лет спустя Норден рассказал похожую историю. Ему сказали, что змей-святой "никогда не умирает" и что он "исцеляет и дарует благодеяния всем, кто обращается к нему за помощью и приносит ему жертвы". Исцеления происходили от одного лишь присутствия змеи, которая лично приходила к тем, кто желал ее помощи. Христиане, добавляет он, признают чудодейственную силу Шекха наравне с магометанами, только объясняют ее тем, что она вызвана демоном, который одевается в змеиное обличье. [173](#)

Святой или демон, однако, Шех Хериди на самом деле является прямым потомком змеи, которой поклонялись в его окрестностях с доисторических времен Египта. Бронзовая змея с

головой Зевса Сераписа была найдена в курганах Бенавита, на западном берегу Нила, напротив входа в святилище Шекха; а ном, в котором находилось святилище, был Ду-Хефи, "гора змеи". Змей Шех Хериди с его чудесными способностями к исцелению, должно быть, был известен уже в те времена, когда номы Верхнего Египта впервые получили свои названия. Древнее неолитическое население пустыни, должно быть, уже почитало змею, обитавшую в расщелине скалы, над которой сейчас возвышается священная "гробница" Шех Хероди. [174](#)

[pg 215]

Вера народа умирает с трудом. Боги и богини, теология и спекуляции официальной религии Египта ушли в прошлое, но старые верования и суеверия, которые уже владели этой землей, когда фараоновские египтяне впервые вступили на нее, пережили и христианство, и магометанство. Теологические системы Гелиополя или Фив подобны священным деревьям, которые, по словам доктора Швайнфурта, [175](#) были привезены из Южной Аравии вместе с божествами, с культом которых они были связаны; когда божествам перестали поклоняться, деревья тоже перестали выращивать, и так они исчезли с земли, где были всего лишь экзотикой. Но религия огромной массы людей оставалась укорененной в почве, как пальма или акация. Она текла, как сильное течение, под поверхностью богословия государства, презрительно терпимая последним и, в свою очередь, мало затронутая им. Государственное богословие могло вбирать в себя и адаптировать верования народа; для народа же государственное богословие было "сказкой с малым смыслом, хотя слова были сильны".

Если мы хотим узнать, что думала основная масса людей о тех божествах, которых высшие классы считали проявлениями единой невыразимой и всемогущей божественной силы, мы должны обратиться к народным сказаниям, которые были подхвачены и изуродованы рационализирующими жрецами более позднего периода, когда они объединили в единую историю все, что было сказано о богах местных святилищ. Каждое святилище стало обладать своей эвгемеризирующей [pg 216] легендой о главном божестве, которому оно было посвящено; божество превратилось в земного царя, а его история была состряпана частично из народных преданий, связанных по большей части с конкретными реликвиями и чарами, частично из вынужденных этимологий собственных имен. Неизвестно, как рано появились эти искусственные легенды, но мы встречаем их примеры уже во времена Девятнадцатой и Двадцатой династий. Однако они относятся к эпохе, когда уже начался рационалистический процесс превращения богов в человеческих принцев - обратная сторона процесса, превратившего фараона в бога, - и их искусственный характер выдают попытки извлечь историю из ученых, но ненаучных объяснений происхождения местных и других имен.

Вот, например, одно из них, которое было составлено для храма бога Солнца в Гелиополе и содержится в Туринском папирусе эпохи Двадцатой династии: "Рассказ о боге, который создал себя, создателе неба, земли, богов, людей, диких зверей, скота, пресмыкающихся, птиц и рыб; царе людей и богов, для которого века - как годы; который обладает бесчисленными именами, которых не знает никто, даже боги".

"Исида была женщиной, более знающей в своей злобе, чем миллионы мужчин, умной среди миллионов богов, равной миллионам духов, для которой, как и для Ра, не было ничего неизвестного ни на небе, ни на земле.

"Каждый день бог Ра приходил, чтобы сесть на свой трон; он состарился, его рот дрожал, раб стекал на землю, и слюна капала на землю. Исида размяла ее рукой вместе с приставшей к ней пылью; она вылепила из нее священную змею, которой придала форму древка копья.

Она намотала его не на свое лицо, а бросила на [pg 217] дорогу, по которой великий бог ходил, сколько хотел, в своем двуедином царстве.

"Почтенный бог отправился в путь, (другие) боги сопровождали его, он шел, как в другие дни. Затем его укусила священная змея. Божественный бог открыл рот, и его крик вознесся к небу. Его эннеада богов взывала: "Что это?", а боги кричали: "Смотри туда!". Он не мог ничего ответить, его челюсти болтали, его конечности тряслись, яд овладел его плотью, как Нил оmyвает свои берега (водой).

Когда сердце великого бога успокоилось, он воззвал к своим последователям: "Придите ко мне, вы, дети моих конечностей, вы, боги, которые исходят от меня! Нечто болезненное причинило мне боль; мое сердце чувствует это, но мои глаза не видят этого; моя рука не создавала этого, ничто из того, что я сделал, не знает, что это такое, но я никогда не испытывал страданий, подобных этому, и нет боли, которая была бы хуже..... Я отправился посмотреть, что я создал, я шел по двум землям, которые я создал, когда что-то ужалило меня, чего я не знал. Был ли это огонь, была ли это вода? Сердце мое пылает, конечности мои дрожат, все члены мои содрогаются. Пусть приведут ко мне детей богов с благодетельными словами, у которых есть понимающие уста, и чья сила достигает небес".

"Пришли дети богов, полные горя; пришла Исида со своим волшебством, с устами, полными дыхания жизни, чьи рецепты уничтожают боль, чье слово оживляет мертвых. Она сказала: "Что случилось, что случилось, о отец богов? Змей причинил тебе это страдание, одно из созданий твоих подняло голову против тебя. Конечно, он будет повержен благодетельными заклинаниями; я заставляю его отступить при виде твоих лучей".

Святой бог открыл уста: "Я шел по дороге, проходящей через две земли, после [pg 218] желая моего сердца, чтобы увидеть то, что я создал; тогда я был укушен змеей, которую я не видел. Огонь ли это, вода ли? Я холоднее воды, я жарче огня, все мои конечности потеют, я дрожу, мой взгляд нестабилен, я не вижу неба, капли катятся с моего лица, как в летнюю пору".

Исида ответила Ра: "Скажи мне имя твое, отец богов, тогда будет жить тот, кто освободится (от боли) твоим именем". Но Ра отвечает: "Я создал небо и землю, я привел в порядок холмы и создал все существа, которые на них находятся. Я - тот, кто создал воду и заставил излиться первобытный океан. Я создал супруга его (божественной) матери. Я создал небеса и тайны двух горизонтов и упорядочил души богов. Я тот, кто освещает все вещи при открытии глаз; если он закрывает глаза, все темнеет. Воды Нила поднимаются по его велению; боги не знают его имени. Я создаю часы и творю дни, я посылаю год и создаю наводнение, я создаю огонь, который живет, я очищаю дом. Утром я - Хепера, в полдень - Ра, вечером - Тум".

"Яд не отходил, он продвигался дальше, великий бог стал не лучше. Тогда Исида сказала Ра: "Твое имя не было произнесено в тех словах, которые ты повторил. Скажи его мне, и яд отойдет; тогда будет жить тот, чье имя (так) названо".

"Яд светился, как огонь; он был жарче пламени огня. Величество Ра сказал: "Я даю тебе разрешение, чтобы ты искала во мне, о мать Исида, и чтобы мое имя перешло из моего лона в твое".

"Так бог скрылся от (других) богов; его вечная кора была пуста. Когда настал момент извлечь сердце (на котором было написано имя), [pg 219] Исида сказала своему сыну Хорусу: "Он должен отдать тебе два своих глаза (солнце и луну)".

"Так имя великого бога было взято у него, и Исида, великая чаровница, сказала: "Уйди, о яд, оставь Ра: пусть глаз Хоруса выйдет из бога и воссияет из его уст. Я, я сделала это; я бросаю на землю победоносный яд, ибо имя великого бога извлечено из него. Пусть Ра живет, а яд умрет! Так говорила Исида, великая, регентша богов, которая знает Ра и его истинное имя".

Автор папируса добавляет, что пересказ этой легенды является прекрасным талисманом против яда змеи, особенно если она написана и растворена в воде, которую затем выпивает пациент; или если она написана на куске льна и повешена на шею. [176](#)

Контраст между введением в легенду и эвмеристическим духом, который преобладает в ней в других местах, разителен, и может быть объяснен, даже в случае таких пренебрегающих последовательностью египтян, только если предположить, что Ра из фольклора и Ра из теологии считались одним и тем же только по имени. Исида даже не претендует на роль богини; она просто обычная ведьма, которая прибегает к магии, чтобы заставить Ра передать свое имя и, соответственно, свои силы своему сыну Гору. Добродетель имени и сила, которую дает знание этого имени, - черты, характерные для фольклора большинства стран. Они возвращают нас к той первобытной фазе мышления, которая не только отождествляет имя с человеком или вещью, которую оно обозначает, но и делает его отдельной сущностью, имеющей собственное существование.

Легенда о боге солнца из Эдфу не менее поучительна, [pg 220] хотя в своем нынешнем виде она не ранее эпохи Птолемеев. Она начинается следующим образом: "В триста шестьдесят третий год царствования Ра-Хармахиса, вечно живого, Ра находился в Нубии со своими воинами. Враги, однако, составили против него заговор (uu); поэтому страна с тех пор носит название страны заговорщиков (Uaia). Затем бог Ра отправился в путь на своей коре вместе со своими последователями и высадился в Эдфу. Здесь бог Хор-Беудет (крылатый диск) вошел в кору Ра и сказал своему отцу: "О Хармахис, я вижу, как враги сговорились против своего повелителя". Тогда величество Ра-Хармахис сказал Хор-Бе-Худету: "О сын Ра, возвышенный, который произошел от меня, немедленно порази врага перед собой". Хор-Беудет взлетел к солнцу в виде огромного крылатого диска; с тех пор его называют великим богом, владыкой небес. Заметив с неба врагов, он последовал за ними в виде огромного крылатого диска. Когда он напал на них спереди, глаза их уже не видели, уши не слышали, каждый сразу же убивал своего соседа, и в живых не оставалось ни одного. Тогда Хор-Беудет пришел в многоцветном виде в виде большого крылатого диска в кору Ра-Хармахиса. И сказал Тот Ра: "Владыка богов, бог Беудета (Эдфу) пришел в виде большого крылатого диска: с этого дня он будет называться Хор-Беудет (Горус из Эдфу)". И он сказал (снова): "С этого дня город Эдфу будет называться городом Хор-Бе-Худет". Тогда Ра принял облик Хора и сказал Хор-Бе-Фуде: "Ты делаешь воду Эдфу (красной от крови, как виноград), и сердце твое радуется этому". Поэтому вода Эдфу называется (виноградной).

И сказал Хор-Беудет: "Иди, о Ра, и узри врагов твоих под ногами твоими в этой земле". [pg 221] Когда величество Ра повернул назад, и богиня Астарта с ним, он увидел, что враги лежат на земле, каждый вытянувшись, как пленник. Тогда Ра сказал Хор-Беуде: "Это подходящая жизнь". Поэтому место, где сидел Хор-Беудет, с тех пор называется местом подходящей жизни. И сказал Тот: "Это был пронзительный (деб) моих врагов". Так и называется с тех пор ном Эдфу (Деб) этим именем. И сказал Тот Хор-Беудету: "Ты - великая защита" (mâk âa). Великий в защите (âa mâk), соответственно, с тех пор называется священная кора Гора.

"Тогда Ра обратился к богам, которые были с ним: "Давайте отправимся в плавание (khen) на нашей лодке по Нилу; мы радуемся, ибо наши враги лежат на земле". Канал, в котором находился великий бог, с тех пор называется Водой странствий (Пе-кхен).

"Тогда враги Ра вошли в воду: они превратились в крокодилов и гиппопотамов. Хармахис же путешествовал по воде на своей коре. Когда крокодилы и гиппопотамы подошли к нему, они раскрыли свои пасти, чтобы уничтожить величие Хармахиса. Тогда пришел Хор-Беудет со своими последователями - кузнецами (месниу); каждый держал в руке железное копье и цепь, которыми он поражал крокодилов и гиппопотамов. Тогда привели на место триста восемьдесят одного врага, убитого на виду у города Эдфу.

И сказал Хармахис Хор-Беудету: "Пусть мой образ будет в Южном Египте, ибо там была одержана победа" (нехт âḥ). Поэтому место обитания Хор-Бе-Худета (в Эдфу) с тех пор называется Победоносным (Nekht-âḥ). И сказал Тот, увидев лежащего на земле врага: "Радуются сердца ваши, о боги неба; радуются сердца ваши, о боги [pg 222] земли! Горус младший пришел с миром; он совершил чудеса в своем путешествии, которое он предпринял в соответствии с Книгой Убийства Бегемота". С тех пор (в Эдфу) существует кузница (месен) Хоруса.¹⁷⁷

"Хор-Беудет изменил свой облик, превратившись в крылатый солнечный диск, который остался там над носом коры Эа. Он взял с собой Нехеб, богиню юга, и Уазит, богиню севера, в виде двух змей, чтобы уничтожить врагов в их крокодильих и гиппопотамовых телах во всех местах, куда он придет, как в Южном, так и в Северном Египте.

"Тогда враги бежали перед ним, они обратили лица свои к югу, и сердца их содрогнулись от страха. Но Хор-Беудет был позади них в коре Ра, с железным копьем и цепью в руке. С ним были его последователи, вооруженные оружием и цепями. Тогда он увидел врага к юго-востоку от Фив на равнине размером в два шени".

Далее следует рассказ о нескольких битвах, в которых враги Гора переходили с места на место, пока в конце концов весь Египет не перешел под его власть. Первая битва, произошедшая к юго-востоку от Фив, была при Аа-Задми, названном так из-за "ран", нанесенных врагу, который отныне носил священное имя Хат-Ра, "Дом Ра". Второй был в Нетер-хаду, "божественной бойне", к северо-востоку от [pg 223] Дендеры; третий - в Хебну, близ Минии, в области Газели; за ним последовали Оксирринх, или Бехнеса, и Ираклеополь, или Анас, где была создана двойная Месена, или "Кузница". Затем врагов прогнали через Дельту и разбили у Зару на ее восточной границе, после чего они бежали на кораблях вниз по Красному морю, но в конце концов были повержены у Шас-эра, недалеко от позднейшего Береники, в конце дороги, которая вела через пустыню от Нила.

Тем временем, 7 числа в Тиби, их предводитель "Сет вышел вперед и ужасно кричал, произнося проклятия на деяния Хор-Беудета, убившего врага. И сказал Ра Тоту: "Ужасный громко плачет из-за того, что Хор-Беудет сделал против него". Тот ответил Ра: "Пусть с этого дня плач будет называться ужасным". Хор-Бееудет долго сражался с Сетом; он метнул в него свое железо и поверг его на землю в городе, который отныне стал называться Па-Рееуи (Дом Близнецов).¹⁷⁸ Когда Хор-Бееудет вернулся, он привел с собой Сета; его копье торчало в его шее, его цепь была на его руке; булава Гора поразила его и закрыла его рот. Он привел его к своему отцу Ра.

Тогда Ра сказал Тоту: "Пусть спутники Сета будут отданы Исиде и Гору, сыну ее, чтобы они поступили с ними по своему усмотрению"... И Горус, сын Исиды, отрубил голову Сету и его соратникам перед своим [pg 224] отцом Ра и всей великой Эннеадой. Он пронес его под ногами через всю землю, с топором на голове и в спине".

Однако Сет не был убит. Он превратился в змея, и начались битвы, закончившиеся победой при Шас-Эре в земле Уауа. После этого "Хармахис прилетел на своем корабле и приземлился

в Тес-Хор (Трон Гора или Эдфу). И сказал Тот: "Распространитель лучей, исходящий от Ра, победил врага в своей форме (крылатого диска); пусть отныне он зовется Распространителем лучей, исходящим от горизонта". И сказал Ра Тоту: "Принеси это солнце (крылатый диск) во все места, где я нахожусь, к местам богов в Южном Египте, к местам богов в Северном Египте, (к местам богов) в другом мире, чтобы оно изгнало все зло из своих окрестностей". Соответственно, Тот принес его во все места, какие только существуют, где есть боги и богини. Это крылатый солнечный диск, который помещен над святилищами всех богов и богинь в Египте, поскольку эти святилища также являются святилищами Хор-Беудета "[179](#).

Легенда представляет собой любопытное сочетание традиций, связанных с завоеванием неолитического населения фараонскими египтянами, мифа об Осирисе, этимологических рассуждений о значении некоторых собственных имен и попытки объяснить происхождение крылатого солнечного диска. Из них мы можем узнать, что впервые диск был использован в качестве украшения в Эдфу, и что он, как и крылатые быки Ассирии, обладал силой, не позволяющей демонам зла пройти через дверь, над которой он был установлен. Однако было ли это одним из суеверий более древних людей, или же оно было принесено завоевателями из их [pg 225] вавилонской родины, сомнительно; возможно, тот факт, что диск был символическим и архитектурным украшением, и был ограничен, насколько мы знаем, храмами официальных богов, указывает в последнем направлении. Иначе обстоит дело с храмовыми реликвиями, упомянутыми в легенде, сохранившейся на гранитной святыне эпохи Птолемеев, которая долгое время служила желобом для воды у колодца в Эль-Арише. Храм, из которого она первоначально исходила, был храмом Ат-Небеса, священного названия города Кесем или Гошен, ныне Сафт-эль-Хенна. Легенда начинается с описания правления Шу, который укрепил Ат-Небес против "детей Апофиса", семитов "красной пустыни", пришедших с Востока "в сумерках по дороге Ат-Небеса", чтобы вторгнуться в Египет. Здесь он поселился в своем дворце и отсюда "вознесся на небо", когда состарился и пришло время ему умереть. Его сменил сын Себ, который "обсудил историю города с богами, которые присутствовали при нем, (и они рассказали ему) все, что случилось, когда Величество Ра был в Ат-Небесе, конфликты царя Тума в этой местности, доблесть Величества Шу в этом городе... (и чудеса, которые) змеиная богиня Анхет сделала для Ра, когда он был с ней; победы Величества Шу, поражающие злых, когда он положил ее на свое чело. Тогда величество Себ сказал: "Я тоже (возложу) ее на свою голову, как это сделал мой отец Шу". Себ вошел в храм Аарт (Локон волос) вместе с богами, которые были с ним; затем он протянул руку, чтобы взять ларец, в котором была (Анхет); змея вышла и дыхла своим паром на величество Себа, сильно смутив его; те, кто следовал за ним, упали замертво, а его величество сам был сожжен в тот день. Когда его величество бежал к северу от Ат-Небеса с огнем кобры на себе, вот, когда [pg 226] он пришел на поля хны, боль от ожога еще не утихла, и боги, следовавшие за ним, сказали ему: "Пойдем, пусть они возьмут замок (аарт) Ра, который там, когда твое величество пойдет посмотреть его и его тайну, и его величество будет исцелен (как только он будет наложен) на тебя". И величество Себ приказал принести волшебный локон волос в Па-Аарт (Дом замка), для которого был сделан тот ковчег из твердого камня, что спрятан в тайном месте Па-Аарта, в районе божественного замка бога Ра; и вот огонь сошел с конечностей величества Себа. И много лет спустя, когда этот локон волос был возвращен в Па-Аарт в Ат-Небесе и брошен в великое озеро Па-Аарт, чье имя - Жилище Волн, чтобы очиститься, вот локон превратился в крокодила; он полетел к воде и стал Себеком, божественным крокодилом Ат-Небеса "[180](#).

Внутри святилища находится изображение двух реликвий - кобры, украшавшей головной убор фараона, и аарта или локона волос, который, как предполагалось, дал название храму. Они, несомненно, хранились в Ат-Небесе и демонстрировались верующим как настоящие

предметы, которые оказались бичом и противоядием бога Себа. Они знакомят нас с той стороной египетской религии, которая, хотя и была характерна для народной веры, получила также санкцию официального вероучения. Вера в амулеты и чары слишком глубоко укоренилась в народном сознании, чтобы ее можно было игнорировать; поэтому они были взяты под покровительство богов, и была придумана теория, объясняющая их эффективность. Уже поздние главы Книги мертвых посвящены различным амулетам, которые были необходимы [pg 227] для сохранения или оживления тела; и даже если последние рассматривались как символические, они были конкретными символами-символами, то есть реально обладали приписываемыми им достоинствами. Как имя было конкретной сущностью, выражающей саму суть вещи, к которой оно применялось, так и символ был сущностью с конкретным собственным существованием. Материалистическая тенденция египетской мысли, дополненная фетишизмом более раннего слоя туземной религии, привела к такому результату. Доктрина Ка стала теорией, с помощью которой образованные классы могли объяснить действенность амулета и активные достоинства символа. Именно Ка, духовный и в то же время материализованный двойник амулета, действовал как талисман, делая скарабея, например, заменой живого сердца, а папу - символ стабильности - паспортом в другой мир¹⁸¹.

Амулеты, погребенные вместе с мертвыми, реликвии, хранившиеся в храмах, изначально были фетишами раннего населения Египта. Они почти не изменили своего характера, когда стали символами, наделенными таинственными свойствами, или реликвиями государственных богов, которые по-прежнему обладали чудодейственной силой. Крестьянину могли сказать в ритуале Амона: "В святилище бога шум - мерзость для него: молись о себе с любящим сердцем, в котором слова остаются скрытыми; пусть он восполнит твою нужду, услышит твои слова и примет твои приношения" ¹⁸²; но это было учение, которое было намного [pg 228] выше его. Когда он входил в святилище, то видел процессии священников и хранящиеся в нем реликвии, и именно на эти реликвии он по-прежнему возлагал свое упование. Не только в Эфиопии были движущиеся и говорящие статуи, которые избирали царя, беря его за руку; в самих Фивах, при царях-жрецах Двадцатой династии, мы находим чудотворные статуи, реальность которых гарантировалась жречеством. Одна из них, как рассказывали, была отправлена в Азию, где избавила царскую дочь от овладевшего ею демона, а затем в мгновение ока вернулась в Фивы по собственной воле; другие отвечали на вопросы, обращенные к ним, кивком головы или даже произносили пророчества о будущем¹⁸³. Действительно, как мы видели, старая теория ка подразумевала, что статуя мертвого человека может быть в некотором смысле оживлена его духом; а текст из Дендеры говорит о душе Хатхор, спускающейся с небес в виде человеческой головы ястреба из ляпис-лазури и соединяющейся с ее изображением. Поэтому крестьянина можно было бы оправдать, если бы он оставался верен суевериям и традициям своих предков, а официальную религию с ее единым невыразимым богом оставлял тем, кто был достаточно культурен, чтобы понять ее. Как и крестьянин современной Италии, он довольствовался божеством, которое мог видеть и с которым мог обращаться, и в чудотворной силе которого он не сомневался. Материализм - основа первобытной религии; горизонт первобытного человека ограничен, и он еще не научился отделять мысль от органов чувств, через которые только и познается его узкий мир. Простая вера ребенка часто облекается в материалистическую форму.

[pg 229]

Лекция X. Место египетской религии в истории теологии.

В предыдущих лекциях я попытался донести до вас наиболее важные моменты религии древних египтян в той мере, в какой они иллюстрируют их представление о божественном. Но мы должны помнить, что все подобные описания древних верований должны быть лишь приблизительными. Мы не можем поставить себя на место тех, кто ее придерживался; наш наследственный опыт, наши расовые наклонности, наше образование и религиозные представления - все это в равной степени запрещает это. Если египтяне фиванского периода с трудом понимали ритуал своей собственной ранней истории и неверно истолковывали выражения и аллюзии в нем, то насколько же сложнее это сделать нам. Самые обычные религиозные термины не имеют для нас того же значения, которое они имели для египтян. Имя Бога вызывает другие ассоциации и представления; само слово "божественный" имеет разное значение в древнем и современном мире у восточных и западных народов. На самом деле, чем буквальнее мы переводим древний религиозный текст, тем больше вероятность того, что мы поймем его неправильно.

И все же в каком-то смысле мы являемся религиозными наследниками строителей и основателей египетских храмов. Многие теории египетской религии, несомненно, измененные и преобразованные, проникли в теологию христианской Европы и составляют, так сказать, часть плетения в [pg 230] паутине современной религиозной мысли. Христианское богословие было в значительной степени организовано и воспитано в Александрийских школах, и Александрия была не только местом встречи Востока и Запада, но и местом, где дряхлая теология Египта была оживлена контактом со спекулятивной философией Греции. Египтянин, грек и иудей встречались там на равных, и в результате возникла теологическая система, в которой каждый имел свою долю. У Филона, как нам говорят, мы находим Моисея платонизирующим; но атмосфера, в которой он это делал, была атмосферой старой египетской веры. И то, что было верно в отношении философии Филона, было еще более верно в отношении философии александрийского христианства.

Вас не могло не поразить сходство древнеегипетской теории духовной части человека с той, что лежит в основе многих христианских рассуждений на эту тему и по-прежнему пронизывает популярную теологию наших дней. Здесь есть то же различие между душой и духом, та же вера в воскресение материального тела и в небеса, которые являются лишь прославленным аналогом нашей земли. Однако, пожалуй, нигде так не бросается в глаза долг христианской теологической теории древнеегипетским догмам, как в учении о Троице. Сами термины, используемые христианами теологами для ее обозначения, снова встречаются нам в надписях и папирусах Египта.

Профессор Масперо попытался показать, что египетская доктрина Троицы предшествовала доктрине Эннеады.¹⁸⁴ Так это или нет, но она появляется в египетской теологии очень рано и уже была признана в текстах пирамид. Первоначально Троица представляла собой триаду, подобную тем, что мы находим в вавилонской мифологии. То тут, то там примитивные триады сохранялись до исторических времен, как, например, триада Хнума и двух [pg 231] богинь Катаракты. Но чаще троика была искусственным творением, формирование которого можно проследить и сейчас. Так, в Фивах женский элемент в ней был найден в Мут, богине-матери, титуле верховной богини Верхнего Египта; в то время как Хонсу, бог луны, или Менту, старый бог нома, стал божественным сыном и занял место, подчиненное местному богу Амону. Иногда прибегали к помощи грамматики, и второе лицо в троике получалось путем присоединения женского суффикса к имени главного бога. Таким образом, Амон-т

грамматически развился из Амона, и даже Ра-т из Ра. В других случаях эпитет бога превращался в его сына; в Мемфисе, например, Имхотеп, "тот, кто приходит с миром", титул Птаха, стал его сыном и вторым лицом в троице. Другие члены троицы были взяты из соседних городов и номов; Нит из Саиса имела в мужьях Осириса, а Сехет из Летополя и Баст из Бубастиса последовательно считались женами Птаха.

Триада состояла из божественного отца, жены и сына. Таким образом, она была аналогом человеческой семьи и принадлежала к тому же порядку идей, что и те, что объясняли сотворение мира процессом порождения. Такова была космология Гелиополя, и вполне вероятно, что именно Гелиополю мы должны приписать и доктрину Троицы. Во всяком случае, доктрина, по-видимому, имела солнечное происхождение. Как Тум, бог заката, был идентичен Хеперу, утреннему солнцу, и Ра, полуденному солнцу, - все трое были одним богом под разными формами, - так и божественный отец, как считалось, воплотился в личности божественного сына, а божественная мать была едина с божественными отцом и сыном. Божественная сущность неизбежно оставалась одной и той же, какими бы ни были формы или имена, под которыми она проявлялась; а имя, [pg 232] следует помнить, имело для египтянина отдельное и реальное существование. Отец становился сыном, а сын - отцом на протяжении всего времени, и для обоих мать была лишь другой формой. Это было вечное отцовство, вечное материнство и вечное поколение. Развитию этой доктрины способствовало то отождествление египетских божеств с богом-солнцем, которое завершилось солнечным пантеизмом, а также старая теория ка - личности, отличимой от той, к которой она принадлежала, идентичной той, двойником которой она была, и в то же время обладающей самостоятельным существованием.

С распространением осиреанской формы веры доктрина Троицы стала универсальной по всему Египту. Организация веры включала в себя сокращение цикла божеств, связанных с Осирисом, до троицы. Тот и Ану비스, Небхат и Сет были отделены от него, и отныне он стал главой триады, в которой вторым лицом была Исида, а третьим - Горус, мститель за своего отца. О том, насколько полно слились воедино отец и сын, можно судить по гимну Хорусу, который перевел Шабас¹⁸⁵.

"Боги радуются приходу Осириса,

сына Гора, неустрашимого,

говорящего правду, сына Исиды, наследника Осириса. К нему присоединяются божественные вожди,

боги признают всемогущего ребенка...

правление справедливостью принадлежит ему.

Горус нашел свое оправдание, ему присвоен титул отца;

По приказу Себа он появляется с короной Атеф. Он принимает царскую власть над двумя мирами,

корона Верхнего Египта возложена на его голову.

Он судит мир по своему усмотрению,

небо и земля под его взором",

[pg 233]

Он повелевает человечеством - интеллектуальными существами, расой египтян и северных варваров.

Ему подвластен круг солнечного диска;

ветры, воды, древесина растений и все овощи.....

Освещающий, благодетельный - таково его имя...

Зло исчезает вдали, и земля приносит обильные плоды под владыкой своим.

Справедливость утверждается его владыкой, который прогоняет беззаконие.

Мягко сердце твое, о (Осирис) Ун-Нефер, сын Исиды;

он принял корону Верхнего Египта; для него признана власть его отца в великом жилище Себа;

Он - Ра, когда говорит, Тот, когда пишет; божественные вожди покоятся".

Здесь Осирис отождествляется с Гором и становится сыном своей собственной жены.

Таким образом, египетская троица выросла из триады под влиянием солярной теологии и старой концепции личности, обладающей конкретной формой. Введенный в осирийское вероучение, он распространился вместе с ним по всему Египту и стал отличительной чертой египетской теологии. Вместе с доктринами воскресения тела и грядущего суда она попала в школы Александрии и была брошена в горнило греческой философии. Платоновская доктрина идей была адаптирована к египетской доктрине личности, и три лица троицы превратились в Единство, Разум и Душу - абсолютную мысль, абсолютный разум и абсолютную энергию.¹⁸⁶

Но если, с одной стороны, существует преемственность между религиозной мыслью древнего Египта и религиозной мыслью современного мира, то, с другой стороны, существует также преемственность между религией Египта и религией первобытной Вавилонии. В ходе этих лекций я уже не раз указывал на тот факт, что фараонские [pg 234] египтяне были азиатского происхождения и обязательно принесли с собой религиозные идеи своей восточной родины. По мере того как мы будем больше узнавать о ранней вавилонской цивилизации и о начале египетской истории, мы, несомненно, обнаружим, что связи между ними теснее, чем мы сейчас себе представляем, и многое, что сейчас остается неясным, станет ясным и четким. А пока есть одна связь, которую я не могу обойти стороной. Астротеология когда-то играла значительную роль в религии египтян. В историческую эпоху она утратила свое значение; звезды были отождествлены с официальными божествами, которые, соответственно, поглотили их индивидуальные атрибуты; но отголоски прежнего поклонения им все еще слышны в текстах пирамид. Саху или Ориона до сих пор помнят как могучего охотника, чьим местом охоты была небесная равнина, а добычей - сами боги. Когда он восходит, говорится в Пирамиде Унаса, "звезды сражаются вместе, и лучники патрулируют" небо, на которое падает дождь; меньшие звезды, образующие его созвездие, преследуют и заманивают богов, как охотник за диким быком; они убивают и разделяют свою добычу, а плоть варят в раскаленных котлах. На "больших богов" охотятся "утром", на менее значимых - в середине дня, на "меньших богов" - "вечером, и Саху освежается божественным пиром", питаясь их телами и впитывая "их магические добродетели". Великие небожители" запускают "пламя в котлы, где лежат окорока последователей" богов; Полярная звезда, "которая заставляет обитателей неба шествовать в процессии вокруг "Ориона",

"бросает в котлы ноги их жен". "Мы переносимся на кухню каннибала какого-нибудь африканского вождя, такую [pg 235] , как та, что изображена на любопытной стеле, найденной в Дарфуре и хранящейся сейчас в Константинопольском музее. Все описание переносит нас в период истории Египта, задолго до строительства пирамид, когда фараонские захватчики только начинали смешиваться с более древним населением страны и знакомиться с его обычаями. Во времена Унаса истинный смысл выражений, переданных теологическим консерватизмом, был забыт или истолкован метафорически, но они остались, чтобы доказать, что эпоха, когда Орион все еще был объектом поклонения, превосходящим богов неба, восходила к самой заре фараонской истории. Культ звезд, должно быть, был принесен "последователями Гора" с их азиатской родины.¹⁸⁸

В более поздние времена слава Ориона была затмлена славой Сопда или Сириуса. Но причина этого кроется в физико-географических особенностях Египта. Гелиакический восход Сириуса, Собачьей звезды, то есть его первое появление вместе с солнцем, совпадал с подъемом Нила в Верхнем Египте, и, соответственно, стал меткой времени, [pg 236] и точкой отсчета солнечного года. Поэтому его значение было велико не только для календаря, но и для тех сельскохозяйственных работ, от которых зависело само существование Египта. Поэтому не приходится удивляться, что с расселением фараоновских египтян в долине Нила поклонение и имя Ориона все больше и больше отходили на задний план, а Сириус становился главенствующим. О том, как далеко зашло преобладание Сириуса, можно судить по тому факту, что двадцатый ном Северного Египта - Гошен - получил свое название от сочетания мумифицированного ястреба Гора и конуса, который, как впервые показал Бругш,¹⁸⁹ представляет собой вал зодиакального света, сопровождающий восход Сириуса перед рассветом. Таким образом, Сопд или Сириус отождествляется с мертвым Гором, который возглавлял Нехен в Верхнем Египте и предшествовал Осирису в качестве бога мертвых.¹⁹⁰

О других звездах и созвездиях мы знаем не так много. Большую Медведицу называли "говяжьим окороком", иногда ее отождествляли с Сетом и считали обиталищем душ нечестивцев. Неподалеку находился гиппопотам, которого Бругш отождествляет с Драко; среди других созвездий можно было найти Льва и ястреба Гора, а также воина, вооруженного копьем.

Во всем мире наиболее заметные звезды и созвездия получили имена. Но это касается только самых выдающихся и ярких из них. Насколько нам известно, единственным народом, который когда-либо систематически составлял карту небес, разделяя звезды на группы и давая каждой группе собственное имя, были вавилоняне; и именно от вавилонян в конечном итоге произошли созвездия, известные грекам и римлянам, [pg 237] индусам или китайцам. Таким образом, напрашивается вывод, что и первобытные египтяне были обязаны своей картой неба тому же источнику. И этот вывод подкрепляется более чем одним фактом.

С одной стороны, названия некоторых созвездий были одинаковыми и у вавилонян, и у египтян. Примером тому служат Близнецы, Водолей или Семья, а то, что Орион в обеих системах астрономии - великан и охотник, вряд ли может быть случайностью. "Бык неба" был вавилонской звездой, а Юпитер носил шумерское имя Гуди-бир, "Бык света"; в текстах пирамид тоже есть "Бык неба", планета Сатурн по Бругшу, Юпитер по Лепсиусу. Еще более поразительными являются тридцать шесть египетских деканов - звезд, которые наблюдали по десять дней за 360 днями древнеегипетского года и были разделены на два класса или полушария: дневное и ночное.¹⁹¹ Ранний халдейский год не только состоял из 360 дней, но и управлялся тридцатью шестью звездами-"советниками", половина из которых находилась

над землей, а другая половина - под ней.¹⁹² Такое совпадение не может быть случайным; вавилонский и египетский деканы, должно быть, имели одно и то же происхождение.

Но между звездной теологией Египта и Вавилонии существовал еще один параллелизм. В [pg 238] обеих странах поклонение звездам перешло в астротеологию. Официальные боги отождествлялись с планетами и неподвижными звездами, и таким образом звездный культ народа был поглощен государственной религией. Но если эта астротеология была характерна для Вавилонии, то на исторической религии Египта она оставила не более чем следы. Юпитер, Сатурн и Марс под разными формами отождествлялись с Гором, Меркурий - с Сетом, а Венера стала "корой (za)¹⁹³ феникса" или душой "Осириса". Сириус стал звездой Исида, Орион - звездой Осириса. Но, как и сам культ звезд, эта астротеология относится к далекой эпохе египетской истории. Это последний слабый отблеск той фазы религиозной мысли, которая уже канула в Лету с момента начала монументальных записей.

То же самое можно сказать и о любопытном отголоске древневавилонской космологии, на который обратил наше внимание профессор Хоммель. Древний вавилонский эпос о сотворении мира начинается со слов

"В то время небо над головой не было известно по имени,

земля под землей не имела имени,

Вначале бездна была их генератором,

хаос морской был матерью всех их".

Эти строки являются вступлением к истории Творения, неотъемлемой частью которой они являются. На стенах пирамиды Пепи II мы снова читаем почти те же слова. Пепи, как сказано, "родился от своего отца Тума. В то время неба не было, земли не было, людей не существовало, боги не рождались, смерти не было".¹⁹⁴ Но здесь слова были введены [pg 239] без связи с контекстом; они не согласуются ни с тем, что предшествует, ни с тем, что следует за ними, и, очевидно, являются не более чем старой формулой, вырванной из космогонии, к которой они когда-то принадлежали, и повторяемой без ясного понимания того, что они действительно означали. Эти фразы снова встречаются в поздней религиозной литературе Египта, вкрапленные в нее, как мухи в янтарь или окаменелости в старый морской пляж.¹⁹⁵ Чтобы восстановить их первоначальный смысл, мы должны обратиться к глиняным табличкам Ассирии и Вавилонии, а также к космологическим теориям ранней Халдеи. Они предполагают ту историю о сотворении мира из хаоса глубин, которая была распространена только в Вавилонии.

Эта глубина, лежащая в основе вавилонской космологии, символизировалась в храмах "морем", через которое в дни праздников на "кораблях" перевозили изображения богов. В Вавилонии у таких "морей" была своя причина существования. Персидский залив, как считалось, был колыбелью вавилонской культуры; он же был источником той космогонии, которая видела в глубинах "мать" всего сущего. То, что она должна была иметь своих мимических представителей в храмах страны, было вполне естественно; именно из "глубин" пришли боги, и глубины все еще оставались домом бога культуры Эа¹⁹⁶.

В Египте, напротив, море было не на своем месте, более того, оно было совершенно неестественным. Если требовалась вода, священный Нил протекал у подножия храма, или же существовали каналы, которые проводили воды реки через храмовые земли. Не было ни первобытной глубины, которую следовало бы символизировать, ни Персидского залива, из [pg 240] которого бог-культура поднялся с дарами цивилизации. Если боги желали плавать на

своих барках, разумно было предположить, что они будут делать это по Нилу или его притокам. И все же это предположение было бы неверным. У богов действительно были свои священные "корабли", как и в Вавилонии; но, как и в Вавилонии, они плавали по искусственно созданному озеру, а не, как правило, по реке Нил. Может ли что-нибудь более ясно указать на происхождение религиозных верований и практик фараоновских египтян? Как и кирпичные гробницы Старой империи с их утопленными панелями и пилястрами, она указывает на Вавилонию и космологические теории, которые родились на вавилонской равнине¹⁹⁷.

Таким образом, религия Древнего Египта не является изолированным фактом. Она связана, с одной стороны, с верованиями и религиозными представлениями современности, а с другой - с верованиями и религиозными представлениями еще более древнего прошлого. Но это только связь; египетская религия - это не больше религия древней Вавилонии, чем современное христианство. В Египте она приняла свойственную ей форму, приспособившись к суевериям и привычкам прежних обитателей земли и развивая идеи, которые скрывались в ней. Ее отличала неумолимая логика, с которой каждая из этих идей доводилась до мельчайших выводов, и в то же время отсутствие каких-либо попыток согласовать эти выводы один с другим, какими бы противоречивыми они ни были. Для него также был характерен дух творчества; египтянин [pg 241] создавал новые религиозные концепции, потому что не боялся следовать своим предпосылкам до конца.

Но он был очень практичен. Абстракции как таковые мало его привлекали, и он переводил их в материальную форму. Символизм его системы письма благоприятствовал этому процессу: даже такая абстрактная идея, как "становление", стала для него "трансформацией" или "изменением внешней формы". Поэтому, несмотря на духовность и глубину большей части его теологии, его религия оставалась по сути материалистической. Боги действительно могли переходить один в другой и быть лишь многообразными формами, под которыми проявлялась постоянно меняющаяся божественная сущность, но это происходило потому, что она была едина с природой и бесконечным разнообразием, которое природа демонстрировала. Даже верховный бог Ху-н-Атена воплотился в видимую сферу солнца.

Воплощение божества, соответственно, не представляло никаких трудностей для египетского разума. Оно неизбежно вытекало из основополагающих принципов его верования. Божественность, пронизывающая всю природу, яснее, чем где-либо еще, проявлялась в том, что обладало жизнью. Египетская религиозная мысль так и не смогла освободиться от влияния примитивной веры в то, что жизнь и движение - одно и то же. Все, что движется, обладает жизнью, все, что живет, должно двигаться; такова была и остается одной из аксиом первобытного человека. А поскольку божество проявляло себя в движении, его можно было распознать во всем живом. Человек, с одной стороны, становился богом в лице фараона, боги, с другой стороны, становились людьми, которые жили и умирали, как Осирис, или правили Египтом в давние времена. Даже обычный человек содержал в себе частицу или излияние божественной сущности, которая никогда не могла умереть; и телесная оболочка, в которую она воплощалась, могла при определенных условиях приобрести свойства той божественности, [pg 242] которой она предоставила дом. То, что божественная сущность могла таким образом принимать индивидуальную форму, было частью доктрины, которая видела в многообразных проявлениях природы проявления "единого бога". Вера в воплощение божества была необходимым следствием материалистического пантеизма. И не имело значения, в каком облике воплотилось божество - человеческом или животном; человеческий и животный бог в равной степени были наследием элементов, которые, хотя и были разными по происхождению,

объединились в египетский народ, и как человек, так и зверь были одинаково живыми, а значит, божественными. Зверь был более загадочным, чем человек, вот и все; работу его разума было труднее постичь, а язык, на котором он говорил, был более непонятным. Но именно поэтому он был лучше приспособлен для символизма, который поощряли литература и образование и который стал неотъемлемой частью структуры египетской мысли.

Если мы хотим понять концепцию божественного, сформированную образованным египтянином исторической эпохи, мы должны помнить о тех особенностях египетской мысли, которые лежат в ее основе. Материализм и символизм составляли основу египетской религии. Одно предполагало другое, поскольку символ представлял абстрактную идею в материальной и видимой форме, а материализм египетского ума требовал чего-то конкретного, что можно было бы воспринять органами чувств. Концепция ка, с которой начинается египетская религия, характерна для египетской религиозной мысли вплоть до последнего времени. Она подобна "материализованным духам" современного спиритуализма, духам, которые являются просто материей в эфирной форме. Египтянин придавал не только форму, но и содержание своим умственным и духовным творениям; подобно "идеям" Платона, они становились чувственной реальностью, как и письменные символы, которые их выражали. Имя и вещь не только никогда не отделялись друг от друга, имя рассматривалось как сущность вещи, а имя включало в себя ее выражение как в звуке, так и в письме. Птица, олицетворявшая идею "души", со временем сама становилась душой.

Именно этот факт способствовал одухотворению египетской религии. Идеи и их символы сменяют друг друга; идеи, более того, развиваются и переходят из одной формы в другую. Поэтому отождествление абстрактного и конкретного, идей и материального бытия облегчало пантеистическую концепцию вселенной. Божество облакалось в столько форм, сколько было символов для его выражения, и эти формы переходили одна в другую, как фазы мысли. Египтянин был первым первооткрывателем термина "становление", а лейтмотивом его верования стала доктрина трансформации.

Трансформация, следует помнить, не является переселением. Не было перехода индивидуальной души из тела в тело, из формы в форму; божественная сущность пронизывала все тела и формы одинаково, хотя проявлялась в данный момент только под определенными. Именно в этой силе проявления и заключалась трансформация. Если бы египтянин не был скован своим материалистическим символизмом, он, несомненно, пошел бы дальше и пришел к выводу, что различные проявления божества были только субъективными - существовали, то есть только в сознании наблюдателя; как и прежде, он считал их объективными и обладающими той же существенной реальностью, что и символические изображения, которыми они обозначались.

При всем этом, однако, не было жесткого буквализма в интерпретации символа. Как бы ни обстояли дела вначале, символ был такой же метафорой в исторические эпохи египетской истории, как и метафоры нашего языка. Когда египтянин [pg 244] говорил о "поедании" своего бога, он имел в виду не больше, чем мы, когда говорим о "поглощении" предмета.¹⁹⁸ Тексты пирамид полны таких поблекших и забытых метафор; египтянин был консервативнее других людей, а язык религии консервативнее всех остальных. Несомненно, в некоторых случаях он становился жертвой символов и метафор, которые использовал; но в этом отношении он не одинок. Где у него нет конкурентов, так это в величине той роли, которую играет в его религии символ и его логическое развитие.

Именно этот символизм позволил ему, с одной стороны, сохранить все старые формулы с их грубым материализмом и детскими взглядами на вселенную, а с другой - достичь концепции божественного существа, которая была одновременно духовной и возвышенной. Ведь египетская религия, как мы находим ее в памятниках образованных классов до упадка монархии, была, несмотря на внешнюю демонстрацию символов и амулетов, полна высоких мыслей и глубоких чувств. Я не могу сделать лучше, чем процитировать слова, в которых ее описывает один из наименее предвзятых учеников, профессор Масперо: ¹⁹⁹ "Когда мы отбрасываем популярные суеверия и пытаемся выяснить ее фундаментальные доктрины, мы вскоре обнаруживаем, что немногие религии были столь возвышенными в своих принципах. Египтяне поклонялись существу, которое было уникальным, совершенным, наделенным абсолютным знанием и интеллектом, и непостижимым настолько, что человеку не под силу описать, в чем оно непостижимо. Он "один из одного, тот, кто существует сущностно, единственный, кто живет существенно, единственный генератор на небе и земле, который сам не порожден". Всегда один и тот же, всегда неизменный в своем неизменном совершенстве, всегда [pg 245] присутствующий как в прошлом, так и в будущем, он заполняет вселенную, причем ни одна форма в мире не в состоянии дать даже слабое представление о его безмерности; он ощущается повсюду, он не воспринимается нигде.

"Уникальный по своей сути, он не уникален по своей личности. Он отец, потому что существует, и сила его природы такова, что он вечно порождает, никогда не ослабевая и не истощаясь. Ему не нужно выходить за пределы себя для этого акта порождения; он находит в своем собственном лоне материал для своего вечного отцовства. Один во всей полноте своего существа он зачинает свое потомство; и поскольку в нем не может быть различия между зачатием и рождением, от вечности "он производит в себе другого себя". Он одновременно является божественным отцом, матерью и сыном. Зачатые от Бога, рожденные от Бога, не отделяясь от Бога, эти три личности - Бог в Боге, и, отнюдь не разделяя первобытное единство божественной природы, они все три объединяются, чтобы составить его бесконечное совершенство.

"Несомненно, ум необразованных классов не мог ни понять, ни подняться до таких возвышенных высот. Человеческий интеллект с трудом поддерживает столь чистую идею абсолютного существа. Все атрибуты божественности - его безмерность, его вечность, его независимость - ставят его на бесконечное расстояние от нас; чтобы постичь их и участвовать в них, мы должны заставить его думать так же, как думаем мы, мы должны придать ему наши страсти и подчинить его нашим законам. Бог должен взять на себя, вместе с человеческой природой, все слабости, которые ей сопутствуют, все немощи, от которых она страдает; одним словом, Слово должно стать плотью. Нематериальный бог должен воплотиться, должен прийти на землю Египта и населить ее богами, своими детьми. Таким образом, каждое из лиц первобытной троицы стало самостоятельным и образовало новый тип, от которого, в свою очередь, произошли другие [pg 246] низшие типы. От троицы к троице, от олицетворения к олицетворению, вскоре было достигнуто поистине невероятное количество божеств, с формами иногда гротескными, а часто чудовищными, которые почти неощутимо спускались от высших к низшим ступеням природы. Писцы, жрецы, чиновники, весь образованный мир, по сути, египетского общества, никогда не исповедовали того грубого язычества, из-за которого Египет справедливо называли "матерью суеверий". Различные имена и бесчисленные формы, которые народ приписывал стольким отдельным и независимым божествам, были для них всего лишь именами и формами одного и того же существа. Бог, когда он приходит как генератор и выводит на свет скрытые силы скрытых причин, называется Аммон; когда он дух, воплощающий все разумное, он Имхотеп; когда он тот, кто совершает все вещи с искусством и правдой, он Фтах; когда он Бог добрый и

благодетельный, он Осирис". Под этими словами писец подразумевает таинственное бесконечное, которое оживляет вселенную, вечное, непроницаемое для глаз плоти, но смутно ощущаемое глазами духа. За чувственной внешностью, за проявлением божественной природы, в которой народное воображение, как ему казалось, видит саму природу, он смутно видит существо неясное и возвышенное, полное понимание которого ему недоступно, и ощущение этого непостижимого присутствия придает его молитве глубокий и волнующий акцент, искренность мысли и чувства, в тысячу раз более трогательную, чем то месиво из амурных восторгов, мистических томлений и болезненного раскаяния, которое так часто заменяет собой религиозную поэзию."

В сознании египтянина существовали две глубоко укоренившиеся концепции, которые во многом определяли чистоту и возвышенность его религиозных представлений. Одна из них - [pg 247] концепция божественного закона, который управлял вселенной и которому должны были подчиняться сами боги. Другой идеей было представление о моральном Боге, о "добром существе", которое вознаграждает - не благочестие, а праведность - и наказывает беззаконие. Мир был упорядочен и управлялся не случайностью или капризом, а неизменным законом, который, что характерно, олицетворялся богиней Мат. И этот закон, в отличие от слепой судьбы грека или римлянина, был одновременно божественным и нравственным; он не только представлял собой порядок вселенной, против которого не было апелляции, но и был порядком, который соответствовал справедливости и истине. Закон, которому все должны подчиняться под страхом быть брошенными во тьму внешнюю, был разумным и нравственным законом; он обязательно и инстинктивно нравился всем разумным существам, чьи мысли, слова и поступки были одинаково праведны. Только те, кто соответствовал ему, могли быть допущены после смерти в рай Осириса или в общество богов, а печатью оправдания служило заявление, что умерший "говорил правду" и что его исповедь в зале суда Осириса была согласна с истиной и с вечным порядком вселенной.

О моральном характере осириса вероучения я уже говорил. Это первое официальное признание религией того факта, что бог требует честного поведения, а не церемониальной ортодоксии, первое отождествление религии с моралью. И бог, который требовал этого правильного поведения, был не "владыкой саванов", который заставлял поклоняться ему демонстрацией своей силы, а Ун-Нефер, "доброе существо", которое существовало для того, чтобы делать людям добро. В противостоянии со злом он, очевидно, потерпел поражение; но хотя он умер позорной смертью, его ученики верили, что она была перенесена ради них, и что для тех, кто пошел [pg 248] по его стопам и чья жизнь напоминала его, он обеспечил лучший и более счастливый Египет в другом мире, куда грех, боль и смерть не могут проникнуть, и где он вечно правит городами и полями блаженных.

В осириса вероучении писатель за писателем обнаруживал "отблески" христианства, более яркие, чем даже доктрина Троицы, которая относится к философии веры. Но в преемственности религиозной мысли нет ничего удивительного. Один из главных уроков, преподанных нам наукой только что ушедшего века, - это урок непрерывности; во всем мире природы нет ни одного разрыва, ни одного изолированного звена в длинной цепи предшествующих и последующих событий, и тем более нет такого звена в мире мысли. Развитие - это лишь другое название непрерывности, которая связывает прошлое с настоящим более крепкими узами, чем узы судьбы. Не только философия христианства или более широкие и общие доктрины его вероучения находят отклик в религии Древнего Египта; в деталях Египет также связан с современным миром. Задолго до того, как древнееврейские пророки изобразили царство Мессии, один египетский поэт в царствование Тотмеса III сказал: "С юга придет царь, по имени Амени, провозглашающий истину. Он будет сыном

женщины из Нубии и родится на [юге] Он примет корону Верхнего Египта и поднимет красную корону севера. Он соединит двойную корону..... Люди возраста сына человеческого возрадуются и утвердят имя его на вечные времена. Они будут удалены от зла, а нечестивые смирят уста свои от страха перед ним. Азиаты падут перед его ударами, а ливийцы - перед его пламенем. Нечестивые будут ждать его суда, [pg 249] мятежники - его силы. Царская змея на его челе умиротворит восставших. Будет построена стена, даже стена князя, чтобы азиаты больше не могли войти в Египет "200.

Еще более поразительна вера в девственное рождение бога-фараона, которая восходит, по крайней мере, ко времени правления Восемнадцатой династии. Шампольон впервые заметил, что на западной стене одной из камер южной части Луксорского храма изображено рождение Амона-Хотепа III. Надписи и сцены, описывающие это событие, были скопированы, и из них мы узнаем, что у него не было отца-человека; сам Амон спустился с небес и стал отцом будущего царя. Его мать была еще девственницей, когда фиванский бог "воплотился", чтобы она могла "созерцать его в божественном облике". И далее иероглифическая запись продолжается словами, которые вкладываются в уста бога. "Амон-Хотеп, - говорит он, - это имя сына, который находится в твоём чреве. Он вырастет в соответствии со словами, которые выйдут из уст твоих. Он будет осуществлять власть и праведность в этой земле до самого ее конца. Душа моя в нем, (и) он будет носить двуединый венец царской власти, управляя двумя мирами, как солнце, вечно "201.

[pg 250]

Но Амон-Хотеп III был не первым, о ком говорили, что его отец был богом. Фрагменты аналогичного текста были найдены д-ром Навилем в Дёр-эль-Бахари, из которых мы можем заключить, что царица Хатшепсу также утверждала, что родилась от Амона. Насколько глубоко в историю Египта уходит эта вера, мы не знаем: цари Пятой и Шестой династий называли себя сыновьями бога солнца, а фиванские монархи, чьи матери-девственницы были замужем за Амоном, воплотившимся во плоти, лишь более подробно и определенно развивали старую концепцию.

Египтянам было дано быть одной из немногих изобретательных рас человечества. Они были пионерами цивилизации; прежде всего, они были изобретателями религиозных идей. Эти идеи, правда, не были саморазвивающимися; они предполагали верования, завещанные прошлым; но их логическое развитие и формы, которые они приняли, были делом рук египетского народа. Именно им мы обязаны главными формами, в которые с тех пор отливается религиозная мысль. Доктрины эманации, троицы, где один бог проявляет себя в трех лицах, абсолютной мысли как основной и постоянной субстанции всех вещей - все это восходит к философам-жрецам Египта. Гностицизм и александрийство, спекуляции [pg 251] христианской метафизики и философия Гегеля уходят своими корнями в долину Нила. Сами египетские мыслители, правда, так и не смогли полностью реализовать созданные ими идеи; их глаза были ослеплены символизмом, которым они руководствовались в своих первых попытках, их зрение было притуплено чрезмерным почитанием прошлого и материализмом, проистекавшим из довольства этой жизнью. Они заканчивали скептицизмом отчаяния или прозаическими суевериями упадочного века. Но за дело, которое выпало из их рук, взялись другие; семенам, которые они посеяли, не дали завянуть, и, подобно элементам нашей культуры и цивилизации, элементы наших способов религиозного мышления можно отнести к "обитателям Нила". Мы - наследники цивилизованного прошлого, и значительная часть этого цивилизованного прошлого - творение Древнего Египта.

Часть II. Религия вавилонян.

Лекция I. Вступление.

Прошло уже четырнадцать лет с тех пор, как я прочитал курс лекций о религии древних вавилонян для Hibbert Trustees. В то время эта тема была почти нетронутой; даже те материалы, которые были доступны в то время, были едва замечены, и не было сделано ни одной попытки проанализировать или привести их в порядок, не говоря уже о том, чтобы составить систематический отчет о древней вавилонской религии. Прежде чем приступить к исследованию, необходимо было заложить его основы, определить характерные черты вавилонской веры и направления ее развития, а также, прежде всего, выделить различные элементы, из которых она состояла. Опубликованных текстов было недостаточно для такой работы; их нужно было дополнить из той огромной массы неопубликованных клинописных документов, которыми заполнены залы наших музеев. Мои лекции обязательно носили предварительный характер, и мне пришлось довольствоваться возведением эшафота, на котором могли бы строить другие. Еще не пришло время для написания систематического описания вавилонской религии и тех фаз, через которые она прошла за долгие века своего существования.

[pg 253]

Не пришло оно и сейчас. Лучшим доказательством этого является неудовлетворительный характер попыток, которые были предприняты в последнее время для выполнения этой задачи. Наши свидетельства все еще слишком скудны и несовершенны, пробелы в них слишком многочисленны, чтобы сделать что-либо подобное возможным. Наши знания о религиозных верованиях Вавилонии и Ассирии в лучшем случае носят фрагментарный характер. То и дело попадаются надписи, иллюстрирующие верования определенной эпохи или определенного класса, или бросающие свет на ту или иную сторону официальной или народной религии; но такие лучи света прерывисты, и они проникают во тьму только для того, чтобы смениться еще более глубокой неизвестностью, чем прежде. Все, на что мы можем надеяться, - это выявить ведущие концепции, лежащие в основе религии Вавилонии в ее различных формах, определить и выделить главные элементы, которые пошли на ее создание, и изобразить те ее аспекты, на которые наши документальные материалы бросают наибольший свет. Но о каком-либо систематическом описании вавилонской религии еще долгие годы не может быть и речи; оно должно подождать, пока не будут раскопаны погребенные библиотеки Халдеи и не будет изучено все их содержимое. Мы находимся лишь в самом начале открытий, и вера в то, что наши нынешние выводы окончательны, - это вера в невежество.

Как я уже отмечал в своих "Лекциях Хибберта", первой задачей изучающего древнеавилонскую религию должно быть разграничение между семитскими и несемитскими элементами, воплощенными в ней. И прежде чем мы сможем это сделать, мы

должны также провести различие между семитскими и несемитскими элементами в наших источниках информации. Это была главная задача, которую я поставил перед собой, и неспособность признать ее необходимость стала основной причиной небольшого прогресса, достигнутого в изучении предмета. С тех пор как я написал эту книгу, средства [pg 254] для успешного выполнения этой задачи были умножены; благодаря раскопкам французских и американских исследователей досемитский мир Вавилонии открылся перед нами в таком виде, о котором мы и мечтать не могли; было найдено множество текстов, относящихся к раннему периоду шумерской или несемитской культуры. Мы больше не ограничены изданиями шумерских текстов, сделанными в более поздние времена семитскими переписчиками; теперь перед нами настоящие надписи, которые были выгравированы, когда шумерские князья еще правили страной, а шумерский язык еще использовался их подданными. Мы можем прочесть в них имена богов, которым они поклонялись, и молитвы, которые они возносили небесным духам. Наконец-то появились материалы, позволяющие в какой-то мере определить, что является шумерским, что - семитским, а что можно рассматривать как смесь или смешение того и другого.

Но хотя материалы уже под рукой, пройдет еще немало времени, прежде чем все они будут изучены, а тем более подвергнуты тщательной критике. Я не могу слишком сильно подчеркнуть предварительный и несовершенный характер наших нынешних знаний о вавилонской литературе. Тысячи табличек лежат в музеях Европы и Америки, чтобы скопировать и прочесть их, потребуются годы упорного труда многих студентов. В [Телло202](#) М. де Сарсек обнаружил библиотеку из более чем 30 000 табличек, которые восходят к временам царя-жреца Гудеа; а великий храм Бэла в Ниппуре в Северной Вавилонии дал американским раскопщикам в пять раз больше. Другие раскопки, проведенные туземцами или турецкими чиновниками, в то же время позволили обнаружить множество табличек из других древних мест, - из Джокха, близ Шатт-эль-Хая, [pg 255] и из руин храма Небо в Борсиппе. Правда, большая часть этих табличек - контракты и подобные деловые документы, но они содержат много важного не только для социальной истории Вавилонии, но и для ее религиозной истории. Между тем огромное количество текстов, дошедших до нас из курганов Ниневии и Сиппара, все еще недостаточно известно; только за последние три года каталог коллекции табличек из Куянджика, хранившихся в Британском музее почти полвека, был наконец-то завершен в пяти объемистых томах; и все еще остаются бесчисленные таблички из Вавилонии, которые стоят на полках музея. И даже из того, что уже каталогизировано, многое еще не полностью скопировано или изучено. Кроме того, Британский музей больше не является единственным хранилищем вавилонской литературы. Лувр, Берлинский музей и Американский университет в Пенсильвании в равной степени заполнены глиняными табличками вавилонских писцов, а коллекция Константинопольского музея намного превосходит те, что были сформированы в других местах. Даже частные лица имеют свои коллекции большего или меньшего объема; например, коллекция лорда Амхерста из Хакни еще несколько лет назад могла бы составить состояние одного из великих музеев мира.

Очевидно, что пройдет немало времени, прежде чем удастся адекватно изучить более чем малую часть этой огромной и постоянно накапливающейся литературы. Сложность добавляет и то, что она продолжает увеличиваться год от года. В настоящее время в Вавилонии работают целых три исследовательские экспедиции. М. Преерник де Сарзек от имени французского правительства продолжает работы в Телло, древнем Лагасе, которые были начаты еще в 1877 году; американцы продолжают раскопки в Ниппуре, где с 1888 года они [pg 256] раскопки впервые по тщательно систематизированному и научному плану; А теперь немцы приступили к работе в самом Вавилоне и уже установили местоположение

храма Бел-Меродаха и дворца Навуходоносора, в котором умер Александр Македонский.²⁰³ Пока я пишу, пришло известие об открытии огромной библиотеки в Ниппуре, которая, похоже, была погребена под руинами здания, в котором она хранилась еще в авраамическую эпоху. Курганы, в которых она была найдена, находятся к юго-западу от великого храма Бэла. Из него было извлечено уже около 20 000 скрижалей, и, по подсчетам, еще предстоит раскопать не менее 130 000. Скрижали лежат в порядке на глиняных полках, на которых они были разложены во времена Хаммурапи, Амрафеля из книги Бытия²⁰⁴; и, насколько удалось выяснить профессору Хильпрехту, они относятся ко всем различным отраслям знаний, которые были известны и изучались в то время. История, хронология, религия и литература, филология и право - все это представлено в них в равной степени. Если вспомнить, что катастрофа, постигшая их, произошла более чем за две тысячи лет до начала христианской эры, мы можем задаться вопросом, какие новые и неожиданные сведения готовит нам будущее, и не решаться делать выводы, которые завтрашнее открытие может опрокинуть. Мы знаем лишь [pg 257] десятину того, что памятники Вавилонии еще должны открыть нам, и многое из того, что нам кажется известным сегодня, будет глубоко изменено знаниями, которыми мы будем обладать в будущем.

Несовершенство его материалов ставит изучающего вавилонскую религию в более невыгодное положение, чем изучающего вавилонскую историю или социальную жизнь. Факты, однажды полученные в области истории или социальной жизни, остаются навсегда закрепленными; теории, основанные на них, могут претерпевать изменения, но сами факты получены наукой раз и навсегда. Но религиозный факт - это в значительной степени вопрос интерпретации, а интерпретация зависит как от количества имеющихся в нашем распоряжении доказательств, так и от характера самих доказательств. Кроме того, история религии - это история духовного и интеллектуального развития; она имеет дело с идеями и догмами, которые смещаются и меняются с течением веков и приобретают как бы цвет каждого последующего столетия. История религии переносит нас из того, что немецкие метафизики называли бы "объективным" миром, в "субъективный" мир мысли и веры; недостаточно знать буквальное значение технических терминов или просто порядок и расположение обрядов и церемоний; мы должны выяснить, какие религиозные представления были связаны с этими терминами, и какие догмы лежали в основе исполнения того или иного обряда. Простой бесплодный список божественных имен и титулов или даже уверенность в том, что теология отождествляла определенных богов друг с другом, не приведут нас далеко; в лучшем случае это лишь сухие кости теологической системы, которые нужно заставить жить, прежде чем они смогут рассказать нам, чем эта система была на самом деле.

Таким образом, изучение древней вавилонской религии сопряжено со многими трудностями. Наши материалы несовершенны, [pg 258] и в то же время постоянно пополняются; религиозная система, к которой они относятся, представляет собой сочетание двух совершенно разных форм веры, характерных для двух совершенно разных рас; и прежде чем мы сможем правильно понять ее, мы должны разделить элементы, из которых она состоит, и определить для каждого из них его хронологическое положение. Однако сам факт, что религиозные тексты обычно имеют незапамятную древность и что изменения неизбежно происходят в них по мере того, как они передаются в последовательных изданиях, делает такую задачу особенно трудной. Тем не менее это задача, которую необходимо решить, прежде чем мы получим право делать выводы из текстов, с которыми мы имеем дело. Прежде всего, мы должны знать, являются ли они изначально шумерскими

или семитскими, или они принадлежат к эпохе, когда шумерский и семитский языки слились в один; являются ли они составными или продуктами одного автора и одной эпохи; наконец, были ли они глоссированы и интерполированы, а их примитивный смысл трансформирован. Мы должны иметь хронологию для наших документов, так же как и этнологию, и остерегаться превращения шумерского в семитский, или семитского в шумерский, или интерпретировать творения одной эпохи так, как если бы они были творениями другой. Критическое изучение текстов должно предшествовать каждой попытке написать рассказ о вавилонской религии, если мы хотим, чтобы этот рассказ имел постоянную ценность.

К сожалению, у нас нет ничего в Вавилонии, что соответствовало бы текстам пирамид Египта. У нас нет свода доктрин, который в своей существующей форме был бы соотнесен с ранними днями монархии и, соответственно, мог бы быть сопоставлен с религиозными верованиями и религиозными книгами более позднего времени. Тексты пирамид позволили нам проникнуть за классическую эпоху египетской религии и проследить развитие многих догм, которые отличали веру более поздних [pg 259] эпох; возможно, что столь же ранние записи официального вероучения еще могут быть обнаружены в Вавилонии; но до сих пор ничего подобного не было найдено. Мы ограничены текстами, прошедшими через руки бесчисленных редакторов и переписчиков, или же теми упоминаниями о религиозных верованиях и культе, которые можно извлечь из надписей царей и жрецов. Священные книги Вавилонии известны нам только в той форме, которую они в итоге приняли. Вавилонская религия, с которой мы знакомы, - это официальная теология, в которой более древние шумерские и семитские элементы были объединены вместе и превращены в сложную систему. Отличить одни элементы от других, выявить верования и представления, лежащие в их основе, - задача бесконечного труда и сложности. Но это задача, от которой нельзя уклоняться, если мы хотим хотя бы начать понимать природу вавилонской религии и фундаментальные идеи, на которых она покоилась. Мы должны анализировать и реконструировать, сравнивать, классифицировать и собирать воедино, насколько это возможно, дошедшие до нас фрагменты верований и практик. Прежде всего, мы должны остерегаться путать старое с новым, смешивать шумерское с семитским или приписывать более ранней эпохе представления более позднего времени.

Картина получится не более чем размытой и искаженной. Но ее основные контуры можно зафиксировать, и с прогрессом открытий и исследований они будут все больше и больше заполняться. И важность этой картины заключается в том, что вавилонская религия оказала глубокое влияние не только на земли, непосредственно примыкающие к Вавилонской равнине, но и на всю Западную Азию. Задолго до дней Авраама Ханаан был вавилонской провинцией, подчинялся вавилонским законам, читал вавилонские книги и писал вавилонскими буквами. Вместе с вавилонской [pg 260] культурой обязательно пришла и религия Вавилонии и сопровождавшие ее теологические или космогонические догмы. Сам Авраам родился в вавилонском городе, и религия его потомков была возвращена в атмосфере вавилонской мысли. В Законе Моисеевом почти так же явно прослеживается вавилонское влияние, как и в предыдущих главах Бытия.

Недавние открытия позволили приподнять завесу, которая до сих пор закрывала начало вавилонской истории. Мы перенеслись в то время, когда Эдин или "равнина" Вавилонии все еще была в значительной степени болотом, а воды Персидского залива простирались на 120 миль дальше вглубь страны, чем сегодня. Если взять за основу скорость роста земли со времен Александра Македонского, то это было восемь-девять тысяч лет назад. В это время в стране уже существовало два великих святилища, вокруг каждого из которых возникло поселение или город. Одним из них был Ниппур на севере, современный Ниффер; другим -

Эриду, "хороший город" [205](#), ныне обозначенный курганами Новависа или Абу-Шахрейна, который стоял на том месте, где тогда находился берег Персидского залива. Сейчас его местоположение удалено от моря более чем на сто миль. Но когда-то это был морской порт Вавилонии, жители которого ловили рыбу в водах залива или торговали с населением аравийского побережья. Ниппур, напротив, находился внутри страны и занимался сельским хозяйством. Он был примитивным центром тех инженерных работ, которые постепенно превратили ядовитые болота Вавилонии в плодородную равнину, обводненную каналами и реками и защищенную от затопления высокими дамбами. Если Эриду смотрел на море, то Ниппур - на сушу, и [pg 261] влияния, исходившие от каждого из них, были, соответственно, различными с самого начала.

Как я уже отмечал в своих "Лекциях Хибберта", Вавилон, должно быть, был колонией Эриду. Его бог-покровитель был сыном Эа из Эриду, и ему поклонялись в Эриду задолго до того, как его культ был перенесен на север в Вавилон. Доктор Питерс предположил, что Ур был колонией Ниппура. Бог луны из Ура был сыном бога Ниппура, и хотя Ур находился всего в нескольких милях от Эриду, это был внутренний, а не приморский город. Он стоял на пустынном плато к западу от Евфрата, возвышаясь над Вавилонской равниной, которая к моменту его основания, несомненно, еще не была отвоевана. Но его положение подвергало его арабскому влиянию. В отличие от других великих городов Вавилонии, он находился в Аравии, а не в Вавилонии, и его население с самого начала должно было содержать значительный арабский элемент. Семитские поселенцы из Южной Аравии и Ханаана заняли его, и он был известен им как Уру, "город" высшего [класса](#) [206](#).

Ниппур и Эриду были уже старыми, когда Ур впервые обрел славу. Оба они были скорее великими святилищами, чем столицами светских царств. Богом Ниппура был Эль-лил, "владыка призрачного мира" [207](#), [pg 262] повелитель духов, чья обитель находилась под землей или в воздухе, которым мы окружены. Он был мастером заклинаний и заклинаний, магических формул, которые позволяли знающим их людям держать злых духов на расстоянии или обращать их злобу против врага. Ниппур был своеобразной родиной темной стороны вавилонской религии; учение и влияние, исходившие из него, рассматривали мир духов как мир ночи и тьмы, населенный существами, которые в большинстве своем были враждебны человеку. Лил или призрак принадлежал скорее к царству мертвых, чем к царству живых, а женщина Лилиту была прародительницей той Лилит, которую еврейские раввины сделали вампиром в облике прекрасной женщины, живущей на крови детей, которых она убивала по ночам.

Эриду, напротив, был резиденцией халдейского бога культуры. Эа, чей дом находился в глубине, среди вод Персидского залива, имел там свой храм, и именно там он научил первых жителей Вавилонии всем элементам цивилизации, записав для них законы, которым они должны подчиняться, моральный кодекс, которому они должны следовать, и целительные заклинания, предотвращающие болезни и смерть. Он был автором всех жизненных искусств, мудрым богом, знающим, что приносит пользу человеку, а его сын и служитель Асари, толковавший его волю своим поклонникам, получил титул "творящего добро человечеству". Если Эль-Лил из Ниппура был владыкой и создателем мира духов, то Эа был владыкой и создателем людей. Он вылепил человека, подобно гончару, из глины, и [pg 263] его, поэтому человек продолжал искать у него руководства и помощи.

Характер Эа, несомненно, определялся положением его города. Миф о том, что каждое утро он поднимался из Персидского залива, чтобы принести элементы культуры своему народу, явно указывает на морские сношения с побережьем Южной Аравии, которые, по-видимому, имели большое значение для ранней цивилизации Вавилонии. Иностранные идеи

проникали в страну, торговля несла с собой культуру, и, возможно, семиты, оказавшие столь глубокое влияние на Вавилонию, впервые проникли в нее через порт Эриду. Как бы то ни было, именно в Эриду был разбит сад вавилонского Эдема; здесь находился "центр земли"; здесь же воды Тигра и Евфрата изливались в обе стороны из ваз, которые держал бог.[208](#)

Однако пока Эриду не будет раскопан с той же тщательностью, что и Ниппур, мы должны довольствоваться теми сведениями о нем и о его влиянии на примитивную культуру и религию Вавилонии, которые были найдены в других местах. О том, что его святилище было по крайней мере таким же древним, как Ниппур, можно судить по тому факту, что оно было основано еще до того, как береговая линия отошла от места, на котором оно стояло. Его ранние отношения с Ниппуром должны быть раскрыты в будущем.

То, что ни Ниппур, ни Эриду не были резиденцией светского царства, не так странно, как кажется на первый взгляд. Жречество каждого из них должно было быть слишком многочисленным и могущественным, чтобы передать свои права одному понтифику или позволить такому понтифику [pg 264] отнять у него власть в гражданских делах. Царю трудно утвердиться там, где царит теократическая олигархия, а благоговение, с которым относились к храмам и поклонению Эль-Лилу и Эа, препятствовало успеху любой попытки подобного рода. Именно их святилища превратили Вавилонию в священную землю, где после смерти хоронили всех, кого могли. Как и Абидос в Египте, Ниппур или Эриду продолжал оставаться святилищем, управляемым собственной иерархией и ведущим независимое существование, в то время как на его стороне росли светские [царства](#)[209](#).

Как и Египет, Вавилония первоначально была разделена на несколько независимых государств. Время от времени одно из них становилось доминирующим и вынуждало другие государства признавать его верховенство. Но центр власти часто смещался, и прошло много веков, прежде чем правительство стало полностью централизованным. Ранние династии, претендовавшие на власть над всей страной, порой были вынуждены защищать свои притязания силой оружия.

Как и Египет, Вавилония естественным образом разделилась на две половины: Аккад на севере и Шумер на юге. Память об этом факте сохранилась в царском титуле "царь Аккада и Шумера", который, таким образом, соответствует египетскому титулу "царь Верхнего и Нижнего Египта". Но если в Египте раса завоевателей двигалась с юга на север, из-за чего название Верхнего Египта стояло на первом месте в царском титуле, то в Вавилонии именно семиты северной половины наложили свое иго на юг. Аккад, соответственно, первенствует над Шумером.

[pg 265]

Я уже говорил, что завеса, которая так долго покрывала раннюю историю страны, наконец-то начинает приподниматься. Лучи света начинают пробиваться сквозь тьму, и мы наконец-то можем составить некоторое представление о процессе, который сделал Вавилонию тем, чем она была в более поздние исторические времена. Когда свет впервые пробивается к ней, ведущим царством, по крайней мере на севере, становится Кис. Здесь, по-видимому, в ранний период утвердился семитский династический дом, и мы слышим о войнах, которые она вела со своими южными соседями. На юге Лагас, современный Телло, стал главным государством под властью своих верховных жрецов, которые сами себя сделали царями. Но Лагас, как и все другие мелкие царства страны, вынужден был подчиниться семитской державе, которая выросла на севере и, объединив Вавилонию, создала империю, простиравшуюся до берегов Средиземного моря. Это была империя Саргона Аккадского и его сына Нарам-Сина, дату

которой отечественные летописцы относят к 3800 г. до н. э., и значение которой для истории религии и культуры всей Западной Азии трудно переоценить.

Палестина и Сирия - земля амореев, как называли их вавилоняне, - стали вавилонской провинцией; до нас дошла часть кадастрового плана для целей налогообложения, из которого мы узнаем, что она была подчинена правителю, носившему ханаанейское имя Уру-Малик (Уримелех).²¹⁰ Нарам-Син пронес свое оружие даже в Маган, на Синайский полуостров, где он отвоевал у египтян желанные медные и малахитовые рудники. Сузы уже давно были вавилонской зависимостью; а поскольку Месопотамия, включая позднюю Ассирию, также подчинялась вавилонскому правлению, вся Западная Азия стала вавилонской, или, говоря словами "Анналов" Саргона, "все страны были образованы [pg 266] вместе в одну (империю)". Связь между одной частью империи и другой поддерживалась с помощью больших дорог, по которым часто ездила императорская почта. Некоторые из перевозимых ею писем с глиняными печатями, служившими штампами, сейчас хранятся в музее [Лувра](#)²¹¹.

Как долго просуществовала империя Саргона, до сих пор точно неизвестно. Но с этого дня цари, претендовавшие на верховную власть в самой Вавилонии, стали претендовать и на власть в Сирии, и время от времени им удавалось добиться своего. Теперь на сцене появляются Эрех и Ур, и не одна императорская династия имела свою столицу в Уре. Когда последняя из них пала, Вавилония на некоторое время погрузилась в состояние упадка и анархии, в Вавилоне утвердился династия южноаравийского или ханаанейского происхождения, а эламские князья захватили Ларсу и заставили южную половину страны платить им дань. В конце концов появился освободитель в лице Хаммурапи или Аммурапи из арабской династии; он изгнал эламитов из Вавилонии, победил Ариоха из Ларсы, захватил его столицу и вновь объединил Вавилонию под единым началом с центром в Вавилоне. Отныне Вавилон оставался столицей монархии и священным городом Западной Азии. Национальное возрождение сопровождалось и литературным. Появились поэты и писатели, чьи произведения стали классическими, были сделаны новые копии и издания древних книг, а теология Вавилонии была окончательно систематизирована. При Хаммурапи и его ближайших преемниках мы можем говорить о завершении того постепенного процесса развития, который свел разнородные элементы вавилонского общества и религии в единую гармоничную систему.

[pg 267]

Эта теологическая система, однако, не может быть понята, если мы не будем помнить, что, как и в Египте, так и в Вавилонии, первоначально существовал ряд небольших независимых княжеств, каждое со своим божеством-покровителем и особым святилищем. Во главе государства стоял патеси, или верховный жрец бога, его наместник и представитель на земле, а также толкователь божественных повелений для людей. Таким образом, с самого начала вавилонское правительство было по сути теократическим, и этот теократический характер сохранился за ним до конца. Именно это сделало Вавилон священным городом, жрецы которого имели право наделять правом правления кого угодно, подобно папе римскому в Средние века. Хотя первосвященник со временем становился царем, он никогда не сбрасывал с себя священническую мантию и не забывал, что является приемным сыном своего [бога](#)²¹².

Боги-покровители следили за судьбами городов, за судьбами которых они наблюдали. Возвышение города означало верховенство божества, которому он был посвящен; его упадок влек за собой его угасание. Боги подвластных городов были вассалами божества

господствующего государства; когда цари Ура верховодили в Вавилонии, бог луны Ура тоже был верховным. Точно так же возвышение Вавилона принесло с собой верховенство Меродаха, бога Вавилона, который отныне стал Белом или "Владыкой" всего пантеона.

Однако бог, однажды занявший столь возвышенное положение, не мог быть легко свергнут. Вавилонская история сохранила память о правящих династиях [pg 268], чей сюзеренитет был признан по всей стране, а вавилонская религия в равной степени помнила о богах, чьими слугами и представителями они были. Бог, который когда-то был верховным в Вавилонии, не мог снова занять более низкое место; для него нужно было найти место рядом с младшим божеством, чье положение было всего лишь положением вождя среди равных. Когда Вавилон стал столицей, более древние центры империи все еще претендовали на равенство с ней, а жреческие иерархии Ура, Эреха или Сиппара по-прежнему считали себя равными ее жречеству. Древние святилища сохранились, их культы не пострадали, а традиции по-прежнему почитались; и почтение, оказываемое святилищу и его служителям, отражалось на боге.

Поэтому во главе официальной веры стояла группа верховных богов, каждый из которых имел определенный ранг и полномочия, и каждому из которых поклонялись в одном из великих городов королевства. Но система, частью которой они являлись, обязательно имела искусственное происхождение. Это была работа теологической школы, что стало возможным благодаря существованию первобытных святилищ в Ниппуре и Эриду. Без них организация вавилонской религии была бы несовершенной или невозможной. Но с самых ранних дней вавилонской цивилизации Ниппур и Эриду оказывали объединяющее влияние на разнообразные и разнородные элементы, из которых состояло население; они были центрами не только религии, но и культуры, а эта культура была по сути своей религиозной. В течение бесчисленных веков боги Ниппура и Эриду признавались верховными всеми жителями страны, независимо от их расы и местных божеств, которым они поклонялись, а религиозное учение жрецов Ниппура и Эриду принималось как вдохновенное [pg 269] изречение небес. Когда Вавилон в конце концов стал столицей объединенной монархии под властью арабской династии, древние боги Ниппура и Эриду уступили его парвеню-божеству только под протестом; несмотря на то что город Меродах был лидером в национальной войне за независимость, самого Меродаха пришлось отождествить с сыном Эа из Эриду, а титул Бел, который он вырвал у Эль-лиля из Ниппура, так и не был признан в самом Ниппуре. По крайней мере, там старый "владыка призрачного мира" по-прежнему оставался для своих почитателей "владыкой" всех богов.

Этот титул дали ему семиты, хотя святилище, в котором ему поклонялись, имело шумерскую или несемитскую основу. Этот факт подводит нас к последнему пункту, которого я хочу коснуться в данной лекции. Население Вавилонии не было однородным. Халдейский историк Берос рассказывает, что в начале мира в ней были собраны расы различного происхождения, и это утверждение полностью подтверждается памятниками. В стране были представлены две основные расы. Одна из них, обычно называемая шумерской, говорила на агглютинативном языке и пришла, возможно, из горных районов Элама; другая - семиты, чей первый дом, как я полагаю, находился в Аравии. Шумеры были первыми на этой земле. Им принадлежат элементы вавилонской цивилизации; они первыми осушили болота и возделали землю, построили храмы и города, изобрели или, по крайней мере, разработали систему пиктографического письма, из которой постепенно возникли клинописные знаки. Они также первыми перенесли созданную ими культуру на соседние народы Западной Азии. В результате их язык и письменность распространились далеко и широко; куда бы ни распространялась протохалдейская цивилизация, протохалдейский [pg 270] язык шел

вместе с ней. Вместе с языком и литературой ушла и теология первобытной Вавилонии. Имена шумерских божеств попали в другие земли, а на диалекты семитских племен оказали глубокое влияние формы шумерской речи. Самая ранняя цивилизация Западной Азии была шумерской.

Но наступило время, когда шумерский язык был вытеснен семитским. Именно в Северной Вавилонии впервые преобладали семиты. Здесь выросла империя Саргона Аккадского, а клинопись стала несовершенным средством для выражения звуков семитского языка. Из Северной Вавилонии семитское влияние перешло на юг, возникло смешанное семитское и шумерское население, и родились исторические вавилоняне. Смешанное население неизбежно имело смешанный язык, а смешанная культура породила смешанную теологию. Расчленить элементы этого богословия - первая и самая насущная задача его историка; но эта задача полна трудностей, с которыми сами отечественные богословы нередко не справлялись.

Союз шумера и семита создал вавилонянина, с которым нам приходится иметь дело, точно так же, как союз кельта и тевтона создал современного англичанина. Другие расы, правда, поселились в его стране в последующие эпохи, но их влияние было сравнительно небольшим и преходящим. В свое время несемитские эламиты, пришедшие с востока, захватили Вавилонию и район Сузы, который до этого времени был вавилонской провинцией, и основали в Вавилоне династию, которая просуществовала почти шестьсот лет. Но, как и династии гиксосов в Египте, она не произвела на народ почти никакого впечатления; по характеру и религии он остался прежним. Не оказало большего влияния и вторжение племен Бедавина [pg 271] и других более чистокровных представителей семитской расы. Скорее они находились под влиянием вавилонян, чем вавилоняне - под их влиянием. Их собственная культура была более низкой, и Вавилония была их учителем в искусстве и жизненных удобствах. Дикие бедавины, ухаживавшие за стадами своих вавилонских хозяев, аморейские купцы из Ханаана, создавшие торговые поселения в вавилонских городах, даже южноаравийские принцы, возглавившие национальное восстание против эламитов и сделавшие Вавилон столицей своего царства, - все они были в равной степени поглощены вавилонской расой. Они стали детьми вавилонской цивилизации и, вместе с культурой, переняли язык вавилонского народа. Смешанной расе, породившей цивилизацию Вавилонии, суждено было сохранить свою индивидуальность вплоть до того дня, когда Европа заняла место Азии в истории цивилизованного мира.

Но факт смешения никогда не должен упускаться из виду. Без него вавилонская религия, как и вавилонская система письма, была бы безнадежной загадкой. Мы могли бы, конечно, составить длинные списки непонятных божеств с ничего не значащими именами и перечислить титулы, которые дают им надписи, но любая попытка проследить их историю или обнаружить религиозные идеи, выражением которых они являются, была бы невозможна. Мы должны знать, что является семитским, а что шумерским, или что обусловлено сочетанием этих двух элементов, прежде чем мы сможем проникнуть в сердце старой вавилонской теологии и установить принципы, на которых она покоится. Сами туземные писатели знали об этом и полностью осознавали тот факт, что шумерские представления о божестве составляли основу официальной веры. Но их неkritичные попытки решить проблему происхождения своей религии только усложнили ее. Как [pg 272] английские лексикографы прошлого поколения находили греческие или латинские производные для тевтонских слов нашего языка, так и ученые Вавилонии открыли шумерские этимологии для семитских слов и божественных имен, или же ассимилировали их с другими словами иного происхождения. Так, семитское слово Sabattu, "суббота",

происходит от шумерского sa, "сердце", и bat, "прекращать" или "отдыхать", и интерпретируется как "день отдыха для сердца"; а pardêšû, "рай", объясняется как par или "владения бога Ešû".²¹³ Во многих случаях пока невозможно определить, действительно ли местная этимология опирается на исторический факт или является выдумкой ученого педанта или народного этимологизирования. Мардук или Меродах, например, по-разному происходит от шумерского Амар-утуки, "телица духа солнца"; и от семитского Мар-Эридугга, "сын города Эриду".²¹⁴ Первая этимология, безусловно, ложная; наши нынешние материалы не позволяют нам говорить так положительно в отношении второй. Все, что мы можем сказать о ней, это то, что она крайне маловероятна.

И все же многое зависит от истинного происхождения имени бога-покровителя Вавилона. Если оно семитское, то основание города и храма, вокруг которого он был построен, предположительно относится к семитским временам, и развитие культа бога будет семитским с самого начала. Более того, отождествление Меродаха с Асари, сыном Эа из Эриду, получило бы существенную поддержку; "сын Эриду", естественно, был бы сыном бога Эриду, и мы должны были бы видеть в Вавилоне колонию из старого морского порта Вавилонской равнины.

[pg 273]

Однако различные этимологии, приписываемые имени Меродаха вавилонскими богословами, показывают, что они были в таком же неведении относительно его происхождения и значения, как и мы. Его происхождение уже затерялось в ночи времени; поклонение богу и строительство его святилища уходили в слишком далекие для человеческой памяти века. И все же Меродах был одним из самых молодых богов в вавилонском пантеоне. На фоне Эа из Эриду или Эль-Лила из Ниппура он был всего лишь ребенком, отпрыском более позднего времени; и даже когда он стал верховным в Вавилонии, о том, что он был таковым, все еще помнили. Если трудно проследить самые ранние черты Меродаха, то насколько сложнее должно быть проследить черты более древних богов!

Вавилонская теология в том виде, в каком она известна нам, является, таким образом, искусственным продуктом. В ней сочетаются две совершенно разные формы веры и религиозных представлений. Одна из них была наложена на другую в очень ранний период истории народа, и теологические верования Шумера получили семитскую интерпретацию. За этим естественным процессом сочетания и ассимиляции последовала искусственная попытка сварить целое в последовательную и единую форму. Искусственная система заняла место естественного роста, а каламбурные этимологии, сопровождавшие ее, были лишь иллюстрацией принципов, лежащих в основе ее методов. Если мы хотим успешно проанализировать дошедшую до нас теологию, мы должны как бы проникнуть за ее пределы и обнаружить элементы, из которых она состояла. Мы должны разделить и отличить шумерский и семитский языки, проследить их влияние друг на друга и, прежде всего, выявить и отбросить неправильные интерпретации и вкрапления более позднего систематического богословия. Для такого дела, правда, наши материалы все еще ужасно скудны, [pg 274] и, при несовершенных материалах, результаты также могут быть только несовершенными. Но всякая новаторская работа неизбежно несовершенна, и на многие дни вперед история вавилонской религии должна быть предоставлена первопроходцу. Год от года, правда, материалы увеличиваются, и может быть, еще будет сделано открытие, подобное открытию текстов пирамид в Египте, которое откроет нам внутреннюю религиозную мысль и веру Вавилонии в те далекие века, когда Ниппур и Эриду, а еще не Вавилон, были теологическими центрами страны. Даже сейчас мы располагаем надписями

шумерской эпохи, которые сообщают нам имена богов, которым поклонялись цари досемитской эпохи, и проливают свет на религиозные идеи, которыми они руководствовались, и на религиозный ритуал, который они соблюдали. Но таких надписей еще сравнительно мало, их перевод полон трудностей, а содержащиеся в них ссылки на теологию того времени скудны и неудовлетворительны. А самые важные из них - те, что принадлежат первосвященникам Телло, - относятся к эпохе, когда семиты уже много веков жили на этой земле, влияя на своих шумерских соседей и подвергаясь их влиянию. Хотя Лагас все еще оставался шумерским, его владыкой был семитский царь Ура.²¹⁵

Поэтому не стоит ожидать от вавилонской религии столь полного или столь подробного отчета, как тот, который сейчас можно дать о религии Египта. Нам не помогут ни изображения со стен гробниц, ни барельефы из храмов; мы вынуждены почти полностью полагаться на дошедшую до нас литературу, изуродованную и изученную лишь наполовину. Наши попытки интерпретировать ее лишены помощи живописных изображений, подобных тем, что имеются в распоряжении египтолога; они опираются только на филологию, и [pg 275] элемент неопределенности в них, следовательно, значителен.

Прогресс, достигнутый в наших знаниях о вавилонской религии с тех пор, как я читал лекцию о ней около пятнадцати лет назад, следовательно, не так велик, как может показаться неопытному студенту. Кое-что можно добавить, кое-что исправить, но основные факты и принципы, которые я тогда пытался донести до мира ученых, остаются нетронутыми. В некоторых случаях подтвердились предположения, которые казались лишь возможными или вероятными; в других случаях другие с большим успехом и лучшими материалами работали на заложенном мною фундаменте. Если, таким образом, прогресс, достигнутый за последние несколько лет, может показаться разочаровывающим, нет причин для удивления; вина лежит не на ассириологе, а на материалах, с которыми ему приходится иметь дело. Рабочий готов, но урожай еще не созрел.

[pg 276]

Лекция II. Примитивный анимизм.

Глубоко в основе вавилонской религии лежала вера в то, что профессор Тайлор назвал анимизмом. Она принадлежала к шумерскому элементу веры народа и, как мы увидим, так и не была усвоена семитскими поселенцами. Но, несмотря на семитское влияние и официальные попытки объяснить его, он так и не был искоренен из народного вероучения и оставил неизгладимый след в фольклоре и суевериях народа. Как и в Египте, так и в Вавилонии, анимизм был самой ранней формой, которую приняла религия, и именно через анимизм шумер формировал свое представление о божественном.

В Египте это был Ка, который связывал "потусторонний мир" с миром живых людей. В Вавилонии место Ка занял Зи. Мы можем перевести Zi как "дух", но, как и Ка, это был скорее двойник, чем дух в нашем понимании этого термина. Буквально это слово означало "жизнь" и символизировалось в примитивной письменности страны цветущим растением. Однако для раннего человека жизнь значила гораздо больше, чем для нас. Она была синонимом движения, силы и энергии. Все, что двигалось, было наделено жизнью; жизнь была единственной известной человеку силой, которая объясняла движение, и, наоборот, движение было знаком и проявлением жизни. Стрела, пролетевшая по [pg 277] воздуху, или

камень, упавший со скалы, делали это в силу того, что обладали жизнью, или потому, что за ними в той или иной мере стояла движущая сила жизни. Звезды, медленно движущиеся по небу, и солнце, восходящее и заходящее день за днем, были живыми существами; именно жизнь давала им силу движения, как она давала силу движения самому человеку и животным, которыми он был окружен. Сила движения, по сути, отделяла одушевленное от неодушевленного; все, что двигалось, обладало жизнью, а неподвижное было безжизненным и мертвым. Опыт человека неизбежно определял меру вселенной; единственной силой, которую он знал, была сила, которую мы называем жизнью, и его разум, казалось, требовал, чтобы то, что верно в отношении него самого, было верно и в отношении остального мира.

Но, как и египтянин, шумер не мог представить себе жизнь иначе, как в видимой и конкретной форме. Абстрактное все еще было как бы встроено в конкретное; оно не могло быть отделено от него в мыслях больше, чем в тех живописных символах, которыми пользовались писцы. То, что мы понимаем под словом "сила", было бы непонятно первобытному вавилонянину; для него жизнь была чем-то реальным и материальным, имевшим свою форму, даже если эта форма была лишь бесплотной тенью, видимой глазом, но ускользающей от понимания. В то же время она была больше, чем тень, поскольку обладала всеми качествами того предмета или человека, которому принадлежала. Это была не жизнь в абстракции, а аналог отдельного объекта, который наделял этот объект силой движения и давал ему место в одушевленном мире.

Шумерский Зи, таким образом, очень напоминал египетский Ка. Человеческий Zi был нетленной частью человека; он делал его живой душой, пока он был в этом мире, и после смерти продолжал представлять его в [pg 278] теном мире внизу.²¹⁶ В отличие от lilla или "призрака", он представлял самого человека в его личности; если эта личность была уничтожена, он также переставал существовать. Если, с одной стороны, цзы давало человеку жизнь и силу движения, то, с другой стороны, без индивидуального человека не могло быть и индивидуального цзы. Вавилонским покойникам, как и египетским, предлагали еду и питье, а в могилу клали предметы, которые покойник любил при жизни. Его печать прикрепляли к запястью, копье или посох клали рядом, а иногда вместе с ним хоронили финики, рыбу или домашнюю птицу, чтобы в темноте гробницы он не почувствовал голода. У ребенка были любимые игрушки для игры, у женщины - ожерелье из бус. Там же находился кувшин для воды, наполненный "чистой водой", которую жаждали умершие, и глиняная или бронзовая чаша, из которой ее можно было пить. "Одежду, чтобы одеть его, - говорится в старом гимне, - и обувь для его ног, и пояс для его чресл, и шкуру с водой для питья, и пищу для его путешествия дал я ему"²¹⁷.

Как и у людей, у богов тоже были свои "зи". Мы слышим о Зи Эа, бога глубин;²¹⁸ а первобытной "матерью, породившей небо и землю", была Зи-кум или Зи-кура, "жизнь неба" и "земли"²¹⁹.

[pg 279]

В ранних магических текстах "Зи неба" и "Зи земли" призываются для снятия заклятия, наложенного на больного или безумного. Даже когда Эа и его сын Асари заняли место демонов старой веры, официальная религия все равно была вынуждена признать их существование и силу. Формула экзорцизма, вложенная в уста самого Эа, заканчивается обращением к "жизни" неба и земли. Начинается она, правда, с "очарования Эа", с помощью которого должны быть сняты злые чары; но очарование бога мудрости вскоре забывается, и в конце концов экзорцист прибегает именно к Зи неба и земли. "О жизнь

небесная, да наколдуешь ты ее; о жизнь земная, да наколдуешь ты ее!" - так, и только так, мог закончиться экзорцизм. Старые ассоциации были слишком сильны, чтобы их можно было преодолеть, и поклонники Эа должны были позволить "духам" более ранней эпохи занять место рядом с ним.

Древнее представление о Зи долго сохранялось среди вавилонского населения. Но по мере преобладания семитского элемента оно все больше и больше отходило на задний план и сохранилось - по крайней мере, в официальной религии - лишь в нескольких старых формулах и именах. Например, одна из неподвижных звезд называлась Сиб-зи-Анна, "Пастырь небесной жизни", а распространенной формой клятвы была клятва "жизнью богов" или "царем" (nis ilâni, nis sarri). Даже Сеннахериб клянется "жизнью Ассура", но сомнительно, что он или кто-либо из его современников помнит первоначальный смысл и историю этой фразы. Шумерское "зи" получило семитский перевод, а вместе с ним и семитский оттенок. Идеи, связанные с семитским pîsu, не были теми, которые когда-то группировались вокруг Zi. В устах семита даже само слово Zi означало "жизнь" и не более того. Когда [pg 280] Пур-Син II из Ура, за столетие или два до Авраама, обращается с посвящением на шумерском языке к богу Луны, он называет себя "божественным Зи своей страны" ²²⁰ - другими словами, "богом, дающим жизнь своей земле". Здесь нет речи о жизненной силе, которая является аналогом человека или бога; напротив, мы имеем семитское представление о божественном отце, от которого его народ черпает свою жизнь. Семит перенес свои собственные идеи на язык своих шумерских предшественников, и "жизнь" для него - это не материализованное отражение отдельной вещи, а принцип, распространяющийся, как бы, из божественного центра. Небесный Зи стал абстрактной жизнью, которую бог может передать окружающим.

Поэтому только в тусклом фоновом режиме истории мы находим в Вавилонии веру, аналогичную той, что породила египетскую доктрину Ка. Оно было чуждо семитскому разуму, и с ростом семитского господства, соответственно, исчезло из религии Вавилонии. Нам приходится искать его окаменевшие реликвии в старых магических текстах, которые, подобно заклинаниям и чарам современного фольклора, сохранили множество верований и суеверий забытого прошлого, или же в божественных именах и эпитетах, уходящих корнями в далекую древность. Анимизм шумеров трудно обнаружить и проследить, поскольку он уже был погребен под семитскими формами мышления, когда формировались первые библиотеки Вавилонии.

Другое шумерское верование оказало большее влияние на семитский разум. Это была вера в призраков. Лил, или призрак, отличался от зи; если зи принадлежал к миру живых, то лил - к миру мертвых. Следовательно, лил не был аналогом или двойником ни человека, ни [pg 281] бога, а существом с независимым существованием. Его дом находился под землей, где обитали мертвые; но он посещал этот верхний мир под сенью ночи или в пустынных местах, куда не доходило ничто живое. ²²¹ По сути, он был духом тьмы, и одно из имен, под которыми он был известен, - это "Похититель света". ²²² Он приходил в бушующем ветре, который затмевал небо тучами, или в облаке пыли, возвещавшем о приближении бури. Лил, по сути, был демоном, "не имеющим ни мужа, ни жены", одним из тех злых духов, которые мучили и озадачивали человечество.

Бесполоую Лил поджидала "служанка", которая под покровом ночи заманивала мужчин на погибель или соблазняла их во сне. Она была настоящим вампиром, обеспечивая Лил, которой она служила, человеческой пищей. Когда семиты унаследовали наследие шумеров, бесполоая Лил исчезла. Семитская грамматика требовала, чтобы существовало различие между мужским и женским родом, а семитский образ мышления в равной степени требовал, чтобы женщина Лилит заняла место рядом с мужчиной Лилу. Атрибуты "служанки"

шумерской Лилу были перенесены на новое творение семитского разума, и сирена, заманивавшая мужчин на погибель, перестала быть служанкой, а стала самой Лилу. Но происхождение ее сил никогда не было забыто. Когда имя и характер вавилонской Лилит были заимствованы евреями под именем Лилит, она воспринималась как отдельный индивидуальный дух, а не как класс. Исаия (xxxiv. 14) рассказывает, как Лилит будет преследовать опустевшие руины Эдома и найдет среди [pg 282] них "место отдыха"; в то время как, согласно раввинам, Лилит была первой женой мужчины, внешне прекраснейшей из женщин, но на самом деле демоном-вампиром, высасывавшим по ночам кровь своих жертв.

Владыкой и правителем Лилит был бог, которому поклонялись в Ниппуре. Он носил титул Эн-лил, "владыка призрачного мира", а его храм был одним из древнейших святилищ шумерской Вавилонии.²²³ Это был центр первобытной цивилизации и источник магических искусств, связанных с верой в духов подземного мира. Но владычество над подземным миром подразумевало и владычество над землей, частью которой он являлся. Эн-лил, "повелитель призрачного мира", со временем стал владыкой не только мертвых, но и живых. Его империя перестала ограничиваться царством тьмы и распространилась на этот верхний мир света и человечества. Однако до самого последнего момента его первобытный характер не был забыт. В истории о потопе он предстает как губитель людей; Намтар, демон чумы, является его служителем; как и Кингу, бог-демон хаоса, он носит скрижали судьбы, которые определяют, когда люди должны умереть.²²⁴

Эн-лил, соответственно, был владыкой мертвых, а также духов подземного мира. Таким образом, шумерское "лил" должно было включать в себя как призраков людей, так и других призраков, которые никогда не имели материального существования во плоти. Лил, должно быть, когда-то означало [pg 283] ту нематериальную часть человека, которая после смерти имела свой дом в подземном мире, откуда выходила по ночам, чтобы удовлетворить свою жажду пищи с помощью уличного мусора. Рядом с Зи должен был находиться и Лил; но мы должны дождаться открытия новых памятников шумерской древности, прежде чем сможем определить точные отношения между ними.²²⁵

В "Эпосе о Гильгамеше" говорится, что когда тень Эа-бани была вызвана из мертвых, подобно тому, как тень Самуила была вызвана ведьмой Эндора, "она поднялась из земли, как облако пыли".²²⁶ Вполне уместно было уподобить призрака пыльной буре. Его дом находился в земле, и там, в темном подземном мире, его пищей, как нам говорят, была пыль. Но слово, которым поэт обозначает призрак Эа-бани, не лил. Это другое слово, утукку, которое часто встречается в магических текстах. Здесь утукку - общее название демона, и мы слышим об утукку "из поля", "из горы", "из моря" и "из могилы". Утукку из могилы" - это, должно быть, беспокойный призрак какого-то умершего человека, который превратился в духа тьмы, творящего зло человечеству. Обычный утукку, однако, не имел человеческого происхождения; это был чистый и простой демон, который садился на шею страдальцу и причинял ему боль и смерть. Он соответствовал вампиру из европейского фольклора; и подобно тому, как ряды вампиров могли пополняться из мертвых [pg 284], так и класс демонов, которых вавилоняне называли утукки.

То же самое происходило и с другим видом демонов, экимму, который витал вокруг гробницы и нападал на чресла тех, кто попадался ему на пути. Но экимму был существом, происхождение которого было известно. Это был дух непогребенного трупа, над неосвященными останками которого так и не были совершены погребальные обряды. Мистические церемонии и магические слова, с помощью которых умершие отправлялись в свое последнее пристанище, были проигнорированы, и незадачливый дух остался без

талисманов, которые позволили бы ему пересечь реку смерти или присоединиться к своим товарищам в пассивном спокойствии нижнего мира. Поэтому он беспокойно бродил по пустынным местам земли, временами находя приют в телах живых, которых он мучил болезнями, и пытаясь под покровом ночи утолить голод отбросами, которые он мог подобрать "на улице". Еда и питье, которые благочестивые руки клали в гробницу, были недоступны безгробному призраку, и он вынужден был искать их где попало. В конце "Эпоса о Гильгамеше" приводится описание этого явления, которое яркими красками рисует старое вавилонское поверье.

"Тот, чье тело лежит покинутым в поле,

Видели и ты, и я,

Его экимму не покоится в земле.

Тот, чье экимму не имеет никого, кто бы позаботился о нем,

Как видели и ты, и я,

Мусор из горшка, отходы пищи,

Которые выбрасывают на улицу, он должен есть".

Неудивительно, что вавилонский царь молится о том, чтобы тело его врага было "отброшено в сторону, и ни одна могила не досталась ему" ²²⁷, или что Ассур-бани-пал должен был вырвать тела эламских царей из их гробниц [pg 285] в Сузах. Сеннахериб подобным образом осквернил места погребения предков Меродах-баладана, а один из древнейших вавилонских памятников, так называемая Стела стервятников, изображает тела убитых врагов, выставленные на съедение стервятникам, в то время как сами убитые вавилоняне погребены своими товарищами под кучей земли.

Таким образом, экимму - это, собственно говоря, призрак непогребенного трупа, а утукку - призрак трупа, который был погребен, но по какой-то случайности вырвался из царства мертвых. Таким образом, если экимму обязательно имел человеческое происхождение, то утукку был призраком человека лишь случайно. Обряды, с помощью которых его тело было положено в могилу, должны были ограничить его подземными областями мертвых; а "чистой воды" и пищи, которыми он был обеспечен, было достаточно, чтобы поддерживать его существование под землей. Если оно и возвращалось в верхний мир, то только благодаря искусству некроманта, а страдания, которые оно могло причинить людям, были лишь мстью за то, что его потревожили. Утукку, как и лил, принадлежали к классу сверхъестественных существ, которые проявляли свое присутствие особым образом, и лишь по случайности призрак умершего человека оказался в их числе.

Но следует заметить, что в сознании вавилонянина не проводилось никакого различия между этими сверхъестественными существами и призраками умерших, во всяком случае, в том, что касалось их природы и, в некоторой степени, их способностей. Призрак мог стать экимму так же, как и лил; все они были одинаковыми обитателями подземного мира и в первобытные времена подчинялись Эн-лилю, "повелителю призраков".

[pg 286]

Такое же поверье, должно быть, когда-то преобладало и в Палестине. Когда дух Самуила был вызван из мертвых, ведьма заявила, что видела Элохима, поднимающегося из земли в виде старика, одетого в мантию. Элохим или "боги" были общим термином, под которым

ханаанейцы подразумевали всех существ духовного мира, в которых они верили; называя дух Самуила "Элохимом", ведьма, соответственно, утверждала, что вызванный ею призрак человека стал одним из них. Как призрак Эа-бани, вызванный из места своего упокоения, стал утукку, так и призрак Самуила по той же причине стал одним из Элохимов.

Призрак, как и тело, к которому он принадлежал, зависел в своем существовании от еды и питья. Легенда о сошествии Истара в Аид описывает призраки умерших как порхающих, словно крылатые летучие мыши, по своей мрачной тюрьме, пьющих пыль и едящих глину. Хлеб, финики и вода, предлагаемые у гробниц умерших, были желанной заменой столь тошнотворной пище. Однако пища была необходима призраку, иначе он страдал бы от голода или умер второй смертью от недостатка питания.

Как и египетский Ка, вавилонский призрак представлялся полуматериальным аналогом тела, нуждающимся, как и тело, в питье и еде, а если его вызывали в верхний мир в виде утукку или экимму, он напоминал тело во всех деталях, вплоть до одежды, которую носил. Более того, как и в Египте, доктрина двойника должна быть распространена как на неодушевленные предметы, так и на живые существа. В жертвоприношения, которые клали умершим, входили не только птица и рыба, но и финики и зерно, вино и вода. В могилу клали и те предметы, которые умерший любил при жизни: игрушки [pg 287] для ребенка, зеркала и украшения для женщины, посох и печать для мужчины. Должно быть, это были двойники еды и питья, которыми призрак питался в нижнем мире, и двойники других предметов, похороненных вместе с трупом, которыми он наслаждался в своем новом образе существования. Должно быть, существовали как призраки вещей, так и призраки людей.

Наложение примитивного шумерского анимизма на семитские представления и верования, естественно, внесло новые элементы в представления о нетленной части человека и глубоко изменило старые теории о ней. Зи, как мы уже видели, стал синонимом жизненного принципа; лил, утукку и экимму были изгнаны в область магов и ведьм. Слова сохранились, как "призрак" в английском языке, но идеи, связанные с ними, незаметно изменились. На месте Эн-лиля, "повелителя призрачного мира", возникло новое представление - Билу или Баал, "повелитель" человечества и видимой вселенной, символом которого было пылающее солнце.²²⁸ Призраки должны были освободить место для живых людей, подземный мир тьмы - для мира света. Эн-лиль стал семитским Ваалом, а сам человек - "сыном своего бога"²²⁹.

С ростом семитского влияния росло и влияние культуры, которая исходила из Эриду. Характер Эа из Эриду легче поддавался семитским представлениям, чем характер Эн-лиля. Не было необходимости в насильственных изменениях; старый шумерский бог (или, скорее, "дух") сохранил свое имя и, соответственно, многие из своих древних атрибутов. Он оставался богом [pg 288] мудрости и культуры, отцом Асари, "который делает добро человеку".

Когда Асари был отождествлен с вавилонским богом солнца Меродахом, семитское влияние уже было на подъеме. Меродах уже был семитским Ваалом; господство в его городе сделало его верховным Ваалом Вавилонии. Старший Ваал Ниппура был поглощен младшим Ваалом Вавилона, и официальный культ почти перестал помнить, какими были его атрибуты и характер. Даже чтец магических текстов, вероятно, забыл, что когда-то бог был главным лилом или призраком и ничем больше.

Это измененное представление о боге Ниппура неизбежно сопровождалось измененным представлением о призрачном мире, которым он управлял. Он был передан другим богам в государственной религии или перешел во владение магов и некромантов. Нергал из Кутха

стал повелителем Аида, который он делил с богиней Эрис-Кигаль или Аллат. Легенда рассказывала, как по велению богов света Нергал пробрался в темные глубины подземного мира и там заставил богиню стать его невестой. С этого момента Аид стал царством, подвластным богам неба, и частью упорядоченной вселенной, которой они управляли и руководили.

Покорение Аида богами света означало покорение ими смерти. Мертвый больше не был простым призраком, недостижимым для владык небес и способным творить хаос в своей собственной сфере, когда тьма поглощала свет. Владыки небес теперь претендовали на власть "воскрешать мертвых к жизни". Этот эпитет особенно часто применяется к Меродаху, служителю и толкователю своего отца Эа, чьи волшебные слова и мудрое учение исцеляют болезни людей и даже возвращают их из мира мертвых.

[pg 289]

Очевидно, что здесь перед нами новая концепция нетленной части человека. Боги находятся с человеком за могилой, как и по эту сторону ее. Нет никакой неумолимой судьбы, запрещающей им вернуть его к жизни. Иными словами, жизнь в мире ином есть, как и в этом. Это может быть очень низкая и теневая жизнь, но тем не менее это жизнь, а не существование бескровного призрака, который погибнет, если не сможет удовлетворить свои потребности в еде и питье. Религиозное сознание перешагнуло ту стадию, когда будущий мир населяется двойниками и аналогами существующих вещей, и достигло концепции духовной жизни, которую человек может разделить с бессмертными богами. Анимизм уступил место политеизму.

Насколько тесной стала эта связь между богами и душами людей в более поздние времена, можно судить по тому, что когда Ассур-бани-пал посещал гробницы своих предков, он возносил возлияния в их честь и обращался к ним со своими молитвами. Короче говоря, они стали богами, подобно богам света, которым возводились храмы и делались подношения. Изменение точки зрения, несомненно, ускорило благодаря обожествлению царя, о котором мне придется говорить в одной из следующих лекций и которое, по-видимому, имеет семитское происхождение. Когда царь стал богом, которому посвящались жрецы и храмы как при его жизни, так и после смерти, неизбежно должны были возникнуть новые идеи относительно природы души. Дух, к которому обращались как к богу и ставили в один ряд с божественными владыками небес, был не бессильным и звездным призраком в подземном мире Эн-лиля, а духом в более современном смысле этого слова, обитавшим в царстве света, где он мог слышать и отвечать на молитвы, возносимые к нему. Призрак был превращен [pg 290] в душу, чья природа была такой же, как у самих богов, и которая, как и они, могла свободно перемещаться куда пожелает, выслушивая прошения живущих на земле и ходатайствуя за них.

К такому представлению о душе пришли уже в эпоху Саргона Аккадского, самую раннюю из тех, о которых в настоящее время имеются хоть сколько-нибудь похожие на полные современные записи. Но это была эпоха, в которой семитское влияние уже доминировало; Саргон был основателем семитской империи, простиравшейся до берегов Средиземного моря, а шумерская эпоха вавилонской цивилизации давно канула в Лету. Какой бы далекой ни казалась нам эта эпоха, она была сравнительно поздней в истории халдейской культуры. И обожествление не ограничивалось личностью царя. Верховные жрецы вавилонских городов, которые были ему подчинены, также обожествлялись своими подданными. Так, ежедневные жертвоприношения совершались обожествленному Гудеа, шумерскому правителю Лагаса; тот, кто правил на земле, будь то семит или шумер, считался достойным

места среди богов официального вероисповедания. Царь и знатный вельможа могли быть возведены в ранг божества; мы даже находим Гимил-Сина, царя Ура, воздвигшего храм своему собственному божеству.²³⁰ Мы вспоминаем святилища, построенные поздними фараонами в честь своего Каса.

Таким образом, обожествление человека, а вместе с ним и вера в высшие судьбы человеческой души, можно отнести к раннему периоду семитского господства в Вавилонии. К сожалению, наши свидетельства о вере в высшие судьбы души все еще скудны. В этом отношении Вавилония представляет собой разительный контраст с Египтом. Там большая часть монументальных записей, которыми мы располагаем, происходит из гробниц; и вера египтян в будущую жизнь в изобилии описана не [pg 291] только на надгробных плитах, но и на надписях и изображениях на стенах самой усыпальницы. Мы знаем почти больше о том, что египтянин думал о нетленной части человека и его участии в будущем, чем о любой другой части его вероучения. В Вавилонии и Ассирии, напротив, нет надгробий, нет гробниц с изображениями и надписями. Литература, которой мы располагаем, мало что говорит нам о будущей жизни и связанных с ней верованиях. Ритуалы и гимны богам касаются этой жизни, а не следующей, и нам приходится продираться сквозь неясные аллюзии и двусмысленные фразы, чтобы найти в них хоть какие-то упоминания о мире за могилой. Обращение к мифологическим поэмам и героическим эпосам опасно и обманчиво. Литературный миф даст нам столь же ложное представление о психологии народа, как и о его теологии; в лучшем случае он выразит убеждения отдельного писателя или закрепит старые термины и фразы, примитивное значение которых ушло в прошлое. Извлечь психологию из литературных легенд так же трудно, как извлечь из них трезвую историю. Поэты, изображавшие Аид с его летучими призраками, питающимися пылью, пользовались языком прошлого, а не той эпохи, в которой они жили. Мы можем с таким же успехом заключить, что англичанин XVIII века верил в Муз, к которым обращались его поэты, как и заключить из языка поэтов Вавилонии, что описанный ими Аид был Аидом народных верований. Культ царей и вельмож сам по себе достаточен, чтобы доказать, что такого быть не могло. А когда примитивные представления становятся общим местом в литературе, их истинное значение теряется или размывается.

Еще меньше помощи можно получить от магических текстов. И по досадной случайности магические тексты составляют очень незначительную часть тех, которые [pg 292] до сих пор были изучены. До недавнего времени наши знания о вавилонской литературе зависели от реликвий библиотеки Ниневии, большая часть которой была собрана Ассур-бани-палом, а Ассур-бани-пал имел особое пристрастие к чарам и экзорцизму, а также к псевдонауке авгуров и астрологов. Мир магических текстов был миром, который стоял особняком. Магия лишь наполовину признавалась ортодоксальной верой; ее верования и практики пришли из той эпохи, когда ортодоксальной веры еще не существовало, а к ее профессорам официальное священство относилось с подозрением. Поэтому вероучение, на котором оно покоилось, было скорее вероучением далекого прошлого, чем настоящего. Его боги и богини не были похожи на богов и богинь государственной религии только по имени; Истар, которая покровительствовала ведьме и следила за смешиванием ядовитого филтра под покровом ночи, была совсем не той Истар, что богиня любви и войны, обещавшая помощь и утешение Эсар-Хаддону в его нужде и известная как "мать" человечества. Государственная религия, правда, мудро сдерживаясь, признавала магию в той мере, в какой ее можно было регулировать, и ставила ее, так сказать, под надзор священства; "черное искусство" никогда не было ересью, которую нужно было подавлять силой, как в древнем Израиле; но при всем том оно стояло вне официальной веры и воплощало принципы и концепции, которые могли быть гармонизированы лишь несовершенно с более высокими и просвещенными идеями

исторического периода. Мы можем найти в магических текстах пережитки первобытной эпохи анимизма, если только знаем, как правильно их интерпретировать, но религиозные представления более поздней эпохи мы будем искать напрасно. Они предлагают нам магию, а не религию, волшебника или ведьму, а не священника.

Таковы причины, по которым в настоящее время невозможно описать психологию вавилонян [pg 293] с той же точностью и полнотой, что и психологию египтян, или проследить ее историю с теми же подробностями. Материалов не хватает, и, вероятно, мы никогда не получим их в таком же изобилии, как в Египте. Но одно ясно. За политеистическим представлением о человеческом духе, которое преобладало в более поздние времена, скрывалось анимистическое представление, которое очень напоминало первобытную египетскую доктрину Ка. Анимистическое представление ушло в прошлое с ростом семитского господства и обожествлением человека, и выявление и определение его должно быть в значительной степени делом умозаключений. Доктрина двойника была вытеснена доктриной души, то есть бессмертного элемента, который после смерти воссоединялся с богами. Зи с Лилем и Экимму должны были уступить место более высокому и чистому представлению о духе человека. Старые имена, правда, еще оставались, но все больше и больше лишались своего прежнего значения или изгонялись во тьму магов и ведьм. Вода и пища, которые когда-то служили для питания призрака в нижнем мире, стали подношениями мертвецу и богам, под чьей защитой он продолжал находиться. "Все убранство, подобающее могиле, - говорит один ассирийский царь, - по праву его суверенитета, я выставил перед богом солнца и рядом с отцом, который меня породил, положил в могилу. Затем я преподнес дары князьям, духам земли и богам, населяющим могилу".²³¹ Дары, как можно заметить, не только кладутся рядом с умершим, но и преподносятся богу-солнцу, который таким образом ассоциируется с умершим царем. Они посвящаются богу света, который судил человечество, прежде чем на них смогут претендовать боги могилы.

Но при всем этом следует признать, что существует большой контраст между вавилонским и более поздним [pg 294] египетским взглядом на нетленную часть человека и его участь в потустороннем мире. И это различие во взглядах проистекает из дальнейшего различия во взглядах на нынешнюю жизнь. Для египтянина нынешняя жизнь была лишь подготовкой к следующей; не только духовные элементы, из которых он состоял, но и, как он надеялся, само его тело выживут за пределами могилы. В Вавилонии все было иначе. Там не найти следов мумификации; в лучшем случае мы слышим, что труп помазывали маслом или медом перед смертью, а кремация, частичная или полная, похоже, практиковалась. Мысли вавилонянина были прикованы скорее к этому миру, чем к следующему; его горизонт, если говорить в целом, ограничивался смертью. Именно в этом мире у него были отношения с богами и обязанности по отношению к ним, и именно здесь он был наказан или вознагражден за деяния, совершенные во плоти. Практичный характер вавилонян не располагал к мечтам и рассуждениям о будущем; сложная карта потустороннего мира, нарисованная в священных книгах Египта, была бы для них невозможна. Они были слишком поглощены коммерцией, торговлей и практической погоней за богатством, чтобы иметь досуг для теорий, касающихся сомнительного будущего и невидимого мира. Кроме того, тень старой религии Ниппура с ее подземным Аидом, наполненным мраком и тьмой, до последнего лежала на сознании вавилонского народа. Светлые воззрения, исходившие из Эриду, так и не смогли полностью преодолеть ее. Боги света, правда, правили миром, который когда-то принадлежал демонам ночи, но их победа не простиралась дальше. Страна Аида по-прежнему оставалась страной тьмы, хотя воды жизни били из-под золотого трона духов, обитавших [pg 295] там. В вавилонской литературе мы не находим концепции, параллельной египетским полям Алу, не находим судейского зала Аида, перед которым

представала бы совесть умершего человека. Вавилонянин был судим в этой жизни, а не в следующей, и бог, судивший его, был богом-солнцем дня, а не мертвым богом-солнцем потустороннего мира.

Обычно принято приписывать эту концентрацию религии на современном мире, с его отталкивающими представлениями об Аиде и ограничением божественных наград и наказаний этой жизнью, врожденным особенностям семитского ума. Но для этого нет никаких оснований. В семитском сознании нет ничего, что могло бы вызвать необходимость в такой теологической системе. Верно, что бог солнца был главным объектом семитско-вавилонской веры, и что для кочевников Аравии удовлетворение их повседневных потребностей было практической целью существования. Но не среди кочевников Аравии мы находим ничего, что соответствовало бы вавилонскому представлению об Аиде и связанным с ним представлениям. Эта идея, по сути, была вавилонского происхождения. Если еврейский Шеол напоминает вавилонский Аид, или еврейская концепция наград и наказаний похожа на ассирийскую и вавилонскую, то это потому, что еврейские верования были заимствованы из цивилизации Евфрата. Исторически мы знаем, что израильтяне ведут свое происхождение из Ура Халдейского, и что во времена задолго до Авраама Ханаан входил в состав Вавилонской империи и был пронизан вавилонской культурой; с теологической стороны происхождение древнееврейских доктрин столь же очевидно. Еврейский Шеол - слишком точный аналог вавилонского мира мертвых, чтобы не быть заимствованным из него, как Лилит и другие духи, чьим домом он был, а теология, учившая, что бог солнца был верховным [pg 296] судьей людей, наказывающим в этой жизни их грехи или вознаграждающим их добрые дела, была частью культуры, пришедшей из Вавилонии на Запад. Это было не врожденное наследие семитской природы, а продукт цивилизации, корни которой уходили к несемитской расе. Правящая каста в Египте была семитского происхождения, но их религия практически не содержит следов идей, которые лежали в основе вавилонских доктрин о божественном возмездии и будущей жизни души.

Поэтому именно в Вавилонии мы должны искать истоки тех представлений о будущем мире и о наказании за грех в этой жизни, которые оставили столь глубокий след на страницах Ветхого Завета. Они принадлежали прежде всего Вавилонии и были частью той цены, которую семитам Запада пришлось заплатить за неоценимый дар культуры, пришедший к ним с берегов Евфрата. Это были взгляды, от которых израильтянин долго освобождался. Внутренняя история Ветхого Завета - это, по сути, в значительной степени история постепенного расширения религиозного сознания Израиля по отношению к ним и вытеснения их более высокой и духовной формой веры. Старая вера в то, что несчастье подразумевает грех, а благополучие - праведность, никогда не искореняется полностью, и Шеол еще долго остается страной тени и бессмысленности, где добро и зло разделяют одну и ту же участь, а вещи этой жизни забыты; но постепенно более новые и чистые взгляды пробивают себе дорогу в религию народа, и высшее послание, которое суждено было получить Израилю, занимает место учения старой культуры Вавилонии. Вавилония сделала свое дело; нужны были новые силы для просвещения человечества.

[pg 297]

Лекция III. Боги Вавилонии.

Я уже имел случай упомянуть об одном из богов Вавилонии, Эн-лиле или Эль-лиле из Ниппура.²³² Его поклонение восходит к самому раннему периоду вавилонской истории; его святилище в Ниппуре было одним из древнейших в стране. Он принадлежит к тому периоду, когда шумерский язык был еще верховным, и имя, которое он носил, было шумерским титулом Эн-лиль, "повелитель призрачного мира". Но это был только титул; "повелитель призраков" сам был призраком, хотя и главным среди них.

Этот факт следует тщательно запомнить. Пока еще не существовало бога в собственном смысле этого слова. Сверхчеловеческие силы, которых боялись и умилоstellяли, были лишь призраками, подобными призракам мертвецов; как и последние, они были обитателями могил и подземного мира. Только ночью они выходили из своих укрытий и наводили ужас на прохожих. Первобытный человек боится темноты не меньше, чем ребенок; именно тогда силы зла активны, а духовные или сверхъестественные враги таятся за каждым углом, готовые нанести вред или уничтожить его. Призраки ночи, соответственно, являются объектами ужаса, вредоносными существами, от которых исходят все формы болезней и безумия.

Но даже этими призраками могут управлять те, кто [pg 298] знает магические слова или мистические обряды, которым они вынуждены подчиняться. Между призраком и его жертвой может встать колдун или знахарь и с помощью своих заклинаний заставить дух покинуть тело страдальца или войти в тело врага. Таким образом, рядом с призраком стоит колдун, который одновременно является хозяином и служителем мира духов.

С развитием цивилизации обязательно вырастает организованное сообщество колдунов. Но организованное тело колдунов подразумевает также организованное тело духов и организованную систему управления ими. Заклинания и чары, передававшиеся из прошлого, складываются в систему, а сами духи классифицируются и определяются, за ними закрепляются особые функции. Старый неорганизованный анимизм переходит в организованный шаманизм, такой, какой до сих пор преобладает у некоторых сибирских племен. Колдун становится на путь превращения в жреца.

Между колдуном и священником, однако, лежит слишком широкая пропасть, которую невозможно преодолеть. Религиозные представления, заложенные в них, различаются как по роду, так и по степени. Природа сверхчеловеческих существ, которыми окружен человек, и отношения, которые он к ним испытывает, в этих двух случаях существенно различаются. Жрец может быть и колдуном, но колдун не может быть жрецом.

Может ли шаманизм естественным образом развиваться в теизм, а колдун - в священника? Или же необходимо чужое влияние, контакт с другими идеями и религиозными верованиями? Сам я склоняюсь ко второй альтернативе. Теизм может поглотить шаманизм, а жрец сбросить эгиду своей власти над колдуном, но естественное развитие одного в другое противоречит как фактам психологии, так и истории. Эволюция бога из [pg 299] призрака шамана может быть мыслима, но доказательств этому нет. Суеверия и верования шаманизма сохраняются и в теистической религии, и политеизм Вавилонии не был исключением из правил. Там до последнего процветал маг, и заклинания, которые он творил, признавались государственной религией. Но при всем том они стояли вне государственной религии, гармонизируя с ней так же мало, как суеверия народного фольклора гармонируют с исповедуемой нами религией. Никто не станет утверждать, что современное христианство выросло из верований, подобных вере в вампира, которая до сих пор так сильна в некоторых

христианских странах Европы; и так же мало оснований утверждать, что вампир первобытных шумеров превратился в вавилонское божество. Они представляют собой два различных течения веры, которые могут какое-то время идти рядом, но никогда не объединяться.

Вавилонская традиция сама свидетельствует об этом. Халдейский историк Берос рассказывает, что элементы культуры, а вместе с ними и организованной религии более позднего времени, были принесены в Вавилонию из-за границы. Оаннес или Эа, бог культуры, поднимался утром из вод Персидского залива и обучал дикие расы побережья искусству жизни. Цивилизация пришла не из Ниппура и не от поклонников Эн-лиля, а из той таинственной глубины, которая соединяла Вавилонию с другими землями. Именно Эа научил людей "основать храм", в котором должны были поклоняться богам будущих времен. Культурным богом Вавилонии был Эа, а дом Эа находился не в Вавилонии, а в глубине земли.

Значение этой легенды невозможно переоценить. Культура Вавилонии зародилась на морском побережье и была принесена туда через море. Элементы цивилизации возникли благодаря общению с другими землями. [pg 300] И эта цивилизация была связана с богом - с богом, который представлял все высшие аспекты вавилонской религии и считался автором ее священных книг. Импульс, превративший "повелителя призрачного мира" в бога и заменивший колдуна жрецом, пришел не изнутри, а извне.

Импульс восходил к той первобытной эпохе, когда главенство шумеров еще не вызывало сомнений. Другие расы, как гласит легенда, уже поселились там, но все они были одинаково грубы и дики, "как звери полевые". Насколько далекой могла быть эта земля в ночи времени, мы можем лишь смутно догадываться. При той скорости, с которой северное побережье Персидского залива медленно заливается, прошло не менее восьми тысяч лет, когда на берегу моря стоял старый морской порт Эриду и святилище его бога Эа. Но влияние семитов уже начинало ощущаться, хотя и косвенно, через морскую торговлю.

Новые идеи приходили с юга. Эа был богом, и, как у богов семитской расы, у него были жена и сын. Сам он был владыкой глубин, а Дам-кина, его жена, была хозяйкой земли. Его сыном был Ахари, "принц, творящий добро людям" ²³³, который, в отличие от ночных демонов Ниппура, приносил знания и исцеления людям, которых создал Эа. Шумер мог говорить о "зи" - "духе" - Эа, или, скорее, о глубине, но для семитов он был настоящим богом.

В то же время только зачатие Эа и его семьи мы должны отнести к иностранному источнику. Их имена чисто шумерские, и их происхождение, следовательно, [pg 301] тоже должно быть шумерским. Несомненно, когда-то они были просто лилами или призраками, принадлежавшими к призрачному миру бога Ниппура, а заклинания, которым Эа научил человечество, сохранились с тех времен, когда колдун еще был его жрецом. ²³⁴ Но под семитским влиянием лил превратился в бога; священная книга заняла место амулета, а жрец - мага. Талисман и маг по-прежнему признавались, но при условии, что они адаптировались к новым идеям. Шумерский шаманизм был наложен на семитский политеизм и со временем впитался в него.

Культура Эриду распространилась на север вместе с религиозными идеями, которые стали ее неотъемлемой частью. Поклонение Эа было принято в других городах Вавилонии, а вавилонский бог стал отождествляться с его сыном. Лил, который изображался в виде животного, обрел человеческий облик, и шумеры приняли убеждение семитов, что человек создан по подобию своего бога. Эн-лил из Ниппура вынужден был уступить влиянию чужака. Древность его культа, святость его храма не смогли спасти его от этой участи. Он тоже стал семитским богом; его старое имя превратилось в ничего не значащий титул, сохранившийся в литературе, но не в устах народа, и отныне к нему обращались как к

семитскому Билу или Ваалу. Он перестал быть вождем ночных призраков и превратился в божественного "Господа" семитских культов, который, подобно солнцу, наблюдал за этой землей. Это была трансформация, а не развитие.

Как и семитский Бел, бог Ниппура продолжал [pg 302] долгие века сохранять древнее почитание народа. В отличие от греческого Кроноса, он еще не был свергнут младшими богами. Положение, занимаемое великим святилищем Ниппура и его жречеством, долгое время препятствовало этому. Но судьба Кроноса в конце концов настигла его. Вавилон стал столицей царства, а его бог, соответственно, претендовал на первенство над всеми остальными. Вавилонский Меродах принял титул Бэла, и мало-помалу старый бог Ниппура лишился своего древнего звания. В Вавилонии более позднего периода верховным Ваалом стал Меродах, а не Энлиль, и даже легенды, которые рассказывали о боге Ниппура, были перенесены на его младшего соперника. Воспоминания о Ниппуре были слишком сильно окрашены в цвета ушедшей религии и верований более темной и менее цивилизованной формы веры. Меродах был защитником богов света, Эн-лиль - повелителем демонов тьмы. Как с теологической, так и с политической точки зрения было необходимо, чтобы Меродах вытеснил Эн-лиля.

Распространение поклонения Эа, а точнее, религиозных представлений, с которыми оно было связано, привело к исчезновению Дам-кины. Дам-кина когда-то была землей; как Эн-лиль в Ниппуре был "владыкой призраков", одним из которых он сам был, так и в Эриду Дам-кина была "владычицей земли", с которой, как ее зи или "дух", она сама отождествлялась. Шумерская грамматика не знала различия полов, и в шумерской семье женщина занимала главное место рядом с мужчиной. Иначе обстояло дело у семитов. Различие между мужским и женским родом укоренилось в семитских языках, но это различие достигается путем образования женского рода из мужского. В то время как значительная часть семитских флексий является результатом изменения гласных в самом слове [pg 303], женский род образуется путем присоединения аффикса к форме мужского рода. Мужской род предполагает женский, но женский зависит от мужского.

Семитская грамматика просто отражает фундаментальные идеи семитского разума. Для семита женщина - это меньший мужчина, сформированный из него и зависящий от него. Как и существительное женского рода, она - бесцветное отражение своего мужа, хотя без отражения не может быть и мужа. Везде, где преобладал семитский дух, женщина была просто помощницей и тенью мужчины; для ортодоксального магометанина она едва ли обладала душой. Только там, где семитский дух был встречен и сдержан влиянием другой расы, дело обстоит иначе; высокое место, занимаемое женщиной в вавилонском обществе, само по себе было бы доказательством того, что семитская культура здесь была привита культуре более древнего народа, даже если бы памятники не показали нам, что это действительно было так.

Поэтому неудивительно, что богини или женские духи шумерской веры исчезали по мере усиления семитского элемента в вавилонской религии. Сначала семитское влияние сделало не больше, чем превратило "служанку Лила" в богиню; затем и сами богини стали похожи на женщину в семитском представлении, бледную и бесцветную, существующую только ради бога. О Дам-кине, владычице земли, помнили только антиквары или составители космологических систем. Когда она стала женой Эа, ее судьба была предрешена.

Ее атрибуты и должность, по сути, перешли к нему. В Эриду он обязательно был не только владыкой глубин; он был и владыкой города. Он как бы переселился из глубин; он покинул свой [pg 304] морской дворец и пришел обитать в святилище на суше. Земля, на которой

стоял Эриду, была даром моря, мягким илом, который оставили после себя отступающие волны Персидского залива. Когда-то она была частью владений Эа, если не самого Эа. Соответственно, к Эа стали обращаться как к "владыке земли", так и моря, а Эриду, его город, был "городом владыки земли". Люди, населявшие его, были его творением: он вылепил их, как гончар из глины, и как божественный "гончар" он был известен им.²³⁵ Подобно египетскому Хнуму у Катаракта, он был первым художником по глине, а модели, которые он создал, были первыми людьми.

Таким образом, бог культуры был также создателем человечества. Он принес им цивилизацию из своего дома под волнами, но это произошло потому, что он уже создал их. Они были не просто его детьми, а творением его рук, ведь бог культуры обязательно был художником, и люди, которых он вылепил, были высшим продуктом его мастерства. Вода и земля в равной степени участвовали в их создании; Эа был хозяином не только моря, но и земли Эриду.

Таким образом, наследие Дам-Кины было узурпировано богом, которого семитское влияние отдало ей в мужья. Вместе с ней было узурпировано и наследие другой богини шумерского культа. Это была Бау, чья родина, вероятно, находилась далеко на севере, хотя в Эриду она была как бы одомашнена в ранние времена. Как Дам-кина стала женой Эа, так Бау стала его матерью. Для этого была особая причина. Бау была известна как "великая мать", от которой человечество получило стадо и отару, а также урожай полей. Именно она давала плодородие земле и защищала тех, кто ее обрабатывал. [pg 305] Ее символом была телица, и, возможно, первоначально она была местным духом какого-то поля в окрестностях Эриду.²³⁶ Но в те дни, когда она впервые становится известна нам по современным надписям, она уже богиня, и к ней уже привязано семитское представление о божественной матери.²³⁷ Таким образом, она напоминает другую богиню, Аруру по имени, которую старая космологическая поэма связывает с Меродахом (или, скорее, Эа) в создании "семени человека", которое прорастает из ее лона, как тростник из болота или "дикая корова со своим молодняком". По своему происхождению Бау и Аруру - не что иное, как Дам-Кина под другими именами, земные духи старой шумерской религии, порождающие или создающие все живое. Подземный мир, над которым властвовал Эн-лиль, был не только домом мертвых, но и местом, где должно быть похоронено семя, прежде чем оно сможет прорасти в зеленую траву. Следовательно, тот же самый призрачный мир, в который должны отправиться мертвые, является также источником жизни. Обитающая в нем Лил (или, скорее, Зи) - мать человечества, хотя это также и дом демона, поражающего их болезнями.

Поэтому, когда Бау приняла облик семитской богини, она стала сначала матерью-создательницей, а затем матерью творца. В этом качестве, однако, она вступила в соперничество с другим божеством, которое также находилось в процессе развития из более ранней формы. Это был Зи-Кум или Зи-Гарум, "дух неба", [pg 306] который называется "матерью, породившей небо и землю", и "провидицей духа земли" (Ê-kur), то есть Эн-лиля.²³⁸ Первоначально мореплавателю Вавилонии казалось, что воды Персидского залива спускаются с небесного свода, который покоится на них; потоки, пересекающие землю, питались дождями, и поэтому естественно было предположить, что море, сливающееся с небом, также происходит от него. Глубина была заключена в небесах, и дух глубины, соответственно, должен был быть порожден духом неба.

Но этот дух неба обязательно подчинялся "владыке призрачного мира", и мать Эа из Эриду была в то же время служанкой Эн-лиля.²³⁹ Зи, которому поклонялись в Эриду, был также Лилем в теологии Ниппура, а дом Лилия находился под землей. Таким образом, мы должны объяснить, как получилось, что Зи-Кум, "небо", под другим аспектом также является Зи-

Курой, "землей", и как таковая идентична Дам-кине и Бау.²⁴⁰ То, что она должна была объединиться с Бау, а не с Дам-киной, объясняется тем, что одна стала матерью Эа, а другая - его женой. Но черты старого "духа неба" были вскоре стерты. По мере того как религия Вавилонии все дальше и дальше отходила от анимизма прошлого, существование духа [pg 307] отошло на задний план, и на его место пришел Бау. Зи-Кум, "дух неба", стал символом той первозданной глубины, из которой Эа черпал свою мудрость и воды которой находились как над видимой твердью, так и под ней.²⁴¹ Эа, бог смешанной вавилонской расы, подобрал в себя духов и призраков шумерской веры. У них были отобраны их атрибуты, и они были превращены в богинь, единственной целью которых было завершить род бога-культуры.

Однако старая вера была отомщена, когда Вавилон стал политическим главой Вавилонии. Эа был вытеснен своим сыном, и почести, которые он получил, перешли к младшему богу. Это был его сын, но под новым, чужим именем. Меродах был сыном Эа только потому, что его отождествляли с Ахари, который был сыном Эа в теологии Эриду. Отныне Эа светит лишь отраженным светом. Его мудрость передается Меродаху; ему отказано даже в сотворении человечества. Не Эа, а Меродах побеждает дракона хаоса и вносит в мир закон и порядок, и в равной степени не Эа, а Меродах является творцом всех видимых вещей. Эа не лишен, подобно Бэлу из Ниппура, своего имени и прерогатив, он просто **вытеснен**²⁴².

[pg 308]

На полпути между Ниппуром и Эриду находился город Эрех. Несомненно, он был основан шумерами, как и другие великие города Вавилонии, но, насколько мы можем проследить его историю, он уже был местом семитской власти и религиозного культа. Его богом был Ану, небо. Возможно, Ану был привезен из другого места, так как вавилонская надпись двенадцатого века до нашей эры называет своим городом не Эрех, а Дэр; но если это так, то семитские жители Эреха ничего о нем не знали. Для них Ану был богом-покровителем их города, отцом Истар, чьим жилищем он был. С тех пор как Эрех впервые стал семитским владением, Ану и Истар поклонялись в нем бок о бок. Действительно, из надписи Лугаль-загги, обнаруженной в Ниппуре, следует, что в тот отдаленный период, к которому она относится, Истар еще не был связан с Ану в божественном управлении Эрехом. Лугаль-загги был царем Эреха и, как следствие, "жрецом Ана", но не Истара. Все имеющиеся на данный момент доказательства указывают на то, что божественным покровителем Эреха был Ану, а Истар был привнесен семитами, возможно, из города Дилбат (ныне Диллем).

Бог и его имя были одинаково заимствованы семитами у своего шумерского предшественника. Ана - шумерское слово, означающее "небо", и, несомненно, это был дух неба, которому поклонялось первобытное население страны. Но когда были впервые изобретены иероглифические изображения, из которых впоследствии развилась клинопись, дух уже был на пути к тому, чтобы стать богом. Восьмилучевая звезда, обозначавшая Ана в исторические дни Вавилонии [pg 309], также обозначала бога. Таким образом, он стал типом бога в отличие от духа и свидетельствует об эволюции, которая уже происходила в религии Вавилонии.

Однако то, что существовали духи неба, равно как и духи земли, никогда не забывалось. Наряду с анунна-ки, или "духами земли", в позднейшей теологии сохранялась память об игиги, или духах неба.²⁴³ Как Эн-лиль был главным среди духов земли, так, вероятно, Ана был главным среди духов неба. Но приспособить его имя и личность к новому представлению о боге было не так сложно, как в случае с Эн-лилем. Его старый шумерский

титул не вызывал никаких ассоциаций с анимизмом; не было необходимости менять его, и поэтому он, как и имя Эа, мог сохраниться даже тогда, когда дух неба стал богом неба. Ана с самого начала стоял вне сферы и власти Эн-лиля; он не был призраком подземного мира, которого следовало унизить или переименовать.

Поэтому, если в Эн-лиле из Ниппура, даже в его новой семитской форме Бэла, доминирующим элементом оставался шумерский, а в Эа из Эриду семитские и шумерские элементы были смешаны, то Ана из Эреха был отчетливо [pg 310] семитским богом. Лишь с помощью основной силы Энлиль смог превратиться в подобие семитского Ваала; до последнего он оставался владыкой земли, а не неба, его место обитания было внизу, а не вверху.²⁴⁴ Возможно, именно это облегчило его смещение Меродахом; черты Ваала было легче проследить в вавилонском боге солнца, чем в боге Ниппура. Но бог неба уже был Ваалом. Между ним и семитским Ваал-Шамаином, "владыкой неба", расстояние было незначительным, и не составило труда наделить его атрибутами, которые семиты приписывали своему верховному божеству. Сознание этого факта, возможно, можно обнаружить в той готовности, с которой имя и поклонение Ану были приняты на семитском Западе; когда вавилонская культура добралась до Ханаана, там нашли свой дом прежде всего Ану и наиболее тесно связанные с ним божества - Истар, Анат и Дагон.

Таким образом, Ана, небо, стал Ану, богом семитизированной Вавилонии. Но семитизированная Вавилония не могла представить себе бога без богини, которая стояла к нему в отношении женского пола к мужскому. Из Ану была образована Анат, женский аналог бога. Тот же процесс в Ниппуре привел к появлению Белит или Белтис из мужского рода Бел. Богини были обязаны своим существованием грамматической необходимости, а их бессущностный и бесцветный характер оправдывал их происхождение. Они вполне соответствовали тому отношению, в котором, согласно семитским представлениям, женщина находилась к мужчине. [pg 311] Она была сформирована из него по природе, как женский род из мужского в языке, и само ее существование зависело от ее "господина".

Действительно, даже в Эрехе, центре семитского влияния, была богиня, которая обладала очень ярко выраженным и независимым характером. Это была Истар, о которой мне предстоит рассказать в будущем. Но именно потому, что Истар обладала таким независимым характером, она не могла быть женой бога неба. Семитский Ваал не терпел присутствия независимой богини в божественной семье; жена бога не могла претендовать на собственные права в большей степени, чем жена мужчины. Ану, как Бел и Эа, стоял особняком.

Эрех стал столицей временно объединенной Вавилонии в ранний период ее семитской истории. Еще до времен Саргона Аккадского Лугаль-загги - мы знаем его только по шумерскому имени - стал верховным правителем небольших государств страны и даже пронес свое оружие на далекий Запад. В оставленной нам надписи он хвастается, что его империя простирается "от нижнего моря Тигра и Евфрата до верхнего моря", предположительно Средиземного, поскольку далее он определяет свою власть как простирающуюся "от восхода до заката солнца". Эрех стал столицей царства, и, возможно, именно в это время за ним закрепилось название "город" *pag excellence*, которое он носил и впоследствии. Будущим векам не давали забыть, что когда-то он был главным городом Вавилонии.

Лугаль-Загги называет себя "жрецом Ану", бога города, который он сделал местом своей власти. Ану некоторое время был богом верховного государства в Вавилонии, а значит, и верховным богом всей страны. Царь, правда, пришел с севера, [pg 312] и власть ему передал

Бел из Ниппура; старое святилище Ниппура по-прежнему занимало первое место в религии Северной Вавилонии, и культ его бога сохранял древнюю власть над почитанием народа. Но отныне ему приходилось делить свои божественные почести с другим; Бел из Ниппура, правда, наделял его суверенитетом, но государь был жрецом и наместником Ану. Бел и Ану вместе стояли во главе пантеона Северной Вавилонии, и положение, которое они занимали в нем, становилось все более и более уникальным.

Оно настолько прочно утвердилось до правления Саргона Аккадского, что даже его победы и основанная им империя не смогли дать им коллегу в лице бога новой столицы. Бел и Ану оставались верховными; бог солнца Аккада или Сиппара вынужден был довольствоваться подчиненным положением. Теологическая система, поставившая во главу угла Бэла и Ану, уже сформировалась, и положение, отведенное им почитанием и традициями древности, было слишком прочно закреплено, чтобы его можно было поколебать. Северная Вавилония поклонялась диаде в виде двух верховных богов.

Но сама Вавилония была двойственным государством. Возможно, именно поэтому Лугаль-загги-Ši установил свою столицу в Эрехе в центре страны, посередине между севером и югом. И боги Северной Вавилонии не обязательно были южными. Здесь Эа стоял во главе божественного воинства; для юга его город Эриду был тем же, чем Ниппур для севера, и те же причины, которые сделали Бэла подателем власти для северных князей, сделали Эа хранителем и проводником монархии на юге. Для своих почитателей Бел и Эа стояли на одном уровне; культ каждого из них восходил к далекой древности, а их жрецы пользовались сходным влиянием и властью. Как [pg 313] вавилоняне севера назывались народом Бэла, которого Бэл мог даровать кому хотел, так и смешанные расы юга были творением Эа, которого бог Эриду научил искусству жизни.

Союз севера и юга, следовательно, привел к образованию божественной триады. Эа соединил себя с Бэлом и Ану, и таким образом возникла верховная триада Ану, Бэла и Эа. Процесс формирования облегчался тем, что три бога уже отличались друг от друга по основным признакам. Ану был богом неба; более ранняя история Бэла естественным образом наделила его властью над землей; и хотя, став семитским Баалом, он приобрел атрибуты бога верхней сферы, им было позволено отойти на второй план. С Эа было еще проще: его дом находился в глубине, и его власть, соответственно, ограничивалась водами и морем. То, что когда-то он был богом земли и моря, было упущено из виду, а в поздние века Вавилонии даже стало забываться, что он создал человека из праха земного. Он перестал быть божественным гончаром и превратился в бога вод, который выливает Тигр и Евфрат из ваз в своих руках. Место бога земли и живых существ на ней занял его сын. Ари, превратившись в семитского бога солнца Меродаха, стал наследником мудрости отца и, соответственно, его власти.

Формирование вавилонской триады и дифференциация составляющих ее божественных личностей, должно быть, были делом рук теологической школы. Это искусственная схема, разработанная после объединения северной и южной частей страны. Вселенная разделена между тремя божественными представителями Северной, Центральной и Южной Халдеи, чьи [pg 314] святилища были самыми древними на земле и чей культ передавался с незапамятных времен. Сформированная триада стала образцом, по которому можно было создавать другие. Остальные великие боги последовали поданному им примеру и аналогичным образом были объединены в триады. Как ортодоксальная теологическая система Египта опиралась на эннеаду, так и соответствующая вавилонская система опиралась на триаду. Принцип в каждом случае был один и тот же. Эннеада была лишь краткой триаде и предполагала наличие священного числа. Возможно, мы видим в ней

результат контакта между шумерским образом мышления и семитским представлением о божественной семье. Там, где у бога были жена и сын, божество, естественно, рассматривалось как [троица](#)²⁴⁵.

Под первой и верховной триадой скрывалась вторая триада - Син, Самас и Хадад. Син, бог луны, почитался под многими именами и в разных формах. Но два его главных храма находились в Уре и Харране. Ур, современный Мукайяр, на западном берегу Евфрата, был посвящен его служению с древнейших времен. Руины его храма до сих пор поднимаются из земли огромными [pg 315] курганами. Город стоял за пределами Вавилонской равнины, на семитской территории Аравийской пустыни, и его семитское население, вероятно, было многочисленным. Харран, другая резиденция бога Луны, также находился за пределами Вавилонии и охранял торговую и военную дорогу, ведущую с Востока на Запад. Но название Харран, "дорога", - вавилонское, и, как и его храм и бог, город, несомненно, обязан своим происхождением вавилонским колонистам. Вероятно, они пришли из Ура.

Лунный бог Ура назван сыном Эн-лиля из Ниппура, и поэтому можно предположить, что Ниппур был городом-матерью Ура. Но следует помнить, что если Ур был построен на пустынном плато Аравии, то Ниппур стоял среди болот Вавилонской равнины. Его святилище не могло быть основано до того, как болота были, по крайней мере, частично осушены, а затопляющие их реки зарегулированы дамбами и каналами. Поселение на более высокой и сухой земле естественнее предшествовало поселению на ядовитых болотах под ней, а тот факт, что Ур был соседом Эриду, указывает на его раннее основание и связь со старым морским портом страны. В то же время поклонение богу Луны ассоциируется скорее с семитами Аравии и запада, чем с Эриду, чей бог явил себя человечеству днем, а не в полумраке ночи.²⁴⁶

Однако было правильно и уместно, чтобы бог луны [pg 316] был "первенцем" бога Ниппура. Царство Эн-лиля находилось в подземном мире тьмы, и духи, над которыми он властвовал, выполняли свою работу по ночам. Естественно, что именно от него и от темного мира, который изначально принадлежал ему, исходил бог Луны. Возможно, когда-то Син был одним из духов во владениях Эн-лиля, простым призраком, которого колдун мог очаровать. Но с возведением его в ранг бога его атрибуты и характер стали фиксированными и определенными. В древних гимнах, обращенных к нему, он гораздо больше, чем просто бог луны. Его поклонник в Уре, где он был известен под именем Наннар, обращался к нему не только как к "ладыке луны", но и как к "князю богов", "родоначальнику богов и людей". Именно так мы читаем в старом двуязычном гимне.

"Отец, долготерпеливый и полный прощения, чья рука поддерживает жизнь всего человечества,

Господь, божественность Твоя, подобно далеким небесам, наполняет страхом широкое море...

Первенец, всемогущий, чье сердце безмерно, и нет никого, кто бы различил его...

Господь, установитель законов неба и земли, чье повеление не может быть [нарушено]...

На небесах кто верховный? Только Ты один, Ты верховный!

На земле кто верховный? Ты один, Ты верховный!

Что касается Тебя, то воля Твоя известна на небесах, и ангелы склоняют лица свои.

Воля Твоя на земле, и духи внизу целуют землю.

По воле Твоей, как ветер, проносится воля Твоя ввысь, и ускоряется стойло и складчина.

По воле Твоей совершается воля Твоя на земле, и трава зеленеет".

Такой язык подходит для верховного Ваала, а не для местного лунного бога; и, по сути, именно как верховный Ваал, а не как местный лунный бог, Наннар был обожае[m] [pg 317] в Уре. Его связь с луной была, так сказать, случайностью; главное, что он был богом-хранителем города. Его храм был посвящен ему еще в доисторические времена, а с ростом семитского влияния все атрибуты, связанные с семитским Ваалом, собрались вокруг его персоны. Он оставался, правда, богом луны, но он был и чем-то большим, чем бог луны. Он был главным божеством города, цари которого правили по всей Вавилонии и несли свое оружие на далекий Запад.

Его превращению в верховного Ваала, несомненно, способствовало то важное место, которое занимала луна в ранней вавилонской культуре. Луна была измерителем времени; первый календарь был лунным, и время отмечалось по движениям луны, а не солнца. Именно поэтому бог Луны назывался у шумеров Эн-зу, "владыка знаний"; через него они научились регулировать год и праздники богов. Астрономия культивировалась в Вавилонии с самого начала ее истории, и для народа астрономов луна, естественно, была объектом почитания и уважения. Она была символом закона и порядка, а также светом, освещающим темноту ночи.

Но мы должны заметить, что только в Уре и Харране Син или Наннар был возведен в ранг верховного Ваала. Официальная теология отказывалась включать его в число трех главных богов земли. На самом деле, как показал профессор Хоммель, он был скорее Ваалом семитов Аравии и Запада, чем самих вавилонян, а место, занимаемое его культом в Уре, доказывает, насколько полно этот город лежал за пределами истинной Вавилонии и был населен арабским населением.

Бог солнца был рожден от луны. Лунный год [pg 318] предшествовал солнечному, и для первобытного вавилонянина луна была более важным агентом культуры, чем солнце. Более того, солнце, казалось, восходило из того мира ночи, над которым властвовала луна; день порождался ночью и, соответственно, отсчитывался от вечера до вечера. Только когда мы переходим к более позднему периоду вавилонской истории, мы видим, что старая система сменяется новой, в которой день начинается в полночь; а 1-я глава Бытия с ее "вечером и утром" увековечивает древнюю систему вавилонской астрономии.

Бог солнца был известен под многими именами и, как и бог луны, почитался во многих вавилонских городах. Но как в исторические времена существовало два главных места поклонения богу луны - в Уре на юге и в Харране на севере, - так же было и два главных места поклонения богу солнца, одно в Южной, а другое в Северной Вавилонии. Южным местом поклонения была Ларса, северным - Зимбир или Сиппара на границах Месопотамии. И как бог луны из Ура был старше бога луны из Харрана, так есть основания думать, что бог солнца из Ларсы был старше своего соперника в Сиппаре. Вавилонская культура двигалась с юга на север.

И в Ларсе, и в Сиппаре храм бога солнца назывался К-Баббара, по-семитски Бит-Ури, "дом света". В Сиппаре он был основан или восстановлен Нарам-Сином, сыном Саргона Аккадского, в первые дни семитского господства. Шумерский Уту уже стал семитским Самасом и облекся в атрибуты семитского Бэла. При этом он обязательно взял себе жену.

Это была $\hat{A}$, которая, став супругой семитского Ваала, была вынуждена сменить пол. Ибо шумерский $\hat{A}$ был богом мужского пола, местным богом солнца, которого профессор [pg 319] Джастроу предполагает, что первоначально он мог быть богом солнца одной из отдельных деревень, из слияния которых возник город Сиппара.²⁴⁷ Шумерская грамматика, однако, не признавала пола; что касается внешней формы, то одно и то же слово, как и в английском, могло быть безразлично мужского или женского рода, и поэтому в самом имени $\hat{A}$ не было ничего, что запрещало бы иностранцу обращаться с ним по своему усмотрению. Самасу из Сиппара нужна была жена, и $\hat{A}$, несмотря на ее мужское происхождение, была отдана ему. Но этот дар оказался роковым для самой $\hat{A}$. Она потеряла свою индивидуальность и стала просто двойником своего мужа. Самас поглотил ее атрибуты и поклонение, и постепенно она исчезла из виду или сохранилась только в трудах теологических антикваров или в литературе [прошлого](#)²⁴⁸.

У Хадада, третьего во второй триаде вавилонской государственной религии, не было города, который он мог бы назвать своим собственным. Он развился из шумерских духов бури, которые проявляли себя в бушующем ветре или буре дождя. Не один стихийный дух или демон отправился на его создание, и поэтому не существует единого святилища, в котором его культ передавался бы издревле. Где бы ни бушевала буря или ни спускался потоп, Хадада можно было найти, как и духов, от которых он произошел.

Под влиянием семитских идей он постепенно стал богом воздуха. Его прежний характер, правда, никогда не покидал его; до последнего он оставался божественной силой, которая не только давала оплодотворяющий дождь [pg 320] грома, но и несла в руке вилообразную молнию. Хотя он и был богом воздуха, он продолжал оставаться и богом бури.

Бог бури, естественно, был богом гор. Когда армии Вавилонии впервые пробились на запад, они оказались в стране гор, где буря обрушивалась на них внезапно, а потоки, разбухшие от дождя, стекали в море. Таким образом, здесь, в стране амореев, вавилонянин, похоже, обнаружил истинную родину бога, которому он поклонялся. Хадад был скорее аморитянином, чем вавилонянином, и, соответственно, титул, под которым к нему чаще всего обращались в ранние времена, был "аморейский бог".

Это название шумерского происхождения, и, следовательно, оно было дано в то время, когда шумерский язык еще был доминирующим. В связи с этим возникает вопрос, не является ли имя, под которым бог был впоследствии известен в семитской Вавилонии, скорее аморейским, чем вавилонским. И многое говорит в пользу этой точки зрения. Хадад, или Риммон, как его еще называли, был в особом смысле богом Сирии. Его поклонение было распространено по всему сирийскому побережью, и мы видим, что он занимал там место верховного Ваала. В Сирии его почитали не как бога бурь, а как самого бога солнца, и само его имя стало там синонимом божества. То, что семитизированный шумер из Вавилонии должен был отождествить верховного бога страны гор и бурь со своим собственным богом бурь, мы можем понять; то, что сириец должен был перенести имя вавилонского бога бурь на своего собственного главного Ваала, объяснить трудно. Однако, как бы то ни было, личность Хадада является специфически семитской. [pg 321] Черты, которые он унаследовал от своих шумерских предков, были затемнены или отброшены, и он стал во всех отношениях семитским богом. Поэтому нас не должно удивлять, что он был особенно любим в Ассирии. Ассур-назир-пал называет его "могущественнейшим из богов", а ассирийские войска в своем наступлении уподобляются [ему](#)²⁴⁹.

Доктрина триады не ограничивалась только самыми выдающимися богами. Она распространялась и на других, занимавших более низкое положение в божественной

иерархии или в общественном культе. Так, Самас помогает сформировать подчиненную триаду Самаса, Малика и Бунэнка, в которой местные боги солнца, Малик и Бунэнк, отличаются от Самаса из Сиппары, а Бунэнк превращается в женское божество, супругу Малика. Но во всех случаях принцип один и тот же. Семитская концепция божественной семьи - муж, жена и сын - сочетается с более древними идеями бесполого шумерского языка, который ставил богиню на один уровень с богом, и в результате получается триада, в которой шумерский элемент настолько преобладает, что исключает мать и сына и оставляет трех богов равной силы и ранга.²⁵⁰

[pg 322]

Вавилонская триада, таким образом, ни в коем случае не является троичей. Божественные личности, составляющие ее, равноправны и независимы одна от другой, сфера деятельности каждой из них ограничена сферой деятельности другой. Но они делят между собой всю вселенную, или, во всяком случае, ту ее часть, на которую распространяются их атрибуты и власть. Они - партнеры с тщательно определенными полномочиями, объединенные в группы по три человека. Ни один из них не является верховным Ваалом, доминирующим над двумя другими. Более того, они вообще не являются баалимами в строгом смысле этого слова. Ведь семитские баалимы не допускали такого объединения; каждый из них был верховным богом в своей местности, где его власть не разделялась и не ограничивалась другим богом. Триада, подобная триаде Ану, Бэла и Эа, не могла существовать там, где каждый местный Баал претендовал на все атрибуты, которые были разделены между тремя вавилонскими божествами, и ее существование в Вавилонии является одним из многих доказательств того, что, хотя вавилонская религия в ее поздней форме была вылеплена семитскими руками, элементы, составляющие ее, в значительной степени пришли из более древней веры.

[pg 323]

Лекция IV. Бог Солнца и Истар.

Навуходоносор обращается к своему богу во всей полноте его славы и могущества:
"Меродаху, господину моему

"Меродаху, владыке моему, я молился; я начал ему прошение мое; слово сердца моего стремилось к нему, и я сказал: "О князь, который от века, владыка всего существующего, о царь, которого ты любишь, которого ты называешь по имени, как тебе угодно, ты правильно направляешь имя его, ты следишь за ним на пути праведности! Я, князь, повинующийся тебе, - дело рук твоих; ты создал меня и вверил мне власть над множеством людей, по благодати твоей, владыка, которую ты сделал так, что она проходит над всеми ними. Позволь мне любить твою верховную светлость, пусть страх перед твоей божественностью живет в моем сердце, и дай то, что кажется тебе хорошим, поскольку ты поддерживаешь мою жизнь". Тогда он, первенец, славный, предводитель богов, Меродах-князь, услышал мою молитву и принял мое прошение "²⁵¹.

"Меродаху, господину моему, я молился, воздев руку мою: "О Меродах, господин мой, мудрейший из богов, могущественный князь, ты создал меня и вверил мне власть над

множеством людей; как свою собственную жизнь я люблю высоту двора твоего; среди всего человечества не построил я города на земле прекраснее города твоего, Вавилона. Так как я возлюбил [pg 324] страх перед божеством твоим и стремился к владычеству твоему, прими воздевание рук моих, внимай прошению моему, ибо я царь - украститель (святыни), радующий сердце твое, наставляющий правитель, украститель всех крепостей твоих".²⁵²

Бог, перед которым великий вавилонский завоеватель смиряется в страстной преданности, был божественным хранителем и повелителем его столицы. Еще с тех времен, когда Вавилон был лишь одним из многочисленных поселений Вавилонии, Меродах был ее богом-покровителем. Именно ему было посвящено святилище К-Саггил, и от него и его жречества вавилонские цари получали право на правление. Меродах обеспечил им верховенство сначала в Вавилонии, а затем и во всей Западной Азии, и то превосходство, которое он даровал им, отразилось на нем самом. Бог следил за судьбой своего города, потому что через него его город поднялся к власти; и он стал Бэллом, "владыкой", не только для жителей Вавилона, но и для всего цивилизованного мира. Как и Амон из Фив, вавилонский Бел-Меродах вытеснил старых богов страны, потому что город, в котором ему поклонялись, вытеснил прежние очаги вавилонской власти.

Как и Амон Фиванский, Меродах Вавилонский был во многом обязан своим солнечным характером. Хотя он и был младшим из богов, он все же был формой бога [солнца](#)²⁵³ и как таковой являлся представителем и олицетворением [pg 325] верховного Ваала. Как бы ни были заслонены его солнечные черты другими атрибутами в последующие времена, они никогда не были полностью скрыты, и о его солнечном происхождении помнили до последнего. Никогда не забывалось, что до того, как он стал верховным Белом или "владыкой" вавилонской теологии, он был всего лишь местным богом солнца, как Уту из Ларсы или Самас из Сиппара.

Мы даже можем проследить его культ до шумерских времен. Каламбурная этимология, предложенная для его имени в эпоху, когда истинное происхождение его было утеряно, превратила его в амар-утуки или "телицу гоблина"; и тот факт, что бог солнца, как известно, когда-то был утуком или "гоблином", казалось, подтверждал это. Но когда мы впервые получаем представление о его поклонении, он уже перестает принадлежать к ночным гоблинам. Он был отождествлен с Асари, сыном Эа из Эриду, и стал посланником и толкователем бога-культуры.

На языке шумеров Асари означал "сильный" или "князь".²⁵⁴ Его имя выражалось двумя идеограммами, обозначавшими "место" и "глаз", и имело точно такое же значение и форму, как и те две, что выражали имя египетского Осириса.²⁵⁵ Поэтому представляется вероятным, что между шумерским Асари и египетским Осирисом существовала связь. И, на мой взгляд, эта вероятность возрастает до практической уверенности благодаря тому факту, что характер и атрибуты Асари и Осириса были одинаковыми. Осирис был Ун-Нефером, "добрым существом", чья жизнь была потрачена на благо и цивилизацию человечества; Асари также был "доброй телкой" [pg 326] (amar-dugga), и его общим титулом был "принц, который делает добро людям" (Ašari-galu-dugga). Именно он передавал людям учение Эа, исцелял их болезни с помощью заклинаний своего отца и "воскрешал мертвых". Асари и Осирис не только похожи по имени и изображению, они играют одну и ту же роль в истории религии и культуры.

Но между ними было одно важное различие. Осирис был мертвым богом, чье царство находилось в потустороннем мире; Асари приносил помощь живым, которых он избавлял от болезней и избавлял от смерти. Однако даже в Египте помнили, что Осирис был богом

живых, прежде чем стать богом мертвых. Предание рассказывало, как он обучал людей искусству жизни и сделал для первобытного Египта то, что Эа и Асари сделали для Халдеи. Разница между ним и Асари - это разница, которая проходит через всю египетскую и вавилонскую теологию. Египтянин исторического периода устремлял свой взор в будущую жизнь, и бог, которому он поклонялся, соответственно, был богом, который судил и спасал его в потустороннем мире; религия вавилонянина ограничивалась этим миром, и только в этом мире он был судим богом-солнцем и получал свой приговор о награде или наказании. Мумифицированный бог-солнце не существовал для вавилонян, поскольку практика мумификации была им неизвестна.

Возможно, что Ašari, "принц, который делает добро людям", был первоначально титулом Эа. Если это так, то титул и бог были отделены друг от друга в раннюю эпоху, и титул сам стал богом, который принадлежал Эа как его отец. В этих отношениях между Эа и его сыном прослеживается семитское - или, во всяком случае, иноземное - влияние. Призраки и духи первобытных шумерских верований не были связаны между собой никакими семейными узами; [pg 327] демоны ночи имели мало общего с людьми, которых они пугали и мучили. Асари когда-то был задуман как баран, Эа - как антилопа; между бараном и антилопой не могло быть никакой генетической связи. Они могли быть соединены вместе, как составные существа, дошедшие до вавилонян из древних шумерских времен, но рождение одного из них от другого невозможно. Рождение характеризует нынешнее творение, в котором подобное проистекает из подобного; только во времена хаоса непохожие формы могли смешиваться в беспорядочной путанице.

То, что Асари был богом солнца, следует из его отождествления с Меродахом. Только здесь и только здесь могло быть звено, связывающее два божества воедино.²⁵⁶ Но, перейдя в Меродаха, он потерял свою индивидуальность. Отныне сын Эа и вавилонский бог - одно и то же.

Постепенно он занял свое высокое положение в вавилонском пантеоне. Эа и Асари были богами юга, Вавилон же находился в северной половине страны. Поэтому должна была существовать какая-то особая причина для тесной связи, возникшей между ними. Я не знаю никакой другой причины, кроме той, которую я привел много лет назад, - что Вавилон был колонией из Эриду. В этом случае мы могли бы понять, почему местное божество должно было быть сыном Эа, и как, соответственно, стало возможным отождествлять его с тем конкретным сыном бога Эриду, чьи атрибуты напоминали его собственные.

В настоящее время трудно проследить историю Меродаха за пределами эпохи династии Хаммурапи. [pg 328] Именно тогда Вавилон стал имперским городом, и власть его бога росла вместе с властью его правителей. Династия была семитской, хотя и иноземного происхождения; из имен первых двух царей мы можем понять, что богом предков семьи был Šamu²⁵⁷ или Шем. Но с овладением Вавилоном нравы и религия Вавилонии были переняты; четвертый царь династии носит вавилонское имя²⁵⁸, а его внук приписывает свои победы вавилонскому богу.

Меродах наделяется Хаммурапи всеми атрибутами верховного семитского Ваала. Его солнечный характер отходит на второй план; он становится повелителем богов и людей, который освобождает слабых и наказывает гордецов. Должность судьи, которая принадлежала ему как богу солнца, усиливается; мудрость, которую он получил от Эа, становится частью его изначальной природы; его качество милосердия подчеркивается снова и снова. Как и семитский Ваал, он - отец своего народа, могущественный царь, правящий миром и занимающий главное место в совете богов. Уже сын Хаммурапи заявляет,

что старший Бел из Ниппура передал Меродаху власть над цивилизованным миром; власть Ниппура и его жречества перешла к Вавилону, а его бог должен был освободить место для более молодого соперника. Пока Вавилон оставался столицей царства, бел или "владыка" Вавилонии был Меродахом. Бог следовал за судьбой своего государства.

Святость, которая столько веков царила вокруг храма в Ниппуре, теперь перешла в К-Саггил, храм Меродаха. Жрецы Меродаха унаследовали права и функции жрецов Эн-лиля. Отныне только Меродах и его жрецы могли [pg 329] ставить и снимать царей; только принц, который "взял руку Бела" из Вавилона и тем самым был усыновлен как его сын, мог претендовать на законное правление. Потомки завоевателей, которые принесли вавилонскую культуру на земли Запада, получили свой титул на владычество не от Ниппура, а от Вавилона, и было забыто, что этот титул когда-либо имел другой источник. Владычество над миром действительно перешло к новому богу и новому городу; Зевс вытеснил своего отца Кроноса.

В своеобразном пеане в честь Меродаха, который, как предполагается, является частью "Эпоса творения", описывается, как вавилонский бог получил имена, а вместе с ними атрибуты и силы более древних божеств. В великом собрании богов его приветствовали как их Зи или "Жизнь" [259](#), затем как Эа под именем "бог божественной жизни", затем как Хадад или бог "доброго ветра" [260](#) и, наконец, как Син с "божественной короной", под именем которого он стал "милосердным, возвращающим мертвых к жизни". Церемония не завершалась, пока он не получал все "пятьдесят имен великих богов", чьи добродетели и сущность, таким образом, как бы переходили в него самого. Он не только стал их наследником, но и вобрал в себя всю их сущность, став единым целым со своим отцом, который сказал: "Он стал таким же, как я, ибо Эа - (теперь) его имя".

В этих словах мы очень близко подходим к [pg 330] египетской доктрине, которая превращала одного бога в другого и видела в них лишь множество форм одного и того же божества. Но стадия пантеизма так и не была достигнута в Вавилонии. Семитский элемент в вавилонской религии был слишком силен, чтобы допустить его; атрибуты и характер каждого божества были слишком четко очерчены и определены, а семитский ум был неспособен превратить человеческие фигуры богов в туманные абстракции. Бог был слишком похож на человека, двигался в слишком четко очерченной сфере, чтобы его можно было превратить в простую форму или проявление. Меродах мог получить от других богов их атрибуты и силу для их реализации, но это было делегирование, а не поглощение. Другие боги по-прежнему сохраняли принадлежащие им атрибуты и право использовать их по своему усмотрению. Меродах был их наместником и преемником, а не ими самими под другой формой.

Поэтому человеческое начало в вавилонском боге преобладало над абстрактным и божественным. Его солнечные атрибуты отошли на второй план, и он все больше и больше становился представителем человеческого царя, который справедливо правит своим народом, и чьим приказам все обязаны подчиняться. По сути, он стал семитским Ваалом, выполненным в человеческом облике и, следовательно, воспринимаемым как преувеличенный или сверхчеловек. Другие боги - его подданные, а не формы, под которыми он может проявить себя; они сохраняют свою индивидуальность и составляют его двор. В религии семитской Вавилонии нет ни туманности, ни пантеизма; бесформенное божество и поклонение животным в Египте также неизвестны ей. Как человек, так и бог, ибо один создан по подобию другого.

Тем не менее солнечное происхождение Меродаха наложило свой отпечаток на теологию государства. Оно имело большое отношение к тому процессу отождествления одного бога с другим, [pg 331] который, как мы видели, имел тенденцию приближать доктрины Вавилонии к

египетским. Хотя отдельные боги выделялись и отделялись друг от друга, как отдельные люди, все же можно было проникнуть за индивидуальные черты и найти в некоторых из них общий элемент, в котором терялись их индивидуальные особенности. Имя, по мнению вавилонян, было сущностью человека или вещи, к которой оно прилагалось; то, что не имело имени, не существовало, и его существование начиналось только тогда, когда оно получало свое имя. Безымянный бог не мог существовать так же, как безымянный человек, и знание его имени приносило с собой знание его реальной природы и сил. Но имя можно было передавать; его можно было взять у одного объекта и дать другому, и при этом основные характеристики, принадлежавшие первому, становились достоянием другого.

Когда имя менялось, вместе с ним менялся и человек или вещь. Поэтому дать Меродаху другое имя было равносильно изменению его основных характеристик и наделению его природой и свойствами другого бога. Солнечный характер, который принадлежал ему изначально, дал первый импульс к этому переносу и смене имени. В Вавилонии существовали и другие солнечные божества, обладавшие собственной индивидуальностью, поскольку каждый из них назывался отдельным именем. Но солнце, которое они олицетворяли и представляли, везде было одним и тем же, и атрибуты солнечного божества мало чем отличались в различных государствах семитской Вавилонии. Поэтому было легко присвоить одному из них имя другого, и это присвоение влекло за собой изменение личности. Вместе с именем уходила личность бога, которому оно первоначально принадлежало и который теперь как бы утрачивал свое индивидуальное существование. Оно переходило в личность [pg 332] другого божества; два бога отождествлялись вместе; но это происходило не путем поглощения одного из них другим, а путем потери индивидуального существования одного из них. Это было не объединение двух независимых существ в общую форму, а скорее замена одной личности на другую.

Этому процессу ассимиляции способствовало вавилонское представление о богине. На фоне бога богиня была не более чем бесцветной абстракцией, обязанной своим происхождением необходимости грамматики. Индивидуальный элемент отсутствовал; все, что придавало богине форму и содержание, - это конкретное имя, которое она носила. Без имени она не существовала, а само имя было лишь эпитетом, который по желанию поклоняющегося мог быть заменен другим эпитетом. Таким образом, богини Вавилонии были подобны цветам калейдоскопа, постоянно меняющимся и переходящим одна в другую. Пока существовало имя, за ним, конечно, сохранялась индивидуальность, но с изменением имени менялась и индивидуальность. В случае богини индивидуальность в большей степени зависела от имени, чем в случае бога; ведь богиня не обладала ничем, кроме имени, которое она могла назвать своим собственным, в то время как бог мыслился как человеческий повелитель и хозяин с определенными силами и атрибутами. Правда, была одна богиня, Истар, которая в этом отношении походила на бога; но именно богиня Истар сохраняла свою независимую личность с таким же упорством, как и боги.

Когда различные боги солнца Вавилонии были ассимилированы, или отождествлены, один с другим, было нетрудно продолжить этот процесс. По мере того как город Меродах возрастал в могуществе, господствуя над другими государствами страны и давая их жителям [pg 333] свое собственное имя, сам Меродах первенствовал над более древними богами Вавилонии и претендовал на власть и атрибуты, принадлежавшие им. Их имена, а вместе с ними и их силы, перешли к нему; верховенство Эн-лиля, мудрость Эа, слава Ану стали принадлежать ему. Скрижали судьбы", наделавшие их обладателя властью над видимым миром, были отобраны у старшего Бэла и переданы его младшему сопернику; мудрость, толкователем которой когда-то был Меродах, теперь стала его собственной, и, подобно Ану, его власть

распространялась на самые дальние области неба. Но, заняв место великих богов земли и неба, Меродах в то же время стал наследником и обладателем их имен. Если скрижали судьбы перешли в его владение, то только потому, что он принял вместе с ними имя Бел; если Эа и Ану уступили ему свои древние prerogatives, то только потому, что он сам превратился в Эа и Ану новой официальной теологии. Вавилонский гимн в честь Меродаха, в котором говорится о том, что ему были дарованы пятьдесят имен великих богов, лишь в другой форме выражает убеждение, что он вошел в наследие старших богов.

С течением времени, когда Вавилон оставался главным городом царства, положение его бога становилось одновременно и более возвышенным, и более надежным. Солнечные черты в его характере исчезли; он не только передал империю мира своему приемному сыну и наместнику, вавилонскому царю, но и стал божественным аналогом и представителем небесного царя. Бог создал человека по своему образу и подобию, и теперь он был преобразован в подобие людей. Две идеи, следовательно, боролись за господство в вавилонской религии - антропоморфное [pg 334] представление о божестве и вера в его отождествление с другими богами; в результате произошло их слияние. Меродах был божественным человеком, освобожденным от ограничений нашего смертного существования и потому способным не только властвовать над другими богами, но и, подобно магу, делать их сущности своими собственными. Другие боги, конечно, продолжали существовать, но уже как его подданные, которые уступили ему свои силы и которыми, соответственно, он мог распоряжаться по своему усмотрению. Изначально он был первым среди равных себе, но в итоге - по крайней мере, по мнению уроженцев Вавилона - стал верховным над ними и вобрал в себя все атрибуты и prerogatives божества.

Однако лишь в последние дни вавилонской независимости была предпринята попытка придать этому факту внешнее и видимое выражение. Набонид, последний царь Вавилона и выдвигенец его жречества, забрал изображения богов из их древних святилищ и перенес их в Вавилон. Там, в храме Меродаха, они составляли как бы его двор, склоняясь перед ним в благоговении, когда в праздник Нового года он объявлял о судьбах будущего. Это была попытка централизовать религию страны и дать публичное доказательство верховенства вавилонского бога. Как и параллельная попытка Езекии в Иудее, попытка Набонида, естественно, вызвала враждебность местных священников; и когда Кир вторгся в страну, в ней уже была партия, готовая приветствовать его как освободителя и утверждать, что сам Меродах был разгневан святотатственным царем. Попытка, правда, запоздала, и Набонид был слишком суеверен и полон уважения к древним святилищам и богам Вавилонии, чтобы осуществить ее лишь наполовину. Но оно указывало на тенденцию религиозной мысли и направление, в [pg 335] котором официальное поклонение Меродаху неудержимо влекло своих приверженцев. Меродах, как и его город, был верховным, а более древние боги, несомненно, уходили в прошлое.

Однако эта тенденция была сдержана длительной непрерывностью вавилонской истории. Вавилонские записи уходят далеко в прошлое после того, как Вавилон стал столицей царства. Помнили, что существовали и другие центры власти в те времена, когда Вавилон был всего лишь безвестной деревушкой. Никогда не забывали, что бог Ниппура когда-то создавал и уничтожал царей, что Аккад был резиденцией империи или что Ур предшествовал Вавилону в качестве столицы правящей династии. Вавилонская история началась не с прихода Вавилона к власти, как бы ни хотели этого вавилонские жрецы; а хронологические схемы, в которых уроженец Вавилона объявлялся первым правителем человечества или в Вавилоне велись первые астрономические наблюдения, были всего лишь выдумками, которые легко опровергнуть при небольшом знакомстве с историей.

Древние города гордились своими традициями и храмами и не были склонны отказываться от них в пользу парвеню Меродаха; их религиозные корпорации все еще были богаты, а их святилища все еще вызывали благоговение у народа. Полностью вытеснить и стереть их было невозможно, пока писалась история и помнилось прошлое. Бог солнца из Сиппара, бог луны из Ура или Харрана, даже Эн-лиль из Ниппура - все они оставались соперниками Меродаха вплоть до последних дней существования Вавилона. Сам Набонид был вынужден подчиниться господствующим настроениям; он уделял храму бога луны в Харране и храму бога солнца в Сиппаре почти столько же внимания, сколько храму Меродаха в Вавилоне, хотя, правда, он рассказывает, что именно Меродах велел ему восстановить святилище [pg 336] Сина, а бог солнца в Сиппаре мог считаться самим Меродахом под другим [именем](#)²⁶¹.

Таким образом, именно история препятствовала возникновению в Вавилонии чего-то похожего на монотеизм. Невозможно было порвать с прошлым, а прошлое было связано с политеизмом и существованием великих городов, каждый из которых имел своего бога и святилище, а также второстепенных божеств, вращавшихся вокруг них. В то же время существовала тенденция к монотеизму; и если бы вавилоняне могли вычеркнуть прошлое, все могло бы закончиться поклонением одному богу. Как бы то ни было, язык поздних надписей иногда очень близок к языку монотеистов. Когда Навуходоносор молится Меродаху, его слова часто могли быть словами иудея; и даже в более ранние времена бог Луны называется своим поклонником "верховным" на земле и небе, всемогущим и создателем всего сущего; а в одной старой религиозной поэме говорится о "боге", который наделяет людей владичеством. Как давно заметил сэр Г. Роулинсон, Ану, чье письменное имя стало синонимом слова "бог", в теологическом списке отождествляется с различными космическими божествами, как мужскими, так и [женскими](#)²⁶²; а доктор Пинчес опубликовал табличку, в которой главные божества вавилонского пантеона преобразованы в формы [Меродаха](#)²⁶³. Энлиль становится "Меродахом суверенитета", Небо - "Меродахом земных владений", Нергал - "Меродахом войны". Это всего лишь еще один способ выразить то отождествление [pg 337] бога Вавилона с другими божествами вавилонской веры, которое, как мы видели, поставило его во главе божественной иерархии и, лишив их атрибутов и сил, привело к тому, что они превратились в простых ангелов-прислужников верховного бога.

Была еще одна причина, которая не позволила религии Вавилонии принять монотеистическую форму. Как мы уже видели, большинство вавилонских богинь следовали обычному семитскому типу и были лишь отражениями мужского божества. Но была одна богиня, которая сохранила свою независимость и претендовала на равное положение с богами. Против ее власти и прерогатив тщетно боролось влияние семитской теологии. Шумерский элемент продолжал существовать в смешанном вавилонском народе, и, подобно женщине, занимавшей в нем положение, в котором ей было отказано там, где господствовал только семит, богиня Истар оставалась равной богам. Даже ее имя никогда не принимало женского окончания, обозначающего семитскую богиню; хотя она и стала семитской, по сути своей она оставалась шумерским божеством.

Много лет назад в своих "Лекциях Хибберта" я впервые обратил внимание на тот факт, что Истар принадлежала к несемитской части вавилонского населения и как по имени, так и по атрибутам была чужда семитскому образу мышления. Лучшее доказательство этому можно найти в тех преобразованиях, которые она претерпела, когда ее поклонение было перенесено вавилонской культурой на более чисто семитские народы Запада. В Аравии и Моаве она стала мужским божеством; идеи и функции, связанные с ней, были несовместимы в семитском сознании с представлением о женском божестве. Даже в самой Вавилонии

были те, кто верил в мужскую Истар;²⁶⁴ а официальная теология [pg 338] сама говорила об андрогинном божестве, об Истар, которая была одновременно богиней и богом.²⁶⁵ В Ханаане, где ее женская природа была принята, она была превращена в семитскую богиню; женский суффикс был присоединен к ее имени, а ее атрибуты были ассимилированы с атрибутами местной богини Ашеры. В Ассирии мы также можем наблюдать тот же процесс. Имя Истар с женским окончанием в семитской грамматике становится просто синонимом слова "богиня", и, как и в Ханаане, Истар, или, скорее, Ашторет, означает всего лишь богинь народного культа, женских аналогов Ваалима или "Ваалов". Только государственная религия, уходящая корнями в Вавилонию, не позволила Истар из Ниневии или Истар из Арбелы стать ханаанейской Ашторет.

Именно такая судьба постигла некоторых старых шумерских божеств. Например, в Сиппаре семитских времен женой бога солнца была богиня $\hat{A}$. Но $\hat{A}$ когда-то сам был богом солнца, и существуют тексты, в которых он по-прежнему считается богом. Шумерская грамматика была бесполой; в ней не было различий между мужским и женским родом, и, следовательно, божественные имена шумерского пантеона могли быть классифицированы семитом по своему усмотрению. Достаточно было применить к одному из них женский эпитет, и оно тут же становилось именем богини. В Сиппаре уже был свой бог солнца Самас: для другого места не оставалось, и $\hat{A}$, соответственно, стала его женой. Но, став его женой, она потеряла свою индивидуальность; ее атрибуты и силы были поглощены Самасом, и в более поздней семитской [pg 339] теологии она служит лишь для завершения божественной семьи или триады.

Истар удалось избежать подобного вытеснения или деградации. Ее поклонение было слишком глубоко укоренено в Вавилонии и слишком тесно связано с религиозными традициями прошлого. Те же исторические причины, которые не позволили монотеизму развиваться из вавилонского политеизма, не позволили Истар выродиться в Ашторет. Временами она была опасно близка к такой судьбе: в покаянных псалмах мы находим зачатки этого; а когда во главе царства стал Вавилон, верховенство Меродаха угрожало независимости и авторитету Истар даже больше, чем другим "великим богам". Но культ Истар был установлен и утвержден задолго до того, как Меродах стал более чем мелким провинциальным богом; она была богиней и покровительницей Эреха, а Эрах когда-то был столицей Вавилонской империи. Необходимо было забыть об этом факте, чтобы свергнуть Истар с той позиции, которую она занимала в религии Вавилонии, официальной или народной.

Все попытки найти семитскую этимологию имени Истар оказались безуспешными. Мы должны довольствоваться тем, что оставили его без объяснения, и признать иностранный характер как имени, так и богини, которую оно представляло. В Вавилонии это имя никогда не было семитизировано; характер богини, с другой стороны, был адаптирован, хотя и несовершенно, к семитским моделям мышления. Она приняла на себя атрибуты Ваала и управляла как войной, так и любовью. Одним из результатов смешения семитских и шумерских идей стала трудность вписывания ее в семейную систему семитской теологии. У нее не могло быть жены, поскольку она была богиней; столь же трудно было приписать ей [pg 340] тень и аналог, что противоречило всем представлениям семитского ума. Поэтому обычно, если не официально, ее представляли девственницей или, во всяком случае, богиней, которая могла предаваться любовным утехам, пока они не приводили к регулярному браку. Даже Таммуз был скорее женихом, чем мужем ее юности, и он тоже был изгнан во тьму подземного мира задолго до того, как Истар сама вмешалась в дела мужчин. Ее описывают

как женский принцип, соответствующий мужскому принципу в мире: но это описание неверно; скорее, она была мужским принципом в женском обличье.

Изначально Истар была духом вечерней звезды. Однако в те времена, когда астрономия была еще в зачаточном состоянии, считалось, что вечерняя и утренняя звезды - это одно и то же. И только впоследствии была предпринята попытка провести различие между вечерней и утренней звездами. Изначально они были одним и тем же, предвестником одновременно ночи и дня. Именно поэтому Истар ассоциировалась с Анной, небом. Небо было ее отцом, так как она рождалась из него на закате и рассвете; и если в других традициях или мифах она была дочерью бога Луны, то в Эрехе, центре и источнике ее культа, они не принимались.

В силу своего происхождения она составляла триаду с Самасом и Сином. Солнце, луна и вечерняя звезда как бы делили между собой небо и вершили его судьбы. Они были светилами, которые регулировали времена года и определяли упорядоченный ход нынешнего творения. Истар представляет собой "звезды" из Бытия, которые были созданы вместе с солнцем и луной. Но в вавилонской системе триада Истар, Син и Самас не была сотворена, они были божествами, которые [pg 341] родились. Перед ними стояла более древняя и высокая триада Ану, Эн и Эа - небо, земля и вода, три элемента, из которых была образована вся вселенная.

Как дух вечерней звезды со временем стал богиней любви, понять несложно. Даже современные поэты воспевают вечер как время влюбленных, когда работа и дела дня закончены, а слова любви можно прошептать под бледным светом вечерней звезды. Но только этим нельзя объяснить развратное поклонение, которое совершалось в Эрехе во имя Истар. Оно было по сути семитским по своему характеру и иллюстрировало ту интенсивность веры, которая заставляла семитов жертвовать все, чем они владели, божеству, которое они обожали. Проституция, которая практиковалась во имя Истар, имела то же происхождение, что и жертвоприношение первенцев или оргии, которые устраивались в храмах бога Солнца.

В Эрехе Истар служили организованные группы незамужних девиц, которые занимались проституцией в честь богини. Проституция была строго религиозной, как и церемониальный каннибализм, ранее распространенный среди жителей островов Южного моря. За свою жизнь "подручные Истар" были независимы и свободны от контроля мужчин. Они образовали религиозную общину, отличительной чертой которой была возможность потакать женским страстям без тех ограничений, которые в семитском населении могли бы возникнуть в противном случае. Служанка Истар" подчинялась только богине, которой служила. Ее свобода зависела от ее жречества, но в обмен на эту свободу она должна была отказаться от всех удовольствий семейной жизни. Это была самоотдача, которая ставила жрицу вне ограничений семейного кодекса, и все же ради [pg 342] принципа, который делал этот семейный кодекс возможным. Ваал, владыка семитской семьи, требовал первенца как своего права, а Истар или Ашторет аналогичным образом требовала служения своих дочерей.

Так было и в Ханаане, и в Эрехе. Мигрировали ли эти обряды и верования, на которых они основывались, из Вавилонии на Запад вместе с вавилонской культурой, или же они были общим семитским наследием, которое Эрех и Финикия разделяли в равной степени? На этот вопрос трудно дать точный ответ. С одной стороны, мы знаем, что ханаанская Ашторет была вавилонского происхождения и что в далекие времена на богословие ханаанея оказала глубокое влияние теология Вавилонии; с другой стороны, обряды, с помощью которых поклонялись Истар, были ограничены в Вавилонии Эрехом; только там ее "подручные" и евнухи-жрецы были организованы в общины, и во имя нее совершались невыразимые

мерзости. Истар, которую обожали в других местах, была целомудренной и бесстрастной богиней, матерью своего народа, которого она родила, или его суровым вождем на войне. Не кажется вероятным, что культ, который не смог распространиться в Вавилонии или Ассирии, тем не менее пустил глубокие корни в Финикии, если бы там уже не было почвы, подготовленной для его принятия. Эрех был, по сути, семитским городом; его верховный бог Ану имел все черты семитского Ваала, "владыки небес"; а его богиня Истар, хотя и шумерская по происхождению, как и сам Ану, оделась в семитский наряд.

Кроме того, у поклонения Истар была еще одна сторона, которая косвенно свидетельствует о семитском происхождении ее культа в Эрехе. Рядом с Истар официальной веры была другая Истар, которая управляла магией и колдовством. Ее жрицами были [pg 343] ведьмы, которые занимались своим нечестивым призванием под сенью ночи и смешивали ядовитые фильтры, истощавшие силы их незадачливых жертв. Черная Истар, как мы можем ее назвать, была пародией на богиню любви; и обряды, которыми ее обожали, и служители, которым она служила, были в равной степени пародией на культ, который совершался в Эрехе. Но черная Истар была не только пародией на богиню государственной религии, она также была Истар народного вероучения, вероучения той части населения, которая, по сути, была наименее смешана с семитскими элементами и наименее подвержена влиянию семитских верований. Именно среди этой части народа старый шумерский анимизм сохранялся дольше всего и сопротивлялся более чистому учению образованного класса. Семитские представления, лежавшие в основе поклонения Истарту в Эрехе, так и не были усвоены им до конца; все, что он мог сделать, - это создать пародию и карикатуру на официальный культ, приспособив его к тем более древним верованиям и идеям, которые плохо прижились в храме Энлиля. Черный Истар был шумерским призраком, переодетым в семитскую одежду.

Как Бэл притягивал к себе других богов, присваивая их имена, а вместе с ними их сущность и атрибуты, так Истар притягивал к себе бестелесных богинь вавилонского пантеона. Они стали лишь эпитетами единственного женского божества, которое поддерживало свое независимое существование рядом с мужскими богами. Одна за другой они отождествлялись с ее личностью и превращались в Истарат, или Истаров, более позднего вероучения. Как и Ваалим, Истарат был обязан своей отдельной индивидуальностью географии. С богословской стороны Истар из Ниневии был идентичен Истарту из Арбелы; их отличала местная сфера, над которой они осуществляли юрисдикцию. Разница между ними была чисто географической: одна была [pg 344] привязана к определенной местности, на которую распространялась ее власть, и где ее обожали, а другая была богиней другого города - вот и все. Это была одна и та же богиня, но другой местный культ. Божество осталось прежним, но изменились ее отношения как к своим поклонникам, так и к другим богам. Здесь нет трансмутации формы, как в Египте, но есть изменение отношений, которые берут свое начало в географическом разнообразии.

В Вавилонии, однако, Истар не была настолько лишена соперницы, как в Ассирии. Был еще один город древней славы, который, как и Эрех, находился под покровительством богини, а не бога. Это был один из двух Сиппаров на берегах Евфрата, который в надписях отличается от Сиппара Самаса как Сиппар Анунит. Женское окончание имени Анунит указывает на то, что перед нами снова богиня, которая в той форме, в которой мы ее знаем, является по сути семитской. Но только в той форме, в которой мы ее знаем, это так. Происхождение Анунит восходит к шумерским временам. Вначале она была просто Анунной или "духом" земли, таким же бесполом, как и другие духи шумерских верований, и не имела всех характеристик семитского божества.²⁶⁶ Только когда Сиппара стала резиденцией семитской империи, Анунна или шумерский "дух" был преобразован в богиню Анунит. Трансформация [pg 345]

здесь сопровождалась такими же внешними изменениями, как и те, что превратили вавилонскую Истар в ханаанскую Ашторет. Некоторое время казалось, что Анунит, а не Истар, станет верховной богиней семитского культа; но политическое господство Сиппара сошло на нет с падением империи Саргона Аккадского, и только исторический консерватизм сохранил имя и влияние его богини. С течением времени Анунит все больше и больше погружалась в общее стадо вавилонских богинь или отождествлялась с Истар. Пока в вавилонском народе и его религии был силен шумерский элемент, Анунит сохраняла то положение, которое создала для нее смесь семитского и шумерского; с ростом господства семитского духа ее независимость и индивидуальность ушли, и она, подобно Бельтис или Гуле, стала просто женским дополнением бога. Возможно, этот процесс ускорился благодаря грамматическому окончанию, которое было добавлено к ее имени.

Везде, где преобладало семитское влияние, богиня, в отличие от бога, имела тенденцию к исчезновению. От представления о боге с бесцветным аналогом, само существование которого, казалось, было обусловлено необходимостью грамматики, до божества, вобравшего в себя как женские, так и мужские начала вселенной, и стоявшего в одиночестве и без брака, был всего лишь один шаг. Богиня, существование которой зависело от грамматической случайности, не могла глубоко и надолго завладеть верой народа; она неизбежно отходила на второй план, а принадлежавшие ей прерогативы переходили к богу. Сама Истар, благодаря мужской форме своего имени, стала богом в Южной Аравии и была отождествлена с Хемошем в Моаве, в то время как даже в Вавилонии и [pg 346] Ассирии она приняла атрибуты мужского божества и была обожаема как богиня войны и любви.²⁶⁷ В Ассирии, действительно, преобладал ее воинственный характер: она заняла место богов войны в Вавилонии и вооружилась фальчионом и луком.

Далее я должен буду указать на то, как эта тенденция богини исчезать, так сказать, с глаз долой, оставляя бога в одиночестве, привела в Ассирии к тому, что ее верховный бог Ассур занял положение, подобное тому, которое занимает Яхве в Израиле. Ассур не имеет жены; время от времени, правда, педантичность писцов назначала ему жену, но кто это должен быть, так и не было решено; и то, что ему вообще нужна жена, никогда не признавалось в целом. Подобно Хемошу в Моаве, Ассур царствовал в одиночку; и хотя под влиянием Вавилонии рядом с ним сохранялось поклонение Истар, только Ассур и только Ассур вел ассирийские армии к победе, и от его имени они покоряли непокорных. Только когда цари Ассирии стали царями и Вавилона, Истар посягнула на права Ассура, или ассирийский монарх в час нужды обратился к ней, а не к богу своих отцов. Пока столица оставалась в старом городе Ассура, никто, кроме бога Ассура, не мог руководить советами и походами его князей или возлагать на них корону суверенитета. Когда Тиглат-Пилесер III признал себя сыном Бел-Меродаха и получил из его рук право править, это стало знаком того, что старшая ассирийская династия ушла в прошлое, что царство стало космополитической империей и что почтенные традиции [pg 347] Вавилона покорились завоевателям с севера. Смешанные расы Вавилонии победили более чистых семитов Ассирии, Истар одержал победу над Ассуром, а семитский монотеизм нашел пристанище на Дальнем Западе.

[pg 348]

Лекция V. Шумерские и семитские представления о божественном: Ассур и монотеизм.

В предыдущих лекциях я предположил, что концепция божества, которую мы находим в поздних исторических памятниках Вавилонии и Ассирии, была семитского происхождения, радикально отличаясь от того представления о божестве, которое сложилось у более раннего шумерского населения. Но, несомненно, возникнет вопрос, на чем основано такое предположение; почему мы не можем предположить, что более поздняя концепция развивалась естественно и без какого-либо насильственного разрыва с более древними верованиями, которые были в равной степени семитскими? Почему, короче говоря, мы должны рассматривать анимизм, лежащий в основе религии Вавилонии, как шумерский, а не как самую раннюю форму семитской веры?

Первым и наиболее очевидным ответом на этот вопрос будет тот факт, что более древние имена сверхчеловеческих существ, ставших богами более позднего вероучения, не семитские, а шумерские. Энлиль из Ниппура - это шумерский Энлиль, "повелитель призраков"; когда он становится семитским богом, он получает семитский титул Билу, Баал, "повелитель". И тот факт, что во многих случаях шумерское имя продолжало использоваться в семитские времена, иногда слегка измененное, иногда приспособленное к нуждам семитской грамматики, доказывает не только то, что шумерский язык предшествовал семитскому, но и то, что шумерский культ с его литературной и филологической стороны был усвоен семитскими поселенцами в Вавилонии. Боги и [pg 349] богини Вавилонии были шумерскими, прежде чем семитскими; хотя они носят семитскую одежду, мы должны искать их происхождение вне семитского мира идей.

В том виде, в каком мы их знаем, они облечены в человеческую форму. Божества, чьи фигуры встречаются на цилиндрах вавилонских печатей или выгравированы на стенах ассирийских дворцов, все одинаково "похожи на человека". Бел-Меродах - такой же человек, как и царь, которого он принял как своего сына; бог солнца, восходящий между горами-близнецами на рассвете, выходит на сцену в виде человеческого гиганта, чтобы совершить свой путь; Истар - женщина как по уму и мыслям, так и по внешнему облику. В Вавилонии нет богов-животных, нет чудовищных сочетаний человека и зверя, как это встречается в теологии Египта. Не исключено, что такие сочетания были известны вавилонянам. Но они принадлежали к первобытному миру хаоса; они были выводком Тиамата, дракона беззакония и ночи, демонами, изгнанными во тьму за пределы мира света и богобоязненных людей. Подобно дьяволам средневековой веры, они были божественными существами чужой веры, которых боги новоявленных христиан изгнали в бездну мертвого прошлого. Даже подземный Аид семитской Вавилонии не признавал их. Боги, которым поклонялись семиты, были баалимами или "владыками", как и люди, которым они покровительствовали и создателями которых считались.

Везде, где можно встретить чистого семита, встречается и эта вера в антропоморфный характер божества. Возможно, это связано с той отличительной чертой его грамматики, которая делит мир на мужское и женское, мужское и женское. Во всяком случае, семиты создавали своего бога по подобию людей и, наоборот, учили, что люди были созданы по подобию богов. Эти два верования - лишь [pg 350] противоположные стороны одного и того же щита; теоморфный человек подразумевает антропоморфного бога. На самом деле бог был лишь усиленным человеком с усиленными человеческими способностями; его форма была человеческой, так же как и его страсти и мысли. Даже жизнь, которая была в человеке, сама была дыханием бога. То, что человек не был бессмертным, как боги, было случайностью; он

не смог вкусить пищу бессмертия или испить воды жизни, и поэтому смерть царила в этом нижнем мире. Могли умирать и сами боги; Таммуз, супруг Истар, был убит клыком вепря в гневе Лето и перенесен в царство [Аида](#)²⁶⁸, а храм Меродаха в Вавилоне был известен как его гробница. Как боги рождались, так они и умирали; они могли жениться и рожать детей, и им нужны были мясо и питье, как сынам человеческим. Действительно, мир богов был дубликатом и аналогом мира людей. На "горе мира", вавилонском Олимпосе, [pg 351] верховный бог держал свой двор; вокруг него располагались его подданные и слуги, ибо на небе были слуги, как и на земле; небесные армии отправлялись по его приказу, и между богами, как и между людьми, велись войны. Даже воровство не было неизвестно среди них; легенда рассказывает, например, о том, как бог Зу украл скрижали судьбы, висевшие, как Урим и Туммим, на груди "отца Бэла", и тем самым на некоторое время приобрел право и власть управлять судьбой вселенной. Сколько бы мы ни проследили историю семитской религии, будь то в Вавилонии, Ханаане или Аравии, ее основополагающая концепция всегда одна и та же: боги - люди, а люди - боги.

Поэтому неудивительно, что как только семитский элемент становится главным в Вавилонии, царь превращается в бога. В Вавилоне он стал приемным сыном Бел-Меродаха, взяв руку божества, и тем самым сам стал Белом, правителем "народа Бела", над которым он отныне должен был осуществлять неоспоримое господство. В более ранние времена Саргон Аккадский, основатель первой семитской империи в Западной Азии, и его сын Нарам-Син были явно обожествлены. К Нарам-Сину даже обращаются как к "богу Аккада" ²⁶⁹; а печать-цилиндр, найденная Ген. ди Чеснола на Кипре, описывает своего владельца как "слугу бога Нарам-Сина" ²⁷⁰. ²⁷⁰ Титул "бог" принимали семитские преемники Саргона, к какому бы городу или династии они ни принадлежали; даже шумерские князья в Южной Вавилонии следовали примеру своих семитских сюзеренов, и [pg 352] Гудеа, верховный жрец Лагаса, построил храмы своему богу, где в течение долгих веков продолжался его культ, и ему приносились жертвы и приношения. ²⁷¹ Захват Вавилонии арабской или ханаанской династией, к которой принадлежал Амрафель, не изменил божественных почестей, воздаваемых царю; он по-прежнему носил титул "бог", а его подданные поклонялись ему рядом с Бэлом. Но с завоеванием Вавилонии касситскими полчищами с гор Элама произошли перемены; иноземные цари перестали быть божественными, и титул "бог" им больше не присваивался. Как доктрина божественного права королей исчезла в Англии вместе со Стюартами, так и вера в божественность царя исчезла в Вавилонии вместе с падением семитских династий. Ничто не могло бы яснее показать ее семитское происхождение и то, насколько мало она влияла на несемитскую часть населения. Царь был богом только до тех пор, пока он был семитом или подвергался семитскому влиянию и господству.

Апофеоз царя, таким образом, сопутствует росту семитского господства в Вавилонии. В более древнюю шумерскую эпоху мы тщетно ищем какие-либо следы этого. Человек еще не был божественным, ибо боги еще не были людьми. Еще не существовало семитского бела, и Эн-лиль из Ниппура был всего лишь "повелителем призраков".

Но у нас есть лучшее свидетельство этого факта, чем ниппурские призраки. За человеческими фигурами семитских богов примитивно изобразительный характер клинописных знаков позволяет нам разглядеть очертания фигур, относящихся к совершенно иной сфере религиозной мысли. Это фигуры не людей, а грубых зверей. Имя Эн-лиля обозначалось составным знаком, который представлял собой слово элим, "баран"; ²⁷² имя [pg 353] Эа - идеограммой, которая означала дара, "антилопа". ²⁷³ Эн-лиль, соответственно, был когда-то бараном; Эа - антилопой. Есть и другие божества, которые подобным образом

раскрывают свои первые формы. Женой Хадада, например, была Азага-šуга, "дойная коза" Эн-лиля, от которой первобытный шумерский пастух получал молоко.²⁷⁴ Сам Меродах, или, скорее, его шумерский прототип в Эриду, когда-то был Асари-элим, "княжеским бараном";²⁷⁵ поразительный титул, если вспомнить, что и Осирис в Египте обращался к нему как Ати, "князь", и отождествлялся с бараном Мендеса. Даже Зу, божественный вор, похитивший скрижали судьбы, был штормовой птицей, прародителем как грача из "Арабских ночей", так и китайской штормовой птицы, "которая, летая, заслоняет солнце и из чьих перьев делают водяные игрушки".

Однако во многих случаях первоначальные формы вавилонских божеств сохранились только в виде животных, на спинах которых они изображались или с которыми резчик по драгоценным камням ассоциировал их на печатях.²⁷⁶ Время от времени предпринимались попытки объединить их с человеческой фигурой. Так, Эа иногда изображается одетым в кожу рыбы - подходящий символ связи между новыми и старыми религиями Вавилонии и антагонистическими представлениями о божестве, развлекавшими [pg 354] обитавшие там расы. В других случаях животная форма отходит к той большой компании демонов и низших духов, среди которых нашлось место для многочисленных призраков шумерской веры. Там, где оно не полностью исключено из мира богов и людей, оно существует только в качестве скромного помощника одного из человеческих богов. Как Меродаха сопровождали четыре божественных пса, так и Эа сопровождали священные быки. Они охраняли подступы к "полю" и "дому Эдема", подобно колоссальным фигурам с бычьими телами и человеческими головами, которые охраняли ворота дворца или храма. На самом деле это были херувимы, запрещающие подходить к дереву жизни (или познания) - той священной пальме, которая, как повествует старый вавилонский гимн, была посажена у тропы Эа в Эриду, где бог имел свой дом в центре земли, изливая из своих рук воды плодородия, стекавшие в двуединые потоки Тигра и Евфрата²⁷⁷. Однако в более позднем искусстве быкоподобная форма исчезла, и хранители священного дерева стали изображаться в человеческом облике, но с орлиными головами. Изменение формы было вызвано тем же стремлением очеловечить сверхчеловеческие существа шумерской веры, что и стремление придать человеческую голову колоссальным быкам; там, где божественное существо становилось богом в семитском смысле этого слова, все следы его звероподобного происхождения стирались; там, где он оставался лишь на краю божественного мира, звероподобный элемент был максимально удален от глаз и сочетался с чертами человека. Херувиму разрешалось сохранять тело быка или голову орла, но при условии, что он никогда [pg 355] не возвысится до ранга бога и что человеческие члены будут сочетаться с его животным обликом.

Таким образом, второстепенные существа божественного мира вавилонян внешне напоминали египетских богов. Но если в Египте сами боги соединяли голову зверя с телом человека, то в Вавилонии только полубожественные духи и чудовища народного вероисповедания были отчасти зверями, а отчасти людьми. Официальная теология не смогла изгнать их совсем; они стали, соответственно, слугами и последователями богов, а то и просто сбродом Тиамата, олицетворением хаоса и греха. Подобно дьяволам и ангелам средневековой веры, они были включены в число трехсот духов неба и шестисот духов земли.²⁷⁸ Духи неба составляли "воинство", повелителем которого было верховное божество, и которое оно вело в бой против своих врагов; Небо был министром и лейтенантом Меродаха и "воинства неба и земли", поэтому его обязанностью было собирать и обучать.²⁷⁹ Анунна-ки, или "духи земли", обитали в подземном мире Аида, где сидели на золотом троне, охраняя воды жизни, а Игиги, или ангелы, обитали скорее с богами на небесах света и блаженства. Именно по этой причине Ассур-назир-пал называет Нин-ипа "защитником Игиги", а в других местах бог получает титул "вождя ангелов". Но только в поздние века

вавилонской религии, когда семитская концепция божественности стала преобладающей, [pg 356] было проведено различие между духами земли и воздуха. Только для семитов существовали духи подземного мира и ангелы небес; шумер не знал различий между ними; все они были одинаковыми ануннами, или духами, и Нин-ип был повелителем не только Игиги, но и [Анунна-ки](#)²⁸⁰. По сути, он сам был одним из них; он был служителем и помощником Эн-лиля, и никогда не забывалось, что, как и анунна-ки, он был "отпрыском К-кура", названия одновременно храма Ниппура и подземного мира Аида. Иногда говорят, что он произошел из К-сарры, "дома (духов)-призраков". До превращения в семитского бога он был призраком в Ниппуре.

Но он был призраком, который ассоциировался с рассветом, и поэтому в раннюю семитскую эпоху его стали отождествлять с восходящим солнцем. Его солнечный характер возвел его в ранг Ваала, а значит, и бога. Однако его более древние атрибуты все еще оставались при нем. Он был богом солнца, восставшим из земли и тьмы ночи, и в нем, таким образом, отразилась более темная и жестокая сторона бога солнца.²⁸¹ Он стал, по сути, богом войны, и в этом качестве был особенно любим ассирийскими царями. Именно он нес разрушение над землей во время потопа, а анунна-ки следовали за ним с пылающими факелами; он брат Эн-Нуги, бога, от рук которого нет спасения. С распространением солнечного культа [pg 357] солнечные черты Нин-ипа, естественно, стали более заметными. Временами он был богом полудня и рассвета, поскольку именно в полдень солнечные лучи были самыми яростными и смертоносными для человека; временами он уподоблялся своему собрату по солнцу Меродаху и становился сыном Эа. Синкретическая эпоха вавилонской религии действительно наступила, когда Эа и Эн-лиль были заменены, а учения Ниппура и Эриду объединились в солнечном культе!

Но у нас есть отблески того времени, когда Нин-ип еще не был богом в человеческом облике, тем более солнечным Ваалом. Его имя - всего лишь титул, и первоначально оно обозначало бесполой дух, который был безразлично "владыкой" и "владычицей вуали"²⁸².

Завесу носили в знак траура, ибо голова была покрыта сном и смертью. Подобно плащу, окутывавшему тень Самуила, она символизировала обитателя подземного мира. Сначала это была просто вуаль, закрывавшая голову и лицо, как кеффийя у современных арабов; со временем она расширилась до плаща, в который можно было завернуть спящего или мертвого человека. Но в любом случае это был символ нижнего мира, и как таковой он стал в семитскую эпоху одеждой скорбящего. Бог, который был "повелителем завесы", должно быть, когда-то обитал под [pg 358] землей и сам был одним из тех духов тьмы, чьи лица были скрыты от глаз живых.

Нин-ип, таким образом, должен был быть одним из Анунна-ки, духом земли и Аида, прежде чем он принял облик семитского Ваала и облекся в атрибуты бога-солнца. А форма, в которой он предстал перед своими поклонниками, была свиньей. Нам говорят, что Нин-ип был един с Нин-сахом, "повелителем свиней"²⁸³ и слугой Эль-лиля, которому в шумерские времена поклонялись в Лагасе и которому был воздвигнут храм даже в Эрехе. То, что свиньи связаны с подземным миром мертвых, неудивительно. Ту же связь мы находим в кельтской мифологии. Там свиньи тоже являются скотом Аида, и именно из подземных полей Аида они были перенесены Придери на землю.²⁸⁴ Свинья разрывает землю в поисках пищи; даже сегодня ее используют для охоты за трюфелями, а первобытный человек видит в ее действиях попытку общения с духами подземного мира.²⁸⁵

От духа земли с закрытым лицом, воплотившегося в свинью, до солнечного героя и бога-воина семитской эпохи - огромное расстояние. На самом деле, это расстояние слишком

велико, чтобы его мог преодолеть какой-либо естественный процесс эволюции. Это расстояние не в степени, а в роде. Она предполагает принципиально разные представления о религии: анимизм, с одной стороны, и антропоморфных богов - с другой. Если прислушаться к модным теориям происхождения религии, [pg 359] то в одном случае мы начинаем с фетиша, в другом - с поклонения предкам. Разница расовая: где бы мы ни нашли семита, во все периоды его истории, его боги человеческие, а не сделанные в виде зверя.

Но семит, хотя и сформировал позднюю религию Вавилонии, не смог полностью ее преобразовать. Шумерский элемент в населении так и не был искоренен, и вполне вероятно, что если бы мы знали больше о религии народа в отличие от официальной теологии, то обнаружили бы, что она осталась сравнительно мало затронутой семитским влиянием. Доказательством тому служит процветавшее колдовство и некромантия; даже государственная религия была вынуждена признать их и, подобно брахманизму в присутствии местных культов Индии, дать им свою санкцию и контроль. Поучительно наблюдать, какой контраст в этом отношении существовал между официальной религией Вавилонии и религией более чисто семитских израильтян. Колдовство и некромантия практиковались и в Израиле, но там они были запрещены законом и подавлялись главой государства. В Вавилонии же местные божества в большинстве своем были шумерского происхождения и, несмотря на семитскую окраску и одежду, нередко сохраняли свои старые шумерские имена. Вавилонская религия не могла полностью отречься от своего происхождения и родства; надстройка могла быть семитской, но ее основа была шумерской. Как и шумерские слова, вошедшие в язык, имена богов остались свидетельствовать о том, что народ и его религия были в равной степени смешанными. А вместе с именами ушли ранние верования и легенды, фрагменты фольклора и ритуалов, пришедшие из несемитского прошлого. Официальное вероучение по мере сил находило для каждого из них свою нишу, но ассимиляция никогда не была более [pg 360] частичной, и время от времени мы встречаемся с практиками и представлениями, чуждыми официальной вере.

Существовало множество способов избавиться от многочисленных духов древнего вероучения, которые не были трансмутированы в семитские божества. Как мы уже видели, их можно было объединить в неразличимую толпу духов неба и земли, составлявших ангельское сонмище богов света, или превратить в демонов в обозе Тиамата, олицетворения хаоса. Некоторые из них могли быть выделены в особые слуги и посланники богов и занимать место архангелов в небесной иерархии. Но можно было также призвать на помощь космологию и превратить их в элементарные силы, представляющие последовательные этапы истории творения. Таким образом, они продолжали принадлежать к тому зачаточному периоду вавилонской религии, когда еще не появились семитские боги, и в то же время их можно было отождествить с этими богами в осуществлении их творческой силы. Выражаясь языком поздней метафизики, они стали последовательными мыслями творца, реализующими себя в последовательных актах творения, подобно зонам гностицизма, которые исходят один из другого как реализованные мысли Бога. Эта идея, несомненно, является поздней и относится к эпохе философии, но она представляет собой попытку преодолеть трудности, связанные с противостоянием шумерских и семитских элементов в вавилонской религии, и примирить их друг с другом. Она предполагает отождествление одного бога с другим, которое стало возможным благодаря солнечному культу и семитскому представлению о богине, и таким образом делает еще один шаг в направлении монотеизма. Божественные или сверхчеловеческие существа шумерского вероучения не просто отождествляются с конкретным богом, но даже превращаются в мужской и женский принципы, которые [pg 361] его управление миром или акт творения заставляют его представить в конкретной форме. [286](#)

Прежде чем вавилонская теософия смогла продвинуться так далеко, необходимо было сделать две вещи. Боги должны были быть выстроены в божественную иерархию, и отождествление одного с другим должно было стать возможным. Иерархическое расположение вытекало из семитской концепции божественности. Если бы Ваал был аналогом человеческого отца, у него была бы божественная семья и божественный двор, созданные по образцу тех, которым поклонялись его поклонники. У бога были бы не только жена и дети, но и рабы и служители. Таким образом, небесные божества разделялись на упорядоченные группы высшего и низшего ранга; высшие боги стремились все больше и больше отделяться от низших, а последние опускались до положения второсортных разумных существ, стоящих посередине между богами и людьми и зависящих от "великих богов" в своих должностях и существовании.

Концепция божественного посланника или ангела, который передавал приказы высшего бога с небес на землю и толковал его волю людям, восходит к раннему периоду истории вавилонской религии. Мы можем проследить его до того времени, когда шумерский язык впервые начал подвергаться семитскому влиянию. Суккаль, или "ангел"-помощник, играет важную роль в примитивной вавилонской теологии, но примечательно, что обычно он является сыном бога, послания которого он передает богам и людям. Асари или Меродах - одновременно сын и служитель Эа; Нин-ип - Эн-лиля. Этот факт указывает на эпоху, когда шумерский анимизм уже сменился семитским баализмом; дух или призрак превратился в бога в человеческом облике, который породил детей и нуждался в посланнике.

Когда Меродах стал богом Вавилона, а [pg 362] с возвышением его города до политической власти вошел в круг верховных богов, ему, в свою очередь, понадобился посланник. Таковой нашелся в лице бога соседнего города Борсиппы. Рост Вавилона сопровождался упадком Борсиппы, которая со временем превратилась в простой пригород города-соперника. Бог пригорода неизбежно был присоединен к богу поглотившего его города и так же неизбежно становился его последователем и слугой. Хаммурапи, которому Вавилон был обязан своим положением и влиянием, даже передал древний храм бога Борсиппы вавилонскому богу и включил его в число низших божеств, которым были воздвигнуты часовни в великом святилище Меродаха.²⁸⁷ Но бог Борсиппы когда-то был таким же независимым и верховным в своем городе, как Меродах в Вавилоне. К нему обращались как к "создателю" вселенной и оросителю полей, ему приписывали возникновение клинописной системы письма. Семиты называли его Набием или "пророком", и именно под этим титулом Набий или Небо стал министром Меродаха. Это имя подходило к его двойному характеру - толкователя воли Бэла и покровителя литературы, - и было перенесено вавилонским завоеванием на далекий Запад. Там Моисей умер в Моаве на вершине горы Нево, а города, носившие это имя, стояли в пределах Рувима и Иуды.

Несомненно, именно связь Небо с Меродахом привела к тому, что он, подобно Тоту в Египте, стал покровителем литературы и богом писцов. Бог культуры был как бы разделен на две части; в то время как Меродах сохранил функции, свойственные [pg 363] семитскому Ваалу, Небо следил за библиотекой и школой и поощрял изучение письменности, изобретенной им самим. Прежние притязания Эа отошли на задний план и были забыты; теперь уже не бог Эриду, а Небо, написавший первую книгу и обучивший человечество элементам культуры. Маршальский посох, которым Небо орудовал как организатор "воинств неба и земли", теперь стал жезлом писца, а для него была создана супруга в лице Тасмита или "Слышащего". В Ассирии, где поклонение Ассуру препятствовало развитию поклонения его сопернику Меродаху, Небо стал особым любимцем литераторов, которые черпали свои знания и вдохновение в Вавилоне. Ассур-бани-пал не устает рассказывать, как Небо и Тасмит

"расширили его уши и просветили его глаза", так что он собрал и переиздал книги и скрижали царей, которые были до него.

Как министр Меродаха, Небо перешел в солнечный круг. В Египте он был бы поглощен более влиятельным богом, но в Вавилонии семитское представление о Меродахе как о Ваале, который нуждался в своем министре и посланнике, как земной царь, препятствовало такой идентификации. Поэтому он сохранил свою личность, и с ним отождествили другого бога. Это был Нуску, некогда огонь, который вспыхивал и очищал жертвоприношение. С распространением солнечного культа Нуску стал местным богом солнца и считался богом палящего полуденного солнца. Однако в шумерские времена, пока он еще был духом огня, он обязательно был слугой и соратником Эн-лиля; когда Эн-лиль стал семитским белем Ниппура, Нуску последовал его судьбе и стал его посланником. После этого его отождествление с Небо стало простым. Небо тоже был посланником и [pg 364] толкователем Бела, хотя это был младший Бел из Вавилона, который вытеснил старшего Бела из Ниппура. Как Бел-Меродах занял место Эн-лиля, так и Нево занял место Нуску. Вавилонские жрецы знали только одного Бэла, и служитель Бэла должен был быть одним и тем же, независимо от того, как его звали - Нуску или Небо. Однако то, что Нуску изначально был независимым божеством, никогда не забывалось. Прошлую историю и религию страны нельзя было игнорировать, и жрецы были вынуждены возвести отдельное святилище Нуску в пределах самого храма Небо. Только так они могли быть уверены, что бог не отомстит за то, что его обманули.

История Небо - поучительная иллюстрация последовательных изменений, которые претерпела религия Вавилонии. Сначала мы имеем призрак шумерских времен, который становится богом особого города в те дни, когда семитское влияние начало давать о себе знать. Затем он превращается в семитского Ваала, а с политическим возвышением соседнего города Вавилона - в служителя и прислужника более могущественного бога. Как толкователь воли бога-культуры он лишает Эа его древних прерогатив, а его титул "пророк" становится его именем. Отныне он - чисто семитское божество, а жену ему подыскивает теневая абстракция "Слух". Под влиянием солнечного культа он отождествляется с древним шумерским духом огня, который сам стал богом солнца, и в конце концов в Ассирии его принимают как покровителя ученого сословия и божественного представителя вавилонской образованности.

Но история Небо также иллюстрирует одно из направлений, в котором проявилось стремление к монотеистической вере. Не только отдельный бог, Нуску, был объединен с Небо, но и сам Небо, сохраняя свою независимую личность, занял подчиненное положение, которое можно сравнить с положением архангела в христианской вере. Вавилонская религия стала различать ограниченное число "великих богов" и низших божеств, которые составляли их двор. Более того, она пошла еще дальше. Со времен Хаммурапи наблюдалась тенденция к возвеличиванию Бел-Меродаха за счет всех его богов-братьев. Развитие вавилонской религии, по сути, шло рука об руку с развитием вавилонского государства. Основание империи познакомило вавилонян с концепцией верховного правителя, под властью которого находились вассальные цари, а под их началом - зависимая знать. Та же концепция была распространена и на небесную иерархию. Здесь тоже верховодил Бел-Меродах, а другие боги "благоговейно склонялись перед ним", сохраняя, правда, свои исконные права и власть в пределах своих святилищ, но признавая верховенство единого суверена Бела. Жители Вавилонии назывались "народом Бэла" уже не в честь Эн-лиля, а потому, что все они были детьми и почитателями Бэла Вавилонского.

Но дальше вавилонская религия не продвинулась. Правда, опубликованная доктором Пинчесом табличка, на которую я уже ссылался в прошлой лекции, отождествляет главных богов пантеона с Меродахом в его различных фазах и функциях; правда и то, что Набонид, последний вавилонский царь, потряс совесть и нарушил права местных жрецов, принеся изображения их богов в центральное святилище; но такие рассуждения и усилия остались единичными и безрезультатными. Однако в Ассирии все было иначе. Там божества, как и культура и язык, в большинстве своем были завезены с юга; [pg 366] не было храмов, проверенных временем, и почтенных традиций, которым можно было бы противостоять; и, прежде всего, там был национальный бог, представлявший государство, а не семитского Ваала, и потому являвшийся символом единства, которое связывало государство воедино.

Верховным богом Ассирии был Ассур; остальные боги были вавилонского происхождения. А в имени Ассура заключено название самой страны и ее первобытной столицы. Короче говоря, Ассур был обожествленным городом Ассура, божественным государством, которое со времен его успешного восстания из Вавилонии было преимущественно военным, со всеми союзами и дисциплиной военной организации. Таков, по крайней мере, был взгляд на бога в историческую эпоху Ассирии, хотя некоторые современные ученые сомневаются, что, подобно Ниневии, получившей свое имя от богини Нины, первоначально это не был скорее город, получивший свое имя от бога, чем бог от города.

Однако эти сомнения развеиваются после изучения имен собственных, встречающихся в вавилонских договорах раннего семитского периода, особенно в тех, которые относятся к эпохе Хаммурапи. Многие из них состоят из названий городов, которые рассматриваются как божества, и предваряются префиксом божественности. Так, мы имеем Суму-Упи (Bu. 91-5-9. 2182. 16), как Šumu-Rakh или Sumu-Râ и Самуил, а также Упи-раби (Bu. 91-5-9. 377. 25), где обожествленный Упи или Опис играет точно такую же роль, как обожествленные реки Евфрат и Тигр в других аналогичных составных именах. Между обожествленным городом и обожествленной рекой не проводилось никакого различия. И то, и другое было олицетворением бога. Так и во второй табличке серии Сурпу (WAl. iv. 59. 35, 38), Эриду и Вавилон призываются для избавления больного человека рядом с Эа и Меродахом и различными другими богами, а также некоторыми [pg 367] звездами. Между обычными богами Вавилонии и обожествленным городом нет никакого различия²⁸⁸.

Если бы город получил свое имя от бога, было бы трудно найти для него удовлетворительную этимологию. Написание названия говорит против того, чтобы связывать его со словом asīru, "тот, кто благословляет" или "освящает", от которого происходит ассирийское asirtu, "святилище", как и имя ханаанейской богини Ашеры.²⁸⁹ С другой стороны, исконно ассирийская этимология так же неприемлема, как и попытки наших лексикографов XVIII века найти греческие или латинские производные для англосаксонских слов. Ассирийские писцы видели в Ассуре всего лишь старое элементарное божество Ансар, "небосвод", который сам был ничем иным, как шумерским духом "небесного воинства". Мудрее всего не подражать им, а, как в случае с Меродахом и Истаром, оставить происхождение имени Ассур необъясненным.

Цари Ассирии первоначально были верховными жрецами Ассура. В других частях семитского мира первосвященник аналогичным образом предшествовал царю. Тесть Моисея был первосвященником Мадиама, а первосвященники Сабы в Южной Аравии превратились в царей.²⁹⁰ В Вавилонии также были первосвященники, получившие свои титулы не только от богов, которым они служили, но и от городов, над которыми они правили. Однако особенностью Ассирии было то, что там бог и город [pg 368] были одним и тем же. Поэтому, когда первосвященник Ассура принял титул царя, он все еще сохранял свои

священнические функции под другим титулом. Он был священником, но уже не первосвященником. Ассирия была монархией, а не теократией; она была основана на военной силе, а не на священническом влиянии. Соответственно, царь не был представителем и наместником бога, как вавилонский князь; он представлял бога Ассура только потому, что представлял город Ассур. Именно через город Ассур бог проявлял себя как бы перед людьми.

Одним из следствий этого факта было то, что Ассур был национальным, а не просто местным богом. Там, где распространялась власть города, обязательно распространялась и власть бога. Когда Ассур становился столицей царства, вся земля, которой принадлежала его власть, получала его имя и признавала верховенство его бога. Местные культы уступили место национальным; не только в самом Ассуре бог имел свой храм; где бы город ни называл себя ассирийским, поклонение Ассуру занимало первое место. Не было старых святилищ и культов, которые можно было бы вытеснить, как в Вавилонии; божества, которым поклонялись в городах Ассирии, были вавилонского происхождения, такие как Нина и Истар; и когда Ассирия достигла своей независимости и осознала, что у нее есть своя национальная жизнь, они не смогли противостоять национальному богу.

Этот национальный бог дал своему народу свободу и право на власть. Именно он вел их армии к победе и побеждал враждебные божества Вавилонии. Таким образом, он отождествлялся с армией, которой Ассирия была обязана своим существованием, и с царем, который был ее вождем в войне. Куда бы ни шла армия или где бы ни обосновывался царь, Ассур тоже шел туда. Таким образом, он утратил [pg 369] последние реликты своей связи с конкретной местностью и стал богом всего народа. С любой точки зрения он был национальным, а не местным.

Освободившись от ограничений местности, он, следовательно, освободился и от ограничений формы. Бел-Меродах обязательно был человеком по форме, со всеми ограничениями человечности; только там, где находился его образ, он мог присутствовать в видимой форме. Но Ассур не ограничивался человеческим образом, который его олицетворял. Он также мог быть представлен символом, и там, где был символ, был и он. Символом был штандарт, на котором был изображен лучник, поднимающийся от крылатого солнца. Его переносили с армиями Ассирии с места на место, подобно ковчегу, в котором израильтяне эпохи Самуила видели символ присутствия их национального Бога. Крылатое солнце отсылает нас к Египту; то же самое можно сказать и о штандарте, на котором была изображена эмблема Ассура. Азиатские завоевания Восемнадцатой династии привели Египет и Ассирию в соприкосновение; ассирийский царь платил дань фараону и, несомненно, зависел от него в поддержке против Вавилонии. Это был период, когда Ассирия впервые почувствовала себя независимой нацией; власть Вавилонии была поколеблена, а вавилонский бог был вытеснен Асуром. Поэтому мы не должны удивляться, что Ассур согласился позаимствовать у Египта символ, который отныне отличал его от вавилонских богов, а вместе с символом ушли и теологические идеи, которые он выражал.

Эти теологические идеи уже были глубоко пропитаны теориями солнечного культа. Крылатый солнечный диск - свидетельство того, что Ассур был ассимилирован с египетским Амоном-Ра. Но ассимиляция на этом не закончилась. Ассирийцы были слишком чисто семитскими, чтобы понять туманный пантеизм египетской солярной школы; [pg 370] Ассур оставался антропоморфным богом, с очень определенными атрибутами и резко очерченными чертами. Лучник, возвышающийся над диском солнца, значительно подчеркивает контраст между теологией Египта и Ассирии. Над богом-солнцем возвышается человеческий воин, повелитель воинств, бог битв, божественный предводитель армий Ассура. В практическом

ассирийском сознании не было места для бесформенного божества с его бесконечными превращениями и неуловимыми формами. Ассирийцам нужен был солдатский бог, одновременно человеческий и четко определенный.

Тем не менее этот человеческий бог был признан единым с богом-солнцем. Или, скорее, солнце рассматривалось как его видимое проявление, знак или символ, под которым он проявлял себя. Таким образом, Ассур был по сути семитским Ваалом, но воинственным Ваалом, который был богом нации, а не какого-то конкретного места.

Там, где находился народ и его армия, соответственно, находился и его бог. А когда Ассирия претендовала на власть над всем цивилизованным миром, сила и власть ее бога стала всемирной. Именно с его именем ассирийские войска шли в бой, и именно "благодаря упованию на него" они одерживали свои победы. Те, кто сопротивлялся, были его врагами, те, кто покорился, вошли в состав его империи и стали его подданными и поклонниками. Все другие боги должны были уступить ему; он не только был главенствующим над ними, но и поклоняться им вместо него было нечестивым поступком. Им по-прежнему можно было приносить жертвы и возносить молитвы, но при условии, что первые плоды от жертвоприношений и молитв будут отдаваться Ассуру.

Однако это было еще не все. Ассур не только ревновал к другим богам, не было ни одной богини, которая могла бы разделить с ним его власть. В глазах ассирийского народа он был безжен, как Яхве из Израиля или Хемош из Моава. Правда, некоторые ассириологи, с большим [pg 371] рвением, чем со знанием дела, нашли ему жену, но они не согласны с тем, кем она была. Иногда нам говорят, что это была Серуа, иногда Истар, иногда Белит. Сам факт существования такого расхождения во мнениях является достаточным для осуждения всего предположения. Оно основано на педантизме некоторых ассирийских писцов, которые, будучи образованными в литературе и религии Вавилонии, естественно, стремились вписать своего национального бога в вавилонскую систему теологии. Вавилонские боги имели каждый свою жену, каждый из них был главой божественной семьи, следовательно, и главный бог Ассирии должен быть таким же. Но найти для него женскую супругу было непросто. Один или два раза прибегают к помощи грамматики, и женственная Асурит занимает свое место рядом с Асуром. Но она была слишком очевидным искусственным созданием, и поэтому Белит была заимствована у Бел-Меродаха, а Нин-лил - у Бел из Ниппура, и смело провозглашена женой Асура. Но это тоже не устраивало ни вавилонян, ни ассирийцев, и в качестве последнего средства Истар, богиня-девственница, была превращена в замужнюю жену. Можно было подумать, что эта идея, начатая однажды, будет принята с готовностью; ведь Истар была богиней Ниневии, как и Ассур - более древней столицы, которая была вытеснена Ниневией в поздние времена Ассирийской империи. То, что этого не произошло, доказывает, насколько прочно укоренилось в сознании ассирийцев безженство Асура; он был не вавилонским белом, нуждавшимся в помощнице, а богом-воином, который вступал в бой без жены и в одиночестве.

Я могу лишь еще раз повторить ему то, что сказал много лет назад в своих "Лекциях Хибберта": "Ассур, следовательно, отличается от вавилонских богов не только менее узко локальным характером, который ему присущ, но и своей одинокой природой. Он "царь всех богов" в том смысле [pg 372], в каком не было ни одного из божеств Вавилонии. Он подобен самому царю Ассирии, не терпящему соперников, не позволяющему ни жене, ни сыну разделить почести, которые он требует для себя одного. По сути, он ревнивый бог, и поэтому посылает своих ассирийских поклонников уничтожать неверных врагов. Безмужний, бездетный, он могущественнее вавилонских Ваалимов; возможно, менее любезный, менее близкий к своим поклонникам, чем они, но более внушающий благоговение и более

могущественный. Мы можем проследить в нем все черты, по которым при других условиях можно было бы построить такую же чистую веру, как вера в Бога Израиля". То, что ни один из них так и не был создан, можно принять как знак и свидетельство того, что между семитами Ассирии и семитами Израиля существовало различие, которое не в состоянии объяснить никакие теории эволюции.

[pg 373]

Лекция VI. Космологии.

Человек был создан по подобию богов, и, наоборот, боги - по подобию людей. Это убеждение лежит в основе теологии семитской Вавилонии и характеризует ее концепцию божественности. Из нее следует, что мир, который мы видим, появился на свет подобно сменяющим друг друга поколениям людей или продуктам человеческого искусства. Он был либо порожден творцом, либо сформирован из уже существовавших материалов. Оно не возникло само по себе; это не случайное стечение атомов, не самовозникший из ничего продукт и не результат непрерывного развития и эволюции. Доктрины самопроизвольного возникновения и развития одинаково чужды вавилонской религиозной мысли. Это требовало творца, который был человеком по своим качествам и способу работы, который мог даже совершать ошибки и эксперименты, вызывая к существованию несовершенные или чудовищные формы, для исправления которых требовался дальнейший опыт. Было как раннее, так и позднее творение, бесформенный выводок хаоса, а также более совершенные творения богов света.

Как мы уже видели, культура первобытной Вавилонии исходила из двух основных центров - святилища Ниппур на севере и морского порта Эриду на юге. Один из них был внутренним, другой - морским; и то, что я могу назвать географическим окружением двух [pg 374] потоков культуры, различалось соответственно. Великий храм Ниппура назывался К-кур, "дом горной страны"; это была модель земли, которая, по мнению тех, кто ее построил, имела такую же форму и была похожа на гору, чья вершина пронизывала облака. Его верховным богом был владыка низовьев земли, его подданными - демоны подземного мира, а богословие его жрецов было связано с колдовством и чародейством, а также с обращениями к духам, властвующим в мире мертвых.

Эриду, напротив, был обителью бога глубин. Его храм, К-Саггила, "дом высокого главы", находился, как нам говорят, "посреди" окружающего океана, на котором покоилась вся земля, и в нем жил Эа, "владыка священного кургана".²⁹¹ Его бог был автором вавилонской письменности и [pg 375] цивилизации, а его сыном и толкователем был Ašari, "благодетель человека". В то время как теология Ниппура занималась мертвыми, теология Эриду была в первую очередь занята живыми. К Асари обращаются как к богу, воскрешающему мертвых, а искусства, делающие жизнь приятной, были дарами самого Эа. Возможно, не без причины, что в то время как Эн-лиль из Ниппура предстает как разрушитель человечества, Эа - его создатель и наставник. Он не только создал их, но и научил жить, снабдил заклинаниями и средствами, способными исцелять больных и отгонять смерть.

Подобно египетскому Хнуму, его называли "гончаром", ибо он вылепил человечество из глины, которую его воды сформировали на берегах Персидского залива.²⁹² Так было создано не только человечество. Весь мир сотворенных вещей был вылеплен таким же образом; земля и все, что на ней обитает, поднялись из моря. Космология Эриду, таким образом, сделала воду порождением всего сущего; мир, в котором мы живем, возник из глубины, которая до сих пор окружает его, как змея своими змеями.

Но глубина, над которой властвовал бог-создатель, была глубиной, составляющей часть той упорядоченной структуры природы, в которой властвуют боги света и которая подчиняется законам, которые нельзя нарушать. Это не та глубина, в которой властвовал дух хаоса и олицетворением которой она была; это была глубина без границ и законов, единственным порождением которой был выводок чудовищ. Между глубиной Эа и хаосом Тиамат космология исторической Вавилонии провела [pg 376] резкую линию разграничения; одно исключало другое, и только когда глубина Тиамат была, как бы, преодолена и поставлена в рамки, глубина, в которой обитал Эа, смогла занять свое место.

Эти две концепции антагонистичны одна другой, и их трудно объяснить, разве что предположить, что они принадлежат к двум разным школам мысли. Выводок Тиамат, надо помнить, когда-то был подданным Эн-лиля из Ниппура, а анунна-ки, или "духи земли", хотя и стали служителями богов света, тем не менее продолжали иметь свое местопребывание в подземном мире и служить его хозяйке Аллат. Пестрое воинство, которое следовало за Тиамат в ее поединке с Бел-Меродахом, по сути, было призраками и гоблинами ниппурской теологии, и именно с ними мы должны связывать теорию божественного мира, с которой они связаны. Мир Ниппура был миром, из которого было исключено море; это был мир равнин и гор, а также полых глубин, лежащих под поверхностью земли. Космология Ниппура, естественно, была связана с сушей, а не с морем; земля, а не вода, была бы первой по порядку существования, и жилище богов искали бы на вершине горы Олимп, а не в глубинах окружающего океана.²⁹³

В хаосе Тиамата, соответственно, я вижу последние [pg 377] реликты космологии, которая исходила из Ниппура и была принята везде, где преобладало ниппурское влияние. Она была изменена космологическими идеями Эриду; и в истории о борьбе Тиамата и Меродаха была сделана попытка гармонизировать две конфликтующие концепции вселенной и соединить их в единое целое. Мир Тиамата сначала превратился в водную бездну, подобную той, которую богословы Эриду считали истоком вселенной, а затем был поглощен глубиной, над которой властвовал Эа. Создатель Эа занял место духа разрушения, бога культуры дракона тьмы.

Но любопытная легенда, которая была неправильно понята, все еще хранит следы старой космологии великого святилища Северной Вавилонии. В ней описывается война, которую вели против вавилонского царя силы тьмы, гномоподобные существа, обитавшие "в земле", где их вскормила Тиамат, и где они размножились в пещерных глубинах горной страны. Они были, как нам говорят, составными чудовищами, "воинами с телами птиц, людьми с лицами воронов", над которыми властвовал царь с женой и семьей сыновьями.²⁹⁴ Год за годом продолжалась война, и, несмотря на чары и заклинания, воинство за воинством, посланное из Аккада, уничтожалось нечистым и сверхчеловеческим врагом. Вавилонский царь был в отчаянии; тщетно взывал он к богам и рассказывал, как "ужас и ночь, смерть и чума, землетрясение, страх и ужас, голод, голод и разрушение" [pg 378] обрушились на его несчастный народ. Казалось, "равнина Аккада" вот-вот станет добычей ночных демонов. Как она была спасена от грозившей ей опасности, мы не знаем; история, к сожалению, оборвалась, и конец ее не найден. Но происхождение и характер сверхчеловеческих врагов

выяснить несложно: их обиталище находится в похожих на гробницы горных углублениях, их матерью была сама Тиамат, и они имеют чудовищные формы призраков и духов древнего анимизма [Ниппура295](#).

Эта легенда была достойно сохранена в святилище Нергала, бога мертвых, в Куте. Она также подверглась гармонизации в более поздние времена: космологии Ниппура и Эриду снова находятся в антагонизме, одна против другой, и в ней первое творение, как и второе, вовлечено в ту же борьбу, которая в другой форме описана в легендах Эриду и Вавилона. Но антагонисты в ней - одинаково жители суши; нет водной пучины, из которой они вышли, будь то хаотические глубины Тиамата или океанский дом бога культуры. Представления, на которых он основывается, относятся скорее к внутренним равнинам Вавилонии, чем к берегам моря. Хотя на нее повлияла космология Эриду, элементы, из которых она состоит, восходят к внутреннему, а не морскому государству.

Как видно, наши знания о космологии Ниппура все еще скудны и неопределенны. Мир, который она предполагала, имел форму горы, на вершине которой боги жили среди небесных облаков, а пещерные глубины под ней были населены [pg 379] сонмами духов и демонов, тенями мертвых и призраками примитивного анимизма. Не было ни окружающего океана, ни бездонной глубины, в которой он плавал и из которой был порожден. Однако мы еще не знаем, каково было его происхождение, и какому творческому зи или лилу он был обязан своим существованием. Чтобы получить ответ на эти вопросы, мы должны подождать, пока древние библиотеки Ниппура не будут тщательно раскопаны и [исследованы296](#).

Иначе обстоит дело с космологией Эриду. Мы знаем о ней достаточно много благодаря вавилонским богословам, чей бог Меродах был преемником и представителем бога Эриду. Правда, его форма была частично изменена и модифицирована ради большей славы Меродаха и его города, Меродах даже занял место Эа как творца, а космология Ниппура - или, во всяком случае, аналогичной школы мысли - была объединена с космологией Эриду, в результате чего возникли два творения, первое - хаотическое, а второе - нынешний мир. Но все же легко отделить ранние элементы истории от более поздних и отделить чисто вавилонское от того, что относится к Эриду.

Одна из версий истории, дошедшая до нас, сохранилась в заклинании, частью которого, подобно стихам Библии в наше время, она была использована. О его древности говорит тот факт, что оно [pg 380] написано на древнем языке Шумера. Начинается она так.

"Ни один святой дом, ни один дом богов в святом месте еще не был построен,

ни тростник не рос, ни дерево не было посажено,

не было сделано ни одного кирпича, не было создано ни одного строения,

ни дом не был построен, ни город не был основан,

ни города, в котором могли бы обитать живые существа.

Ниппур был не построен, его храм К-Кур был не воздвигнут;

Эрех был не построен, храм его К-ана был не [воздвигнут297](#) .

морские глубины были несозданы, Эриду не построен.

Место (его) святого дома, дома богов, не существовало,

вся земля была морем,

а посреди моря был водоток.

В те дни был построен Эриду и основан храм К-Саггил,

Саггил, где обитает божественный царь священного кургана посреди глубин.

Вавилон был построен, К-Саггил завершен; -

духи земли были созданы вместе,

и назвали его могучим именем святого города, места их благоденствия.²⁹⁸

[Меродах²⁹⁹](#) связал (тростник) вместе, чтобы сделать плотину в воде,

он сделал пыль и смешал ее с тростником для плотины,

чтобы боги могли обитать в месте (своего) благополучия.³⁰⁰

Он создал человечество.

богиня Аруру сотворила с ним семя человеческое,³⁰¹-

скот полевой, живых существ в поле он создал;

Тигр и Евфрат он создал и поставил их на их место,

дав им добрые имена.

Мох и семена болотных растений, тростник и камыш Он создал,

и зелень полевую он создал,

[pg 381]

земля, болото, джунгли,

корова и ее детеныш, теленок, овца и ее детеныш, ягненок в стаде,

роща и лес,

козел и газель умножились (?) для него.

[Бел-Меродах³⁰²](#) заполнил пространство у края моря,

[там] он сделал ограду из тростника,

он построил [место?],

он создал [тростник], он создал деревья,

он выложил [платформу] на этом месте,

[он вылепил кирпичи], строение, которое он сформировал;

[он построил дома], он основал города,

[города он основал и] наполнил их живыми существами;

Ниппур он построил, К-кур он воздвиг,

Эрех он построил, К-ану он воздвиг,³⁰³

[глубину он создал, Эриду он построил]".

Очевидно, что поэму написал тот, кто жил на болотистых берегах Персидского залива и наблюдал, как можно создать сушу, связав тростник в пучки и соорудив из него плотину. Именно таким образом первые земледельцы Эриду защищали свои поля от прилива или отвоевывали землю у моря. Никто, кроме тех, кто видел этот процесс наяву, не смог бы придумать космологию, которая применила бы его к сотворению мира. На вопрос "Как возник этот мир?" у первобытного жителя Эриду, казалось, был готовый ответ: он тоже мог создать новую землю, из которой могли вырасти камыш и трава, где можно было пасти скот и строить дома. То, что он мог сделать, боги, несомненно, сделали в начале времен; все вещи должны были прийти из первобытной глубины, а сама земля была лишь островком, спасенным от приливов и отливов и созданным путем препятствования их приливу и отливу.

Но также очевидно, что старая поэма была [pg 382] пересмотрена и отредактирована вавилонским жречеством. К-Саггил, храм Бел-Меродаха в Вавилоне, был перепутан с более ранним К-Саггилем в Эриду, а бог-создатель Эа был вытеснен Меродахом. Вытеснитель, однако, не может скрыть своего иноземного происхождения. Замок" или "жилище" "на краю моря" должен был быть создан в первую очередь богом глубин, а не вавилонским богом солнца. Меродах не имел никакого отношения к морю и болотам, к городам, стоящим на краю океана, или к тростнику, растущему у его берегов. Он был богом внутреннего города и символизировал солнце, а не море.

Возможно, что еще до того, как вавилонские богословы изменили старую космологическую поэму Эриду, она была модифицирована в соответствии с требованиями теологии, возникшей в результате слияния шумерских и семитских идей. В ней уже заложена доктрина триады; Ниппур, Эрех и Эриду с их святилищами Бэла, Ану и Эа уже представляют Вавилонию, причем храмы Бэла и Ану даже имеют приоритет перед храмом Эа. В то же время параллелизм между Ниппуром и Эрехом, с одной стороны, и Эриду - с другой, несовершенен. Несозданная "глубина", на краю которой стоял Эриду, не имеет ничего соответствующего в двух предыдущих строках, а место храмов Ниппура и Эреха занимает название города Эриду. Очевидно, что упоминание двух великих городов-святилищ Северной и Центральной Вавилонии является интерполяцией, которая нарушает и портит смысл. Первоначально, как мы можем заключить, в поэме назывался только Эриду; ее автор ничего не знал о других святилищах Вавилонии; для него храм Эа в Эриду был домом всех "богов".

[pg 383]

Эа, под маской Меродаха, является создателем человечества, как и всего остального. В этом акте творения с ним соединяется богиня Аруру; в настоящее время у нас нет материалов, чтобы объяснить, почему она должна была быть введена, и было ли это введение частью первоначальной легенды. Однако это не единственный отрывок, в котором она предстает как создательница. Согласно "Эпосу о Гильгамеше", она создала великого героя Вавилонии, и именно она вылепила Эа-бани, спутника Гильгамеша, из глины, которую она замесила своими руками. Таким образом, как и Эа, она была моделью из глины, и у нее были веские причины ассоциировать ее с божественным гончаром, создавшим человека. Если бы она была богом, ее, несомненно, отождествили бы с ним; как бы то ни было, она должна была оставаться его спутницей и соратницей, чье имя не мог забыть даже поклонник Эа. Возможно, она была богиней какого-то вавилонского города, где играла ту же роль, что и Эа в Эриду; не исключено, что ее святилище находилось в Мараде, который претендовал, как кажется, на место рождения Гильгамеша.

Первого человека звали Адапа, "сын Эриду". Эа создал его без помощницы, наделил мудростью и знаниями, но лишил дара бессмертия. Каждый день он пек хлеб и наливал в чашу чистую воду, ночью задвигал засовы на воротах Эриду, а на рассвете уплывал на своем корабле ловить рыбу в водах Персидского залива. Однажды, как гласит история, южный ветер расстроил его ялик, и в отместку он сломал ему крылья. Но южный ветер был слугой Ану, и бог неба потребовал наказать дерзкого смертного. Однако Эа вмешался и спас созданного им человека. Он облачил Адапу в траурное одеяние и указал ему дорогу на небо, рассказав, что ему предстоит делать в [pg 384] царстве Ану, но запретив есть и пить там. Небесные врата охраняли боги Таммуз и Нин-гис-зида, которые спросили его о смысле траурного одеяния, которое он носил.³⁰⁴ Когда он ответил, что это для них самих, потому что они исчезли с земли, их сердца смягчились, и они стали его заступниками у Ану. Ану выслушал и простил, но то, что смертный человек должен созерцать тайны неба и земли, настолько противоречило праву, что он приказал принести ему пищу и воду жизни. Адапа, однако, помнил повеления Эа и, в отличие от библейского Адама, отказался от пищи бессмертия. Человек остался смертным, и ему уже никогда не суждено было вкусить от дерева жизни. Но взамен ему были дарованы суверенитет и власть, и Адапа стал отцом человечества.

Эта легенда - вавилонская попытка объяснить существование смерти. Она похожа и в то же время не похожа на историю в Бытие. Библейский Адам потерял дар бессмертия, потому что его желание стать как Бог, познать добро и зло, привело к изгнанию из рая, в котором росло дерево жизни. Адапа, напротив, уже был наделен знанием своим создателем Эа, и он потерял бессмертие не из-за непослушания, а из-за повиновения велениям бога. Адам был изгнан из Эдемского сада, "чтобы не простер он руку свою и не взял от древа жизни, и не ел, и не жил вечно"; в вавилонской легенде сам Ану не желал, чтобы тот, кто вошел во врата рая, [pg 385] оставался простым смертным человеком. Вавилонский политеизм допускал существование разделенных советов между богами; монотеизм Израиля делал это невозможным. Не было второго Яхве, который действовал бы вопреки первому; Яхве был одновременно творцом человека и Богом небес, и не было никого, кто мог бы оспаривать Его волю. В Книге Бытия нет места для Ану; и как Эа, создатель Адапа, не хотел, чтобы созданный им человек стал бессмертным богом, так и Яхве, создатель Адама, отказал ему в пище бессмертной жизни.

В том, что между библейской историей и вавилонской легендой существует связь, убеждает география библейского рая. Это был сад в земле Эдем, а Эдин - шумерское название "равнины" в Вавилонии, на которой стоял Эриду. Две реки, орошавшие его, были Тигр и Евфрат - два потока, которые, как нам специально сказали, были созданы и названы Эа в начале времен. Действительно, название, которое дано Тигру в Книге Бытия, - это его старое шумерское название, сохранившееся в более поздние времена только в религиозной литературе. Даже странное утверждение о том, что "из Эдема вышла река", которая "разделилась и стала на четыре головы", объясняется клинописными текстами. Персидский залив назывался "Соленой рекой" и, благодаря приливам и отливам, считался источником четырех потоков, которые впадали в него из своих "голов" или источников на севере. На ранних вавилонских печатях Эа, бог моря, изображен льющим из вазы, которую он держит в руках, то четыре реки, то только Тигр и Евфрат. Много лет назад я обратил внимание на шумерский гимн, в котором упоминается сад и священное дерево Эриду, вавилонский рай на равнине Эдема. Доктор Пинчес [pg 386] с тех пор обнаружил последнюю строку гимна, в которой картина дополняется упоминанием рек, орошавших сад по обе стороны. Таким образом, текст гласит

"В Эриду виноградная лоза³⁰⁵ росла над тенью; в святом месте была она принесена;

Корень ее был из яркого лазурита, установленного в нижнем мире.

Путь Эа пролегал в Эриду,³⁰⁶ изобилующем плодородием.

Его место (там) - центр земли;

его ложе - ложе первозданной матери.³⁰⁷

В сердце его священного дома, который раскинул свою тень, как лес, не входил никто.

Посреди него Таммуз,

между устьями рек по обе стороны "³⁰⁸.

Священное дерево сада Эриду, однако, не было деревом жизни. Скорее, это было дерево познания. Об этом свидетельствует надпись Эри-Аку или Ариоха, в которой он описывает себя как "исполнителя оракула священного дерева Эриду". Возможно, именно на это дерево ссылается магический текст, в котором человек, одержимый "семью злыми духами", исцеляется с помощью "дерева, которое сокрушает силу инкуба, и на сердцевине которого записано имя Эа".³⁰⁹ Но Эа был не только богом мудрости, он также был богом "жизни", и поэтому деревья как мудрости, так и жизни вполне могли находиться под его покровительством.

Когда Вавилон стал верховным главой Вавилонии при Хаммурапи и его преемниках, творческие функции [pg 387] Эа были узурпированы Меродахом. До нас частично дошла длинная поэма, воспевающая славу и могущество Меродаха, его борьбу с хаосом и сотворение мира, и, наконец, его официальное наделение именами и прерогативами Эа. С тех пор как ее обнаружил мистер Джордж Смит, она известна как "Эпос творения", а параллелизм между первой табличкой, составляющей ее, и первой главой Бытия давно привлекает внимание. Однако поэма имеет позднюю дату. Она относится к эпохе религиозного синкретизма и материалистической философии; мифологические существа из народных представлений превращаются в космологические принципы, а мифологические одежды, в которых они появляются, имеют театральный эффект. Вся поэма напоминает о ходульных и бездушных постановках XVIII века, в которых обыденные идеи и прозаическая философия маскируются под греческих нимф или римских богов. Лишь местами, как в описании поединка с Тиаматом или в заключительных строках, - если, конечно, они вообще относятся к поэме, - она поднимается над уровнем скучной посредственности.

Но как бы ни была она посредственна с литературной точки зрения, она представляет значительную ценность для изучающего вавилонскую космологию. Автор, к счастью, не оригинален, и его материалы, следовательно, были взяты из фольклора или теологии прошлого. Кроме того, в "Проблемах и решениях первых принципов", написанных философом Дамасием, современником Юстиниана, чья точность и знакомство с вавилонскими источниками подтверждается, сохранился долгожданный комментарий к первой табличке. К сожалению, табличка разбита, и последние строки ее, соответственно, утрачены: "Когда над безымянным небом

"Когда вверху безымянным было небо,

земля внизу именем не называлась",

[pg 388]

первобытная глубина была их родоначальницей,

хаос Тиамат был матерью их всех.

Их воды были заключены в одном месте,

стебли кукурузы были не собраны, болотные растения не росли.

В то время боги еще не появились, ни один из них,

не назывались они по имени, не была определена их судьба.

Тогда были созданы [первобытные] боги,

Лакхму и Лакхаму появились [первыми].

Пока они не выросли...

Ансар и Кисар были созданы...

Долгими были дни...

Ану [были созданы Бел и Эа]".

Для вавилонянина имя и существование были одним и тем же. Ничто не могло существовать, если у него не было имени, а все, что имело имя, обязательно существовало. Поэтому сказать, что небо и земля были безымянными, было равносильно тому, что они еще не существовали. Слова, с которых начинается Книга Бытия, являются любопытным противоречием утверждению вавилонского космолога. Но это противоречие иллюстрирует разницу между древнееврейской и вавилонской точками зрения. Еврей был не только монотеистом, но и верил, что все, даже с самого начала, было создано единым верховным Богом; вавилонянин же, напротив, исходил из материалистической философии. Богов изначально нет; сами боги были созданы как другие вещи; все, что существовало вначале, было хаосом вод. Вавилонская космология - это космология Бытия без первого стиха.

Слово, которое я перевел как "хаос", - мумму. Дамасий объясняет его как *νοῦτος κόσμος*, "мир мысли" или "идеи". Это мир, который еще не имеет внешней формы или содержания, мир без материи, или, возможно, более вероятно, мир, в котором материя неотделима от мысли. И по этой причине он бесформен; материя еще не приняла никакой формы, нет [pg 389] ни одной ее части, которая была бы настолько определена и отделена от остального, чтобы получить имя и тем самым существовать. Там нет ничего, кроме темной и бесформенной глубины, которую можно представить, но нельзя изобразить или описать.

Хаос, однако, - это хаос вод. Таким образом, мы снова возвращаемся в Эриду и на берега Персидского залива, к космологии, которая видела в воде исток всего сущего. Но сама космология претерпела странные изменения. Больше нет бога-создателя, нет Эа, который, как и Яхве, существовал до сотворения мира и которому земля и ее обитатели обязаны своим существованием. Он был отброшен в сторону, и его место заняла атеистическая философия. Мифологическое одеяние большей части поэмы не может скрыть материализма ее предисловия; в поздних табличках Тиамат снова может быть драконом народного воображения, но первая табличка тщательно объясняет, что это всего лишь адаптация к фольклору и легенде, и что Тиамат на самом деле то, что означает ее имя - хаос вод.

Процесс сотворения задуман в семитской форме порождения. Глубина и хаос вод становятся мужским и женским началами, от которых образуются другие пары. Под влиянием греческой

метафизики процесс порождения легко перешел в эманацию гностических систем теософии. Но вавилонский поэт остался верен своей семитской точке зрения; для него творение - это процесс порождения, а не эманации; и хотя божественные или сверхчеловеческие существа старой мифологии стали просто первозданными элементами, они все еще остаются мужчинами и женщинами, порождающими детей, как люди и боги.

Чтобы найти элементарные божества или принципы, которые могли бы таким образом сформировать звенья в цепи эволюции, пришлось обратиться к духам или призракам раннего [pg 390] шумерского культа, которые были по своей природе материальны и не имели ничего общего с семитским Ваалом. Лахму и его супруга были частью чудовищного выводка Тиамата; они представляли собой первые попытки придать форму и содержание вселенной. Но форма была еще хаотичной и незрелой, и ее символизировали существа, наполовину человеческие, наполовину звериные, которые пришли в семитскую Вавилонию из шумерского анимизма, и память о которых хранилась в религиозном искусстве.

За Лахму и Лахаму следовали Ан-сар и Ки-сар, верхний и нижний небосвод. Первое первоначально обозначало мир духов неба, второе - мир духов земли.³¹⁰ Они не были богами в семитском понимании этого термина. Но вавилонские богословы превратили их в абстракции, а точнее, в платоновские архетипы неба и земли. Их появление означало, что мир наконец-то обрел форму и содержание; царствование хаоса закончилось, и были установлены пределы, которые больше никогда не должны быть перейдены. Земля и небо ограничивали и определяли друг друга; эпоха бесформенности закончилась, и упорядоченная вселенная готовилась принять нынешнее творение.

Но работа по подготовке была долгой, и только после ее завершения могли родиться боги семитской Вавилонии. Но даже они перестали быть богами для философского космолога. Их заменила и представила триада Ану, Бэл и Эа, которые, таким образом, стали просто символами неба, земли и воды, [pg 391] элементов, которые вавилонская философия рассматривала как составляющие нынешнего мира. Несомненно, если бы мы располагали остальной частью таблички, мы бы прочитали, как от них произошли другие "великие боги".

Поздние скрижали эпоса, посвященные прославлению Меродаха, по большей части малоинтересны для космолога. В них утомительно долго и нудно повторяется вызов Тиамата богам, вооружение Меродаха и его победа над драконом. Религии и мифологические представления всех видов были положены в основу и путано перемешаны. Необходимо было, чтобы Меродах, верховный бог Вавилона, был творцом мира, а значит, и творческие акты других богов-творцов Вавилонии должны были быть перенесены на него, какими бы разнообразными они ни были. Поэтому в ходе поэмы Меродах описывается как разрушающий и созидающий одним лишь своим словом - космологическая концепция, напоминающая нам о египетской школе Гермополя, а после разрушения Тиамат он, как говорят, разрезал ее пополам, как плоскую рыбу, образовав из одной половины небесный полог, над которым "фонтаны великой глубины" были надежно заперты. Это вопиюще противоречит космогонии "Введения", но вполне вероятно, что она была заимствована из Ниппура, где Эн-лиль, возможно, описывался как создатель небес и земли подобным образом. Когда творческие функции Эн-лиля были узурпированы Меродахом, старый миф был перенесен на вавилонского бога; и, соответственно, в пеане, который, кажется, составляет конец эпоса, Бел из Ниппура объявляет, что даровал Меродаху имя "владыки земли", а вместе с ним и силы и функции, которые сопровождали его.

[pg 392]

Борьба между Тиаматом, драконом тьмы, и Меродахом, богом света, первоначально, должно быть, символизировала рассеивание черной дождевой тучи и бушующей бури лучами солнца. Но автор поэмы, очевидно, рассматривает ее с космологической точки зрения. Для него это победа порядка над хаосом, настоящего творения над бесформенным миром прошлого, незыблемого закона над анархией и неразберихой. Представление о законе, управляющем вселенной и не поддающемся нарушению, глубоко засело в сознании вавилонян. Даже боги не могли избежать этого; они тоже должны были подчиниться той неумолимой судьбе, которая отличала мир, в котором мы живем, от мира хаоса. Все, что они могли сделать, - это истолковать и раскрыть постановления судьбы; сами же постановления были непреложны. Не Бел издавал их; они содержались в скрижалях судьбы, которые он носил на груди как символ своего превосходства и которые позволяли ему предсказывать будущее. Это были Урим и Туммим, с которыми, подобно первосвященнику Израиля, он имел право советоваться.³¹¹ Они делали его не вершителем судьбы, а ее толкователем и провидцем. От них он узнал, как будут действовать законы вселенной, что уготовила ему судьба и как, следовательно, нужно действовать. Не похоже даже, что его предвидение простиралось дальше года; во всяком случае, [pg 393] когда Бел Ниппурский уступил свои права Белу Вавилонскому, нам рассказывают, что последний должен был каждый новогодний день сидеть в мистической "палате судебных", определяя судьбу человечества на весь последующий год.

За победой над Тиаматом последовало назначение конкретных постов на небе для Ану, Бэла и Эа. Это опять плохо согласуется с космологией предисловия к поэме; но астрономы уже давно разделили небо между богами вавилонской триады, и честь первым сделать это, соответственно, принадлежит Меродаху. Далее следует рассказ о сотворении небесных тел: "Он приготовил станции великих богов.

"Он приготовил места для великих богов;

звезды, соответствующие им, он установил как созвездия;

Он сделал известным год и наметил знаки зодиака.

Каждому из 12 месяцев он назначил по три звезды,

от начала года до его конца.

Он установил положение Юпитера, чтобы они знали свои пределы,

чтобы они не согрешили, не сбились с пути, ни один из них.

Вместе с ним он установил станции Бэла и Эа.

Он открыл ворота с обеих сторон,

укрепил засовы их с левой и с правой стороны;

в середине он установил лестницу.³¹²

Он заставил луну появиться, освещая ночь;

Он установил ее как светило ночи, чтобы дни были известны".

Здесь следует заметить, что, как и в Бытие, небесные тела рассматриваются как уже существующие. Создатель установил их на своих местах и [pg 394] назначил их для обозначения и регистрации времени. В самом деле, как только появился Ансар - верхняя

твердь - появились и они, хотя и в зачаточном виде. Таким образом, Меродах - скорее организатор, чем творец, основатель астрономии и календаря, а не создатель звезд. Важно, однако, что здесь нет упоминания о солнце; бог-солнце вряд ли мог сам установить законы, которым он должен был подчиняться.

Обычно считается, что за рассказом об упорядоченном расположении звезд последовал рассказ о сотворении животных. Но табличка, на которой обнаружен последний рассказ, - всего лишь фрагмент, и профессор Циммерн может быть прав, считая, что она относится к другой истории сотворения мира. Во всяком случае, сотворение в ней приписывается "богам" в целом "в их собрании", а не одному Меродаху. С другой стороны, как мы видели, автор эпоса без колебаний ввел в него космологические мифы и идеи, которые согласовывались, но плохо сочетались друг с другом, и вряд ли он мог не заметить сотворение одушевленных вещей.

Но описание сотворения мира или даже великой борьбы между богами света и драконом тьмы не было главной целью вавилонской поэмы. Это было прославление бога Вавилона. История сотворения мира была введена в нее потому, что было необходимо, чтобы верховный бог вселенной был и ее творцом, и по той же причине свержение сил тьмы и анархии было поручено одному Меродаху. Он узурпировал и поглотил prerogatives и атрибуты старших богов; их добродетели, как бы, перешли к нему вместе с их суверенитетом и царством. Этот факт очень ясно выражен в заключительной табличке эпоса. Здесь имена, а [pg 395] вместе с ними и сущности других божеств официально передаются Бел-Меродаху из Вавилона. Отныне он признается как на небе, так и на земле, верховный Бел или Ваал семитской веры, отец богов и людей. Эа, владыка глубин, и Бел из Ниппура, "владыка земли", уступают ему свои полномочия; он принимает их имена и титулы; и благодаря централизующему влиянию Вавилона вавилонская религия приближается к монотеизму настолько, насколько это позволял ее местный характер. Только творец мог по праву претендовать на поклонение созданных им существ.

Но это было лишь приближение; окончательный шаг так и не был сделан, даже самыми умозрительными теологами Вавилонии, которые считали политеизм местных культов и оставляли Меродаха без соперника.

Здесь кроется огромный контраст между вавилонскими и древнееврейскими представлениями о творении. Древнееврейская космология начинается с веры в единого Бога, рядом с которым нет никого другого, будь то в современном упорядоченном мире или в мире хаоса, который ему предшествовал. На первом месте в ней стоят слова: "В начале сотворил Бог небо и землю". Там был хаос, это правда, но это был хаос, который не имел существования помимо Бога, который был его абсолютным хозяином, чтобы вырезать и создавать то, что Он пожелает. Глубина тоже была там; но глубина не была ни олицетворением Тиамата, ни царством Эа; дыхание единого Бога витало над ней, ожидая того времени, когда творческое слово будет произнесено, и дыхание Бога станет жизнью мира. Элементы древнееврейской космологии, действительно, все вавилонские; даже само творческое слово было вавилонской концепцией, как показывает нам история Меродаха; но дух, вдохновляющий космологию, является противоположностью того, что вдохновляет космологии [pg 396] Вавилонии. Между политеизмом Вавилонии и монотеизмом Израиля лежит пропасть, которую невозможно преодолеть.

Вавилонский "Эпос творения", как мы можем называть его в дальнейшем, подводит итог и объединяет различные космологические системы и причуды, бытовавшие в стране. Они облечены в мифологическую форму с философским введением. Поэтому мы можем

рассматривать его как воплощение последней и наиболее полно разработанной попытки вавилонского разума объяснить происхождение вещей. Она, вероятно, не намного старше эпохи Второй Ассирийской империи, хотя материалы, из которых она была составлена, восходят к самым ранним дням вавилонской древности. Но он служит примером трех принципов или фундаментальных идей, на которых основывалась вавилонская космология: вера в то, что вода является первоэлементом, вера в беззаконный хаос, из которого нынешний мир был как бы спасен после долгой и ожесточенной борьбы между силами тьмы и света, и вера в порождение как главную творческую силу. Учение о том, что в воде мы должны видеть источник всех вещей, - учение, которое через космологию Финикии и Израиля перешло в космологию греческого философа Фалеса, - можно отнести к тем временам, когда Эриду был морским портом Вавилонии, а его жители отвоевывали у моря болотистые земли и рассуждали о происхождении почвы, на которой они жили. Вера в два творения - тьмы и света, беспорядка и закона - возможно, возникла в результате первого контакта между учением Ниппура и учением Эриду и попыток примирить антагонистические концепции, лежавшие в их основе, и противоположные системы творения, которые они предполагали. Вера, наконец, в поколение как движущую силу была частью религиозного наследия, общего [pg 397] семитской расы. В центре семитской религии находилась божественная семья, которая соответствовала семье поклоняющегося на земле; боги были отцами и матерями и порождали детей, как и человеческие родители, по образцу которых они были созданы. Поэтому, поскольку вселенная была божественной, она тоже должна была развиваться таким же образом; только когда она переставала быть частью божественной природы и принимала свою нынешнюю форму, бог мог обращаться с материалами, из которых она состояла, как гончар обращается с глиной; или даже мог творить простым словом своих уст, как человек, который подобным образом создавал имена вещей, а вместе с ними и сами вещи, которые эти имена обозначали. С развитием философских спекуляций процесс божественного порождения превратился в процесс эманации. Боги превратились в простые символы, или, скорее, космические принципы и элементы; они сохранили, правда, свою двойную природу - мужскую и женскую, но это было уже все. Человеческий элемент, который когда-то был в них, исчез, конкретное превратилось в абстрактное. Мумму Тиамат был объяснен как мир незрелых идей, - простое "постижение", можно сказать, гегелевской философии, - и первый из "эонов" позднего гностицизма был, таким образом, начат на своем пути. Вавилонская религия была узко локальной и антропоморфной; под руководством космологической философии она стремилась превратиться в атеистический материализм. Поэт, написавший вступление к "Эпосу творения", мог слабо верить в богов и богинь, которых он вывел на сцену; в саморазвивающейся вселенной школы едва ли нашлось место даже для самого создателя Меродаха.

[pg 398]

Лекция VII. Священные книги.

Каждая организованная религия имела свои священные книги. Они были столь же необходимы для нее, как и организованное священство; более того, магометанство является доказательством того, что священная книга более необходима для ее существования, чем

даже священство. Священная книга связывает религию с ее прошлым; она является высшим авторитетом, к которому можно апеллировать в спорных вопросах, ибо в ней закреплены те учения прошлого, на которых зиждется вера настоящего. Он остается неизменным и постоянным среди вечного потока и прилива человеческих вещей; поколения людей быстро сменяют друг друга, обряды и церемонии меняются, значение символов забывается, а человеческая память слаба и обманчива; но написанное слово живет, и изменения, которые происходят с ним, сравнительно немногочисленны и незначительны.

Вавилония обладала организованной религией, религией официальной и в значительной степени результатом искусственного сочетания разнородных элементов, и поэтому у нее тоже обязательно были свои священные книги. Но они существенно отличались от священных книг Древнего Египта. Египтянин жил для будущей жизни, а не для настоящей, и его священными книгами были Книги мертвых, предназначенные для руководства развоплощенной души в ее путешествии по потустороннему миру. Интересы и заботы вавилонянина, напротив, были сосредоточены в настоящей жизни. Потусторонний мир был для него [pg 399] страной тени и забвения; мрачным миром темноты и полубессознательного существования, на который он охотно закрывал глаза. Именно в этом мире он получал награду или наказание за свои поступки, общался с богами света и был, как часто говорится в гимнах, "сыном своего бога". Соответственно, от священных книг ему требовалось руководство в этом мире, а не в мире за могилой.

Таким образом, священные книги Вавилонии делятся на три класса. Во-первых, это так называемые магические тексты или заклинания, целью которых было уберечь верующих от болезней и бед, отогнать смерть и победить злые происки ведьм и колдунов. Во-вторых, это гимны богам; и, наконец, покаянные псалмы, которые во многом напоминают псалмы Ветхого Завета и использовались не только отдельными людьми, но и в периоды общественных бедствий и потрясений. Первым открытием этой священной литературы мы обязаны гению Франсуа Ленормана; именно он впервые обратил на нее внимание и дал характеристику нескольким ее разделам. Более того, именно Франсуа Ленорман указал на то, что ее ближайшим аналогом является Индуистская веда - блестящая интуиция, которая была подтверждена последующими исследованиями.

К сожалению, наши знания о ней все еще крайне несовершенны. Мы зависим от фрагментарных копий, дошедших до нас из библиотеки Ниневии и напоминающих разорванные листки, перемешанные между собой, которые остались лишь в некоторых восточных библиотеках от исчезнувших рукописей Библии и христианских отцов. Пока не будут тщательно исследованы великие библиотеки самой Вавилонии, наш анализ и объяснение священной литературы этой страны должны быть лишь предварительными; свидетельства несовершенны, и [pg 400] выводы, которые мы делаем на их основе, также должны быть несовершенны.

Более того, чисто ритуальные тексты, которые стоят к гимнам в том же отношении, в каком Атхарва-веда стоит к Rîg-веде, до сих пор были мало изучены. Их перевод труден и неясен, а описанные в них церемонии понятны лишь наполовину. Тем не менее, ритуал составлял важную часть священной литературы, и к его рубрикам относились, по крайней мере, с таким же почтением, как к рубрикам англиканской молитвенной книги. Несомненно, слова, из которых они состояли, не обладали такой же магической или божественной силой, как заклинания и гимны, они не были, говоря современным языком, словесно вдохновенными, но они предписывали обряды и действия, которые имели такое же божественное и авторитетное происхождение, как и сами гимны. Кроме того, они были рамкой, в которую вписывались гимны и заклинания; все вместе они составляли единый акт божественного

поклонения, отдельные части которого не могли быть разделены без ущерба для действенности целого.

То, что заклинания были самой древней частью священной литературы Халдеи, было замечено Ленормантом. Они восходят к эпохе анимизма, к тем временам, когда многочисленные духи и демоны шумерских верований еще не уступили место богам семитской Вавилонии, а колдуны и знахари - иерархии жрецов. Их язык, как и дух, - шумерский, и к зи или "духу" неба и земли обращаются, чтобы отразить нападение злого призрака или осыпать благословениями голову поклоняющегося. Они переносят нас в мир, который плохо гармонирует с благопристойным и упорядоченным царством богов света; это мир, в котором господствуют лил и утук, галла и экимму, и мало места [pg 401] кажется оставлено для божеств семитской веры. Сами боги, когда их вводят в нее, обретают новый облик. Эа больше не бог-создатель и культуры, а мастер магических заклинаний; а его сын Асари проявляет свою доброту к людям, наставляя их, как устранить колдовство, в которое они были вовлечены, и колдовство, которым они мучаются.

Однако следует помнить, что не все заклинания относятся к одной эпохе. Приведенное мною описание относится только к самой древней их части. Шумерское население продолжало существовать в Вавилонии после захвата страны семитами, и шумерский анимизм также продолжал существовать. Наряду с высшей семитской верой, с ее богами и богинями, жречеством и культом, в народе процветала древняя вера в колдовство и чародейство, в заклинания и заклинания, в мир призраков Эн-лиля. И как в Индии, где брахманизм наложил свою защиту на древние культы и верования местных племен, ассимилируя их, насколько это было возможно, или объясняя их в соответствии с ортодоксальным вероучением, так и в древней Вавилонии первобытный анимизм народа был молчаливо признан религией государства и получил официальную санкцию. Не было никаких враждебных заявлений по отношению к нему, как это сделала религия Израиля; напротив, старые заклинания были сохранены и модернизированы, а святость, которой они были наделены, сохранена в неприкосновенности. В то же время они были гармонизированы, насколько это было возможно, с официальным вероучением. В них были введены боги государственной религии, к которым обращались, а не к "духу неба" и "духу земли". Духи и призраки ночи, конечно, существовали, но отныне они должны были [pg 402] подчиняться божествам официальной веры. Теперь уже не знахарь, а жрец семитского божества произносил заклинания для просителя и страдальца.

Мы можем практически проследить развитие того, что я буду называть "Книгой заклинаний", вплоть до того момента, когда она приняла свою окончательную форму. Однако она не была Книгой в собственном смысле этого слова, и сомнительно, что все сборники, которые могли бы войти в нее, были когда-либо объединены вместе. Однако удобно говорить о ней в единственном числе, если мы помним, что это всего лишь способ выражения.

На самом деле у каждого большого святилища, по-видимому, была своя коллекция. Время от времени они пополнялись, некоторые из них объединялись, или части, принадлежащие к одной коллекции, включались в другую. Заклинания, которые были признаны эффективными в борьбе с болезнями или предотвращении зла, включались в сборник, относящийся к той же теме, независимо от их источника, а список богов, к которым обращались, постоянно пополнялся в надежде, что кто-то из них сможет принести страдальцу облегчение. Старые сборники изменялись в соответствии с требованиями государственной религии, а анимизм, вдохновлявший их, приспособлялся к ортодоксальной вере; в то же время появлялись новые сборники, которые дышали более поздним семитским духом и составлялись под наблюдением вавилонского жречества. В них были воплощены гимны и даже покаянные

псалмы, подобно стихам Библии или Корана, которые до сих пор используются в качестве амулетов в христианских и магометанских странах; и иногда трудно провести различие между гимном, служившим просто для заклинания, и гимном, который пели в служении богам. Действительно, заклинательные формулы нередко смешиваются с [pg 403] словами гимна или псалма, создавая то гротескное и неловкое смешение возвышенной духовной мысли и глупого суеверия, которое так часто встречается нам в религиозной литературе Вавилонии. Насколько поздно некоторые из этих сборников вошли в историю вавилонской религии, можно судить по тому, что наступило время, когда старый шумерский язык перестал считаться необходимым для обеспечения действенности заклинаний, и сборники заклинаний стали составляться на семитском языке поздней Вавилонии.

В дальнейшем критика должна будет отсеять и отличить эти сборники один от другого, и, прежде всего, определить ранние и поздние элементы, содержащиеся в каждом из них. В настоящее время такая задача невыполнима. Лишь немногие из этих коллекций дошли до нас в совершенном виде; несомненно, есть еще много таких, которые в будущем станут известны; а пока мы зависим только от копий, сделанных для библиотеки Ниневии, не имея возможности сравнить их с более древними текстами из вавилонских библиотек, отсутствует главное условие научного исследования. Тем не менее, есть некоторые коллекции, которые заметно выделяются среди остальных. Они демонстрируют черты большей древности, а анимизм, предполагаемый в них, лишь тонко замаскирован. В них сравнительно легко разделить более новые и более древние элементы, которые имеют мало общего друг с другом. Большинство из них указывают на Эриду как на источник, из которого они произошли, хотя есть и другие, происхождение которых, вероятно, следует искать в Ниппуре.

В этих древних заклинаниях боги официального культа отсутствуют, за исключением тех случаев, когда их имена были насильственно внедрены позднее, а их место занимают духи или призраки ранних шумерских верований. Зи или "дух неба", "дух земли", "дух [pg 404] Ансара и Кисара" - таковы сверхчеловеческие силы, которые вызываются и к которым поклоняющийся обращается в крайних случаях. Даже когда мы встречаем имя, которое носит одно из божеств поздней вавилонской религии, мы обнаруживаем, что это имя не бога, а обитателя призрачного мира. "О дух Зикума, матери Эа", - читаем мы в одном месте; "О дух Нины, дочери Эа"; "О дух, божественный владыка матери-отца Эн-лиля; о дух, божественная владычица матери-отца Нин-лиля"; "О дух луны, о дух солнца, о дух вечерней звезды!" Еще нет ни Бэла из Ниппура, ни Сина, ни Самаса, ни Истара; колдун знает только о духах, которые одушевляют вселенную, несут добро и зло человечеству. Ничто не может быть более поразительным, чем перечисление божественных сил, к которым обращена молитва, в заклинании, перевод которого я привел в своих "Лекциях Хибберта" (p. 450 sqq.).

"Будь то дух божественного повелителя земель;

или дух божественной владычицы земель;

или дух божественного владыки звезд;

или дух божественной владычицы звезд;

или дух божественного повелителя потомства;

или дух божественной повелительницы потомства;

или дух божественного повелителя ...;

или дух божественной повелительницы ...;

или дух божественного владыки священного кургана (Эа);

или дух божественной владычицы священного кургана (Дамкина);

или духа божественного владыки Дня Жизни;

или духа божественной владычицы дня жизни;

или дух божественного глашатая духов-хозяев (Эн-ме-сарра);

или дух божественной певицы духов-хозяев "313.

[pg 405]

Даже слово "божественный", которое я использовал здесь за неимением ничего лучшего, привносит в тексты теологические идеи, которые на самом деле были им чужды. В оригинале оно означает не что иное, как "сверхчеловек" или, возможно, "нечеловек"; шумерский термин - *dimmer*, другие формы которого - *dimme*, "призрак", и *dimmea*, "призрак"; а идеограмма, которой оно символизируется, - восьмилучевая звезда³¹⁴. "Божественный господин" и "божественная госпожа" в заклинании - это Лил и его служанка под другим видом; это просто призрачные духи, которые проявляются ночью в точках света, мерцающих и движущихся по небу.

Теологи более позднего времени развлекались тем, что каталогизировали шумерские имена духов, вызываемых в древних заклинаниях, и превращали их в названия божеств официального пантеона. Тот же процесс был проделан и в семитских переводах, которые были добавлены к текстам заклинаний. Дух солнца стал Самасом, дух вечерней звезды - Истаром. Эн-лил из Ниппура трансформировалась в Бэла, а Нин-лил, владычица призрачного мира, - в Билата или [pg 406] Бельтиса. Этот процесс был облегчен изменениями, которые претерпели в Эриду сами магические тексты, еще до времен семитского влияния. Морские сношения с другими землями уже сильно повлияли на теологию Эриду; грубый анимизм прежней эпохи уступил место концепции бога-культуры, который обучал людей элементам цивилизации и писал книги для их обучения. Он все еще был "духом", а не богом в семитском понимании этого слова, но это был дух, возвысившийся над остальными, обретший те семейные связи, которые составляли основу цивилизованной жизни, и именно ему было приписано сотворение мира. Эа еще не был Ваалом, но он уже был на пути к тому, чтобы стать богом в человеческом обличье.

В то же время и Эа, и его сын Асари по-прежнему предстают в животном облике. Асари, правда, "благодетель человека", но он также "могучий из княжеских газелей" и даже сам "газель"; в то время как Эа - "антилопа глубин", или, проще говоря, "антилопа".³¹⁵ В другое время он - "владыка земли", которую он создал, или "царь" того "священного [pg 407] кургана" вод, который возвышался на фоне неба, как гора, и за которым на рассвете появлялось солнце. Титулы, которые он носит, безошибочно указывают на Эриду. Только здесь Эа был создателем земли, и здесь же, в храме бога, находилось подобие того "священного кургана", на котором были объявлены будущие судьбы человечества. Самые древние заклинания, дошедшие до нас, наверняка были составлены в Эриду во времена шумерского анимизма.

В них есть и другие божественные или полубожественные имена, которые рассказывают ту же историю. Чистые воды, исцеляющие больных и уничтожающие колдовскую силу, приносит водный дух Нин-аха-кудда, "госпожа заклинаний", которую богословы более позднего времени превратили в дочь Эа. Вместе с водным духом появляется и Бау, телица из

города [Исин316](#) . Как и Зикум, она была матерью Эа и "прародительницей человечества", а также разделила с Асари почести новогоднего праздника. Но Бау, судя по всему, не была родом из Эриду. Она пришла туда из соседнего города, и ее присутствие в заклинаниях - доказательство того, что даже в этих древнейших памятниках священной литературы мы еще далеки от истоков вавилонской религии.

В Ниппуре именно призраки и вампиры, обитавшие под землей, были предметом ужаса для людей, живших на ней. В Эриду демоны были скорее бушующими ветрами и штормовыми облаками, которые приводили воды Эа в ярость и, казалось, на время превращали его царство в хаос беззаконного разрушения. Рыбак погибал в своей лодке, а соленые волны заливали землю и опустошали поля земледельцев. Именно здесь, на берегах Персидского залива, история о великом потопе была, возможно, [pg 408] впервые облечена в литературную форму, и выросла та концепция мироздания, которая нашла свое последнее выражение в легенде о борьбе Меродаха с силами анархии. Во всяком случае, именно здесь духи зла были представлены в виде семи злых демонов, в которых, как бы, воплотилась буря.

"Семь их, семь их,

в пустоте глубокой семь их!

Gleams (?) of the sky are those seven.

Во впадине глубокой, во дворце, они выросли.

Мужского пола они не имеют, женского не имеют.

Разрушительные вихри они.

Жены у них нет, детей они не рожают;

Сострадание и милосердие им неведомы.

Молитвы и прошения не слышат они.

Кони, выращенные в горах, - они.

К Эа они враждебны.

Престолоносцы богов - они.

Чтобы творить зло на улице, они селятся на шоссе.

Зло они, зло они!

Семь их, семь их, семь раз по семь!"

Семь злых духов играли важную роль в демонологии древнего Эриду, отголоски которой сохранились и в более поздней литературе. Они даже были преобразованы в бога и объединены в его лице под именем "божественной семерки" [317](#) , а последний месяц года, бурный Адар, был посвящен им. Но в прежние времена потребовалась вся мудрость Эа, чтобы противостоять их нечестивым замыслам. Сам бог огня был послан, чтобы изгнать [pg 409] их из своих жертв и раскрыть их природу и происхождение.

"В горе заката, говорится, "родились те семеро;"

в горе восхода солнца те семь выросли;

в ложбинах земли они имеют свое жилище;

на высоких местах земли провозглашаются их имена.

Что касается их, то на небе и земле у них нет жилища, сокрыто их имя.

Среди разумных богов они не известны.

Их имя на небе и земле не существует.

Те семеро с горы заката скачут вперед,

те семеро в горе восхода солнца связаны покоем.

Во впадинах земли они ступают;

на высоких местах земли они поднимают шею.

Они ничем не известны; на небе и на земле нет знания о них".

Гимн или заклинание, в котором они описываются, относится к позднему периоду истории вавилонской религии. Анимизм первобытных времен был заменен богами и богинями более поздней официальной веры. Но вера в семь злых духов все еще сохранялась не только в народном сознании, но и в рядах официальной иерархии; все еще помнили, что вначале они были духами бури, рожденными в расщелинах оврага или на вершине бурной горы, откуда они вылетали, как дикие кони. Лишь жертвенный огонь мог отвести их натиск, и до сих пор с официальной санкции сочинялись заклинания, с помощью которых их можно было отогнать. Этот факт показывает, к какой поздней эпохе может относиться составление заклинаний и заклинательных гимнов, даже если атмосфера, которой они дышат, все еще напоминает атмосферу Эриду, а язык, на котором они написаны, все еще является священным шумерским. Но есть сборники магических гимнов [pg 410] и формул, которые датируются еще более поздним временем. Восемь книг так называемого сборника Maqlû или "Сжигание" написаны на семитском вавилонском языке³¹⁸; и хотя две из девяти книг другого сборника - Surpu или "Пожирающий жар" - двуязычны, они были явно переведены с более оригинального вавилонского на шумерский, как латинские упражнения в наши дни³¹⁹. Официальный канон магических текстов, по сути, долго формировался и принял свою окончательную форму только в эпоху Хаммурапи или позже, хотя его корни уходят в самый ранний период Вавилонии, в эпоху анимизма и знахаря, когда шумерский язык все еще доминировал на земле, а семитский кочевник или торговец довольствовался тем, что учился у него элементам цивилизации.

Официальный канон был собран со всех сторон. Большинство великих святилищ страны, вероятно, внесли в него свой вклад; в большинстве из них, если не во всех, должны были существовать магические ритуалы, выросшие под присмотром и надзором жречества, в которых старые верования народа были дисциплинированы и согласованы с догмами государственного вероучения. До последнего времени одно из сословий, на которые делилось жречество, было известно как "Кни" или "Чантеры", чье название происходит от шумерского ên, "заклинание". Именно это слово прилагается к чарам и заклинательным гимнам, составляющим неотъемлемую часть магических текстов; и хотя со временем оно стало обозначать не более чем "декламацию", это была декламация, обладавшая магической силой, и для которой, следовательно, [pg 411] необходимо было специальное обучение. Одной ошибки в произношении или интонации, одной замены одного слова на другое было достаточно, чтобы разрушить очарование и потребовать повторения

церемонии. Некоторые заклинания приходилось произносить даже шепотом, как некоторые части римского миссала, и целая серия или коллекция, соответственно, называется ритуалом "шепотного очарования", напоминая нам об отрывке из Книги Исайи, где пророк говорит о "волшебниках, которые подглядывают и которые бормочут" ³²⁰.

Рядом с "Книгой заклинаний" - независимо от того, существовала она когда-либо или нет - была еще одна священная книга, содержащая гимны богам. И здесь более чем сомнительно, что различные сборники гимнов, составленные для использования в великих святилищах страны, были когда-либо объединены вместе и включены в один том. Тенденция к религиозной централизации и унификации в Вавилонии была остановлена прежде, чем она смогла создать в религии то, что семьдесят две книги "Просвещения Бела" были для астрономии и астрологии - сборник, в котором были собраны и сведены воедино наблюдения прошлого. ³²¹ Вавилону, несмотря на его политическое господство, так и не удалось поглотить религиозные культы более почитаемых святилищ страны; исторический консерватизм народа был слишком силен, и даже Набонид был вынужден осыпать дарами святилище бога солнца в Сиппаре, а также [pg 412] святилище Меродаха в Вавилоне. Вавилонское жречество довольствовалось тем, что было главным среди равных; не было монотеистического рвения, чтобы смести соперничающие храмы, и сильно локализованный характер вавилонской религии препятствовал возникновению монотеизма. А без религиозной централизации появление общих богослужебных книг и канонов маловероятно. Возможно, кроме того, гимны богам слишком долго отделялись от магического ритуала и слишком поздно приобрели свой собственный священный характер, чтобы достичь той же степени божественного авторитета, что и заклинания. Многие из них не только написаны на семитском ассирийском языке, но и были сочинены уже во времена правления последних ассирийских царей, и даже те, которые переведены на два языка, во многих случаях, похоже, были произведением семитских поэтов, а шумерский текст был переводом с семитского на священный язык теологии.

В то же время Ленорман не ошибся, сравнивая религиозные гимны Халдеи с Риг-Ведой. Как и последние, они относятся к разным периодам времени и включают в себя такие непохожие друг на друга стихи, как военные песни, заклинания и философские обращения к богам. Кроме того, как и в случае с заклинаниями, это были сборники гимнов, обращенных к богу или богам того святилища, в служении которому они использовались. Так, многие из них принадлежат к сборнику, который, должно быть, был составлен для храма бога Солнца в Сиппаре или Ларсе; все они одинаково обращены к богу Солнца, верховному судье человечества, и язык, которым он выражается, одинаков в каждом из них. Другие гимны посвящены богу луны из Ура, третьи относятся к Ниппуру или святилищу Меродаха в Вавилоне. Гимн богу был такой же необходимой частью богослужения, как заклинание или церемониальный обряд.

Ритуальные тексты рассказывают нам, как и когда он использовался. Так, в праздник Нового года служба в [pg 413] храме Бел-Меродаха открывалась гимном в честь его ковчега; а второго Нисана жрецу предписывалось спуститься к Евфрату в начале первого часа ночи, а затем, надев положенное облачение и взяв воды реки в руку, "войти в присутствие Бела" и там произнести длинный гимн в честь бога. Гимн завершался молитвой.

"Прояви милость к городу твоему Вавилону;

к храму твоему К-Саггилу приклони лицо твое;

удовлетвори молитвы народа твоего, сынов Вавилона!".

Но есть еще одно доказательство священного характера, который придавали гимнам. Многие из них использовались в качестве заклинаний. Они не только вводились в магические тексты, как стихи Библии при использовании их в качестве заклинаний, но и магический элемент вносился в сам гимн. Обращение к божеству сочеталось с заклинаниями и инкантациями, создавая путаницу из духовных выражений и гротескного суеверия, которое одновременно отталкивает и гротескно для наших современных представлений. Кроме того, гимн предваряется словом êp или "заклинание", что делает его слова такими же авторитетными и неизменными, как и остальные части магического ритуала. Та же сакральность, которая вкладывается в последний, вкладывается и в гимн. Гимн, короче говоря, является таким же вербальным вдохновением, как и заклинание или заклинание; действительно, между гимном и заклинанием вавилонянин не проводил четкой демаркационной линии, и сомнительно, что он вообще признавал существование такой линии.

Гимн богу и заклинание отличались друг от друга не по своей сути, а по тому, как их использовали. И как анимизм предшествовал официальной религии Вавилонии, а вера [pg 414] в духов предшествовала поклонению богам, так и заклинания предшествовали гимну. Священность, которую приобрел гимн, изначально отражалась в заклинании; не содержание гимна, а сами слова, из которых он состоял, придавали ему священный и авторитетный характер и освящали его использование жреческой кастой.

Поэтому я с полным основанием называл гимны, как и заклинания, словесно вдохновленными. Вдохновение заключалось в словах, а не в смысле, который они передавали; ошибка в произношении была более фатальной, чем непонимание их смысла. Пока слова произносились правильно, не имело значения, понимали ли священник или люди, что именно они означают.

В одной из предыдущих лекций я уже приводил несколько строк из гимна богу Луны, который, вероятно, был сочинен для служб в великом храме Ура. Гимны в честь бога-солнца гораздо более многочисленны и являются частью коллекции, которая, по-видимому, была составлена жрецами Бит-Ури, храма бога-солнца в Сиппаре. Бог солнца, которого они прославляют, - это неподкупный "судья человечества", награждающий невинных и карающий виновных, который видит все, что делается на земле, и поступает с теми, кто вызывает к нему, справедливо и милосердно.

"Господи, - читаем мы в одном из них, [322](#) - просветитель тьмы, открыватель болезненного лица, милосердный бог, который устанавливает справедливость и милосердие".

милосердный бог, подставляющий падших, помогающий слабым,

к свету твоему взирают великие боги,

все духи земли взирают на лицо твое.

Языки в унисон, как единое слово, Ты направляешь,

[pg 415]

...и, склонив головы, они взирают на свет полуденного солнца.

Как жена ты стоишь, радуясь и веселясь.

Ты - их свет в своде далекого неба.

Ты - предмет их взоров на широкой земле.

Люди далекие и близкие созерцают тебя и радуются!"

Язык другого гимна выдержан в схожем ключе -

"Направляй закон множества людей!

Ты - вечная праведность в небесах!

Ты верный суд над всем миром!

Ты знаешь, что правильно, ты знаешь, что неправильно.

О бог-солнце, праведность подняла свою ногу!

О бог-солнце, нечестие срублено, как ножом!

О бог-солнце, служитель Ану и Бэла, ты!

О бог-солнце, верховный судья неба и земли!

О владыка живых творений, жалкий, (управляющий) миром!

О бог солнца, в этот день очисти и освети царя, сына своего бога!

Все, что творит зло в его теле, пусть будет удалено!

Очисти его, как кубок Зоганеса!

Осветите его, как чашу с топленным маслом;

как медь полированной скрижали, пусть он станет ярким!

Освободите его от запрета!"[323](#)

Последние слова иллюстрируют то странное смешение духовной мысли и колдовских искусств, о котором я уже не раз упоминал. Гимны богу солнца еще не освободились от магических представлений и церемоний, в которых они зародились; это были скорее заклинания, чем гимны в современном понимании этого слова. Сборник, к которому они принадлежали, должно быть, использовался классом жрецов, известных как "заклинатели" или "чародеи", которые пришли на смену колдунам и знахарям досемитского прошлого; этот факт объясняет, почему во многих из них мы [pg 416] попеременное антифонное служение, часть из которых читает жрец, а другую часть - поклоняющийся. В некоторых случаях стихи попеременно произносили священник и его помощники, подобно кантикам или псалмам в современном христианском богослужении. Эта практика берет свое начало в магическом ритуале, когда колдун сначала произносил заклинание, а затем призывал человека повторять его за ним один или несколько раз. Это еще одно доказательство тесной связи, существовавшей между гимнами и заклинаниями, из которых они возникли; подобно Веде или Зенд-Авесте, священные книги древней Халдеи смешивали магию и духовное поклонение богам в путанице, которая кажется нам труднопонятной.

Так было и с покаянными псалмами, составляющими третий раздел священной литературы Вавилонии. Во многих отношениях они напоминают ветхозаветные псалмы. Как и они, они предназначены для общественного использования, несмотря на их индивидуалистическую

форму; человек представляет общину, а иногда это национальное бедствие и национальный грех, на которые делается ссылка. После восстания и повторного завоевания Вавилона Ассуром-бани-палом, когда город все еще был загрязнен трупами тех, кто погиб от голода или меча, [пророки324](#) приказали очистить его святыни и дороги к храмам, "гневных богов и разгневанных богинь" "умиротворить молитвами и покаянными псалмами", и только тогда снова принести ежедневные жертвы в [храмах325](#). Несомненно, покаянные псалмы вначале были спонтанным излиянием сердца отдельного человека; именно его страдания [pg 417] они изображали, а его грехи оплакивали; но как только они были введены в храмовое богослужение и стали частью общественного культа, индивидуальный элемент в них отошел на второй план, и в грехах и страданиях отдельного человека священник и мирянин увидели грехи и страдания всей общины.

Как и древнееврейские псалмы, они выражают веру в то, что причиной страданий и бедствий является грех и что его можно устранить покаянием и молитвой к оскорбленному божеству. Но если древнееврейский монотеист знал только одного Бога, который может наказать и выслушать покаянные слова грешника, то вавилонского политеиста отвлекала неизвестность, какое именно божество он оскорбил и к кому, следовательно, должно быть обращено его покаянное воззвание. В покаянных псалмах, соответственно, вызывают к неопределенным и общим "богу" и "богине", а не к конкретному божеству. Лишь изредка упоминаются имена особых богов, и то в длинном перечне, в надежде, что среди них может оказаться то божество, чей гнев был возбужден и чей гнев страждущий жаждал умиротворить.

Следует помнить, что грех в глазах вавилонянина включал в себя гораздо больше, чем моральные проступки. Существовали ритуальные и моральные грехи, преступления против церемониального закона, а также против морального или духовного кодекса. Нередко грех был невольным, и страдалец даже не знал, в каком именно отношении он преступил божественные законы. Это могло быть поедание запретной пищи, например, той, что изгнала Адама и Еву из безгрешного райского сада. Или, опять же, это мог быть настоящий грех, грех мысли и слова, совершенный в тайне сердца. "Был ли он откровенен в [pg 418] словах, - спрашивают в исповеди, которую вкладывают в уста просящего, - но лжив в сердце? Было ли "да" в его устах, но "нет" в его сердце?" Что касается наказания, то не делалось особого различия между моральным и церемониальным грехом; оба они наказывались одинаково, и грех по неведению карался так же сурово, как и грех, совершенный с умыслом.

Чтение покаянных псалмов сопровождалось постом. "Пищи я не ел", - говорил кающийся, - "чистой воды я не пил". Как и в случае с заклинаниями и гимнами, чтение было антифонным. Часть псалмов читал священник, выступавший в роли посредника между кающимся и оскорбленным божеством; другие части - сам кающийся или хор сопровождающих его служителей. Идеи, связанные с использованием заклинаний, по-прежнему доминировали в общественном культе. Действительно, покаянный псалом иногда почти приближается по своему характеру к заклинанию. С одной стороны, трудно выделить из псалма исповедь, подобную той, которую я только что процитировал, и которая, тем не менее, является частью магического ритуала; с другой стороны, сам псалом временами вырождается в язык магии. Вавилония так и не избавилась от влияния тех сборников заклинаний, которые составили ее первую священную книгу и дали ей первое представление о боговдохновенной литературе; до последнего потомки старого знахаря занимали признанное место в священнической иерархии, а "чантер" и "авгур" стояли на одной ступени с "пророком" и "жрецом".

Возможно, это было то же влияние, которое требовало, чтобы языком покаянного псалма был вымерший шумерский. В том, что некоторые псалмы восходят [pg 419] шумерским временам и были сочинены шумерами на их родном языке, я почти не сомневаюсь; но не вызывает сомнений и то, что многие из дошедших до нас псалмов были семитского происхождения, а приложенная к ним шумерская версия на самом деле является переводом оригинального семитского текста. В любом случае, покаянные псалмы были написаны в более поздние времена в Ассирии, авторы которых либо не позаботились, либо не знали, как снабдить их шумерским текстом. Возможно, они не обладали таким же священным авторитетом, как более древние псалмы, но, как и последние, они использовались в общественных службах Северного царства с разрешения царя. Следует помнить, что царь в Ассирии пользовался тем же влиянием, что и священство в Южном царстве. Ассирийские псалмы, по сути, были похожи на наши современные гимны; святость, которой были окружены более древние покаянные псалмы Вавилонии, действительно была им недоступна, но они лучше соответствовали новой эпохе и характеру ассирийского народа, и не было всемогущего священства, которое запретило бы их введение в общественный культ. Правда, они стояли вне священного канона Вавилонии, в том смысле, что на них нельзя было построить никаких религиозных догм, и вполне вероятно, что они никогда не получали санкции вавилонских священников; но при всем том они дышат духом более древних псалмов; и если бы Ассирийская империя просуществовала дольше, вполне возможно, что и они могли бы стать священной книгой.

Я завершу свою лекцию одним из покаянных псалмов, который, как нам говорят, мог быть обращен "к любому богу".

"Сердце господина моего гневается; да будет оно успокоено!

Да умиротворится бог, которого я не знаю!

Пусть богиня, которую я знаю, не будет умиротворена!

Пусть бог, которого я знаю, и (бог), которого я знаю, не умиротворятся!

[pg 420]

Да не умиротворится богиня, которую я знаю, и (богиня), которую я знаю!

Пусть сердце моего бога будет умиротворено!

Пусть сердце моей богини будет умиротворено!

Пусть бог и богиня, которых я знаю и которых я знаю, не будут умиротворены!

Да умиротворится бог (поразивший меня)!

Да будет умиротворена богиня (поразившая меня)!

Грех, который (я совершил), я не знал;

Грех, который я совершил, я не знал.

Слово благословения (да произнесет его мой бог);

Имя благословения (да запишет мне бог, которого я знаю и которого не знаю)!

Слово благословения (да возвестит мне богиня)!

Пищи я не ел,
чистой воды я не пил.

Преступление против моего бога я совершил неосознанно;

Преступление против богини моей неосознанно я совершил.

О господин, грехи мои многочисленны, проступки мои велики!

О бог мой, грехи мои многочисленны, проступки мои велики!

О богиня моя, грехи мои многочисленны, проступки мои велики!

О бог, которого я знаю и которого я не знаю, грехи мои многочисленны, проступки мои велики!

О богиня, которую я знаю и которую я не знаю, грехов моих много, проступки мои велики!

Грех, которым я согрешил, я не знал,
проступка, который я совершил, я не знал.

Преступление, которое я совершил, я не знал,
преступление, которое я совершил, я не знал.

Господь в гневе сердца Своего призрел на меня;

бог посетил меня в гневе сердца своего;

Богиня прогневалась на меня и огорчила меня.

Бог, которого я знаю и которого я не знаю, угнетал меня,

Богиня, которую я знаю и которую не знаю, навлекла на меня печаль.

Я искал помощи, но никто не взял меня за руку;

Я плакал, и никто не поддержал меня;

Я громко плакал, и никто не слышал меня.

Я в беде и скрываюсь, и не смею поднять глаз".

[pg 421]

К богу моему, милосердному, я обращаюсь, я произношу молитву,
ноги моей богини я целую и орошаю слезами.

К богу, которого я знаю и которого я не знаю, я произношу свою молитву.

О владыка, взгляни на меня, прими мою молитву!

О богиня, взгляни на (меня; прими мою молитву)!

О богиня, которую я знаю (и которую я не знаю, прими мою молитву)!

Как долго, о бог, (должен я страдать)?

Как долго, о богиня, (будет ли лицо твое отвернуто от меня)?

Доколе, о бог, которого я знаю и которого я не знаю, будет продолжаться гнев (твоего сердца)?

Как долго, о богиня, которую я знаю и которую я не знаю, гнев твоего сердца будет неутоленным?

Человечество пустилось в странствия, и нет никого, кто бы знал.

Человечество, сколько бы ни носило имя, что они знают?

Будет ли у него добро или зло, никто не знает.

Господи, не прогони раба Твоего!

Переполенный слезами, возьми его за руку!

Грехи, которыми я согрешил, обрати в благословение;

проступки, которые я совершил, пусть унесет ветер!

Сними с меня, как одежду, множество проступков.

О мой бог, семь раз по семь моих проступков; прости мои грехи!

О богиня моя, семь раз по семь моих проступков; прости мне грехи мои!

О бог, которого я знаю и которого я не знаю, семь раз по семь моих проступков; прости мне мои грехи!

О богиня, которую я знаю и которую я не знаю, семь раз по семь моих проступков; прости мои грехи!

Прости мои грехи и дай мне смириться перед тобой.

Да умиротворится сердце твое, как сердце матери, родившей детей!

Да успокоится оно, как сердце матери, родившей детей, как сердце отца, породившего их!"

[стр. 422]

Лекция VIII. Мифы и эпосы.

Лекция о мифах Вавилонии может показаться неуместной в курсе, предметом которого является вавилонская религия. Но религия имеет свою мифологию, так же как и теологию, и иногда мифология имеет большое значение для формирования или даже создания теологии. Более того, мифы Вавилонии были тесно связаны с ее поклонением богам. Все они, насколько нам известно, связаны с богами и духами, или, иначе, с тем, что греческая теология назвала бы героями и полубогами. Они воплощают религиозные верования и практики, содержат ссылки на местные культы, а главное, нередко отражают народное представление о божественном.

Только мы должны остерегаться делать теологические выводы на основе их неподтвержденных свидетельств. Они дошли до нас в литературной форме, а изучающие фольклор знают, как мало достоверна, даже для целей фольклориста, сказка, подвергшаяся литературной переделке. В ней трудно различить, что свойственно отдельному автору или литературному кругу, в котором он вращается, а что действительно является верованиями народа или традиционным наследием прошлого. По сути, вся мифология, будь то литературная или иная, страдает от смешения в ней старых и современных идей. Старые идеи могут сохраняться в ней, как окаменелости в геологической формации, или же они могут быть окрашены и объяснены [pg 423] соответствии с представлениями более поздней эпохи; но в любом случае они смешаны с верованиями и представлениями последующих поколений, которые наше невежество не позволяет нам отделить с необходимой тщательностью. Поэтому, занимаясь историей религии, мы должны относиться к языку литературного мифа с крайней осторожностью и воздерживаться от далеко идущих выводов из содержащихся в нем утверждений.

Особенно это касается литературных эпосов древней Вавилонии. Похоже, что их было много; во всяком случае, фрагменты многих из них сохранились для нас из обломков прошлого. Но в большинстве своем они относятся к одному периоду - эпохе национального возрождения, начавшейся в царствование Хаммурапи и продолжавшейся несколько веков после его смерти. Возможно, что Син-лики-уннини, автор великого "Эпоса о Гильгамеше", был современником Авраама; история Адапы, первого человека, уже существовала и стала общепринятой классикой, когда в XV веке до н. э. были написаны письма Тель-эль-Амарны. За всеми этими поэмами стоял долгий предшествующий период, когда мифы и легенды, воплощенные в них, обрели форму и стали темой для множества литературных произведений. Например, "Эпос о Гильгамеше" - это лишь последняя стадия литературного развития сказаний и мифов, из которых он состоит; в него были включены более древние поэмы или их части, а элементы, из которых он состоит, многообразны и имеют различное происхождение. История о потопе, составляющая одиннадцатую книгу, была введена в нее почти насильственным путем и представляет собой сочетание более чем одной из ее многочисленных версий, бытовавших в Вавилонии. Когда будут изучены ранние библиотеки страны, мы лучше, чем сейчас, узнаем, насколько оригинальна история в том виде, в каком мы имеем ее в Эпосе, и насколько [pg 424] автор свободно заимствовал у своих предшественников, используя их язык или комбинируя их произведения.

Как правило, темой вавилонской поэмы является либо какой-то один бог, либо какой-то один герой. Когда бог или герой является лишь центральной фигурой, вокруг которой вращаются приключения других богов или героев, поэма становится эпосом. Она по-прежнему сохраняет мифологическую форму, и мир, в котором она движется, - это мир сверхъестественных сил, божественная сказочная страна, в которой боги играют роль людей. Но в нем нет того скучного и грубого эвгемеризма, который отличает египетские сказания о богах. Боги не становятся простыми людьми с расширенными человеческими способностями; они остаются божественными, хотя их действия человечны и сцена, на которой они движутся, тоже человеческая. Именно пантеизм египтянина в сочетании с обожествлением фараона заставил его рационализировать истории о своих богах; в Вавилонии такого соблазна не было; каждое божество сохраняло свой индивидуальный характер и с самого начала носило подобие человека. Но это было лишь подобие, за которым открывалось божество, хотя подобие обязательно вызывало откровение через отдельные черты, четко очерченные и резко очерченные. Бел не был человеческим царем, обладающим магической силой, который когда-то восседал на вавилонском троне; он оставался богом, который, правда, мог иногда являться своим верным поклонникам, но чье

обиталище находилось в далеких небесах, откуда он наблюдал за действиями человечества и управлял ими. Боги вавилонской мифологии по-прежнему принадлежали небу, а не земле, а ее герои - люди, а не очеловеченные боги.

Я уже упоминал историю о первом человеке, Адапе, и его отказе от дара бессмертия. Эта история, как мы ее знаем, получила теологическую окраску; подобно повествованию о грехопадении в Книге Бытия, она [pg 425] служит для объяснения того, почему смерть вошла в мир. Человек был создан по подобию богов, и поэтому естественно возник вопрос, почему, подобно им, он не должен быть бессмертным. Ответ на него, во всяком случае, жрецы Эриду, дали в легенде об Адапе и его путешествии на небо.

Была еще одна история, которая иллюстрировала наказание за человеческое самомнение - попытку человека стать богом - и, таким образом, являлась параллелью истории о Вавилонской башне. Это легенда об Этане и орле, который искушает героя подняться вместе с ним на самые высокие небеса и там посетить обитель богов. Несясь на груди птицы, Этана поднимается ввысь. По истечении двух часов земля кажется им просто горой, а море - бассейном. Еще четыре часа, и "море стало похоже на канаву садовника". Наконец они достигают "небес Ану", но и там отказываются оставаться. Еще выше они поднимаются к небу Истара, так что море кажется им "маленькой житницей". Но прежде чем они достигают цели, самонадеянную пару настигает кара. Крылья орла подвели его, и он падает сквозь пространство, а его ноша и он сам разбиваются о землю.

С этой историей Этаны связана легенда или, скорее, басня о самом орле, которую искаженное состояние наших копий делает крайне неясной. Орел сожрал птенцов змеи, которая, соответственно, обратилась за справедливостью к богу-солнцу, судье всего сущего. По совету бога-солнца змей забирается в тушу мертвого быка и там, когда орел прилетает полакомиться гниющей плотью, хватает своего врага, лишает его перьев и оставляет умирать от голода и жажды. Это должно было произойти после падения орла с небес; и мы [pg 426] можем предположить, что, пока его человеческий товарищ, подобно Икару, погибал от падения, наказание орла было отсрочено. Но в конце концов оно наступило; даже самый могущественный из крылатых созданий не мог безнаказанно проникнуть в небеса богов.

Пока небесная резиденция Истар была недосягаема для человека, сама Истар искала Таммуза, жениха своей юности, в подземном царстве Аида, надеясь дать ему испытать воды жизни, которая струилась под тронном духов земли, и таким образом вернуть его к жизни и свету. Поэма, повествующая о ее спуске в Аид, исполнялась на ежегодном празднике Таммуза женщинами, которые оплакивали его безвременную смерть. Как и Балдир, самый юный и прекрасный из богов, он был оборван в цветущей юности и унесен с земли в другой мир. Но в то время как миф, воплощенный в поэме и проиллюстрированный многочисленными гравированными печатями, заставляет его спуститься в Аид, более древняя вера Эриду, где он когда-то был водным духом - "сыном духа глубин", - перенесла его на небо, где вместе с Нин-гис-зидой, "владыкой вертикального столба", он служил стражем небесных ворот. В своих "Лекциях Хибберта" я настолько подробно рассмотрел историю Таммуза в различных ее формах, а также миф о преследовании его Истаром в нижнем мире, что мне нет необходимости останавливаться на этом сейчас. Все, что мне нужно сделать, - это настоять на осторожности, с которой мы должны строить на этом теории о представлениях вавилонян о потустороннем мире и о том, какое существование он ожидал после смерти.

Описание Аида, с которого начинается поэма, было заимствовано из какого-то более древнего произведения. Мы снова встречаем его почти слово в слово в том, что, вероятно,

является одной из книг "Эпоса о Гильгамеше". Этот факт иллюстрирует [pg 427] то, как поэты и эпические писатели Вавилонии свободно заимствовали из более древних источников, и как классические произведения Халдеи были построены из более ранних материалов. Возможно, если бы их авторов упрекнули в плагиате, они бы ответили так же, как Вергилий, - что они лишь выбрали жемчужины из навозной кучи своих предшественников. В любом случае описание Аида поражает, хотя следует помнить, что оно представляет собой лишь одно из многих представлений о нем в Вавилонии.

"В землю, из которой нет возврата, в дом [тьмы],

Истар, дочь Сина, [обратила] свой ум,

да, дочь Сина вознамерилась [уйти];

в дом мрака, в жилище Иркаллы,

в дом, из которого не выходят те, кто входит,

на дорогу, с которой нет возврата;

в дом, где входящие лишены света;

место, где пыль - их пища, глина - их еда;

света они не видят, в густой тьме обитают;

Они одеты, как летучие мыши, в одежду из крыльев;

на дверях и засовах лежит пыль".

Через семь врат inferнальных областей спускалась Истар, оставляя в каждом по одному из своих украшений, пока наконец, раздетая и беспомощная, не предстала она перед богиней подземного мира. Там ей не было оказано никакой пощады; демон чумы приказал поразить ее разнообразными болезнями, и она была заключена в Аид, как обычные мертвецы. Но пока богиня любви лежала связанная и погребенная, все в верхнем мире пришло в смятение. Ни люди, ни скот не производили потомства, и боги на небесах стали советоваться, что делать. Эа сотворил андрогина, которому дали имя "Яркий свет его". Перед ним открылись врата Аида, и тьма внутри них озарилась светом. Адская богиня была вынуждена подчиниться [pg 428] приказам небес; и хотя она проклинала посланника смертельными проклятиями, духи земли восседали на своем золотом троне, пока Истар окропляли водой жизни, после чего она вновь возвращалась в мир света.

Эрескигаль, богиня Аида, является темой еще одной поэмы, фрагменты которой были найдены в Тель-эль-Амарне в Египте, где поэма использовалась в качестве учебника для изучающих вавилонский язык и письменность. В поэме рассказывается о том, как она отказалась прийти на пир, который боги приготовили на небе, и как Нергал вторгся в ее владения, проломил ворота, закрывавшие их, и, схватив Эрескигаль за волосы, стащил ее с трона. Но она взмолилась о пощаде, и Нергал согласился стать ее мужем и править вместе с ней царством мертвых. Ему была передана "скрижаль мудрости", а она стала семитской Баалат, отражением своего "повелителя". Шумерская "царица Аида" уступила место семитской Бел.

"Скрижали мудрости" отличались от "скрижалей судьбы", которые давали их обладателю предвидение будущего хода событий. Обладание последней подразумевало верховную власть над богами и людьми; она давала право быть "Бэлом" в полном смысле этого слова.

Как и Урим и Туммим, они вешались на грудь; в "Эпосе о сотворении мира" Тиамат описывается как передающая их своему мужу-демону Кингу, который таким образом становился признанным правителем мира. Победа Меродаха над силами тьмы передала ему мистические скрижали; отныне он был Белом, который создал и управлял существующей вселенной; и раз в год, в праздник Нового года, он восседал над крышкой в своем храме в Вавилоне, провозглашая [pg 429] судьбы наступающего года. Но до того, как скрижали были переданы вавилонскому Бел-Меродаху, они принадлежали старшему Бэлу из Ниппура и Дур-Или; миф повествует о том, как Зу, птица-шторм, украла их, когда Бел "изливал чистую воду и восходил на свой трон" в начале дня. "Я возьму, - сказал он, - божественные скрижали судьбы, даже я; [законы326](#) всех богов я укажу; мой трон я установлю и издам мои повеления, и направлю всех ангелов (небесных)". Вор улетел с добычей на гору Сабу, а Ану тщетно призывал своих братьев-богов преследовать и поразить его и вернуть украденное сокровище. Лишь в конце концов с помощью хитрости гнездо Зу было найдено, а скрижали возвращены Бэлу.

Более прозрачный смысл имеет миф, повествующий об опустошениях, наносимых Уррой, мором, земле за землей. Описание бога чумы напоминает нам того ангела моровой язвы, которого Давид видел с простертой над Иерусалимом рукой. Им не двигали никакие моральные соображения; праведные и неправедные, грешники и невинные были одинаково вовлечены в общую гибель. Первым был поражен Вавилон, затем Эрех; Меродах и Истар тщетно оплакивали гибель своего народа. Затем Исум, ангел-посланник Урры, был отправлен с более длительной миссией. Мор распространился по всему цивилизованному миру; от него в равной степени пострадали Сирия и Ассирия, эламиты и бедавины, курды и аккадцы. Виноградники Амана и Ливана были вырваны с корнем, а те, кто их возделывал, погибли на земле. Бесчисленное количество лет длилось это бедствие, ибо Урра "замыслил зло из-за прежних злодеяний", и прошло немало времени, прежде чем его гнев был утихомирен, и мир вернулся к своему обычному состоянию.

[стр. 430].

Столь же прозрачна история о нападении семи злых духов на луну, что привело к ее затмению и угрозе исчезновения. Эн-лиль в отчаянии посылает своего посланника, бога огня, к Эа за советом и помощью, которые, соответственно, были даны, и бог-луна спасен. Однако эта поэма гораздо древнее тех, что мы рассматривали до сих пор. Она относится к тому времени, когда магия еще занимала важнейшее место в официальной религии Вавилонии, когда сын Эа, Ахари, еще не стал вавилонским Бел-Меродахом, и когда культ Эа не был заслонен культом более молодых божеств. Фактически, она является частью одного из текстов заклинаний и описывается как шестнадцатая книга из серии о злых духах. Но божественные триады уже появляются в ней; Эа не стоит особняком, а делит свои силы с Эн-лилем и Ану, а ниже их располагается триада Сина, Самаса и Истара. Мы можем рассматривать эту историю как относящуюся к эпохе, когда шумерский анимизм превратился в синкретическую государственную религию более позднего времени; семитские боги здесь присутствуют, но они все еще частично сохраняют те функции, которые отличали их, когда они были "духами" и ничем больше.

Между легендой о нападении на лунного бога и "Эпосом о Гильгамеше" - огромное расстояние. Между ними - столетия мысли и развития, и разница не только в степени, но и в роде. Если одна из них напоминает нам легенды саамов или самодийцев, то другая находит свою параллель в героических сказаниях Греции. Гильгамеш - герой в греческом понимании этого термина; он не бог, по крайней мере для поэта эпоса, хотя и жил, подобно Ахиллу и Одиссею, в те времена, когда боги принимали видимое участие в делах людей. Насколько

нам известно, это шедевр вавилонской эпической литературы - доказательство того, что, какими бы недостатками [pg 431] эпического и мифологического гения ни обладали чистокровные семиты, смешанная раса Вавилонии была в этом отношении соперницей греков. Как и история Троянской войны, сказание о Гильгамеше притягивало к себе эпические и мифологические элементы со всех сторон и стало настоящей сокровищницей вавилонской мифологии.

Автор разделил ее на двенадцать книг. Уже давно было замечено, что такое расположение имеет астрономическую основу, и что приключения героя, описанные по крайней мере в некоторых из книг, соответствуют нынешним названиям месяцев года. Так, любовь и месть Истар являются темой шестой книги, что соответствует названию шестого месяца - "миссия Истар"; в то время как эпизод потопа введен в одиннадцатую книгу, где он соответствует одиннадцатому месяцу Адар, "месяцу проклятия дождя". Правда, соответствие между темой книги и названием месяца не может быть прослежено во всех случаях, но следует помнить, что каждый месяц имел множество названий, особенно в эпоху Хаммурапи, и что поэт должен был иметь в виду религиозные праздники, которые различали месяцы года. Как отмечает сэр Х. К. Роулинсон, он должен был рассматривать Гильгамеша если не как солнечного героя, то, во всяком случае, как представителя бога-солнца. Эпос не только разделен на двенадцать книг, но и в седьмой, когда проходит летнее солнцестояние и год начинает убывать, герой поражен болезнью. И только в двенадцатой, последней книге, после купания в водах океана, опоясывающего весь мир, он исцеляется от болезни и вновь обретает здоровье и силу.

Но солнечный характер Гильгамеша изначально не [pg 432] принадлежать ему. Его имя, как и имена большинства вавилонских героев, пришло из шумерских времен, когда богов еще не существовало, а мир живых существ был разделен на "духов" и [людей](#)³²⁷. Гильгамеш был человеком, созданием богини Аруру, чьим местом рождения, по-видимому, был Марад, и о нем рассказывали историю, которая может быть прототипом истории Акрисиоса и Персея.³²⁸ Он был Хераклесом Вавилонии, воплощением человеческой силы, который спасает свою страну от врагов и уничтожает чудовищных зверей, населяющих ее, - могущественный принц, хотя и не настоящий царь. Нет причин, почему бы ему не быть похожим на Кира, историческую личность, вокруг имени и деяний которой впоследствии собирались мифы; в одной из ранних надписей о восстановлении стены Эреха говорится, что первоначально она была построена обожествленным [Гильгамешем](#)³²⁹.

Эпос начинается с описания его правления в Эрехе, "месте" его власти. Между ним и жителями города, похоже, было мало доброжелательности. Они жаловались, что он не оставил ни сына отцу, ни жены мужу. Возможно, легенда содержит зародыш исторической правды и восходит к тем временам, когда Эрах еще был полем битвы [pg 433] между шумерами и семитами.³³⁰ Во всяком случае, боги, как нам говорят, слышали вопли людей, и Аруру было велено создать соперника Гильгамешу, который мог бы одолеть его в состязании сил. Богиня замесила руками глину и сделала из нее Эа-бани, получеловека-полузверя. Его тело было покрыто волосами; "он не знал ни рода, ни страны"; "вместе с газелями он ел траву" поля и "утолял жажду скотом". На печатях он изображен в виде сатира с козлиными ногами и человеческой головой.

Тщетно пытался "охотник" поймать его. Эа-бани прорывался сквозь расставленные для него сети, и только когда одна из куртизанок Истар была послана заманить его, он поддался искушению и, оставив своих газелей и скот, семь ночей пролежал с ней. Когда же он снова вернулся к ним, они в ужасе бежали от него; он стал человеком, знающим добро и зло, и между ним и грубыми зверями не было больше ничего общего. Он послушал куртизанку и

отправился с ней в Эрех, "место Гильгамеша, великана по силе, который, как дикий бык, сильнее самых сильных людей". Там Гильгамешу приснились три сна, связанные с ним, и Эа-бани, услышав их толкование, отказался от намерения побороться с героем, став вместо этого его верным другом и союзником.

В третьей книге эпоса описывается поход двух героев против тирана Хумбабы, чей [pg 434] дом находился в кедровом лесу Элама. Они нашли путь в его волшебные глубины, с удивлением взирая на высоту деревьев и созерцая гору кедров, "мистическое" место обитания богов, святилище Ирнини; "перед горой кедры подняли свою пышную листву; глубока была их тень и полна наслаждения". Хумбаба был побежден и убит, но Гильгамеш снова увидел сон, в котором грохотали небеса, сверкали молнии и тряслась земля, и который предвещал беду Эа-бани и его другу.

В шестой и последующих книгах описывается, как сон был исполнен. Истар увидела и полюбила Гильгамеша в силу его мужественности и попросила его стать ее женихом. "Если ты захочешь стать моим мужем, - объявила она.

"Я позволю тебе ездить на колеснице из лазурита и золота,
каждый день ты будешь запрягать больших мулов (в свое ярмо);
запахи кедра войдут в наш дом...

Цари, владыки и князья [будут кланяться] ногам твоим;
[урожай] гор и равнин принесут они тебе в дань".

Однако Гильгамеш с презрением отверг предложение богини, насмехаясь над ее непостоянством и жестокостью, а также над несчастным концом всех, кто любил ее в прошлом.

"Таммуз, супруг твоей юности,
ты предписываешь плакать о нем из года в год".

Ярко окрашенного лесного голубя ты любила;

Ты поразил его и сломал ему крылья;

В лесу он сидит и плачет: "О крылья мои!

Ты полюбил льва, совершенного в силе;

семь раз по семь раз рыл ты ему яму.

Ты любил коня, славного в бою;

Кнут, и шпоры, и уздечка - все это ты приготовил для него.

Четырнадцать часов заставлял ты его скакать галопом;

усталость и жажду наложил ты на него;

[pg 435]

о матери своей, богине Силили, ты повелеваешь плакать.

Ты любил пастуха Табулу,

который постоянно сыпал соль для тебя;
день за днем он убивал для тебя грудных детей.

Ты поразил его и превратил в волка.

Его собственные пастухи прогнали его,
и псы его кусали плоть его.

Ты любил Исуллану, садовника отца твоего,
который всегда приносил тебе плоды;

день за днем он делал ярким блюдо твое;

Ты поднял на него глаза свои и тихо сказал ему:

"Исуллану мой, давай есть тыквы вместе;

протяни руку твою и коснись одной...

Исуллану ответил ей:

"Чего ты от меня требуешь?

Разве мать моя не пекла, разве я не ел,
чтобы я ел такую пищу?

Терновник и чертополох скрыты в ней" (?).

Когда ты слышал эти слова его,

Ты поразил его и превратил в столб (?),
и посадил его посреди [сада?]".

Истар полетела к своему отцу Ану на небо и потребовала от него отомстить Гильгамешу за то, что он ее обидел. В ответ был создан чудовищный бык, который опустошал страну и угрожал жизни самого Гильгамеша. Но Гильгамеш оказался более чем достойным противником чудовища. С помощью Эа-бани бык был убит, и его огромные рога с триумфом пронесли по улицам Эреха, а Истар в бессильной ярости стояла на стенах города, оплакивая смерть быка и призывая своих жриц-блудниц оплакивать его вместе с ней.

Но смерть "божественного быка" имела для двух героев дурные последствия. На них падает проклятие Истар; самого Гильгамеша поражает тяжелая болезнь, а Эа-бани умирает, промучившись целых двенадцать дней. Гильгамеш безутешен; тщетно протестует он против закона смерти, который уносит [pg 436] сильного наравне со слабым, героя наравне с обычным человеком. Девятая книга начинается так.

"Гильгамеш по своему другу Эа-бани

горько плачет и лежит, распростершись на земле.

"Неужели и я не умру, как Эа-бани?

Горе вошло в мое тело;

Я боюсь смерти и лежу распростертый на земле".

Поэтому он решает посетить [Ксисутроса331](#), героя потопа, обитавшего за рекой смерти, куда он был переведен без смерти, и узнать от него секрет бессмертия.

Путь был долг и труден; смертный человек никогда еще не проходил его. Но в Гильгамеше текла божественная кровь, и как греческий Геракл прокладывал себе путь в Аид, так и он проложил себе дорогу за пределы нашего человеческого мира. Сначала ему пришлось миновать горы-близнецы Мас в северной пустыне Аравии, которые ежедневно следят за восходом и заходом солнца, чья вершина касается "зенита небес", а "их грудь простирается вниз, к Аиду". Люди с телами скорпионов охраняли врата солнца, чей вид был "ужасен", а взгляд "был смертью". Но "человек-скорпион" и его "жена" поняли, что незнакомец отчасти божественный, и ему позволили спокойно пройти через открытые двери. Оказавшись за ними, он попал в область густой темноты. Двенадцать двойных часов он пробирался [pg 437] по этой земле без света, как вдруг вышел из нее на яркий свет дня. Здесь росло чудесное дерево, плодами которого были драгоценные [бирюза332](#) и ляпис-лазурь, свисавшие с него, как гроздья винограда.

Наконец Гильгамеш достиг берега океана, который, подобно змее, опоясывает землю. Здесь на "троне моря" восседала Šiduri, или Šabutum, "владычица Сабы" [333](#). Но она заперла ворота своего дворца и запретила ему пересекать океан; никто и никогда не проходил через него, кроме бога Солнца в его ночном путешествии с запада на восток. Однако в Гильгамеше вновь возобладал элемент божественности; Хабитум признала, что он больше, чем простой человек, и признала его право искать своего предка за рекой смерти. Призвали Арад-Эа, лоцмана Ксисутроса, срубили деревья и сделали из них лодку, и в течение месяца и пятнадцати дней Гильгамеш и его лоцман совершали путешествие по морю. И вот "на третий день" они вошли в "воды смерти". Герою было велено держаться за руль и следить, чтобы смертоносная вода не коснулась его руки. Двенадцать взмахов весла понадобилось, чтобы благополучно миновать пороги, и лодка достигла берега, лежащего за пределами царства смерти. Здесь Гильгамеш увидел Ксисутроса "вдали", "в устье рек". Сразу же он поведал ему о цели своего путешествия: как и почему Ксисутрос избежал всеобщего закона смерти? Ответ на этот вопрос содержится в одиннадцатой книге Эпоса, где рассказывается о великом потопе.

С тех пор как в 1872 году Джордж Смит обнаружил вавилонскую историю о потопе, которая таким образом была [pg 438] введена в "Эпос о Гильгамеше", она привлекает особое внимание как ученых, так и публики. С одной стороны, она согласуется с рассказом о потопе, переданным нам переписчиками халдейского историка Бероса, и является свидетельством его достоверности; с другой стороны, ее параллелизм с рассказом о потопе в Книге Бытия одновременно поразителен и удивителен. Но версия этой истории, воплощенная Син-лики-уннини в его эпосе, была лишь одной из многих, бытовавших в Вавилонии. У нас есть фрагмент другой версии, которая настолько похожа на эпическую, что долгое время считалось, что она является ее частью; более того, возможно, что она происходит из одного из вариантов самого эпоса. Фрагменты другой версии были недавно обнаружены д-ром Шейлем в вавилонской табличке, относящейся ко времени правления Амми-задока, четвертого преемника Хаммурапи. [334](#) Даже версия, содержащаяся в эпосе, кажется комбинацией двух более ранних, или, скорее, основанной, по крайней мере, на двух различных версиях легенды. На самом деле эта история, должно быть, имела незапамятную древность в Вавилонии; Ксисутрос и его корабль изображены на некоторых из самых ранних печатей, а вавилонская хронология провела четкую линию разделения между царями, правившими до и после Потопа. В эпосе Ксисутрос - уроженец Суриппака на Евфрате, но

первоначально история, должно быть, выросла в Эриду на берегах Персидского залива. Как и история борьбы с Тиаматом, она символизирует борьбу между анархическими стихиями бури и наводнения и тем мирным водным пространством, в котором рыбаки из [pg 439] Эриду занимались своим ремеслом и из которого вознесся бог-культура. Знаменательно, что до последнего времени именно Эн-лиль из Ниппура представлялся пославшим Потоп, уничтоживший человечество, в то время как Ксисутрос был спасен Эа.

Вавилонская история о потопе так часто переводилась и так хорошо известна, что мне нет нужды повторять ее здесь. Достаточно отметить, что Ксисутрос, как и Ной, был обязан своим спасением благочестию. В финальной сцене, когда Бэл (Эн-лиль) разгневан тем, что кто-то должен был спастись от гибели, которую он навлек на человечество, Эа успокаивает его словами: "Накажи грешника за его грехи, накажи преступника за его проступки; будь милосерден, чтобы он не был [окончательно] отсечен, будь долготерпелив, чтобы он не был [изгнан]". Потоп был наказанием за грех, и поэтому было справедливо, что праведник должен был спастись.

Перемещение Ксисутроса с женой в рай за могилой, очевидно, рассматривается автором эпоса как дополнительная награда за его благочестие. Но мы можем подозревать, что не это было его первоначальной причиной. В мифе об Адапе, первом человеке, мы находим слова Ану о том, что смертный, проникший в тайны богов, должен получить дар бессмертия и стать одним из богов, и, похоже, та же идея легла в основу веры в перевод второго отца человечества. Ксисутрос тоже узнал тайные советы богов; с помощью Эа он перехитрил Бэла, и поэтому было необходимо, чтобы ему был дан дар бессмертия и чтобы он, подобно им, поселился в земле, куда не доберется смерть.

Верный своему первобытному характеру, Эн-лиль из Ниппура стал автором потопа. Его служители, Нин-ип, Нуску и Эн-нуги, исполняют его повеления, а "духи [pg 440] земли поднимают свои факелы". Но поэт эпоса испортил первобытную симметрию картины, введя в нее триаду вместе с богом бури Хададом более поздних времен, и таким образом сделав уничтожение человечества делом рук не одного Эн-лиля, а всех богов, собравшихся на общий совет. В результате этого нарушилась связность элементов истории; [Истар335](#) соглашается на смерть детей, которых она родила, только для того, чтобы впоследствии раскаяться в этом, увидев, как они наполняют море "как рыбы", и плакать вместе с остальными богами о причиненном хаосе. Возможно, профессор Джастроу прав в своем предположении, что две отдельные версии этой истории были объединены вместе, в одной из которых был уничтожен один город Суриппак и его жители, а в другой - потоп был всеобщим. Как бы то ни было, Эа раскрыл решение Эн-лиля своему верному слуге, "сыну Убара-Туту". Согласно одной части истории, это было сделано во сне, согласно другой - с помощью приема, подобного тому, который дал фригийскому Мидасу его ослиные уши. Бог нашептал одному из тех тростниковых хижин, которые стояли на берегу Персидского залива и в которых родился Ксисутрос - несмотря на то, что его называют "человеком из Сурипака", - о задуманном деянии Бела и способах его предотвращения. Шелест тростника передал ему тайну, а он, в свою очередь, сообщил своему "владыке Эа", что понял послание.

Корабль был построен, и по совету Эа слишком любознательным дознавателям сообщили, что строитель передает свое подданство от Бэла, владыки земли, Эа, богу моря.[336](#) Всевозможная провизия [pg 441] хранилась в нем, вместе с "семенем жизни", каждое по своему роду - "скот полевой, звери полевые и сыновья ремесленников". Затем штурвал был передан в руки Бузура-Сади-раби, рулевого, дверь ковчега была закрыта, и на землю обрушилась буря. Семь дней и ночей бушевала она; человек и его творения были сметены, и только ковчег со своим живым грузом уцелел. Когда Ксисутрос наконец открыл окно и

выглянул наружу, то увидел лишь пустынные водные просторы. Наконец над ним показалась возвышенная вершина горы Низир³³⁷ на северо-востоке; здесь корабль сел на мель, и через семь дней после этого Ксисутрос послал голубя посмотреть, суха ли земля. Но голубь "полетал туда-сюда и вернулся". Затем он послал ласточку, которая тоже вернулась в ковчег; и, наконец, ворона, который "ел, бродил и квакал, но не вернулся". Так халдейский Ной узнал, что воды потопа улеглись, и, открыв дверь ковчега, позволил животным, находившимся в нем, уйти "на четыре стороны неба". Затем он принес жертву на вершине горы, поставив рядом с ней вазы с дымящимся ладаном, расположенные "семь на семь". Боги почувствовали сладкий аромат жертвы и обрадовались, что еще остались люди, готовившие ее для них. Они собрались, как нам говорят, "как мухи над жертвователем", а Бельтис поднял "лук, который сделал Ану".

Один лишь Энлиль отказался примириться. Он обрушил свой гнев по поводу побега Ксисутроса и его семьи на Игиги, или ангелов, которые, будучи духами, были ему более подвластны, чем боги. Но Эа взял вину на [pg 442] себя и, заявив, что праведники не должны страдать вместе с виновными, убедил Бэла пообещать, что, хотя он может насыпать на человечество диких зверей, голод и мор, землю больше никогда не посетят воды потопа. Затем Бэл вошел в корабль, благословил Ксисутроса и его жену и перевел их в другой мир.

Выслушав эту историю, Гильгамеш погрузился в глубокий сон, который продолжался шесть дней и семь ночей, а жена Ксисутроса приготовила волшебную пищу, которую положила у головы спящего. Когда он проснулся, то съел ее, и болезнь отступила от него. Но его кожа все еще была покрыта язвами, и поэтому ему необходимо было искупаться в очищающих водах океана, прежде чем к нему вернется вся сила и красота его молодости.

Теперь Ксисутрос рассказывает ему о растении бессмертия, которое растет, покрытое шипами, на дне океана. Герой привязывает к ногам тяжелые камни и ныряет за ним; и хотя шипы пронзают ему руки, он поднимает на поверхность ветку растения и готовится отнести ее в мир людей. Но дар бессмертия был не для людей. На пути домой Гильгамеш останавливается у фонтана с прохладной водой, и, пока он купается в ней, змея улавливает запах растения и похищает его. Напрасно герой оплакивает его потерю, растение, которое "меняет возраст на молодость", никогда не могло быть принесено в мир, законом которого является смерть.

Человек должен умереть, но каков удел мертвых? Именно этот вопрос лежит в основе двенадцатой и последней книги эпоса. Гильгамеш бродит от храма к храму, спрашивая у богов каждого из них, захватила ли земля Эа-бани, и если да, то какова его судьба внизу. Но боги молчат, не дают ни ответа, ни знака. Наконец, однако, он достигает святилища [pg 443] Нергала, бога мертвых, и Нергал заставляет землю разверзнуться, и дух Эа-бани поднимается из нее, как облако пыли. И тогда дается ответ. Тот, у кого есть друзья, заботящиеся о нем, будет "лежать на кушетке и пить чистую воду"; герой тоже -

"кто убит в бою, как мы с вами видели,

отец его и мать поддерживают его голову,

и жена его плачет над ним.

Но тот, чье тело лежит брошенным на поле, как мы с тобой видели,

призрак его не покоится в земле.

Тот, чей призрак не имеет никого, кто бы позаботился о нем, как ты и я видели,

мусор из горшка, отбросы пищи,

которые выбрасывают на улицу, он должен пожирать".

Этим мрачным и материалистичным изображением потустороннего мира заканчивается эпос. Это любопытный контраст с жизнью на полях Алу, которую египетский поклонник Осириса ожидал с нетерпением; и нет нужды удивляться тому, что ум и религиозный культ вавилонянина должны были быть сосредоточены на этой жизни. Аид, в который он был призван верить, был более мрачным, чем Аид гомеровских греков.

Эпос о Гильгамеше заставляет нас обратить внимание на два вопроса, оба из которых часто обсуждались. Один из них - отношение содержащейся в нем истории о потопе к библейскому повествованию о потопе, другой - отношение самого Гильгамеша к греческому Гераклу. С самого начала было понятно, что связь между вавилонской и древнееврейской историями очень тесная, и что вавилонская - более древняя из них. Например, птиц, посланных Ксисутросом, три, а не две, как в библейском повествовании, хотя количество раз, когда они были посланы, одинаково в [pg 444] обоих случаях; и корабль вавилонской версии был заменен ковчегом в ветхозаветном рассказе. На самом деле вавилонская история была изменена в Палестине и под влиянием Запада. В глубине страны ковчег естественно заменил корабль, тем более что последний содержал в себе дом с окном и дверью; даже в самой Вавилонии в процессиях богов ковчег занял место корабля первобытного Эриду. Оливковая ветвь, с которой вернулся голубь, согласно Книге Бытия, указывает на Палестину, где росла олива; а период выпадения осадков перенесен с Себета или января и февраля, когда в Вавилонии выпадали зимние дожди, на "второй месяц" еврейского гражданского года, октябрь и ноябрь, когда в Ханаане начинались "прежние дожди". Аналогичным образом, спад вод продлевается в древнееврейском повествовании до середины "седьмого месяца", когда заканчиваются "последние дожди" ханаанской весны.

Но самый примечательный факт, выявляемый при сравнении вавилонской истории с историей Бытия, заключается в том, что сходство между ними не ограничивается только одним из двух документов, на которые современная критика разделила библейское повествование. Согласие существует не только с так называемым элохистским или так называемым яхвистским рассказом, но и с обоими вместе, как они в настоящее время объединены или предполагаются в еврейском тексте.³³⁸ Этот факт ставит под серьезное сомнение реальность критического анализа. Как я уже говорил в другом месте:³³⁹ "Либо вавилонский поэт имел перед собой нынешний "отредактированный" текст Бытия, либо элохист и яхвист должны были скопировать вавилонскую историю при взаимном понимании [pg 445] стояния, что один должен вставить то, что другой опустил. Третьей альтернативы нет".

Палестинская окраска библейской версии сама по себе исключает предположение, что история была заимствована евреями в эпоху вавилонского изгнания. Такое предположение, действительно, мало соответствовало бы чувству ненависти, которое пленники испытывали к своим вавилонским завоевателям, а также религиозным верованиям и традициям последних. Но открытие табличек из Тель-эль-Амарны показало, что культура и литература Вавилонии проникли в Палестину и даже в Египет задолго до эпохи Моисея. Великие литературные произведения Халдеи уже были известны и использовались в качестве учебников на Западе, и, подобно истории о первом человеке Адаме, часть которой была найдена в Египте, история о потопе и втором основателе человеческого рода также должна была быть известна там. Гункель ясно [показал](#)³⁴⁰, что представления и верования, лежащие

в основе истории Потопа и нашедшие свое выражение в утверждении, что "фонтаны великой глубины" были разбиты, не только вавилонского происхождения, но и встречаются в самых ранних фрагментах ветхозаветной литературы. Прежде чем израильтяне вошли в Ханаан, космологические идеи Вавилонии уже успели дойти до него и адаптироваться к географическим условиям "земли аморреев".

История о потопе была известна как в Греции, так и в Палестине. Там его тоже послал Зевс в наказание за нечестивость человечества, а Девкалион, греческий Ной, спас себя и свою семью на [корабле](#)³⁴¹. Вершина Парнаса сыграла ту же роль в [pg 446] греческой легенде, что и гора Низир в вавилонской; а камни, брошенные на землю Деукалионом и ставшие мужчинами, напоминают глиняные изображения, вылепленные богиней Мами в изуродованном вавилонском мифе об Атарпи, которые аналогичным образом превращаются в мужчин и женщин.

Но не столько с эпизодом потопа, сколько со всей историей Гильгамеша и его приключениями претендует на связь греческая мифология. Желание найти библейского Нимрода в клинописных табличках долгое время соблазняло ассириологов на невозможную попытку отождествить его с Гильгамешем; однако вавилонский герой связан не с библейским Нимродом, а с греческим Гераклесом. Любопытный параллелизм между двенадцатью трудами Геракла и двенадцатью приключениями Гильгамеша может быть случайностью; но не случайно, что Гильгамеш и Гераклес - герои, не являющиеся царями, и что оба они были мучимы смертельной болезнью, разрушающей плоть. Хумбаба - это тиран Герион, бык, убитый Гильгамешем, - это критский бык, убитый Гераклесом, а немейский лев снова появляется в льве, которого Гильгамеш так часто изображает на печатях задуманным до смерти. Как Хера преследовала Геракла, так Истар преследовала Гильгамеша; путешествие греческого героя в Аид параллельно путешествию Гильгамеша за воды смерти; а дерево, которое он нашел на берегу моря с плодами из драгоценных камней, - это волшебное дерево Гесперид с золотыми яблоками, которое росло посреди западного океана.

Верно, что в легенде о Геракле есть много элементов, которые не происходят из Вавилонии. Но верно и то, что, подобно космогониям Гесиода или космологической философии Фалеса, в ней есть и элементы, для которых мы должны утверждать вавилонское [pg 447] происхождение. Вероятно, они попали в греческие земли одновременно с кипрским культом Афродиты или мифом об Адонисе, чье название указывает на путь, по которому двигалась культура Вавилонии. Недавние археологические открытия показали, что в те времена, когда Ханаан был вавилонской провинцией, в Эгейском море уже существовала цивилизация, и что между Египтом и Азией, с одной стороны, и островами и берегами Средиземного моря, с другой, велись активные сношения, в которых ведущую роль играла Крете. Свет только начинает проливаться на то, что до недавнего времени было "доисторическим" прошлым европейских народов; вскоре перед нами, несомненно, откроется новый мир, подобный тому, который открыла расшифровка клинописных текстов.

Не только в мифологии первобытной Греции мы можем проследить влияние легенд, воплощенных в "Эпосе о Гильгамеше". Приключения Гильгамеша в поисках бессмертия стали частью истории того мифического Александра, который вырос в литературе рядом с Александром историческим. Ему тоже пришлось пробираться через страну густой тьмы, и он тоже в конце концов потерпел неудачу в своем стремлении добыть "воды жизни".³⁴² Человек есть и должен оставаться смертным; таково учение и старого поэта Халдеи, и романтика, которую соприкосновение восточной и западной мысли вызвало к жизни в классические времена.

Лекция IX. Ритуал храма.

Храм бога был центром и славой каждого великого вавилонского города. Вавилонские государства с самого начала были по сути теократическими; их правитель был первосвященником, прежде чем стать царем, и до последнего оставался наместником и приемным сыном бога. Именно вокруг храма вырос город и сгруппировалось его население. Ремесленники работали на него, а земледельцы обрабатывали его поля. Искусство Вавилонии зародилось в окрестностях храма; именно для его украшения впервые были изготовлены эмалированные изразцы, а из дерева, камня или металла вырезаны художественные формы, а средства, способствовавшие развитию ремесленного искусства, были получены из земельных владений или из десятины, выплачиваемой жрецам с продуктов земли. Культура Вавилонии с полным основанием восходит к богу Эа.

Место, которое в Ассирии занимала армия, в Вавилонии заняло жречество. Жрецы могли создавать и снимать своих царей. Последний монарх Вавилонии, Набонид, был выдвиженцем вавилонских жрецов; именно от них, а не от наследственных прав, он получил свой титул на трон. Великие святилища страны до последнего влияли на ее судьбы. Влияние Ниппура и Эриду, по сути, было полностью религиозным; мы не знаем ни одной царской династии, которая бы происходила из них. Даже Набонид, со всем своим [pg 449] централизаторским рвением в отношении Меродаха Вавилонского, был вынужден осыпать дарами и почестями бога солнца Сиппара, по крайней мере, в начале своего царствования.

Поэтому мы должны рассматривать храм как древнейшую единицу в цивилизации Вавилонии. Вавилонская культура начинается с храма, с поклонения божеству или духу и со священнослужителей, связанных с этим культом. За много веков до того, как Эн-лиль из Ниппура превратился в семитского бела, для него было построено земное жилище, которое со временем стало храмом бога. Его первое имя, Ê-kur, "дом земли" или "гора", продолжало всегда оставаться за ним, хотя первоначальное значение этого имени было забыто, и оно стало означать храм в более позднем смысле этого слова.

Храм стал знаком и символом освоения первобытного вавилонского болота. Прежде чем возвести его, необходимо было построить платформу из твердой земли и кирпичной кладки, которая должна была возвышаться над ядовитым болотом и служить фундаментом для здания. Шумеры называли эту платформу ки-галь, или "великое место"; это было первое место обитания человека или божества, вырванное из вод болота, и оно знаменовало собой триумф цивилизованного человека над природой. Таким образом, это было "великое место", прочное пристанище в мире воды и слизи.

На платформе возвышались храмовые постройки. В Вавилонии не было камня; это была страна грязи, и из глиняных кирпичей, соответственно, обожженных на солнце, был построен храм бога. То, что было потеряно в красоте или дизайне, было приобретено в прочности. Вавилонские храмы представляли собой огромные массы кирпича, по большей части квадратные, с четырьмя углами, обращенными к четырем кардинальным точкам. Лишь

в исключительных случаях четыре стороны, вместо четырех углов, были обращены к четырем "ветрам".

Эти массы кирпича постоянно росли в [pg 450] высоту. Грубые кирпичи вскоре разрушались, а проливные дожди вавилонской зимы быстро превращали их в первобытную грязь. Поэтому требовалась постоянная реставрация, и история вавилонского храма - это история вечного ремонта. Чтобы стены не разрушались, к ним пристраивали контрфорсы, а кирпичи скрепляли битумом. Но все меры предосторожности были тщетны. Период национального упадка неизбежно влек за собой упадок и храмов, а возвращение процветания означало их восстановление на разрушенных руинах старых построек. Искусственная платформа превратилась в телец или курган.

Но рост в высоту не вызывал недовольства у строителей-жрецов. Чем выше храм поднимался над уровнем равнины, тем больше они были довольны. Характерной особенностью вавилонского храма был зиккурат, или "башня", пристроенная к каждому из них, чья голова, по замыслу строителей, должна была "доставать до небес". Слово "зиккурат" означает "высокая вершина", и царские строители Вавилонии соревновались друг с другом в том, чтобы сделать возводимые ими храмовые башни как можно выше.

Эта характерная особенность религиозной вавилонской архитектуры объясняется не одной причиной. Первые поселенцы на равнине Вавилонии, должно быть, вскоре обнаружили, что чем выше они могут находиться над поверхностью земли, тем лучше для них. Чем ближе они поднимались к небесным облакам, тем свободнее были от миазмов и болотных насекомых. Та же причина, которая побудила их создать платформу для своих храмов, должна была побудить их поднять храм так высоко, как они могли, над уровнем равнины. Однако это не объясняет происхождение самой башни. Это была бы причина для строительства храма как можно выше, а не для пристройки к нему [pg 451] башни. Башня также не была предназначена для защиты от врага, как пилоны египетских храмов. В лучшем случае это была удобная сторожевая башня, с которой можно было наблюдать за передвижениями враждебного отряда. Должна была быть какая-то другая причина, более непосредственно связанная с религиозными верованиями или практиками, которая нашла свое внешнее выражение в священной башне.

Святынище Ниппура, как известно, было самым древним в Северной Вавилонии. С незапамятных времен оно было известно как К-кур, "дом горной страны". Он представлял собой тот подземный мир, который был домом Эн-лиля и его призраков; и этот подземный мир, заметим, представлялся в виде горы. На самом деле клинописный иероглиф, означающий "страна", также означает "гора", а иероглифическое изображение, из которого он развился, - это изображение горного хребта. Земля, на которой он был впервые начертан и запечатлен в письменности, должна была, по-видимому, быть горной, как и земля, на которой подземное царство Эн-лиля считалось возвышенным холмом. Иными словами, шумеры должны были быть жителями горной страны до того, как они поселились на равнине Вавилонии и заложили фундамент храма Ниппура.

И эта горная страна находилась к северу или востоку, где горы Элама и Курдистана граничат с Вавилонской равниной. В истории о потопе ковчег покоится на вершине горы Низир, которая, вероятно, является современным Ровандизом, к северо-востоку от Ассирии; и боги, как считалось, родились на "горе мира", в стране [Араллу343](#). Здесь же они держали свой двор; "Я взойду на небо", - говорит вавилонский монарх в 14-й главе Исаяи, [pg 452] - "Я вознесу свой трон над звездами Эль; я сяду также на горе собрания (богов), на краю [севера344](#) ; я вознесусь над высотами облаков; я буду как Всевышний". Не один храм в

Вавилонии и Ассирии получил свое название от этой "горы мира"; зиккурат в Кисе был известен как "дом горы человечества", храм в Уре назывался "дом горы", а святилище Гула в Вавилоне - "дом священного холма" ³⁴⁵.

Таким образом, по всей Вавилонии гора тесно связана с религиозным культом. Не только в Ниппуре, но и в других городах дом богов находится на вершине Олимпоса, в подземных недрах которого они родились, когда еще первобытный призрак или дух не стал богом. Шумерская религия, должно быть, выросла скорее в горах, чем на равнине, и память о месте ее рождения сохранилась благодаря религиозному консерватизму. Зиккурат храма восходит к тем временам, когда боги еще были богами горы, и строители храма пытались проложить путь к небесному Олимпосу, искусственно воздвигнув имитацию горы на аллювиальной равнине. Башня имитировала К-кур, или гору земли, на которой восседал Эн-лиль, "бог великой горы" (sadu rabu). А земля могла представляться в виде горы только жителям горной страны.

Но эта концепция мира богов и людей резко контрастирует с космологией Эриду. [pg 453] Там первобытная земля была не горной вершиной, а плоскими землями, отвоеванными у моря. Боги и духи находили свой дом в пучинах океана, а не в темных недрах северной горы; центром мира был дворец Эа под волнами, а не "дом-гора" Эн-лиля или темные пещеры "горы Араллу". И снова мы сталкиваемся с двойственным элементом вавилонской мысли и религии, а также с доказательством его сложной природы. Подобно противоречивым элементам в египетской религии, которые лучше всего объяснить составным характером народа, противоречивые элементы в вавилонской религии подразумевают то смешение рас, которое описано во фрагментах Бероса.

В башне или зиккурате, соответственно, мы должны видеть отражение веры в то, что эта нижняя часть земли - гора, чья вершина поддерживает небесный свод. Вокруг нее плывут звезды и облака, скрывая небо богов от глаз человека. Но на самом деле олимпийские небеса были лишь потопом. Только после того, как призраки нижнего мира превратились в богов и были перенесены из сердца горы на ее вершину, оно обрело хоть какое-то существование. Он относится к эпохе астротеологии, к тому времени, когда луна, солнце и все небеса стали божественными и получили почтение человечества. Это эпоха, к которой мне придется еще раз обратиться в моей следующей, заключительной лекции. Это было время, когда зиккураты стали состоять из семи этажей, посвященных семи планетам, когда зиккурат Эреха назывался "домом семи черных камней", а зиккурат Борсиппы - "семью зонами неба и земли" ³⁴⁶.

[pg 454]

Зиккурат занимал лишь небольшую часть территории храма. Каким был храм, мы знаем в некоторой степени не только из американских раскопок в Ниппуре, но и в особенности из рассказов Геродота и клинописной таблички, описывающей великий храм Бел-Меродаха в Вавилоне. Последний назывался К-Саггила, "дом возвышенной головы"; и хотя рассказ Геродота, вероятно, цитируется по более раннему автору, а клинописная табличка, которую видел и перевел мистер Джордж Смит в Константинополе, к сожалению, была утеряна, тем не менее, ни в том, ни в другом случае нет оснований для недоверия. Описание, данное Геродотом, полностью совпадает с описанием на табличке.

Посетитель храма сначала входил в "Большой" или Внешний двор. Он был 900 футов в ширину и более 1150 в длину. Если судить по аналогии с Ниппуром и Лагасом, вокруг него шла аркада, опирающаяся на колонны, а по обе стороны от входа стояли две большие, но отдельно стоящие колонны из кирпича или камня. В Вавилоне из первого двора открывался

второй, посвященный поклонению богиням Истар и Замаме. Шесть ворот пронзали стены - Большие ворота, Ворота восходящего солнца, Великие ворота, Ворота колоссов, Ворота канала и Ворота башни-вида.³⁴⁷ Затем находилась кигаллу, или платформа, первоначального храма, стороны, а не углы которого были обращены к четырем кардинальным точкам, и который имел четверо ворот, каждые в центре одной из сторон. В нем находился зиккурат, "дом основания неба и земли", как его называли, с семью ступенями, которые [pg 455] поднимались одна над другой в постепенно уменьшающихся пропорциях до высоты 300 футов.³⁴⁸ Снаружи вверх вел извилистый пандус, соединявший ступени между собой и позволявший проехать по нему колеснице до самого верха. Здесь, на последней из семи ступеней, находилась камера бога. В ней не было ни одного изображения божества, только золотой диван и золотой стол для хлебов.³⁴⁹ Никому, кроме женщины, в которую бог вдохнул дух пророчества, не разрешалось входить в нее, и именно ей Бел являлся по ночам на своем золотом диване и произносил свои оракулы. Как и в Греции, так и в Вавилонии и Ассирии женщины были вдохновенными пророчицами богов. Именно от жриц и прислужниц Истар из Арбелы Эсар-Хаддон получал оракулы богини; нам напоминают, что и в Израиле именно пророчица Дебора поднимала своих соотечественников на битву, а Хульда, а не Иеремия, была той, к кому первосвященник приходил, чтобы услышать "слово Господне".

Примечательно, что местом прорицания была самая верхняя камера башни. Бог мыслится как спустившийся с небес;³⁵⁰ именно там он и живет, а не в подземных недрах горы мира или бездонных морских пучинах. Когда зиккурат принял свою окончательную форму, [pg 456] божества Вавилонии уже были перенесены на небо.

Важно также, что в нем не было изображения бога. Духовное было окончательно отделено от материального, и там, где сам бог пришел в духовной форме, не было необходимости в его материальном изображении. Хотя никто не мог увидеть его смертным глазом, кроме его вдохновенной жрицы, он, тем не менее, присутствовал так же реально, как если бы воплотился в какой-нибудь статуе из металла или камня. Обитатель небес не нуждался в земном теле или форме; божественные духи, которым поклонялись на солнце или звездах, были видны только глазу веры.

Но только в зиккурате божество спускалось с небес в духовном обличье. В часовнях и святилищах, стоявших у его подножия, было множество изображений; здесь служили и поклонялись толпы жрецов и мирян, и древние традиции религии оставались нетронутыми. На восточной стороне башни находилось святилище Небо, "ангела" или толкователя воли Меродаха, с Тасмит, его женой. На севере находились часовни Эа и Нуску, на юге - Ану и Эн-лиль, а на западе - храм самого Меродаха. Он состоял из двойного здания, между двумя крыльями которого находился двор. В углублениях внутреннего святилища находилась Папахху, или "Святая святых", с золотым изображением бога. Здесь же находился золотой стол с хлебами и паракку, или сиденье милосердия, которое иногда давало название всему святилищу.

Самое внутреннее святилище было известно как Ду-азагга, или "Священный холм", в честь которого месяц Тисри получил одно из своих названий.³⁵¹ Но на самом деле это название произошло от [pg 457] Эриду. Это было место обитания Эа на восточном горизонте моря, где солнце поднимается из [глубины](#)³⁵², и Асари, соответственно, был назван его "сыном". Когда Асари стал вавилонским Меродахом, Священный курган или холм переместился вместе с ним, и место прорицательской мудрости Эа превратилось в святилище Меродаха, где он, в

свою очередь, произносил свои оракулы в праздник Нового года.³⁵³ Леманн³⁵⁴ показал, что первоначально оно представляло собой место милосердия, "золотой трон" из описания Геродота, над которым восседало божество, когда спускалось, чтобы объявить о будущих судьбах человека. Лишь впоследствии он был расширен до "Святого святых", в котором стояла крышка.

Золотой алтарь, по-видимому, был воздвигнут рядом с крышкой бога. Если верить Геродоту, на нем разрешалось приносить в жертву только ягнят. Но во внешнем дворе находился еще один, более крупный алтарь. На нем приносили в жертву овец, а также ладан.

Архитектурное устройство вавилонских храмов, однако, не всегда было одинаковым. Ориентация храма Меродаха, как мы видели, отличалась от [pg 458] ориентации большинства вавилонских святилищ. Количество часовен, входящих в священный участок, сильно варьировалось, и даже положение великой башни не было одинаковым. Но общий план был везде одинаков. Сначала был большой двор, открытый небу и окруженный клуатрами и колоннадами. Здесь находились дома жрецов и других служителей храма, библиотека и школа, лавки для изготовления и продажи votивных предметов, даже стойла, где содержались животные, предназначенные для жертвоприношения. В центре двора находился жертвенный алтарь, рядом с которым стояли большие вазы для омовения, а также "море", или бассейн с водой, получивший свое название от того, что он был символом первобытной "глубины". Бассейн был бронзовым или каменным и иногда поддерживался на спинах двенадцати волов, как мы узнаем из старого гимна, описывающего строительство одного из них.³⁵⁵ В другое время, как в Лагесе, бассейн был украшен фризом с женскими фигурами, которые наливали воду из ваз в свои протянутые руки.³⁵⁶ Очищающее действие воды "глубин" переносилось на воду имитируемого "морья", и верующий, который входил в храм после омовения в нем, становился церемониально чистым.

Большой двор с двумя изолированными колоннами перед входом вел во второй, из пола которого поднимался зиккурат или башня. Второй двор служил входом в сам храм, который состоял из внешнего святилища и внутренней святыни. Допускались ли миряне в его внутренние покои - сомнительно. Никто, действительно, не мог предстать перед богом иначе, как при посредничестве жреца; и на цилиндрах печатей часто изображен [pg 459] поклонник, которого жрец ведет за руку и подносит к изображению божества. Но нет уверенности, что изображенный на них образ был тем, который стоял в Святой Святых, или внутреннем святилище; возможно, это был второй образ, воздвигнутый в другой части храма. С другой стороны, многочисленные часовни второстепенных богов, составлявших двор главного божества города, вряд ли могли быть обставлены более чем одной статуей, и даже сомнительно, что они состояли более чем из одной камеры. Возможно, только из самого верхнего помещения башни мирянин был абсолютно исключен.

Вавилонский храм, как видно, очень напоминал храм Соломона. В нем тоже было два двора, покои для священников, святилище и Святой Святых. Оба они внешне представляли собой просто прямоугольные коробки, лишенные архитектурной красоты и разнообразия дизайна. Только наличием башни вавилонский храм отличался от израильского. Они совпадали даже в деталях своего убранства. Два алтаря вавилонского святилища снова встречаются в Иерусалимском храме, как и крышка ковчега и стол для хлебов. Даже бронзовое "море" Соломона с двенадцатью волами, наконец, объяснено; оно было сделано по образцу вавилонского оригинала и восходит к космологическим идеям, которые имели своим источником Эриду. Еще более поразительны колонны-близнецы, обрамлявшие ворота двора, остатки которых были найдены как в Ниппуре, так и в Телло. Они в точности повторяют колонны-близнецы, которые Соломон установил "в паперти храма" и назвал Якин и Боаз. В

них мы снова можем найти следы верований, уходящих корнями в теологию Эриду. Когда Адапа, первый человек, был [pg 460] послан Эа на небо Ану, он нашел по обе стороны ворот двух богов, одетых в траур и плачущих о своем безвременном уходе с земли. Подобно двум херувимам, охранявшим дерево жизни, они охраняли небесные врата. Один из них был Таммуз, другой - Нин-гис-зида, "владыка крепко посаженного кола". Каждый из них погиб, судя по всему, в расцвете сил, а потому был призван охранять врата рая и не давать смертному человеку пробиться в царство бессмертия. Следует заметить, что Якин - очень плохой перевод шумерского Нин-гис-зида; возможно, Боаз сохранил в искаженном виде воспоминание о Таммузе.

Существует еще один параллелизм между храмами Вавилонии и Иерусалима. Еврейский ковчег был заменен в Вавилонии кораблем. Корабль посвящался богу или богине, чье изображение он содержал, и часто был значительных размеров. Его борта часто инкрустировались драгоценными камнями и золотом, и он всегда носил особое имя. По крайней мере, одно из названий указывает на то, что корабль восходит к тем временам, когда боги еще не принимали человеческий облик; корабль Бау - это "священная королева". В ранние времена корабль был снабжен капитаном и командой; позже он уменьшился в размерах, чтобы его можно было нести, как ковчег, на плечах людей. Но его первоначальное предназначение понятно. В дни праздников бога катали на нем по священной реке, где он мог насладиться прохладным ветерком и вернуться, так сказать, в "чистые" воды первобытной глубины. Постепенно она стала просто его дорожным домом, когда он покидал свое обычное место жительства. В Ассирии его место даже занял трон или платформа, которую несли на плечах в религиозных процессиях. Корабль, по сути, превратился в ковчег, занавешенный паланкин или святилище, где божество могло укрыться от [pg 461] глаз профанов, когда покидало свое собственное святилище.

Открытие, сделанное г-ном Ормуздом Рассамом в курганах Балавата, в пятнадцати милях от Моссула, показывает, что в Ассирии развитие корабля в ковчег было таким же полным, как и в Израиле. Здесь он обнаружил небольшую часовню, посвященную богу снов. У входа в святилище стоял каменный сундук, в котором находились две небольшие алебастровые плиты, густо покрытые клинописью. Они оказались записями завоеваний Ассур-назир-пала, строителя часовни, и каждая табличка содержала один и тот же текст. Неудивительно, что туземные рабочие, открыв сундук, посчитали, что обнаружили настоящие скрижали Моисеева закона! В Ветхом Завете сказано, что они хранились в ковчеге. Недалеко от ларца, в северо-западном углу святилища, находился каменный алтарь, к которому можно было подняться по пяти ступеням.

Храмы обслуживала целая армия жрецов. Во главе стоял патеси, или "верховный жрец", который в ранний период вавилонской истории выполнял функции царя. Но по сути патеси был наместником бога. Бог делегировал ему свои полномочия и позволял осуществлять их на земле. Это была доктрина жреческого посредничества, доведенная до логического конца. Только через жреца можно было обратиться к божеству, а в отсутствие божества его место занимал первосвященник. В Вавилоне, как мы уже видели, божественные права передавались через акт усыновления; наместник Бэла, "взяв руку" и став сыном бога, получал право осуществлять свой суверенитет над людьми. Ранний царь Эреха называет себя сыном богини Нин-кун. С самого начала вавилонская монархия была по сути теократической; [pg 462] царь был просто верховным жрецом в новой форме.

Но с ростом семитского господства царь сам становился богом. Наместник принимал на себя все атрибуты божества, приемный сын наследовал права и полномочия своего божественного отца. Патеси перестал быть самым царем, а стал его наместником и

лейтенантом. Везде, где верховный монарх имел правителя, действовавшего от его имени, он имел и представителя своей божественной власти. Существовали верховные жрецы бога на земле, а также богов на небе.

Потребовался новый термин, чтобы занять место *patesi*, который, таким образом, стал иметь как светское, так и религиозное значение. Он был найден в слове *sangu*, которое, особенно в ассирийский период, означало главного жреца. В каждом большом святилище были свои главные жрецы, которые соответствовали древнееврейским "сыновьям Аарона", с "первосвященником" или сангам-маху во [главе357](#). Под их началом находилось большое количество подчиненных жрецов и служителей храма - кали, или "галло-жрецы" [358](#), [pg 463] *nišakki* или "жертвоприношения", рамки или "возлияния", и пасиси или "помазывающие маслом". Существовал даже особый класс пекарей, готовивших священные лепешки, которые использовались в храмовой службе, а также "песнопевцы" и "плакальщики", "носители топора" и "копья". Прежде всего, это пророки и предсказатели, прорицатели (макхи) и некроманты (мусели), а также те, кто "вопрошал" мертвых (сайли).

Асипи, или "пророки", представляли собой отдельный класс. В некоторых отношениях они напоминали израильских пророков. Именно "по приказу коллегии пророков" Ассур-бани-пал очистил святилища Вавилона после взятия города, а пророк сопровождал даже армию в поле. Иногда они предсказывали будущее, но чаще это было скорее объявление воли Небес, которое они доносили до [человечества359](#). Во время пророчества они возносили возлияния; именно поэтому очищение святынь вавилонских храмов было их особой заботой, а старый ритуальный текст повелевает пророку возносить возлияния "три дня на рассвете и ночью во время средней стражи" [360](#). Это слово было заимствовано автором Книги Даниила (ii. 10) под формой *ashshâph*, что в Авторизованной версии переводится как "астрологи". Но вавилонский асип или "пророк" не был астрологом; он оставлял другим толкование звезд, а сам довольствовался советами или предсказаниями судеб людей. Как и его учитель Бел-Меродах, он был толкователем [pg 464] мудрости Эа и открывателем его советов. Святая святых великого вавилонского храма, где Бел произносил свои оракулы, была известна как "дом пророчества", как и корабль, на котором изображение бога переправлялось через поток. [361](#) Пророк, возможно, был частью наследия, завещанного Эриду вавилонскому народу.

Рядом с пророком стоял провидец (*sabrû*). [362](#) Провидец и пророк отличались друг от друга; их должности не смешивались, как это, по-видимому, было в свое время в Израиле. Провидец не был "оратором", который объявлял волю богов или судьбу, предначертанную человеку; напротив, будущее становилось ему известно через видения и трансы. Ассур-бани-пал рассказывает, как накануне войны с эламитами, после того как он призвал на помощь и защиту Истар, "один пророк спал и видел пророческий сон; ночное видение открыла ему Истар; он повторил его мне, сказав: "Истар, живущая в Арбеле, спустилась, по правую руку и [pg 465] по левую повесила (свои) колчаны; в руке своей она держит лук; она выхватила острый боевой меч и держит его перед собой. Как мать, она говорит с тобой, она зовет тебя; Истар, царица богов, назначает тебе участь: ... "Ешь пищу, пей вино, занимайся музыкой, возвеличивай мою божественность, пока я не выступлю в поход и не совершу это мое дело. Я исполню желание сердца твоего; лицо твое не побледнеет, ноги твои не пошатнутся".' "

Здесь послание провидца переходит в пророчество, и его должность отличается от должности пророка только разницей в способе откровения. Провидец восходит к самым ранним временам семитской Вавилонии. Провидец из дворца Саргона Аккадского уже упоминается на одной из современных табличек рядом с "царем" и "царицей". [363](#) Как и

другие жрецы, к которым он причислялся, он должен был быть без телесных изъянов. Прокаженные, слепые и увечные не допускались к служению богам³⁶⁴.

Насколько вавилонский пророк походил на древнееврейского, сейчас сказать невозможно. Но, несомненно, есть два важных момента, в которых они различались. С одной стороны, вавилонский пророк был членом священнического корпуса; простой крестьянин не мог стать "глашатаем" воли небес без предварительной подготовки и посвящения. Следовательно, не было такого различия между пророком и священником, как в Израиле; Вавилония была теократическим, а не демократическим государством. С другой стороны, пророк был тесно связан с магом и некромантом. [pg 466] Магия была взята под защиту государственной религии, а не отвергнута и не преследовалась, как у израильтян. Поэтому, хотя пророк был жрецом, которому специально поручались обряды очищения, он в то же время был причислен к *sailu*, который "спрашивал" мертвых, *musêlu*, или некроманту, и *makḫḫu*, или "прорицателю".

С другой стороны, и в Вавилонии, и в Израиле были как пророчицы, так и пророки. Использование женщин в храмовых службах особенно характерно для Вавилонии. Как мы видели, только женщина имела право входить в тайное святилище Бел-Меродаха в Вавилоне; незамужние женщины были посвящены не только Истару, но и богу солнца и, подобно жрецам, составляли корпоративную общину. Нам рассказывают, что в нижнем мире Аида были как женщины, так и мужчины-прорицатели; это был дом черного искусства, и в нем отражалась конституция профессоров колдовства в верхнем мире.

Наряду с провидцем и прорицателем в храме находился и пророк. Там на него возлагалась определенная обязанность: он был "возливающим" возлияния. Возлияния, несомненно, первоначально были из "чистой" воды, к которой впоследствии добавляли вино, сделанное из пальмы или виноградной лозы. Вместе с возлияниями богам приносили все первые плоды возделываемой земли. Молоко, масло и масло, финики и овощи приносили в изобилии. Также приносили пряности и благовония, привезенные с южного побережья Аравии, кукурузу, выращенную на полях, чеснок и другие травы из сада, мед из ульев. Но не были забыты и жертвоприношения животных. Овцы и телята, бараны и ягнята, козлята и дети, рыба и некоторые виды птиц были закланы на алтаре и принесены в жертву богам.

Примечательно, что [pg 467] божеству приносили в жертву только культурное растение и одомашненное животное. Собака и свинья, или, скорее, дикий кабан, никогда не упоминаются в жертвенных списках. Человек приносил в жертву небесам то, что ел сам, выращивал или растил в поте лица своего. Газель, правда, упоминается, но это козел отпущения, которого, подобно древнееврейскому Азazelю, загоняют в пустыню, унося с собой грехи и болезни тех, кто выпустил его на свободу.³⁶⁵ Боги семитской Вавилонии были по сути своей людьми, и то, чем жил человек, требовалось и им. Более того, они давали своим поклонникам все самое необходимое и ценное - плодородные поля, тучный скот, дождь в свое время и благословение солнечного света. Взамен они требовали первые плоды того, что на самом деле принадлежало им; они могли, если бы захотели, лишиться человека всего, но щедро довольствовались частью. Семитский Ваал действительно был подобен божественному царю; хотя он и был повелителем и хозяином возделываемой земли и всего, что она производила, он довольствовался лишь долей.

Входил ли первенец человека в число жертв, которые считались приемлемыми для небес? Много лет назад я опубликовал один ранний текст, который, казалось, показывал, что так оно и было. Моя интерпретация текста была оспорена, но она по-прежнему кажется мне единственно законной. Текст написан на двух языках - шумерском и семитском, и поэтому, вероятно, восходит к шумерским временам. В буквальном переводе он звучит следующим

образом: "Пусть водоросль провозгласит: отпрыск, поднимающий голову среди людей, отпрыск за жизнь свою должен отдать; [pg 468] голова отпрыска за голову человека, которого он должен отдать, шея отпрыска за шею человека, которого он должен отдать, грудь отпрыска за грудь человека, которого он должен отдать" ³⁶⁶. Трудно придать этому какое-либо иное значение, кроме того, что оно относится к жертвоприношению детей.

Однако этот вопрос решают археологические данные. На знаменитой стеле "Стервятники", хранящейся сейчас в Лувре, изображена своего рода плетеная клетка, наполненная пленниками, ожидающими смерти от булавы короля.³⁶⁷ Кроме того, на определенном классе цилиндров-печатей выгравирована сцена, которую Менан, как мне кажется, справедливо объяснил как изображение человеческого жертвоприношения. В более поздние времена, правда, человеческие жертвоприношения перестали практиковаться; в надписях о них упоминается мало, если вообще упоминается, а человеческая жертва заменяется быком или овцой. Именно оскорбленному величию ассирийского царя, а не богу Ассуру ассирийский завоеватель пронзал или сжигал избитого врага; и в списках жертвоприношений, которые приносились обожеествленным правителям Вавилонии, мы тщетно ищем упоминания о человеке или ребенке. Как и в Израиле, так и в царствах Евфрата и [pg 469] Тигра человеческие жертвоприношения, похоже, исчезли в ранние времена.

Как, впрочем, и другой обычай, о котором нам поведали архаичные скульптуры Телло. Это обычай приближаться к божеству в ^{одежде}³⁶⁸, и профессор Джастроу метко сравнивает с ним не только скудную одежду магометанских паломников на горе Арафат, но и поведение Савла, когда на него снизошел дух пророчества. Подобный обычай преобладал в кельтской Ирландии, а индусы до сих пор раздеваются, когда садятся есть.

Рост культуры, а возможно, и смешение рас, лишили богов двух прерогатив, которыми они когда-то пользовались. Они больше не могли претендовать на первенцев человеческих и требовать, чтобы поклоняющийся им входил в их присутствие нагим и беззащитным. Но они сохранили все остальные царские права. Десятина со всего, что производила земля, принадлежала им, и ее неукоснительно взымали для содержания храмов и жрецов. Вавилония, короче говоря, была изобретателем десятины.

Почему она должна была составлять десятую часть, мы не можем сказать. Система счисления вавилонян была шестидесятеричной и двенадцатидесятеричной, а не десятичной, и год состоял из двенадцати месяцев, а не из десяти. Возможно, этот институт восходит к тому периоду, когда двенадцатимесячный год еще не был установлен, и, подобно лунному году современного магометанина, он все еще состоял из десяти месяцев. Как бы то ни было, десятина стала характерной чертой вавилонской религиозной жизни. Ее платили все сословия; даже царь и его наследник не были от нее освобождены. Одним из последних деяний венценосца Белшаззара была уплата десятины в размере сорока семи сиклей, причитавшейся от его сестры храму бога солнца [pg 470] в Сиппаре, в тот самый момент, когда Кир стучался в ворота ^{Вавилона}³⁶⁹. Вероятно, ежедневные жертвоприношения в значительной степени обеспечивались за счет десятины; во всяком случае, Ассур-бани-пал говорит нам, что после подавления вавилонского восстания он взыскивал с народа средства, необходимые для жертвоприношений Ассуру, Бельтису и богам Ассирии. Однако часто их приносили специально; так, Навуходоносор выделил специальные средства для ежедневного жертвоприношения восьми ягнят в храме Нергала в Кутхе, а более ранний вавилонский царь описывает, как он увеличил размер пожертвований, приносимых в Сиппаре.

Ежедневное жертвоприношение называлось *šattûku*, термин, восходящий к эпохе, когда семиты впервые смешались с более древним шумерским языком.³⁷⁰ Существовали и другие термины, обозначающие различные виды приношений, которые преподносились богам. Жертвоприношение животных называлось *zîbu*, жертва еды - *manitu*.³⁷¹ Свободное приношение - *nîdbu*; "дар" или "благодарность", требуемая богом от полевых продуктов, - *qurbannu*, ивритское *qorbân*. Использовались и другие термины, точный смысл которых до сих пор не ясен; среди них есть один, который, вероятно, означает "жертва за нарушение".

Невозможно не поразиться множеству сходств между вавилонским ритуалом и устройством храмов и тем, что существовало у израильтян. Храм Соломона, по сути, был не более чем воспроизведением вавилонского святилища. [pg 471] И как дворец еврейского царя примыкал к храму, в котором он требовал права приносить жертвы, так и в Вавилоне дворец Навуходоносора - который, надо помнить, был не только царем, но и понтификом - стоял рядом с храмом Меродаха. Даже бронзовый змей, которого уничтожил Езекия, находит свою параллель в бронзовых змеях, установленных в воротах вавилонских храмов.³⁷² Кроме того, внутреннее убранство святилища в обеих странах было схожим. Стены украшались эмалированным кирпичом или бляшками из золота и бронзы, а также инкрустированными камнями. Иногда их расписывали киноварью, изображая на стенах чудовищ из "Эпоса творения". Но чаще всего на стенах изображали херувимов, священное дерево или другие растительные фигуры, как в Иерусалиме. В Эрехе двери охраняли колоссы с бычьими головами.

Но сходство между вавилонскими и древнееврейскими ритуалами выходит за рамки церемониала храма Соломона и распространяется на Левитский закон. Фактически, сам термин "закон", "тора", как называли его израильтяне, был заимствован из вавилонского "терту", на что впервые указал профессор Хаупт. Возникает даже вопрос, не является ли это слово производным от глагола *ahûru*, "посылать" или "направлять", от которого также было образовано имя Аарона. Как бы то ни было, даже технические слова Моисеева закона встречаются в ритуальных текстах ранней Вавилонии. Библейское *kipper*, "искупление", - это ассирийское *kirpuru*; а *qorbân*, как мы уже видели, - ассирийское *qurbannu*. Делалось различие между приношениями богатых и бедных (*muskînu*),³⁷³ а жертвенное животное должно было [pg 472] быть "без порока" (*salmu*). Жрецу отдавали "правое" бедро или плечо жертвы, а также поясницу и шкуру, крестец и сухожилия, а также часть **живота**³⁷⁴. Еще интереснее найти в ритуале пророков указания о жертвоприношении ягненка у ворот дома, кровь которого должна быть намазана на перекладины и дверные косяки, а также на колоссальные изображения, охранявшие вход.³⁷⁵ По сей день в Египте практикуется тот же обряд, и когда началась моя дахабия, мне пришлось ему следовать. По этому случаю кровь ягненка была пущена по бортам нижней палубы.

Есть и другие параллели между Вавилонией и Моисеевым Израилем, на которые обратил внимание профессор Циммерн. В "скинии собрания", или "шатре собрания", он видит место, где "подходящее время" (*moêd*, ассир. *adannu*) для какого-либо дела определял *barû* или провидец; во всяком случае, "определять подходящее время" (*sakânu sa adanni*) было одной из функций вавилонского провидца.³⁷⁶ Наряду с ритуалами для провидцев и пророков, существовал еще один - для *zattmâgi* или "певцов". Короче говоря, иерархия вавилонского храма была такой же, как и израильского.

Но помимо архитектуры храма и правил ритуала, между религиозным законодательством Вавилонии и израильтян были и другие сходства. Их можно проследить в многочисленных праздниках календаря и времени года, в которые они проводились. Главным из них был праздник Нового года. Вавилония была в первую очередь сельскохозяйственной общиной, и

праздники ее богов, [pg 473] как и названия месяцев, были обусловлены потребностями сельского хозяйства. Весна и осень были отмечены посевом семян и сбором урожая. Но ни одно, ни другое не происходило во всех частях страны в одно и то же время года. На юге урожай могли собирать, когда на севере сеяли кукурузу, или сеять семена, когда в более холодных регионах собирали урожай.

Поэтому один и тот же праздник мог отмечаться как в начале, так и в конце сельскохозяйственного года. Но в любом случае это был период ликования и отдыха от труда, благодарности богам за их благодеяния и подношения им первых плодов с полей. В старые времена Гудеа из Лагаса год начинался с праздника богини Бау в середине октября; в более позднем Вавилоне Хаммурапи праздник был перенесен на весну, и первый месяц года начинался в марте. Но более древний календарь Вавилонии уже был перенесен на Запад и сохранился там, в стране, к климатическим и сельскохозяйственным условиям которой он был совершенно неприменим. Древний ханаанейский год начинался осенью в седьмом месяце, который в более позднем календаре считался седьмым. Однако только после окончательного объединения страны при Хаммурапи во всех святилищах Вавилонии был введен фиксированный и единый календарь. В более раннюю эпоху великие святилища имели каждый свой собственный календарь; месяцы назывались по-разному, а божества, которым посвящались праздники, не всегда совпадали.³⁷⁷ В Лагасе праздник Нового года был посвящен Бау, а в Вавилоне - Меродаху.

[pg 474]

Кроме праздников весны и осени, существовал еще третий праздник, относящийся к сельскохозяйственному году. Это был праздник летнего солнцестояния, который приходился на июнь. Он знаменовал собой высыхание почвы и исчезновение урожая и растительности весной. В некоторых ранних государствах Вавилонии он был посвящен богу Биль-'си³⁷⁸; в календаре Ассирии место старшего бога занял Таммуз. Таммуз погиб безвременной смертью, и было уместно отпраздновать смерть бога, когда, казалось, умирала и природа. Однако было время, когда праздник Таммуза отмечался, во всяком случае, в некоторых частях Вавилонии, в октябре, а не в июне. В том же месяце, где отмечался праздник Нового года, отмечался и праздник воскресшего из мертвых Таммуза.

Три великих праздника вавилонского земледельца снова встречаются в Ханаане. Но примечательно, что третий из них - праздник Недель, как его называли евреи, - был в Ханаане аналогом весеннего праздника в Вавилонии. По сути, это было повторение праздника весны. А последний, соответственно, становится его прелюдией и преддверием. 16 нисана левитский закон предписывал приносить сноп первых плодов урожая (Лев. xxiii. 10-14), а пресный хлеб, который ели на самом празднике [pg 475], символизировал сбор зерна, которое таким образом посвящалось Богу в виде освященных лепешек.

К трем великим сельскохозяйственным праздникам добавились другие. Многие из них приходились на определенное время года и были посвящены божествам, которым поклонялись в том или ином святилище Вавилонии. Некоторые из них отмечались по всей стране, другие - только в определенном городе или районе. С обожествлением нового царя начинался новый праздник в его честь, и если его культ продолжался, то и праздник продолжался наряду с установленными праздниками старых богов. Но новые праздники могли учреждаться и по другим причинам. Строительство или восстановление святилища или даже посвящение статуи было вполне достаточным поводом. Освящая храм Ингуриды в Лагасе, Гудеа рассказывает, как он "отменял штрафы и дарил подарки". В течение семи дней не требовалось никакой службы. Женщина-рабыня стала равной своей госпоже; мужчина-

раб стал равным своему господину; начальник и его подданный стали равны в моем городе. Все, что является злом, я удалил из этого храма "[379](#).

Временная свобода, предоставленная таким образом рабу, по-видимому, была характерна для вавилонского праздника. Беросс утверждает, что в месяце Лоос или июле в Вавилоне в течение пяти дней отмечался праздник Сакæа, когда "по обычаю хозяева должны были подчиняться своим домашним, одного из которых водили по дому, одетого в царскую одежду".[380](#) Этот обычай часто сравнивали с римскими Сатурналиями, а недавно была выдвинута необоснованная теория, связывающая с ним древнееврейский праздник [pg 476] Пурим.[381](#) Но на самом деле этот обычай был преувеличением в греческую эпоху вавилонской истории старой доктрины, которая лежала в основе вавилонского представления о святом дне. Святой день был, по сути, праздником, днем, когда весь народ отдыхал от работы, и когда, соответственно, даже раб на некоторое время обретал свободу. Летний праздник Сакæа, по крайней мере в его первоначальной форме, или праздник, установленный Гудеа при освящении храма К-Нинну, был, таким образом, параллелью древнееврейского года юбилея. В юбилейном году мы имеем западное отражение верований и обычаев, которые были знакомы предкам Авраама.

Субботний отдых был, по сути, вавилонского происхождения. Само слово "суббота" было заимствовано из Вавилонии, где оно имело форму Sabattu, и было выведено местными лексикографами из шумерского sa, "сердце" и bat, "прекращать", и таким образом объяснено как "день отдыха для сердца".[382](#) Вывод, конечно, абсурден, но он указывает на древность этого термина. Было еще одно название, сулум, или "тихий день", которое использовалось, в частности, как перевод шумерского udu [pg 477] khul-gal, "dies nefastus", в который было запрещено или несчастливо выполнять определенные виды работ.[383](#) Таким образом, в списке дней, которые мы должны назвать днями святых в месяце второго Элула, мы читаем, что 7, 14, 19, 21 и 28 дни месяца были одинаково днями тишины и отдыха. "7-й день, - сказано нам, - это день, посвященный Меродаху и Зарпанит. Это день удачи и покоя. Пастырь могучих народов (то есть царь) не должен есть плоть, приготовленную на огне или в дыму. Одежду свою он не должен менять. Белые одежды он не должен надевать. Он не должен приносить жертвы. Царь не должен ездить на колеснице. Он не должен издавать царских указов. В тайном месте провидец не должен пророчествовать. Лекарства от болезней своего тела он не должен применять. Он не должен произносить заклинания "[384](#). Здесь суббота повторяется, как и у евреев, каждые семь дней; и профессор Йенсен отметил, что 19-е число месяца, когда также наступала суббота, составляло сорок девять дней или семь недель от начала предыдущего месяца. Таким образом, существовала не только неделя из семи дней, но и неделя из семи дней. Фактически, главное различие между вавилонским и древнееврейским установлениями заключалось в подчинении субботы празднику "новолуния" у вавилонян. Субботы в первый день месяца не было; ее место занимали добровольные приношения луне.

Суббота, как можно заметить, не была постным днем. Однако в Вавилонии и Ассирии посты были нередки, а во времена опасности и бедствий могли быть [pg 478] специально назначены. Когда Эсар-Хаддон был сильно потеснен своими северными врагами, он приказал вознести молитвы и совершить обряды перед богом солнца, которые продолжались сто дней и ночей. Это был долгий период публичного унижения, и бога просили даровать благоприятные видения "провидцам", которые зывали к его помощи. В покаянных псалмах пост упоминается неоднократно. "Вместо пищи, - говорит кающийся, - я ем горькие слезы; вместо пальмового вина я пью воды несчастья". Или еще: "Пищи я не ел, плач - моя пища; воды я не пил, слезы - мое питье "[385](#).

Пост и праздник чередовались, как это было в Израиле. По мере того как мы узнаем больше о ритуале Вавилонии, сходство его с ритуалом евреев становится одновременно более поразительным и обширным. Они оба исходят из одних и тех же принципов и сходятся во многих деталях. Между ними, правда, лежит та глубокая пропасть различий, которая разделяет религии Израиля и Вавилонии в целом; одна из них монотеистична, другая - политеистична. Но, помимо этого глубокого различия, культ и ритуал имеют более чем родственные отношения. Обычаи и обряды, утратившие свое первобытное значение в Левитском Законе, находят свое объяснение в Вавилонии; даже церковный календарь Пятикнижия восходит к Вавилонии эпохи Хаммурапи. Не может быть случайностью, что Хаммурапи или Аммурапи из клинописных надписей - это Амрафель из Бытия, современник еврейского Авраама, который родился в "Уре Халдейском". Закон Моисеев, должно быть, черпал свое первое вдохновение из авраамической эпохи, хотя и был изменен и развит в последующие века израильской истории.

[pg 479]

Лекция X. Астро-теология и моральный элемент в вавилонской религии.

Сто лет назад авторы истории и философии религии много говорили о том, что они называли сабаизмом. Предполагалось, что самой ранней формой идолопоклонства было поклонение небесным телам. В подтверждение этого приводился отрывок из Книги Иова, а ради изображений солнца, луны и звезд, которые были на них, делались великолепно выполненные рисунки вавилонских печатей-цилиндров. Сэр Уильям Драммонд перевел сыновей Иакова в знаки Зодиака; [386](#) Дюпюи вывел само христианство из своего рода аллегорической астрономии.

"Сабаизм" уже давно потерял свою актуальность. Антропология уже давно научила нас, что первобытная религия не ограничивается поклонением звездам. Культ небесных тел не был источником политеизма; более того, существуют системы политеизма, в которых его вообще не было. В последнее время наметилась тенденция полностью отбросить его как фактор в истории религии.

Но эта тенденция зашла слишком далеко. Во всяком случае, была одна религия, в которой он играл важную роль. Это была религия древней Вавилонии и других стран, испытавших влияние вавилонской культуры. Но даже здесь расшифровка [pg 480] надписей, казалось, показывала, что она относится к поздней эпохе и является искусственным продуктом, который никогда не влиял на весь народ в целом. Когда я читал свои лекции в Хибберте, я полагал, что могу в нескольких словах отвергнуть ее как всего лишь некую вспомогательную главу, добавленную педантами и учеными к государственной религии.

Несомненно, что сложная система астротеологии, характерная для вавилонской религии, была искусственным творением. Она была результатом сочетания религии с астрономией, которая разрабатывалась в школах. Астрономия, как и все другие науки, находилась под контролем жрецов, обсерватория возвышалась рядом со школой в пределах храма, а зависимость календаря от наблюдений астронома придавала им религиозный характер.

Более того, астротеология Вавилонии не восходила к первобытным временам. Отождествление официальных богов с небесными телами относится к эпохе, когда официальная религия уже выкристаллизовалась в форму и была составлена карта небес. Мы можем практически наблюдать за ее становлением и проследить ее рост.

Тем не менее, этот подъем и рост произошли гораздо раньше, чем это представлялось ранее. Астротеология не была просто заученной схемой аллегоризированной науки, игрой школы педантов; она оказала значительное влияние на религию Вавилонии и на историю ее развития. Более того, она имела свою подоплеку в вере народа. Подобно рекам и ручьям, звездам также действительно [поклонялись](#)³⁸⁷, и символы, начертанные на цилиндрах печатей, показывают, что это поклонение должно восходить к древнейшему периоду Вавилонии. Даже идеограмма, обозначающая "бога", представляет собой [pg 481] восьмилучевую звезду. Этот факт очень важен. В то время, когда только формировались пиктографические иероглифы, из которых должны были вырасти клинописные знаки, звезда уже была символом и представителем божественного. Это еще не было более общее и абстрактное "небо", это была конкретная звезда, которую почитали как бога. Вавилонская религия, как бы далеко ни уходила ее письменная история, действительно начинается с сабаизма.

Как примирить этот факт с тем, что боги Вавилонии когда-то были духами и призраками, зи в Эриду и лилами в Ниппуре? На этот вопрос сейчас невозможно ответить; в крайнем случае мы можем лишь предположить, что зи, или дух, был локализован в звезде. Дух солнца был так же понятен, как и дух Эа, а сын Эа, напомним, стал богом солнца. "Зи бога" первоначально означало в примитивном изобразительном письме "дух звезды", а буквальный перевод этого обращения в ранних заклинаниях был бы "дух звезды, которая является владицицей Ду-азагга", "дух звезды, которая является хозяйкой священного холма". В Книге пророка Исайи вавилонский царь говорит, что он возведет себя среди богов на вершине халдейского Олимposa "над звездами Эль"; а Нин-ип, толкователь Эн-лиля, был одновременно богом солнца и луны. Истар, не следует забывать, была прежде всего вечерней звездой; и Истар была не только верховной среди богинь Вавилонии, она была типом и представителем их всех. Знаки Зодиака когда-то были чудовищными союзниками дракона хаоса.

При всем этом в дальнейшем может оказаться, что представление о божественном как о звезде было введено другой расой, чем та, которая видела в нем дух или призрак. Во всяком случае, это была концепция, которая, как показывают надписи Южной Аравии, преобладала [pg 482] среди западных семитов. Профессор Хоммель ясно [показал](#)³⁸⁸, что семитские племена, к которым принадлежали арабы юга, арамейцы и евреи, поклонялись четырем верховным божествам - Аттару, вечерней и утренней звезде, богу луны и его посланнику или "пророку", а также богине солнца. Аттар - это вавилонская Истар, которая стала мужским богом при переходе к семитам; и если жители Хадрамаута заимствовали имя Син из Вавилонии, то жители Катабана - имя Небо (Анбай). Самас, солнце, стал богиней; лунный бог занял главное место в пантеоне, а солнце, соответственно, превратилось в его бесцветное отражение. Как и в случае с Истар, так и в случае с богом солнца, бесполое грамматика шумерского языка способствовала этому изменению. Â, бог солнца Сиппара, стал его женой под семитским [влиянием](#)³⁸⁹, и от Сиппара концепция солнечной богини перешла к семитам на западном берегу Евфрата.

Таким образом, верховный Баалим из южноаравийских надписей должен был иметь вавилонское происхождение. Имя и характер были заимствованы из шумерской Вавилонии. Отсюда очевиден дальнейший вывод: арабийский и западносемитский "сабаизм" с его

поклонением небесным телам не был исконным. Он должен был быть результатом контакта с вавилонской цивилизацией, контакта, который привел к смешению населения в Уре и Харране и стал причиной того, что они стали местами и центрами поклонения богу Луны. Первобытный семитский Ваал - "повелитель" определенного участка земли или племенной территории - стал лунным богом или вечерней звездой, а его жена воплотилась в солнце.

Этот вывод подтверждается изучением религии [pg 483] Ханаана. Здесь место, занимаемое богом-луной у арабов и евреев, занимает солнце. Верховный Ваал - бог солнца, а женщина Ашторет отождествляется с луной. Как я пытался показать в одной из предыдущих лекций, в истории вавилонской религии был период, когда и здесь верховным богом было солнце. Боги превратились в солнечных божеств, а точнее, были отождествлены с солнцем. Солнечный элемент в Меродахе грозил поглотить его человеческое царствование; только его сходство с человеком спасло его от участи египетских богов.

Именно этот этап в истории вавилонской теологии мы находим отражением в теологии Ханаана. Ваал превратился в бога солнца, и его черты - это черты солнечных богов Вавилонии. Исторические памятники говорят нам о том, насколько долгим и глубоким было влияние Вавилонии на культуру Ханаана, и оно осуществлялось как раз в то время, когда солнечная вера восторжествовала на Вавилонской равнине. Не лишено значения, что Саргон Аккадский, который первым принес цивилизацию и искусство Вавилонии на берега Средиземного моря, имел свою столицу в городе, который примыкал к Сиппару, особому месту поклонения Солнцу. В то время как Аравия черпала свое вдохновение из Ура, религия Ханаана была изменена в результате контакта с культурой и теологией, которые были более чисто вавилонскими. Финикийская традиция упорно утверждала, что предки ханаанского народа пришли с берегов Персидского залива.

Поэтому "сабаизм", если использовать старый термин, должен был быть ранней формой вавилонских верований. Она была передана семитам к западу от Евфрата в разное время и разными путями. К западным семитам Аравии и Месопотамии она пришла через Ур и, соответственно, поставила бога Луны во главе божественной иерархии. К ханаанеям он попал более [pg 484] прямым путем, но в более поздний период, когда солнечное поклонение стало доминирующим в Вавилонии. Влияние Ниппура ослабело раньше, чем влияние Эриду, и из Эриду поднялся бог-культура, сыном и наместником которого было солнце.

В Южной Аравии к богу луны обращались под разными именами, одним из которых было "Амми" или "Амму", составляющее часть имени Хаммурапи. Профессор Хоммель намекает, что даже древнееврейское "Яхве" когда-то могло быть титулом бога луны у западных семитов Вавилонии. Как я первым указал, имя Яхве действительно встречается в документе эпохи Авраама, где оно входит в состав имени Яхум-илу, ветхозаветного Иоила. С тех пор профессор Хоммель нашел и другие примеры этого имени в табличках того же периода, тем самым опровергнув современную теорию, согласно которой оно происходит от кенитов.³⁹⁰ Оно уже было известно "Авраму Еврею" в Уре Халдейском.

Гимн богу луны из Ура, на который я ссылался в одной из предыдущих лекций³⁹¹, почти монотеистичен по тону. Для автора он "один верховный на небе и земле". Он - создатель вселенной; он также вселенский "Отец", "долготерпеливый и полный прощения, чья рука поддерживает жизнь всего человечества". Более того, он "всемогущий, чье сердце необъятно, и нет никого, кто мог бы постичь его". Среди других богов у него нет соперников; он заставляет расти траву, плодиться скот и стада; он установил закон и справедливость среди людей. Ему поклоняются и ангелы небес, и духи земли; нет ни одной богини, которая

бы не появлялась рядом с ним. Этот гимн был частью [pg 485] ритуала великого храма в Уре до рождения Авраама, и еврейский патриарх вполне мог прислушаться к его наставлениям.

Из Ура и его смешанного населения мы можем проследить поклонение вавилонскому богу луны вдоль побережья Южной Аравии вплоть до Египта. В Хадрамауте, как я уже говорил, сохранилось само имя Син, и даже в северо-западной Аравии название священной горы Синай свидетельствует о культе вавилонского божества. Ранние печати-цилиндры связывают с богом Луны обезьяну и карликовое существо, называемое на шумерском языке Ну-гидда, "карлик", которое танцует в честь бога, подобно карлику Данга в Египте или циноцефальным обезьянам Тота. В Египте, однако, карлик принимает облик Беса, который часто изображается с обезьяной по обе стороны; а Бес с его короной из перьев, вместе с сопровождающими его обезьянами (или мартышками), пришел с юга Аравии в долину Нила.

Монотеистическая тенденция гимна лунному богу заметно контрастирует с политеизмом солнечных гимнов. Солнечный ритуал, по сути, был политеистическим. Но Наннар или Син, лунный бог, был "князем богов", правителем звездного воинства небес. Рядом с ним звезды были как овцы в стаде в присутствии своего пастуха или как народ в государстве в присутствии своего обожествленного царя. Поэтому он был повелителем своих братьев-богов, каким никогда не мог быть бог-солнце; они стали воинством, которое он собрал для борьбы с врагами света и порядка, толпой, которая повиновалась его голосу, как овцы следуют за своим пастухом. Лунный бог был ярко выраженным "владыкой воинств"!

В более поздние времена этот титул применялся и к другим богам. Навуходоносор называет Нево "начальником воинств [pg 486] неба и земли" [392](#), а Тиглат-Пилесер I. делает Ассира "начальником воинств богов". Цари перенесли этот титул на себя, заменив только "богов" на "людей" и став таким образом "царями сонма человечества". Но первым значением этого термина было "воинство небесное", звезды Эль, над которыми вавилонский царь стремился воздвигнуть свой трон. Одним из первобытных божеств пантеона - правда, едва вышедшим из состояния первобытного духа - был [Эн-ме-сарра](#)[393](#), "чародей (небесных и земных) воинств", по которому в некоторых старых вавилонских городах во время зимнего солнцестояния в месяце Тебет отмечался траурный праздник. В одном из гимнов он назван "владыкой земли, князем Араллу, владыкой места и земли, откуда никто не возвращается, даже горой духов земли... без которого Ингуриха не может произвести процветание в поле или канале, не может создать урожай... тот, кто дает скипетр и правление Ану и Эль-лиллу" [394](#). Его призывают, подобно богу Луны, чтобы прочно установить камень фундамента, чтобы он продержался вечно. Но он властвует не только над духами подземного мира; он царствует и на небе, в непосредственной близости от эклиптики, а "семь великих богов", которые были его сыновьями, - это звезды на небе. Поэтому его атрибуты очень похожи на атрибуты лунного бога из Ура: как и лунный бог, он одновременно повелитель неба и подземного мира, отец ночных звезд, заставляющий зеленую траву расти на земле внизу. В Эн-ме-сарре, "чарошее (духов)-призраков", [pg 487] царство лунного бога было объединено с царством Эн-лиля; как владыка ночи он правил в Аиде и был верховным даже в той "горе" призрачного мира, от которой Эн-лиль получил одно из своих [имен](#)[395](#).

Но я должен оставить другим задачу дальнейшего продвижения по пути исследования, который я набросал в общих чертах. То, что Яхве когда-то отождествлялся с богом луны Вавилонии в те далекие дни, когда Авраам еще не родился в Уре Халдейском, объясняет его титул "Господь Саваоф" лучше, чем надуманные теории, которые были придуманы для его объяснения. Это объяснение, по крайней мере, подкреплено древними текстами Вавилонии. Авантюристы, возможно, даже склонны видеть в Синае, горе Греха, подходящее место для

провозглашения Закона Господа Саваофа; но подобные рассуждения выходят за рамки компетенции настоящего лектора и лекций, которые он взялся читать.

Имя Эн-ме-сарра, "чародей (духов)-призраков", возвращает нас к тому темному фону магии и колдовства, который отличал и уродовал религию Вавилонии до самого последнего времени. Шумерский элемент продолжал жить в вавилонском народе, и магия, которая была его примитивной религией, также сохранилась. Она так и не была искоренена; за спиной жреца скрывался колдун; заклинания и наговоры были лишь частично скрыты под молитвой и покаянным псалмом. Одним из результатов этого стало преувеличенное значение, придаваемое обрядам и церемониям, и малое место, занимаемое нравственным элементом в официальной вавилонской вере. Несомненно, существовала определенная доля духовности, особенно индивидуалистического толка; грешник оплакивал свои проступки и взывал о помощи к своему божеству, но о морали как неотъемлемой части [pg 488] религии свидетельств мало. Мы тщетно ищем что-либо аналогичное судилищу Осириса и отрицательной исповеди египетских мертвецов; вавилонские боги, правда, предпочитали, чтобы человек ходил прямо, но его будущее спасение не зависело от его поведения в этой жизни. В этом мире он был наказан за свои грехи и недостатки, но грехи не ограничивались нарушениями морали; они включали в себя и церемониальные нарушения.

В то же время, своего рода катехизис, который является частью ритуала провидцев, показывает, что признание морального элемента в религии не было полным. Ниже приводится перевод профессора Циммерна: "Отдал ли он отца от сына? Отдал ли он сына от отца? Отдал ли он мать от дочери? Отлучил ли он дочь от матери? Отдал ли он свекровь от невестки? Отдал ли он брата от брата? Отдал ли он друга от друга? Отдал ли он товарища от товарища? Отказался ли он освободить пленника или отпустить связанного? Отстранил ли он пленника от света? Сказал ли он о пленнике: "Держи его", или о связанном: "Укрепи его узы"? Совершил ли он грех против бога или против богини? Оскорбил ли он бога, или же богиню? Грех ли он против своего бога или грех против своей богини? Совершил ли он насилие над тем, кто старше его, или зародил ненависть к старшему брату? Держал ли он в пренебрежении отца и мать или оскорблял старшую сестру? Был ли он щедр в малом, но скуп в большом? Говорил ли он "да" на "нет", а "нет" на "да"? Говорил ли он [pg 489] о нечистом или [советовал] непослушание? Говорил ли он нечестивые слова?... Использовал ли он фальшивые весы? Принимал ли он неправильный счет или отказывался от законной суммы? Лишил ли он наследства законного сына или признал незаконного? Установил ли он ложный ориентир или отказался установить истинный ориентир? Убрал ли он границу, рубеж или ориентир? Ворвался ли он в дом своего соседа? Приблизился ли к жене ближнего своего? Пролил ли он кровь ближнего своего? Украл ли он одежду ближнего своего?"³⁹⁶

Список вопросов напоминает негативную исповедь озирианского вероучения, но цель и назначение у них другие. Это вопросы, задаваемые кающемуся для того, чтобы жрец мог узнать, почему на него обрушился гнев богов. Они относятся только к этой жизни, а не к следующей; соответствие моральному кодексу, который они подразумевают, не дает гарантии вечного счастья, а лишь предохраняет от страданий и несчастий в настоящем мире. Точка зрения вавилонянина совпадала с точкой зрения друзей Иова.

Мораль, по сути, была оставлена в значительной степени на усмотрение законодателя. Древний кодекс, который, по-видимому, приписывался богу Эа, прямо утверждает ответственность правителя и его возможность подвергнуться божественному наказанию за несправедливые дела.

"Если царь не будет внимать справедливости, - говорится в начале книги, - то народ его погибнет, а земля будет обездолена "[397](#)."

Если он не прислушается к закону земли, Эа, царь судеб, изменит его судьбу и постигнет его несчастье".

[pg 490]

Если он не будет внимать своим вельможам, дни его не будут долгими".

Если он не будет внимать мудрым, то земля его восстанет против него".

Если же он прислушается к книге (закона), то царь увидит укрепление своей земли".

Если он прислушается к письмам (сипир) Эа, великие боги утвердят его в совете и знании справедливости".

Если он поразит человека из Сиппара и вынесет неверное решение, то бог Солнца, судящий небо и землю, поставит в его земле другого судью, а вместо несправедливых - справедливого князя и справедливого судью".

"Если сыновья Ниппура придут к нему на суд, а он возьмет взятку и обойдется с ними жестоко, то Бел, владыка мира, натравит на него иноземного врага и уничтожит его войско; князя и его военачальника будут преследовать по улицам, как изгоев.

Если сыновья Вавилона принесут серебро и предложат взятки, а он будет благосклонен к вавилонянам и уступит их мольбам, то Меродах, владыка неба и земли, поставит над ним врагов его и отдаст его товары и его сокровища врагу его". Сыновья Ниппура, или Сиппара, или Вавилона, которые поступят так, будут брошены в темницу "[398](#)."

Разделение этики и религии в Вавилонии в значительной степени объяснялось практическим характером вавилонской теологии и ограничением учения о наградах и наказаниях этой жизнью. В отличие от египтянина, который, можно сказать, жил для следующего мира, вавилонянин жил для этого. Именно здесь он был вознагражден за свое благочестие или наказан [pg 491] за свои грехи. Мир за могилой был местом невыразимого уныния. Я уже описывал его в одной из предыдущих лекций. Это была темница тьмы и бессмысленности; земля, где все было забыто, а те, кто населял ее, сами были забыты людьми. Он напоминал древнееврейский Шеол; более того, вероятно, что название Шеол заимствовано из [Вавилонии](#)[399](#), а заимствованные имена, как правило, указывают на то, что и идеи, связанные с ними, тоже были заимствованы. Во мраке этого подземного мира, где призраки мертвых питались пылью и отбросами, все еще двигались и смутно проявляли себя отвратительные чудовища хаоса, а "цари народов" восседали на своих тенистых тронах, приветствуя убитого вавилонского царя словами: "Неужели и ты стал слаб, как мы? Стал ли ты таким же, как мы?" Мертвец больше никогда не видел света солнца. Не было сирийского рая, чтобы принять его, с его солнечным светом и счастливыми лугами; даже тот короткий период света, который солнечное вероучение Египта позволяло коре бога-солнца приносить обитателям другого мира, был отвергнут мертвым вавилонянином. Над воротами мира за могилой были начертаны слова: "Отбросьте надежду, все, кто войдет сюда". Возврата не было; никто, даже с помощью Меродаха, не мог вернуться в дом, который он оставил на земле; семикратные ворота Аида открывались только для тех, кто входил в них. Смерть означала исчезновение света и надежды, даже способности чувствовать удовольствие или боль.

Поэтому религиозные мысли вавилонянина были сосредоточены именно на этой жизни. А его взгляд на свои отношения с богами представлял собой любопытную смесь духовности [pg 492] и торгового инстинкта. С одной стороны, это был вопрос бартера; если человек был щедр в своих дарах богам, если он делал то, что они одобряли, и воздерживался от того, что они осуждали, а главное, если правильно выполнял обряды и церемонии религии, боги были обязаны дать ему все, чего желало его сердце. С другой стороны, если на него обрушивалось несчастье, это было доказательством того, что он согрешил против них. И с течением веков сознание греха все глубже погружалось в сердце вавилонянина. Поначалу, правда, грехи были скорее нарушениями ритуала, чем морального и духовного кодекса. Призраки и духи старой шумерской веры были вне морали; если некоторые из них причиняли человеку боль и болезни, то только потому, что такова была их природа, и единственной защитой от них были чары колдуна. Но с приходом семитов и последующим превращением гоблина в бога, а колдуна - в жреца, появилась новая концепция божественной природы. Боги стали людьми, и человечность, в которую они облеклись, была человечностью цивилизованного человека. Они стали моральными агентами, ненавидящими беззаконие и любящими праведность, готовыми помочь созданным ими существам, но наказывающими их за проступки, как отец наказывает своего сына. "Отец" - один из самых распространенных титулов, которыми называли бога в новую эпоху вавилонской религии. Только в представлении об Аиде старые идеи все еще сохраняли свое влияние, силы, правящие там, все еще оставались злобными или неморальными чудовищами прежних верований, и считалось, что в нем ждет общий жребий для всего человечества, независимо от того, как они вели себя по эту сторону могилы.

В этом мире, напротив, убежденность в том, что грех влечет за собой наказание, становилась все более и более выраженной. А вместе с убеждением росла [pg 493] вера в действенность молитвы и покаяния, а также в необходимость чистоты сердца. Слова, которые, как предполагается, были вложены в уста Меродаха после сотворения им человека, хотя они и относятся к позднему времени, ясно свидетельствуют об этом. Я привожу их в переводе г-на Кинга⁴⁰⁰.

"К Богу твоему будь чист сердцем, ибо в этом слава Божества;

Молитву и прошение, и поклон до земли, рано утром ты должен возносить к нему.....

Страх перед богом порождает милосердие, жертвоприношения увеличивают жизнь, а молитва освобождает от греха.

Кто боится богов, тот не плачет вслух [в печали],

кто боится духов земли, тот будет жить долго.

Против друга и ближнего не говори [зла].

Не говори о том, что скрыто, проявляй милосердие,

Когда даешь обещание (дать), давай и не отступай".

Уже в эпоху Хаммурапи автор истории о потопе делает его наказанием, постигшим человечество за его проступки, а халдейский Ной спасается от него благодаря благочестию Эа. Покаянные псалмы и ритуальные тексты полны иллюстраций того же факта. Правда, проступки часто являются всего лишь невольными нарушениями церемониального закона или проступками против ритуала, но чувство вины, связанное с ними, уже глубоко. Прошли века, прежде чем вавилонянин смог провести различие между моральным и

церемониальным грехом, - если, конечно, ему вообще удалось [pg 494] это сделать, - но уже в ранний период сознание чудовищности греха лежало на нем тяжким грузом, как и необходимость покаяния. Глубокое чувство своих проступков и наказания, которого они заслуживали, зародилось в нем задолго до того, как он научился ограничивать его моральной виной. В этом отношении он опять-таки отличался от египтянина: покаяние и сознание греха принадлежали Вавилонии; мы тщетно ищем их в долине Нила. Легкомысленный египтянин был слишком доволен, чтобы чувствовать их; боги, которым он поклонялся, были, как и он сам, добрыми и покладистыми, а пантеизм высших классов не давал места укоряющей совести.

Но боги Вавилонии, в те времена, когда шумеры и семиты стали одним народом, были суровыми судьями. Теология Эриду была окрашена и затемнена теологией Ниппура; Эа мог спасти Ксисутроса от вод Потопа, но Эн-лиль обрекал всех людей на гибель. И независимо от того, кому поклонялись - богу-солнцу или богу-луне из Ура, - все равно это был судья, который наблюдал за всеми поступками живых людей. В боге-солнце преобладал судья, в боге-луне - отец, но не более того. Отец был также судьей, судья был также отцом, и одно и то же слово можно использовать для обозначения обоих.

Но следует помнить, что судейство бога-сына и отцовство бога-луны ограничивалось настоящим миром. Они не были мертвыми богами, как Осирис, чей трибунал находился в другом мире. Поэтому откладывать злой день было нельзя: грехи человека настигали его в этой жизни, так же как в этой жизни вознаграждалась его праведность. Покаяние на смертном одре было бесполезно; покаяние, чтобы быть эффективным, должно быть проявлено по эту сторону могилы.

Отсюда возник ритуал покаяния, который так [pg 495] бросается в глаза в богослужебных книгах Вавилонии. Он был сведен к системе, подобной исповеди в более поздние времена. Кающийся получал от жреца указания, что ему говорить, и жрец произносил отпущение грехов. Осуществление священнического отпущения грехов было еще одной существенной чертой вавилонской религии.

Помимо осознания греха и концепции покаяния, идея посредничества также должна быть прослежена в Вавилонии. На самых ранних печатях жрец представлен как посредник между поклоняющимся и его богом. Только через жреца мирянин может приблизиться к божеству и быть введенным в его присутствие. Эта идея посредничества имеет двоякое происхождение. С одной стороны, она восходит к верованиям, которые видели в маге - предшественнике жреца - обладателя знаний и сил, скрытых от остального человечества; с другой стороны, она выросла из доктрины, согласно которой жрец был наместником бога. Таким образом, она стала результатом объединения двух концепций, которые, как я полагаю, были соответственно шумерской и семитской. Обоожествленный царь или понтифик обязательно занимал место бога на земле; Гудеа, например, в Лагасе был представителем бога Ингури, а значит, и сам был божественным. Тот факт, что боги были представлены в человеческих формах, способствовал этому превращению служителя божества в его приемного сына и представителя; ему передавались полномочия и функции бога, и, подобно вассалу-князю в отсутствие верховного короля, он действовал вместо бога.

Семитский Ваал был повелителем или царем человеческих форм и страстей. Таким образом, он заметно контрастировал с шумерским призраком или духом; и, как мы уже видели, пропасть между ними слишком глубока и широка, чтобы ее могла преодолеть доктрина эволюции. Для шумера мир вне человека был населен духами и демонами; для [pg 496] семита это был мир людей, поскольку человек был создан по образу и подобию богов.

Триумф богов света и порядка над чудовищами хаоса символизировал не только рождение нынешнего творения, но и теологическую победу семитов над шумерами. А вместе с победой пришла и концепция божественного, которая была смоделирована по образцу организованного государства. Как человеческий глава государства сам был богом, время от времени делегируя свои полномочия своим человеческим министрам, так и в мире богов был верховный Ваал или повелитель, окруженный своим двором и министрами. Главными среди них были суккалли, или "ангелы", - посланники, передававшие волю своего повелителя земным жителям. Некоторые из них были не просто посланниками, а толкователями и наместниками верховного божества, как Небо, "пророк" из Борсиппы. И как наместники они, естественно, становились сыновьями Бэла по усыновлению; Асари из Эриду сначала занимает место Эа, чьим двойником он был изначально, а затем в лице Меродаха становится его сыном; Нин-ип из Ниппура, посланник Эн-лиля, в конце концов превращается в его сына и обращается к нему, как Горус в Египте, как "мститель своего отца" [401](#).

Таким образом, покаяние, осознание греха и посредничество - все эти понятия можно проследить в Вавилонии. И каждое из них закономерно, если не неизбежно, ведет к другим, близким понятиям. Посредничество, как я уже отмечал, отчасти зависит от веры в доктрину наместничества, которая, в сочетании с глубоким чувством греха, приводит, в свою очередь, к доктрине [pg 497] отпущения грехов. Самому же посредничеству придается широкое значение. Жрец выступает посредником между мирянином и его божеством; низшие боги - между человечеством и верховным Ваалимом. М. Мартин метко сравнивает заступничество Авраама за обреченные города на равнине с доктриной заступничества святых в христианской [церкви](#) [402](#).

Сознание греха, опять же, столь же далеко идущее. Оно распространяется как на грехи незнания и упущения, так и на грехи совершения. Раз за разом покаянные псалмы просят прощения за грехи, природа которых была неизвестна кающемуся. "Грех, который я совершил, я не знаю", - говорит он, - "Проступок, который я совершил, я не знаю".

"Проступок, который я совершил по своей воле против моего бога.

Грех против богини моей невольно совершил я:

Господи, многочисленны проступки мои, многообразны грехи мои!"

Болезнь или несчастье, постигшее его, служили доказательством греха, даже если он был совершен невольно или в неведении о том, что это неправильно. "Когда я был мал, я согрешил, - говорится в другом псалме, - да, я преступил заповеди Бога моего" [403](#).

Покаяние имеет своим следствием исповедь, будь то публичная или частная. Ритуальные тексты показывают, что в Вавилонии практиковалась как публичная, так и частная исповедь. Более того, частная исповедь, по-видимому, была более древним и обычным методом. Покаянные псалмы написаны в первом лице единственного числа, как и древнееврейские псалмы; при публичной исповеди вавилоняне, вероятно, считали, что человек чаще думает о грехах других, чем о своих собственных.

Покаяние подразумевает потребность в отпущении грехов. Оно также подразумевает [pg 498] веру в греховность человеческой природы и чистоту Божественного. Чистота, правда, может быть скорее церемониальной, чем нравственной, и в ранние времена вавилонской религии церемониальный элемент почти заслонял нравственный. Но с течением времени нравственный элемент становился все сильнее, и ритуальные тексты стали вытесняться

молитвами более духовного характера. Молитвы, обращенные Навуходоносором к Меродаху, поднимаются почти до высоты страстной веры в абсолютную доброту и милосердие бога.

Если говорить в целом, то можно сказать, что религия Вавилонии была по сути антропоморфной, со всеми недостатками и достоинствами антропоморфного представления о божественном. Но она была привита к первобытному шумерскому шаманизму, от влияния которого она так и не смогла полностью освободиться. Этим он отличался от древнееврейского антропоморфизма, с которым в других отношениях у него было много общего. За чертами древнееврейского антропоморфизма не найти призрака или гоблина.

И все же между религией Вавилонии и религией Израиля было много общего. Вполне естественно, что так и должно быть. Вавилоняне в истории были семитскими, а еврей Авраам произошел из вавилонского города. В прошлой лекции я обратил внимание на сходство, существовавшее между храмами Вавилонии и Иерусалима, сходство, которое распространялось даже на детали. Вавилонские ритуалы и Моисеев закон были схожи; священство, более того, было создано по тем же принципам, а пророки и провидцы Израиля имели свои аналоги в Халдее. Религиозный закон и ритуал евреев, как и их календарь, восходит к берегам Евфрата.

Тот же урок преподают литературные традиции [pg 499] древнееврейского народа. Космология Бытия уходит корнями в космологию Эриду, а первый дом человечества Ветхий Завет помещает в Эдем, "равнину" Вавилонии, омываемую Тигром и Евфратом. Вавилонская история о потопе является родоначальницей той, что изложена в еврейских Писаниях, а рассеяние человечества произошло именно в Вавилоне. Фон древнееврейской истории такой же чисто вавилонский, как и фон древнееврейского ритуала.

И, как показал [Гункель404](#), старые вавилонские традиции, воплощенные в Книге Бытия, должны были попасть на Запад в самом начале древнееврейской истории. Они вошли в паутину самой ранней древнееврейской мысли и были предпосланы древнееврейской литературе. Космология, которая видела первозданный элемент в водных глубинах и рассказывала о победе над Тиаматом, драконом хаоса, должна была быть уже известна в Ханаане, когда язык и письменность Вавилонии преподавались в его школах, а вавилонская литература изучалась в его библиотеках. Задолго до эпохи Моисея литературная культура Вавилонии оказала глубокое влияние на народы Сирии и проникла даже на берега Нила. Стоит ли удивляться, если в храме Соломона мы обнаружим "море", символ верований, зародившихся на берегах Персидского залива, или священнические таинства, напоминающие о древней Халдее?

Таинства и храмы были лишь внешними символами идей, которые их породили. Антропоморфизм семитской Вавилонии отразился в антропоморфизме израильтян. Ощущение греха и подавляющей силы божества, действенность покаяния и необходимость посредника [pg 500] являются общими как для Вавилонии, так и для Израиля. Именно поэтому покаянные псалмы вавилонского ритуала имеют столь поразительное сходство с псалмами Ветхого Завета; отсюда же индивидуальный элемент и глубокая духовность, которые их характеризуют. Израиль был обязан Вавилонии чем-то большим, чем просто семенами материальной цивилизации.

Правда, между вавилонской религией, как мы ее расшифровываем в клинописных табличках, и религией Израиля, как она представлена нам в Ветхом Завете, лежит пропасть, широкая и непроходимая. С одной стороны, мы имеем грубый и гротескный политеизм, с другой - бескомпромиссный монотеизм. Вавилонская религия примирилась с магией и колдовством и в определенной степени допускала их к своим привилегиям; они не были

несовместимы с политеизмом, но между ними и поклонением единому Богу не могло быть никакого примирения. То же самое было и с чувственностью, которая маскировалась в Эрехе под религиозный культ; она принадлежала к системе, в которой богом солнца был Ваал, а богиня претендовала на разделенное поклонение человека. Израилю они были запрещены, как и некромантия и колдовство, с которыми они были связаны.

Но какой бы глубокой и непроходимой ни была пропасть, отделявшая Закон Моисеев от официальной религии Вавилонии, каким бы разным ни было развитие пророчества в Вавилонии и Израиле, первоосновы, с которых они начинали, были до странности похожи. То же самое отношение, которое религия Древнего Египта имеет к христианству, религия Вавилонии имеет к иудаизму. Вавилонская концепция божественного, пусть и несовершенная, лежала в основе веры иудеев и до конца окрашивала ее. Еврей никогда полностью не освобождался от господства верований, которые впервые зародились на "равнине" [pg 501] Вавилонии; его религиозный горизонт по-прежнему ограничивался смертью, а Бог Авраама, Исаака и Иакова оставался Богом живых, а не мертвых. Именно в этом мире праведники были вознаграждены, а нечестивые наказаны; мир грядущий был мрачной страной теней вавилонского учения, страной тьмы, где все забыто, но также и страной, где "нечестивые перестают беспокоиться, а усталые отдыхают".

[pg 503]

Сноски

1.
Заметки для Нила, стр. 188, 189.
2.
Révillout в *Revue égyptologique*, i. 4, ii. 3.
3.
О необычайном разнообразии значений, в которых глагол *ye*, "есть", стал использоваться в африканском языке Акра, см. Pott, *Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues von Wilhelm von Humboldt*, ii. pp. 495-498 (1876). Так, *ye no*, "быть хозяином", буквально означает "есть верхнюю часть"; *ye gbî*, "жить" или "существовать", буквально означает "есть день"; *feî ye*, "быть холодным", означает "есть холод".

4.

См. Schweinfurth, "Ueber den Ursprung der Aegypter," в Verhandlungen der Berliner anthropologischen Gesellschaft, июнь 1897.

5.

См. W. M. Flinders Petrie, Religion and Conscience in Ancient Egypt, 1898.

6.

"Обычай расчленять тело или лишать его плоти широко распространен: неолитические гробницы Италии содержат черепа и кости, окрашенные в красный цвет; барон де Байи нашел в гробницах Шампани скелеты, лишенные плоти, а патагонцы и андаманцы, а также новозеландцы все еще практикуют этот обычай" (De Morgan, Recherches sur les Origines de l'Egypte, ii. p. 142). Вторичное захоронение встречается в Индии у кулленов, каткари и агария, а также в Моту, Меланезии, Сараваке, на островах Лучу, в Торресовом проливе и Ашанти, а "в некоторых английских длинных курганах кости, похоже, бросали в кучу" (Crooke в Journal of the Anthropological Institute, xxix. pp. 284-286 (1899)).

7.

См. Maspero, Études de Mythologie et d'Archéologie égyptiennes, ii. p. 372 sqq.

8.

См. Maspero, Études de Mythologie et l'Archéologie égyptiennes, i. p. 85 sqq.

9.

Mariette, Dendérah, Texte, p. 156.

10.

В текстах пирамид мертвые описываются как перенесенные через озеро, отделяющее этот мир от полей Алу, на крыльях Тота.

11.

См. Sethe в Zeitschrift für Aegyptischer Sprache, 1897, 1.

12.

Подобным образом "главный хер-хеп" фараона в эпоху Старого царства носил титул "начальник города Нехеб" (Ebers, Life in Ancient Egypt, Eng. tr., p. 90). Тексты пирамид говорят о Белой короне Южного Египта, а также о царском уреусе "в городе Нехеб" (Peri 167); богиня города описывается как "корова Самет-Урт", которая была увенчана двумя перьями (Teta 359). В других местах упоминаются "души Он, Нехен и Пе" (Peri 168, 182; см. также Teta 272). Под "душами Он" подразумевается Ра или, скорее, Тум; Пе и Деп составляли город-близнец Дельты, называемый греками Буто, над частью которого (Деп) главенствовала змеиная богиня севера Уазит, а другая половина (Пе) признавала Гора своим главным божеством. В Tet 88 о "двойниках в Пе" говорится как о "двойниках Гора".

13.

Wiedemann, in the Proceedings of the Society of Biblical Archæology, iv. p. 332.

14.

Титул "добрый бог" восходит к очень раннему времени и противопоставляется титулу nefer mât-kher, "добрый и правдивый голос", применяемому к обычному человеку на ранних печатях-цилиндрах.

15.

См. иллюстрацию из храма Амона-Хотепа III в Луксоре в Maspero, *Dawn of Civilisation*, p. 111.

16.

Папирус Весткар, написанный во времена Средней империи, уже описывает первых трех царей Пятой династии как рожденных от Руддадт (жены жреца бога Солнца) и бога Ра из Сахаба (Erman, "Die Märchen des Papyrus Westcar", i. p. 55, в *Mittheilungen aus den orientalischen Sammlungen zu Berlin*, 1890).

17.

Callaway, *Unkulunkulu; or, the Tradition of the Creation as existing among the Amazulu and other Tribes of South Africa*, pt. i. pp. 2, 7, 8.

18.

Профессор Масперо, которому вместе с сэром П. Ле Пажем Ренуфом мы обязаны объяснением того, что египтяне подразумевали под Ка, впервые указал на значение портретных статуй, которые были захоронены в гробнице (*Recueil de Travaux*, i. pp. 152-160).

19.

Renouf, *TSBA*. vi. p. 504 sqq.; Lepsius, *Denkmäler*, iii. 194. 13; Dümichen, *Tempelinschriften*, i. pl. 29.

20.

A Season in Egypt, 1887, pp. 21, 22.

21.

Ср. иллюстрации в Maspero, *Dawn of Civilisation*, p. 259; и Lepsius, *Denkmäler*, iii. 87. В Бономи и Арундале, *Галерея древностей*, pt. i. pi. 31, есть изображение Тотмеса II со своим Ка, стоящим позади него.

22.

Baring Could, *Curiosities of Olden Times*, 2nd ed., p. 57 sqq.

23.

Примечательно, что хотя письма из Тель-эль-Амарны показывают, что на самом деле слово Ка произносилось как Ку, Ха-ка-Птах, священное имя Мемфиса, писалось как Хи-ку-Птах (Айгуптос), а ку в шумерском языке первобытной Вавилонии означало "пища".

24.

В своих "Исследованиях мифологии и археологии Египта", i. p. 61, профессор Масперо называет "пирог" первоначальным значением Ка, которое, однако, он объясняет как "пирог из земли", и, следовательно, "вещество".

25.

Maspero, *Dawn of Civilisation*, p. 114. Ка, однако, здесь отождествляется с кху, и сомнительно, действительно ли отрывки, упомянутые в текстах пирамид, воплощают старые идеи, которые следует толковать буквально, или же их скорее следует воспринимать метафорически.

26.

Maspero, *Comptes rendus du Congrès provincial des Orientalistes à Lyon*, 1878, pp. 235-263; Renouf, *Transactions of the Society of Biblical Archæology* (1879), vi. pp. 494-508.

27.

Эта конкретная птица была выбрана потому, что ее название схоже по звучанию с названием кху. По той же причине ржанка (ба) обозначала Ба или душу. На предметах, найденных де Морганом в гробнице Менеса в Негада, "душа" изображена в виде страуса.

28.

См. Chassinat, Recueil, xix. p. 23 sqq.

29.

С XV по XI век до н. э. было модно заменять птицу жуком с головой барана; фонетическое значение иероглифа барана - ba, а жука - kheper, "становиться".

30.

Гермес Трисмег., Poemandres, ed. Parthey, chs. i. and x.

31.

Études de Mythologie, i. p. 166.

32.

De Abst. iv. 10.

33.

Ср. также Плутарх, De Esu carnium Or. ii. p. 996, и Sept. Sapient. Conviv. p. 159 B.

34.

Четыре вазы были посвящены человекоголовому Амсету (или Смету), шакалоголовому Дуамут-эфу, обезьяноголовому Хапи и ястребиному Qebḥ-sonu-f, которые отождествляются с планетами в текстах пирамид (Maspero, "Pyramide du roi Ounas" in the Recueil de Travaux, iii. p. 205).

35.

См. "Книгу мертвых", гл. xxvi. и последующие.

36.

Вопрос о том, относятся ли скарабеи к эпохе Старой империи, остается спорным. Лично я склонен согласиться с профессором Флиндерсом Петри, считая, что это так.

37.

Или, согласно переводу Ренуфа: "Приятна нам, приятна слушателям радость взвешивания слов".

38.

Нужно было использовать три зерна натрона из города Нехеб, в то время как из северного требовалось только два зерна (Maspero, "Pyramide du roi Ounas" в Recueil de Travaux, iii. p. 182). Горус из Нехена, напротив Эль-Каба, был представлен мумифицированным ястребом (ахем).

39.

De Morgan, Recherches sur les Origines de l'Égypte, ii. pl. iii. line 2.

40.

Zeitschrift für Aegyptische Sprache, xxxvi. pls. xii. and xiii.; Quibell, Hierakonpolis, pt. i. pl. xxix.

41.

Профессор Масперо, однако, предлагает видеть в них символ царя Верхнего Египта, разрушающего враждебный город.

42.

Recueil de Travaux, xxi. pp. 116, 117. Доктор Навиль отмечает, что на Палермской стеле праздник Шеш-Хор с детерминативом священной коры неоднократно встречается в той части надписи, которая относится к праздникам царей первых двух династий. Профессор Петри обнаружил тот же праздник, упомянутый на двух табличках из слоновой кости из гробницы царя Первой династии в Абидосе (Petrie, *The Royal Tombs of the First Dynasty*, pt. i. pl. xvii.); и можно добавить, что в текстах пирамид (Пери 670; Recueil de Travaux, viii. p. 105) кора бога солнца Мата или Мадита отождествляется с корой Шеш-Хора, а кора Семкет или кора, на которой бог солнца путешествует ночью, становится корой, в которой место ястреба занимает изображение бен или гробницы Осириса - здесь оно отождествляется с мумифицированным ястребом Ахема, который является частью символа нома Тинит. В других местах это Семкет или дневная кора солнца, которая отождествляется с праздником Шеш-Хор (Recueil de Travaux, iii. p. 205).

43.

О меснитах, или "кузнецах" Гора, см. Maspero, *Études de Mythologie*, ii. p. 313 и sqq. Меснит или "кузница" - так назывался проход, ведущий в святилище храма в Эдфу.

44.

Quibell, *Hierakonpolis*, pt. i. pl. ii.

45.

См. de Rougé, *Recherches sur les Monuments qu'on peut attribuer aux six premières dynasties*, pp. 44, 45.

46.

Г-н Квибелл нашел большого бронзового ястреба с головой из чистого золота и глазами из обсидиана вместе с двумя бронзовыми фигурками Пепи в фундаменте храма Нехена (Ком эль-Ахмар); см. Quibell, *Hierakonpolis*, pt. i. pl. xlii. Хор-нуби, "золотой Горус", был богом антеропольского нома.

47.

1-й (Омбитский) и 2-й (Аполлинопольский) номы, 3-й ном (первоначально) со столицей Нехен, номы "восточного и западного Гора" (Туфиум и Асфинис), Кус - "город Гора старшего", 5-й (коптский), 6-й Дендерский, поскольку Хатор была дочерью и мужем Гора, 10-й (антеопольский) и 12-й (иеракопольский), и, наконец, 15-й, 18-й и 20-й (гераклеопольский) номы. В Дельте Горус также был богом 3-го, 5-го, 7-го, 8-го, 11-го, 19-го, 25-го, 27-го и 30-го номов, из которых 7-й и 8-й были близки к азиатской границе.

48.

Когда впервые была придумана эта эмблема, мы не знаем; вероятно, она восходит к пра-менскому периоду, как и составные животные на ранних памятниках Нехена и Абидоса. Ее первое датированное появление - на валуне из гранита на острове Элефантинка над именем и фигурой Унаса из Пятой династии. Она также выгравирована над двойной фигурой царя Старой империи на большой изолированной скале возле Эль-Каба, которая, вероятно, относится к той же дате. Табличка, на которой она выгравирована, обращена на юго-восток.

49.

Хор-мерти, "Гору с двумя глазами", поклонялись в Шеденну в фарбейтском номе Дельты. Мнение Гребо, что два глаза первоначально представляли свет, кажется мне слишком абстрактной концепцией для раннего периода (*Recueil de Travaux*, pp. 72-87, 112-131). В текстах пирамид (*Rec. iv. p. 42*) упоминается Горус с "голубыми глазами".

50.

Ср. Sayce, *TSBA.*, Nov. 1898. В одном случае имя бога написано Kha-ar. В *WAI. ii. 55. 36*, Khurgalzu, "Horus, thou are great!", приводится как имя шумерской богини.

51.

Нин-ип отождествлялся с планетой Сатурн, как "бык Хорус".

52.

Именно тогда Усертесен I. воздвиг перед храмом два обелиска, из-за чего он стал называться Хат-Бенбени, "дом двух обелисков".

53.

В текстах пирамид (*Peri ii. 666*) члены Гелиопольской Эннеады или Он названы Тум, Шу, Тефнут, Себ, Нут, Осирис, Исида, Сет и Небхат.

54.

См. его "Исследования по мифологии и археологии Египта", ii. p. 337 sqq.

55.

Аналогично, на ранних вавилонских печатях-цилиндрах створки складных дверей, через которые бог-солнце выходит на рассвете, украшены львами. См. иллюстрацию в *King, Babylonian Religion and Mythologie*, p. 32. (Подлинность этого цилиндра подвергается сомнению без достаточных оснований).

56.

Жена, которую писцы иногда представляли Асхуру, была просто грамматической абстракцией, как Тумт, женский род от Тума, чье имя то и дело встречается в поздних египетских текстах.

57.

Одна из старых формул, включенных в тексты пирамид (*Тета 86*), читается как отрывок из шумерского гимна: "Слава тебе, великая глубина (ageb), формовщик богов, создатель людей". Она относится скорее к Вавилонии, чем к Египту, где "великая глубина" могла быть вопросом только традиции.

58.

См. Petrie, *Medum*, p. 30.

59.

Существование других городов с таким названием в Верхнем Египте, "Он юга", ныне Эрмент, и Он, ныне Дендера, показывает, что оно должно восходить к самой ранней эпохе фараоновского Египта. Я полагаю, что это шумерское уну, "город", и что столбец, изображавший его иероглифически, обозначал "основание" или "поселение".

60.

В одной из следующих лекций будет показано, что Осирис был мумифицированным Анхером. Возникает соблазн спросить, не является ли Птаḥ аналогичным образом мумифицированным Тумом?

61.

Études de Mythologie et d'Archéologie égyptiennes, ii. p. 270 sqq.

62.

Это доказывает стела Антефа IV. из Одиннадцатой династии, обнаруженная М. Легрейн в 1900 году в храме Птаха. Хонсу был простым эпитетом бога Луны, означавшим "странник". В более позднюю эпоху Хонсу был вытеснен Менту.

63.

Архитектурный план храма см. в Erman, *Life in Ancient Egypt*, Eng. tr., p. 287.

64.

Erman, *Life in Ancient Egypt*, Eng. tr., p. 262.

65.

Другая строфа Гимна Атену, переведенная профессором Брестедом (*De Hymnis in Solem sub rege Amenophide IV. conceptis*, p. 47), столь же однозначна: "Ты создал землю по своему желанию, когда ты был один, всех людей и скот большой и малый; всех, кто ходит по земле, и тех, кто летает на крыльях; чужие земли Сирии (Хар) и Куша, а также землю Египта; каждого на его месте ты назначил, ты обеспечиваешь их всем необходимым; у каждого есть его житница, его запасы зерна подсчитаны. Различны языки людей, более различны, чем форма их, цвет кожи их, (ибо) Ты отличил народы мира (один от другого)". В последующей строфе монотеизм поклоняющегося Атену, в глазах которого даже священный Нил был творением единого истинного Бога, предстает в разительном контрасте с обычным политеизмом Египта (Breasted, l.c. p. 53): "Ты создаешь Нил в другом мире, ты приносишь его по своему желанию, чтобы дать жизнь людям; ибо ты создал их для себя, о владыка всех их, который всегда с ними, о владыка всей земли, который восходит для них, о солнце дня (могущественное в?) самых отдаленных землях, ты даешь им жизнь, ты посылаешь Нил на небо, чтобы он спускался для них; он поднимает свои волны высоко, как море, он орошает поля их городов. Как славны советы Твои! О владыка вечности, ты - Нил небесный для иноземцев и скота по всей земле! Они ходят на своих ногах, (и) Нил приходит в Египет из другого мира".

66.

Diod. Sic. i. 83.

67.

За исключением случая с Осирисом в Абидосе; Petrie, *The Royal Tombs of the First Dynasty*, pt. i. pl. xv. 16; ср. также в Kom el-Aḥmar, Hierakonpolis, pt. i. pl. xxvi. В, хотя здесь, кажется, изображен фараон.

68.

Quibell в *Zeitschrift für Aegyptische Sprache*, xxxvi. pls. xii., xiii.; Hierakonpolis, pt. i. pl. xxix.

69.

На стеле в Вади Магхара, на Синайском полуострове, Саху-Ра из Пятой династии, разделенный на две фигуры, одна с короной Нижнего Египта, другая - Верхнего, стоит перед штандартом, на котором изображены две эмблемы Южного и Северного Египта, Сет и Гор.

Сет представлен своим обычным животным, а Горус - змеей уреус и тем же символом, что и на дощечке (de Morgan, *Recherches sur les Origines de l'Égypte*, i. p. 233). Как мы узнаем из легенды о Себе, рассказанной в Ат-Небесе (Сафт-эль-Хенна), двумя реликвиями, хранившимися там, были уреус и прядь волос Ра. Локон волос имеет практически ту же форму, что и рассматриваемый нами символ, и задолго до того, как была придумана легенда, Ра и Гора отождествляли вместе (см. Griffith, *Antiquities of Tell el-Yahudiyeh*, *Seventh Memoir of the Egypt Exploration Fund*, pl. xxiii).

70.

De Morgan, *Recherches sur les Origines de l'Égypte*, ii. pls. ii. and iii.; Sayce in the *Proceedings of the Society of Biblical Archæology*, Feb. 1898. Следует заметить, что Тот представлен ибисом, а не обезьяной.

71.

De Morgan, *Recherches sur les Origines de l'Égypte*, p. 93.

72.

Поздние примеры поклонения таким животным, как кошка, баран, ласточка или гусь, как животным, а не как воплощениям официального бога, см. в Maspero, *Études de Mythologie et d'Archéologie égyptiennes*, ii. p. 395 sqq. Их редкость объясняется тем, что они представляют собой частные и домашние культы, не признанные государственной религией. "Поклонение ласточке, кошке и гусю, начавшееся как чистое и простое поклонение этим существам самим по себе, всегда оставалось таковым для множества людей. Не стоит забывать, что восточные люди относятся к животным несколько иначе, чем мы. Они приписывают им язык, знание будущего, чрезвычайную остроту чувств, которая позволяет им воспринимать невидимые человеку предметы и существа. Не весь Египет, конечно, поклонялся зверю, но значительная его часть, которая почти полностью принадлежала к тому же социальному положению и представляла почти те же моральные и интеллектуальные идеи".

73.

См. Wiedemann, *Die Religion der alten Aegypten*, pp. 108, 109.

74.

В поздних надписях Бах или Бакис назван "живой душой Ра", но это было уже тогда, когда Менту и Ра отождествлялись вместе. Однако на стелах римского периода из Эрмента священный бык изображен без какой-либо солярной эмблемы, а рядом с ним стоит ястребиная голова крокодила, увенчанная солнечной сферой. Не исключено, что последний может быть связан с ястребиной головой крокодила с солнечной сферой на голове и змеей уреус на конце хвоста, которая на греческих граффити в Филе называется Птирис.

75.

Nicolaus Damascen., Fr. 128, ed. Müller.

76.

De Rougé, *Monnaies de nomes*, p. 46.

77.

Гриффит (*Proc. of Society of Biblical Archæology*, xxi. p. 278) недавно предложил видеть в Deḥuti производное от названия нома Deḥut, как и Anzti, титул Осириса в Бусирисе, от названия нома Anzet. Но это "ставить телегу впереди лошади". Не номы были птицами или людьми, а божества, которым в них поклонялись. Анз (возможно, от семитского 'аз, "сильный") означал "царь" и представлял человеческого Осириса.

78.

Плутарх, De Iside et Osiride, ed. Leemans, lxxii. p. 126.

79.

Zeitschrift für Aegyptische Sprache (1880) p. 50.

80.

Rev. Archéologique, xxxiv. p. 291. На печати-цилиндре их сопровождает львиноголовый орел из первобытного вавилонского искусства. Египетские фигуры приведены в Zeitschrift für Aegyptische Sprache, xxxvi. pl. xii.

81.

Ер. ad Cor. 25.

82.

См. также Herodotos, ii. 73; Pliny, N. H. x. 2; Tertullian, De Resurr. 13.

83.

De Morgan, Recherches sur les Origines de l'Égypte, ii. p. 165.

84.

Sayce, Proc. SBA., Feb. 1898, No. 8. На памятнике, обнаруженном в Сане (Petrie, Tanis, pt. ii. pl. x. 170), мы читаем о "Горе в бенну в виде черного быка", "Горе в бенну в виде рогатого быка". Кладбище Таниса называлось "городом феникса" (bennu). В Эдфу говорится, что феникс (бенну) "выходит из священного сердца" Осириса.

85.

На стеле в Лувре некий Псамтик, сын Уза-Хора, называет себя пророком Хуфу, Хаф-Ра и Дадеф-Ра, а также Танена, Исиды и Хармахиса.

86.

Стихосложение - Канон Роунсли, Записки о Ниле, стр. 188, 189. Подстрочный перевод профессора Эрмана таков (Life in Ancient Egypt, Eng. tr., pp. 386, 387).

"Я слышал слова Имхотепа и Хар-дад-эфа,

которые в своих изречениях говорят так:

"Вот жилища тех людей, их стены рухнули,

Их места больше нет,

Они как будто никогда не существовали".

Никто не приходит оттуда, чтобы рассказать нам, что с ними стало,

Кто скажет нам, что с ними происходит, кто потревожит наши сердца,

Пока вы сами не приблизитесь к тому месту, откуда они ушли.

С радостным сердцем не забывая прославлять себя

И следуй желанию своего сердца, пока ты жив.

Возложи мирру на голову твою, облекись в виссон,

помажь себя чудесами Божьими.

Укрась себя так красиво, как только сможешь,

И пусть сердце твое не унывает.

Следуй желаниям сердца твоего и удовольствиям твоим.

Пока ты живешь на земле.

Следуй желаниям своего сердца и своим удовольствиям.

Пока не наступит для тебя день скорби.

А тот, чье сердце покоится, не слышит их жалоб,
А тот, кто лежит в могиле, не понимает их скорби.
С сияющим лицом храните праздник в этот день,
И не отдыхайте в нем.
Ибо никто не уносит с собой своего добра,
Да и никто не возвращается, кто отправился в путь".

87.

Перевод Бругша (Die Aegyptologie, i. p. 163).

88.

Hibbert Lectures on the Religion of Ancient Egypt (1879), pp. 93-100.

89.

Brugsch, Die Aegyptologie, p. 167.

90.

См. Beni-Hasan, pt. iii. (Archæological Survey of Egypt), pl. v. fig. 75.

91.

Двуглавый топор неоднократно вырезан на стенах "дворца Миноса", обнаруженного д-ром А. Дж. Эвансом в Кноссе, и, похоже, был божественным символом, который, как считалось, защищал здание от повреждений. На монетах Тарса бог солнца Сандан держит в руках топор.

92.

См. выше, с. 83.

93.

De Isid. 12.

94.

Как Тот пишет имя царя на священной сикоморе, чтобы обеспечить ему вечную жизнь, так и имя Эа написано на сердцевине священного кедра (WAI. iv. 15, Rev. 10-13); Sayce, Hibbert Lectures on the Religion of the Ancient Babylonians, p. 240.

95.

Études de Mythologie et d'Archéologie égyptiennes, ii. pp. 381-385.

96.

Это перевод Бругша (Religion und Mythologie der alten Aegypter, p. 123 sqq.); но значение последнего имени сомнительно, а первое скорее означает "время", чем "вечность".

97.

См. Maspero, Études de Mythologie et d'Archéologie, ii. pp. 257 sqq. и 375 sqq. В надписи, обнаруженной профессором Петри в гробницах первых двух династий в Абидосе, Тот представлен в виде сидящей обезьяны (The Royal Tombs of Abydos, pt. i. pl. xvii. 26). С другой стороны, на разбитой абидосской плите, изображенной в книге де Моргана "Исследования происхождения Египта", pl. ii., которая, вероятно, является доисторической, Тот изображен в виде ибиса.

98.

Recherches sur les Origines de l'Égypte, p. 65.

99.

Maspero, *Études de Mythologie et d'Archéologie*, p. 429 sqq.

100.

Такой же колпак носит бог, сидящий за человеком-скорпионом на камне, содержащем пожалование земли вавилонским царем Навуходоносором I (ок. 1100 г.). Камень был найден в Абу-Хаббе и сейчас находится в Британском музее (WAI. v. 57).

101.

Масперо ("Заря цивилизации", с. 157) воспроизводит картину из храма в Луксоре, изображающую Хнума, лепящего Амона-Хотепа III и его Ка на гончарном столе.

102.

См. Scheil, *Recueil de Travaux*, xx. p. 124 sqq.

103.

Хнум или "горшок" часто используется для выражения имени Хнума в иероглифах. Он напоминает вазу на ранних вавилонских печатях-цилиндрах, с двух сторон которой текут реки Тигр и Евфрат, и которую часто держит в руках бог воды Эа. Этот рисунок воспроизведен с изменениями на ранних сирийских цилиндрах, а название зодиакального знака Водолей показывает, к какой древности он должен восходить. Первобытные египтяне верили, что Нил вытекает из грота, доступ к которому обеспечивали "два залива" Катаракты (Maspero, *Dawn of Civilisation*, pp. 19, 38, 39), а богом Катаракты был Хнум. Возможно, классическое изображение Тибра и других рек, держащих урны, из которых вытекает поток воды, происходит из Египта.

104.

Мен-нофер (Мемфис), "хорошее место", является эквивалентом названия древнего морского порта Вавилонии, Эриду, шумерского Эри-дуга или "хорошего города". Эа, бог культуры и создатель, был богом Эриду. В табличке потопа (л. 9) Эа говорит, что он не "открыл (patû) оракул великих богов". Вряд ли стоит упоминать, что древность Мемфиса оспаривается некоторыми филологами.

105.

В "Книге мертвых" утверждается, что Птаха был автором церемонии, которую он впервые совершил над мертвыми богами.

106.

Это мнение Масперо (*Études de Mythologie et d'Archéologie*, ii. pp. 21, 22). Видеманн (*Religion der alten Aegypter*, p. 75) делает Сокариса богом солнца, но его солнечные атрибуты относятся к тому времени, когда его отождествляли с Ра из Гелиополя.

107.

Только когда бог солнца поглотил другие божества, они стали детьми Ра.

108.

Recueil de Travaux, xix. pp. 50, 54.

109.

"Прийти с миром" - до сих пор распространенное выражение в египетском арабском языке, означающее "безопасное возвращение". Название, по-видимому, взято из должности Им-хотепа, которая заключалась в том, чтобы безопасно проводить умерших ко второй жизни.

110.

Нофер-Тум и Им-Хотеп имели человеческий облик, как и их отец. Первый - мужчина с цветком лотоса на голове, второй - юноша с рулоном папируса на колене.

111.

Разница была только в гласной первого слога.

112.

Нильские боги, олицетворяющие Нил и каналы, изображаются в виде крепких мужчин с большой грудью, увенчанных цветами и носящих только узкий пояс доисторического Египта. Человеческий облик хорошо согласуется с тем фактом, что Нил был впервые освоен и стал источником жизни для Египта египтянами эпохи фараонов. Следует помнить, что Вавилония была страной, где первоначально были разработаны речные технологии и ирригация.

113.

"Гимн Нилу", перевод П. Гийеса, "Записи прошлого", новая серия, iii. p. 46 sqq. Гимн был сочинен Анной или Аннаной во времена Менептаха II.

114.

Brugsch, Religion und Mythologie, pp. 3, 248, 348.

115.

Ее имя уже упоминается в текстах пирамид, а в Рері ii. 131 она описывается как глаз Гора и "открыватель путей", обычный титул Анубиса как бога мертвых.

116.

В Спеос Артермидос близ Бени-Хасана, где было найдено большое кладбище мумифицированных кошек, ее называют Пахт, более древняя форма Баст.

117.

На плите, обнаруженной профессором Петри в Коптосе, Усертесен I. из Двенадцатой династии уже изображен стоящим перед кошачьей головой богини, которая называется "Баст, владычица Шела". Шел - это, возможно, Ашель в Карнаке, где стоял храм Мут, в котором было найдено так много фигурок Баст или Сехет (Petrie, Koptos, pl. x. 2). Имя Баст также встречается в текстах пирамид (Рері 290); но здесь это эпитет Уазит, богини Депа или Буто, некогда столицы царства Северного Египта, которая противопоставляется богине Нехеб.

118.

Naville, Bubastis (Egypt Exploration Fund), i. pp. 44, 47, 48.

119.

Хорус Ахи. Значение Ахи, местного титула, присвоенного Гору младшему, сомнительно.

120.

Так, в Дендере мы читаем: "Прародительница богов, ты объединяешься с отцом твоим Ра в твоей праздничной палате".

121.

Так называемая голова Хатхор с рогами коровы уже встречается на шиферной плите из Ком эль-Ахмара, которая относится либо ко времени Первой династии, либо к до-менскому периоду (Zeits. f. Aegypt. Spr. xxxvi. pl. xii.). Голова подобного типа выгравирована под именем Пепи II., обнаруженная в Коптосе (Petrie, Koptos, pl. v. 7).

122.

Горус и Хатор, то есть Ваал и Ашторет, были, по мнению египтян, божествами Мафкета, Синайского полуострова.

123.

Следует помнить, что в Египте место, занимаемое утренней звездой в астрономии и мифах других народов, занимал Сириус из-за его важности для восхода Нила. А Сириус отождествлялся с Исидой.

124.

Recueil de Travaux, xx. p. 62. Доктор Шайль также указывает, что священная кора Бау, с которой отождествляется Истар, называлась "кораблем священной коровы". В Дендере также Исида в своей коре, как богиня звезды Сириус, становится Хатхор в образе коровы.

125.

Профессор Видеманн предположил, что имя Мен-ту или Мон-ту связано с именем А-мон. Однако разумнее связать его с именем ментиу или семитских кочевников Синайского полуострова.

126.

Отсюда и сфинксы с головами баранов, которые выстроились вдоль дорог, ведущих к Карнакскому храму. Плоть барана была табуирована в Фивах, что свидетельствует о том, что это животное первоначально было тотемом (ср. Herod. ii. 42).

127.

Стела Антефа IV., найденная М. Легрейн в 1900 году, показывает, что Хонсу предшествовал Птаха как третий член троицы. См. выше, с. 90.

128.

Так, Lauth, *Aus Aegypten's Vorzeit*, p. 61; Brugsch, *Dictionnaire géographique*, pp. 61, 62; Maspero, *The Dawn of Civilisation*, p. 180. Свидетельства, однако, не совсем ясны.

129.

Бронзовые фигурки ибиса, найденные в Тель-эль-Баклии, на восточном берегу Дамьеттского рукава Нила, напротив Абусира или Бусириса, показали, что здесь находилась столица гермопольского нома.

130.

В Бебете близ Мансуры.

131.

По крайней мере, так обычно пишут это название. Но на ранней печати-цилиндре, которую я опубликовал в *Proc. SBA.*, Feb. 1898, No. 2, где мы читаем: "Город барана, город, который называется Дад", имя написано D-d, а на столе для возлияний Шестой династии из Эль-Каба мы находим Dad-d-u (Quibell, *El-Kab*, pl. iv. 1). Более раннее произношение этого имени, встречающееся в текстах пирамид, - Задду или Заду.

132.

Уже в эпоху пирамидных текстов колонна Dad стала объясняться как изображение позвоночника, или, скорее, спинного столба (zad), Осириса, который, как предполагалось, хранился в Дадду, Пи-Асар-неб-Дадду или Абусире. См. Унас 7.

133.

Нередко богатый египтянин, похороненный в Саккаре, имел кенотаф в Абидосе. Я полагаю, что моду задал сам основатель объединенной монархии, и что помимо гробницы Менеса в Негаде в Абидосе был еще и кенотаф царя. Во всяком случае, глиняные оттиски его Ка-имени Аḥа были найдены там в Омм-Эль-Гааб.

134.

Осирис в Абидосе носил титул Кхент-аментит, "владыка запада". Нет необходимости превращать этот титул в отдельного бога, которого впоследствии отождествили с Осирисом: он был таким же Осирисом, как и Неб-Дадду, "владыка Дадду". Профессор Масперо правдиво говорит, что "Хент-аментит был мертвым Анхером, солнцем, зашедшим на западе" (*Études de Mythologie et d'Archéologie égyptiennes*, ii. p. 24) - или, скорее, возможно, солнцем, заходящим на западе, поскольку его владениями был некрополь Омм-Эль-Гааб, расположенный сразу к востоку от западной границы холмов. Когда "Осириса из Дадду" отличают от "Хента-Аментита из Абидоса", как на стеле Одиннадцатой династии (Daressy в *Recueil de Travaux*, xiv. p. 23), это происходит только в соответствии с египетской привычкой превращать божественный эпитет в отдельное божество.

135.

Уже в текстах пирамид говорится, что Горус помогал в погребении Осириса, который отправляется на равнины Алу с "великими богами, исходящими из Он" (Pepi ii. 864-872); и, возможно, мы имеем реминисценцию распространения осирийского культа на юг и отождествления Осириса с Ахемом, мумифицированным Гором из Нехена, в Pepi ii. 849, где мы читаем: "Себ устанавливает своими обрядами Осириса как бога, которому приносят жертвы наблюдатели в Пе, а наблюдатели в Нехене почитают его" (Масперо в *Recueil de Travaux*, xii. p. 168). Пе и Нехен были столицами двух доменических царств - Северного и Южного Египта, а на стеле из Нехена (Ком эль-Ахмар) в Каирском музее "Горус из Нехена" отождествляется с Осирисом (*Recueil de Travaux*, xiv. p. 22, No. xx.). В надписи на пирамиде Пепи II., строки 864-5, говорится, что Исида и Небхат оплакивали Осириса в Пе вместе с "душами Пе". Пе с его храмом младшего Гора и Деп с его храмом богини севера Уазит вместе образовали город, названный греками Буто.

136.

Так в текстах пирамид (например, Тета 171, 172).

137.

Происхождение имени Сет уже было забыто в эпоху пирамидных текстов, где оно объясняется детерминативом set, "камень".

138.

Когда иероглифическое название бусиритского нома было впервые придумано, Осирис был еще живым "владыкой Дадду", а не мумифицированным покровителем его некрополя, поскольку он представлен как живой фараон с титулом *ânz* или "вождь".

139.

Proceedings of the Society of Biblical Archæology, xii. 8, pp. 401-402.

140.

Происхождение имени Осириса было забыто египтянами задолго до эпохи текстов пирамид, где мы находим (Unas 229) грамматическую богиню User-t, придуманную для объяснения Осириса, как будто последний был прилагательным user, "сильный"! М. Гребо давно

высказал свое мнение, что Осирис был иностранного происхождения (Recueil de Travaux, i. p. 120).

141.

Небо или Набиум (Набу), "пророк", был толкователем воли Меродаха, так же как Меродах был толкователем воли Эа.

142.

Созвездие Осириса называлось "душой Осириса", и профессор Масперо отмечает, что тексты пирамид помещают его царство вблизи Большой Медведицы (Études de Mythologie et d'Archéologie, ii. p. 20). Изиды стала Сириусом, а Горус - утренней звездой.

143.

Древнеегипетская доктрина бессмертия, с. 48.

144.

В переводе Ренуфа 125-я глава Книги мертвых (папирус Ани) звучит так: "Я не делаю того, что плохо. Я не грабитель. Я не грабитель. Я не убийца людей. Я не сдерживаю меру зерна. Я не скупец. Я не желаю собственности богов. Я не лжец. Я не монополист в добыче пищи. Я не вымогатель. Я не безрассуден. Я не являюсь причиной слез других. Я не развратник. Я не совершаю насилия. Я не властолюбив. Я не граблю возделанные земли. Я не подслушиваю. Я не болтун. Я не отказываюсь от дела из корыстных побуждений. Я не распутен ни с женщинами, ни с мужчинами. Я не непристойна. Я не возбуждаю тревоги. Я не вспыльчив в речах. Я не глух к словам праведности. Я не сквернословлю. Я не нападаю. Я не ссорящийся. Я не отказываюсь от своих слов. Я не умножаю шум в ответ на слова. Я не злопамятен и не творю зла. Я не поношу царя. Я не препятствую (использованию воды Нила). Я не крикун. Я не поношу бога. Я не мошенничаю. Я не скуп на подношения богам. Я не лишаю мертвых погребальных лепешек. Я не отбираю пироги у ребенка и не оскверняю бога своей местности. Я не убиваю священных животных".

145.

Wiedemann, Die Religion der alten Aegypter, pp. 132, 133; и Maspero, Dawn of Civilisation, pp. 188-190.

146.

Maspero, Dawn of Civilisation, p. 190.

147.

Maspero, Dawn of Civilisation, p. 191.

148.

Так, на стеле, переведенной профессором Масперо (Recueil de Travaux, iv. p. 128), покойный говорит: "Никогда никто не говорил обо мне: "Что он сделал? Я не причинил вреда, не совершил зла; никто не пострадал по моей вине, ложь никогда не входила в меня с самого рождения, но я всегда делал то, что было истинным в глазах Владыки двух миров. Сердцем я был соединен с богом; я шел по добрым путям справедливости, любви и всех добродетелей. Ах, пусть живет душа моя... ибо вот я пришел на эту землю, о души, чтобы быть с вами в могиле, я стал одним из вас, кто отвращается от греха".

149.

Clem. Alex. Strom. vi. p. 260, ed. Sylb. См. Lepsius, Einleitung zur Chronologie der Aegypter, pp. 45, 46. Останки, приписываемые Гермесу Трисмегисту, включая диалог под названием

Рæmandres, были переведены на английский язык Дж. Д. Чемберсом (1882). Диалог уже цитируется Иустином Мучеником (Exhort. ad Græcos, xxxviii.).

150.

О необычайной тщательности, с которой священные тексты передавались в течение длительных периодов времени, свидетельствуют некоторые из текстов пирамид, которые воспроизводятся слово в слово вплоть до конца египетской монархии. Так, отрывки в начале надписей в Пирамиде Унаса повторяются в Ритуале Абидоса, другая часть того же текста находится на стеле Тринадцатой династии, а также в одном из дворов храма царицы Хатшепсу в Дэр-эль-Бахари, где, как замечает профессор Масперо, "мы имеем три идентичные версии разных эпох и местностей". Призывы против змей (Унас 300-339) повторяются в гробнице Бак-н-рен-эф из Двадцать шестой династии. См. Maspero, Recueil de Travaux, iii. pp. 182, 195, 220. Этот факт дает нам уверенность в заявлениях египетских писцов о том, что такие-то и такие-то главы Книги мертвых были "найжены" или написаны в царствование определенных ранних царей.

151.

Есть много аргументов в пользу мнения профессора Пиля, что в ней мы имеем сплав ритуалов и формул различных главных святилищ Египта, которые были брошены рядом друг с другом без какой-либо попытки упорядочить или гармонизировать их. Одним из таких ритуалов может быть тот, который упоминается на саркофаге Нес-Шу-Тефнут, где мы читаем о "священных письменах Хоруса в городе Хурэн" в Бусиритском номе (Recueil de Travaux, vi. p. 134). На саркофаге Беба, обнаруженном профессором Петри в Дендере и относящемся к периоду между Шестой и Одиннадцатой династиями, мы имеем не только "ранние версии" частей Книги мертвых, но и главы, которые не встречаются в стандартном тексте (Petrie, Denderah, 1898, pp. 56-58).

152.

В них мы даже читаем о том, что Ра "очистился на полях Алу" (Унас 411).

153.

Maspero, Études de Mythologie et d'Archéologie égyptiennes, pp. 367-370.

154.

Фразе per m hru даются различные толкования. Я принял то, которое кажется мне наиболее согласующимся как с грамматикой, так и с логической вероятностью.

155.

Скарабей с надписью, по-видимому, не старше эпохи Одиннадцатой династии, когда он начал заменять цилиндр в качестве печати. Во всяком случае, нет достоверных сведений о находке такого скарабея в гробнице более раннего времени, а скарабеи с именами Неб-ка-ра, Хуфу и других ранних царей в большинстве своем были изготовлены во времена Двадцать шестой династии. Однако не исключено, что некоторые скарабеи с именем Ра-н-ка из Восьмой династии были изготовлены одновременно с фараоном, чье имя на них написано. Если это так, то они являются самыми древними скарабеями с надписями, с которыми мы знакомы. Однако скарабеи без надписей восходят к доисторической эпохе. Использование скарабея в качестве амулета упоминается уже в текстах пирамид. А доктор Рейснер обнаружил зеленых фарфоровых жуков в доисторических могилах Негадия, наряду с другими зелеными фарфоровыми амулетами, такими как черепахи и т. д.

156.

Как и в текстах пирамид.

157.

Maspero, *Études de Mythologie et d'Archéologie*, p. 369.

158.

Maspero, "La Pyramide de Pepi 1er" в *Recueil de Travaux*, vii. pp. 161, 162. В вавилонском "Эпосе о Гильгамеше" место Ну-Урру занимает Ур-Нинну.

159.

Книга мертвых была проанализирована Масперо, "Исследования мифологии и археологии Египта", i. стр. 325-387.

160.

Перевод П. Ж. де Хоррака.

161.

Перевод и анализ Книги Ам Дуат см. в Maspero, *Études de Mythologie et d'Archéologie égyptiennes* ii. pp. 1-163.

162.

Revue égyptologique, i. 4, ii. 3 (1880, 1881), где рассказ о демотической истории приводится Э. Ревиллутом.

163.

Scheil, "Tombeaux thébains" в *Mémoires de la Mission archéologique française du Caire*, v. 4, pl. 4.

164.

Так, в текстах пирамид (Unas 170) упоминается "baqt", или "бен-ореховое дерево, которое находится в Он". Это дерево - *Moringa aptera* Gærtner, из плодов которого добывали масло миробальяна (Joret, *Les Plantes dans l'Antiquité et au Moyen Age*, i. pp. 133, 134).

165.

Древние египтяне, iii. p. 349. Бенну описывается как "душа Осириса".

166.

Études de Mythologie et d'Archéologie, ii. p. 395 sqq.

167.

Влияние государственной религии заметно на картине, так как у коровы между рогами находится солнечный диск, а кобра увенчана не только рогами, но и солнечным диском. За спиной кобры - лиственная ветвь дерева. Нет никаких оснований полагать вместе с Видеманном (*Muséon*, 1884), что памятник эфиопский: то, что поддается расшифровке в надписи, чисто египетское. Профессор Видеманн называет животное слева бараном, но на моем рисунке это корова. У ног коровы, у которой на шее гирлянда, стоят две вазы.

168.

См. очень интересное исследование Масперо "La Déesse Miritskro et ses guérisons miraculeuses" в *Études de Mythologie et d'Archéologie*, ii. pp. 402-419; *Recueil de Travaux*, ii. p. 109 sqq.

169.

В коллекции египетских древностей Белмора есть несколько стел, посвященных народному поклонению змее; см. 7, 8 и 12. На одной из них урæус имеет человеческую голову официального божества; на другой он стоит на вершине святилища; но на одной (на пл. 7) поклоняющийся стоит на коленях перед колобусом большой длины, который не имеет ни одного из атрибутов государственных богов, и чьи многочисленные витки напоминают нам об Апофисе.

170.

Herodotos, i. 78.

171.

Сейс, "Поклонение змеям в древнем и современном Египте", в Contemporary Review, октябрь 1893 г.

172.

Voyage du Sieur Paul Lucas, fait en mdccxiv etc., par Ordre de Louis XIV., ii. pp. 83-86.

173.

Voyage d'Égypte et de Nubie, nouv. édit. par L. Langlés, ii. pp. 64-69.

174.

См. мою статью "Поклонение змеям в древнем и современном Египте" в Contemporary Review, октябрь 1893 г. На скале под названием Хагар эль-Гораб, в нескольких милях к северу от Ассуана, я обнаружил граффити эпохи Двенадцатой династии, которые показывают, что на этом месте стояла часовня "живого змея"; один из местных жителей сообщил мне, что скалу до сих пор преследует чудовищный змей, "длинный, как весло, и толстый, как человек", который появляется ночью и уничтожает огнем, пылающим из его глаз, всех, кому выпало несчастье оказаться на его пути. См. Recueil de Travaux, xvi. p. 174.

175.

В "Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin", 1889, No. 7.

176.

Легенда была впервые опубликована Плейтом и Росси, "Les Papyrus hiératiques de Turin", pls. 31, 77, 131-8. Она была переведена Лефебуром в "Zeitschrift für Aegyptische Sprache", 1883, pp. 27-33.

177.

Святилище Гора, которого легенда отождествляет с сыном Осириса, называлось Месен в Эдфу. Крылатый солнечный диск, который, по-видимому, возник там, называется иногда "владыкой города Беудет", иногда "владыкой города Месен". Beḥudet раньше читалось как Худ, и не исключено, что именно так произносилось это название в более поздние времена. Во всяком случае, именно от него происходит современное Эдфу, которое, конечно же, не имеет ничего общего с глаголом deb, "пронзать".

178.

"Город близнецов", по-видимому, то же самое, что и Ḥa-Zauī, "Дом близнецов", который Дюмихен отождествляет с греческим Хнубисом, расположенным недалеко от Эсны. Надпись в Эсне гласит, что он также назывался Pa-Saḥura, "Дом Сахура" (Пятой династии), название, которое Дюмихен находит в названии современной деревни Сахера, к югу от Эсны. На доисторической плите, найденной в Абидосе, название города, по-видимому, обозначено

фигурами двух близнецов внутри картуша города (de Morgan, *Recherches sur les Origines de l'Égypte*, i. pl. iii., first register).

179.

Naville, *Mythe d'Horus*, pls. 12-18; Brugsch, *Abhandlungen der Götting. gelehrt. Akademie*, xiv.

180.

Гриффит, "Малые исследования", в Седьмом мемуаре Фонда исследования Египта (1890), с. 71-73; Масперо, *Рассвет цивилизации*, с. 169-171.

181.

Ср. 155-ю главу Книги мертвых: "Эти слова должны быть произнесены над позолоченной папочкой, которую делают из сердцевины сикоморы и вешают на шею умершего. Тогда он пройдет через ворота потустороннего мира". Однако когда эта глава была написана, истинное происхождение папы - ряда из четырех колонн - было забыто, и его представляли как позвоночник Осириса. Благодаря этому мы переносимся в полный расцвет религиозного символизма.

182.

Erman, *Life in Ancient Egypt*, Eng. tr., p. 273.

183.

См. Maspero, *Études de Mythologie et d'Archéologie égyptiennes*, i. pp. 82-89.

184.

См. выше, с. 90.

185.

Записи о прошлом, первая серия, ii.

186.

См. перевод Иамблиха, выполненный Кадвортом.

187.

Maspero, "La Pyramide du Roi Ounas," in the *Recueil de Travaux*, iv. pp. 59-61.

188.

В других местах текстов пирамид Ахиму-секу или планеты северного полушария отождествляются с богами (Унас 218-220); сам Унас восходит как звезда (Унас 391); Сириус - сестра Пепи (Пепи 172); а Кху или светлые духи отождествляются с планетами (Тета 289). Мы слышим о "полях звезд" (Унас 419), об утренней звезде на полях Алу (Пепи 80) и об Ахимт, грамматически образованной жене Ахима "планеты", которая ассоциируется с "Баби, владыкой ночи" (Унас 645, 646). Одним из созвездий, часто упоминаемых в текстах пирамид, является "Небесный Бык", который также был важным созвездием в ранней вавилонской астрономии, где его название составляло часть астрономической системы; в Унасе 421 "Небесный Бык" называется Ан или "колонна" Гелиополя. Мы также слышим о "пресной воде звезд" (Унас 210). С последней можно сравнить богиню Qebḥu, или "Свежую воду", дочь Анубиса, первобытного бога мертвых, которая вылиwała жидкость из четырех ваз (Пери 393). С именем богини связан символ антеопольского нома Верхнего Египта.

189.

B Proc. SBA. xv. p. 233.

190.

Или, скорее, возможно, был Осирисом первобытного Египта.

191.

Lepsius, Chronologie der Aegypter, pp. 78, 79. См. Brugsch, Die Aegyptologie, ii. pp. 339-342.

192.

Hommel, Ausland, 1892, p. 102; Ginzel, Beiträge zur alten Geschichte, i. pp. 12-15. Диодор (ii. 30) утверждает, что "богов-советников" было всего тридцать; но список планетарных станций, обнаруженный Хоммелем в WAI. v. 46, показывает, что текст должен быть исправлен на тридцать шесть. Действительно, сам Диодор добавляет, что каждые десять дней происходила смена созвездий, так что в году, состоящем из 360 дней, должно было быть тридцать шесть созвездий в целом.

193.

Египетское za - это семитское zî, "корабль", из которого оно, по-видимому, было заимствовано.

194.

Maspero, "La Pyramide du Roi Pepi 1er" в Recueil de Travaux, viii. p. 103.

195.

Например, в папирусе Ринда: Wiedemann, "Ein altägyptischer Weltschöpfungsmythus", in the Urquell, new ser., ii. p. 64, "Неба не было, земли не было, добрых и злых змей не существовало".

196.

См. выше, с. 86.

197.

Змея с семью шеями (Унас 630, Тета 305) - это вавилонская "змея с семью головами", и указывает на Вавилонию, где только семь было священным числом. Можно отметить и другие совпадения между египетской и вавилонской мифологией: "дерево жизни" (khet n ânk), которое росло в Алу и было дано звездами мертвым, чтобы они могли жить вечно (Pepi 431); и "великий дом", вавилонский ê-gal, который несколько раз упоминается в текстах пирамид.

198.

Так, в текстах пирамид (Унас 518) Унас описывается как "поедающий" короны Верхнего и Нижнего Египта.

199.

Études de Mythologie et d'Archéologie égyptiennes, ii. pp. 446, 447.

200.

Golénischeff, в Recueil de Travaux, xv. pp. 88, 89. Этот отрывок находится в папирусе 1116 из Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Слова "сын человеческий" являются буквальным переводом оригинального si-n-sa.

201.

Сцены, сопровождающие текст, см. в Gayet, "Le Temple de Louxor", в Mémoires de la Mission archéologique française au Caire, xv. 1, pl. lxxi, где, однако, копия надписей очень неправильная. Мой перевод сделан с моей собственной копии. Полностью надпись выглядит следующим образом: "Сказано Амоном-Ра и т. д.: Он (бог) воплотился в царственной особе

этого мужа, Тотмеса IV. и т. д.; он нашел ее лежащей в ее красоте; он стоял рядом с ней как бог. Она питалась сладкими запахами, исходящими от его величества. Он пришел к ней, чтобы через нее стать отцом. Он заставил ее созерцать его в божественном облике, когда он сошел на нее, чтобы она родила ребенка при виде его красоты. Его любовь проникла в ее плоть, наполнив ее запахом всех его духов Пунта".

"Сказал Мут-эм-уа перед величием этого августейшего бога Амона и т. д., двуединого божества: Как велика твоя двуединая воля, как славны твои замыслы в том, чтобы сердце твое покоилось на мне! Роса твоя на всей плоти моей... Этот царственный бог совершил с ней все, что ему было угодно".

"Сказал Амон перед ее величеством": Амон-Хотеп - имя сына, который в чреве твоём. Этот ребенок вырастет в соответствии со словами, исходящими из уст твоих. Он будет осуществлять власть и праведность в этой земле до самого ее конца. Душа моя в нем: он будет носить двуединый венец царской власти, вечно правя двумя землями, как солнце".

202.

Также пишется Telloḥ, исходя из того, что второй слог представляет собой loḥ, "скрижаль". Но родное произношение - Телло.

203.

Дворец представлен курганом под названием Эль-Каср, храм - Телль-Амран ибн Али.

204.

Имя Хамму-раби или Амму-раби написано Амму-рапи в Harper, Letters, iii. p. 257, No. 255 (K 552), как впервые заметил д-р Пинчес (см. Proc. of the Society of Biblical Archaeology, May 1901, p. 191); д-р Линдл предполагает, что конечное -l в еврейской форме происходит от титула ilu, "бог", который так часто давался царю. Профессор Хоммель также указывает, что иероглиф be, которым иногда писали последний слог царского имени, также имел значение pil.

205.

Эриду - семитизированная аббревиатура шумерского Эри-дугга, "хороший город".

206.

Много лет назад я указывал, что uru - одно из слов, которое (вместе с тем, что оно обозначало) было заимствовано семитами у их шумерских соседей или предшественников (Transactions of Society of Biblical Archaeology, i. 2, pp. 304, 305).

207.

Буквально, "повелитель призраков", "повелитель призраков". Это имя было настолько неправильно понято и неверно истолковано, что необходимо рассказать о нем в некоторых деталях, хотя факты должны быть известны даже новичку в ассириологии. Шумерское lilla или lil означало "призрак", "дух" или "страх" и было заимствовано семитами в форме lilû, от которой образовался женский род lilîtu для обозначения женщины lil, которую шумеры называли kiel lilla, "служанка (мужчины) lil". Lilîtu - это древнееврейское Lîlîth (Isa. xxxiv. 14). В лексических табличках лил объясняется как "дыхание ветра" (сару), или, точнее, как закик, или "пылевое облако" (конечно, не "туман", как его иногда переводят, вопреки как здравому смыслу, так и современным арабским представлениям). Когда дух Эа-бани поднимался с земли, он, естественно, принимал форму "пылевого облака"; в другое время, когда духи появлялись в воздухе, они обнаруживали свое присутствие порывом холодного "ветра".

208.

См. Pinches, "Certain Inscriptions and Records referring to Babylonia and Elam", в Journal of the Victoria Institute, xxix. p. 44: "между устьями рек с обеих сторон".

209.

Примечательно, что хотя перечисленные Бероссом доэдилувийские цари должны были принадлежать к Эриду, о чем свидетельствует их связь с богами Оаннесами, поднявшимися из Персидского залива, они являются царями не Эриду, а Пантибибла и Ларанха (который, по-видимому, был Суриппаком в клинописных текстах).

210.

Thureau-Dangin, в Revue Sémitique.

211.

Heuzey, "Sceaux inédits des rois d'Agadé", в Revue d'Assyriologie, iv. 1, pp. 1-12.

212.

Именно к этому усыновлению богом, вероятно, относится фраза, встречающаяся в ранних шумерских текстах - "царь (или человек) - сын своего бога", хотя, возможно, в конечном итоге она стала синонимом "благочестивого человека". Профессор Хоммель сравнивает такие древнееврейские имена, как Бен-Амми, "сын (бога) Амми".

213.

А. Н. 83-1-18, 1866, Rev. v., опубликованное Пинчесом в Proceedings of the Society of Biblical Archæology, xviii. 8 (1896), и объясненное им, p. 255. Сам я предпочел бы перевести Par-Ešû как "земля потомства бога Ešû" (или Исава).

214.

См. мои "Лекции Хибберта", p. 107, примечание.

215.

По крайней мере, так было во времена Гудеа, которому мы обязаны всеми более важными теологическими ссылками, встречающимися в текстах Телло.

216.

Таким образом, мы имеем выражение "клясться Зи царя" (см. Delitzsch, Assyrisches Handwörterbuch, s.v. nisu). В число Зи входил эким или конкретный призрак, чья известность относится скорее к послешумерским временам, чем к ранней эпохе вавилонской истории.

217.

King, Babylonian Religion, p. 46.

218.

WAI. ii. 36. 54, 56. 33-38.

219.

См. мои "Лекции Хибберта о вавилонской религии", с. 375. Часто встречается выражение "Зи (ассир. нис) великих богов" (Delitzsch, Assyrisches Handwörterbuch, s.v. nisu). В тексте заклинания, WAI. iv. 1, 2, боги более поздних времен все еще являются Зи. Перевод части текста будет дан в одной из следующих глав. О возможности того, что "зи" и "лил" первоначально имели практически одинаковое значение, одно из которых использовалось в Эриду, а другое - в Ниппуре, см. следующую лекцию.

220.

Scheil in Recueil de Travaux, xxii. p. 38.

221.

См. Sm. 1981. 3, где эдинна или "пустыня" названа домом лиллы.

222.

Uda-kára.

223.

В результате ассимиляции Эн-лиль стал Эль-лилем. Это имя буквально означает "повелитель призраков", где единственное число *lil* обозначает класс. Таким образом, Эн-лиль - это "повелитель призраков" в целом, понимаемый так же, как "дьявол" часто понимается в христианской литературе, или как Аид иногда означал всех обитателей подземного мира в греческом языке. Диалектические формы этого имени - Мул-лил и У-лил.

224.

Под семитским влиянием эти "скрижали судьбы" утратили свое примитивное значение и стали, подобно ветхозаветным уриму и туммиму, просто средством предсказания будущего.

225.

В Эриду Зи, похоже, занял место, которое в Ниппуре занимал Лил; во всяком случае, как Эн-лил был главным Лилом или Лиллой в Ниппуре, так и Эа, похоже, был главным Зи в Эриду. Об этом см. следующую лекцию.

226.

Закик - это, конечно, "облако пыли", а не "ветер", как перевели некоторые ученые. Ветер не поднимается из земли, а приходит из воздуха или неба. В ВАИ. ст. 6, ст. 64, значение *zaqīqī* может быть "пыль" и ничто другое: *ilâni-su istarâti-su amnâ ana zakiki*, "его богов и богинь я превратил в пыль".

227.

WAI. v. 61, vi. 54, 55, где следует читать *kibira*.

228.

Профессор Хоммель показал, что среди аравийских и западных семитов (за исключением ханаанеев) первоначальный Ваал был скорее богом луны, чем богом солнца. Главенство бога солнца принадлежит семитской Вавилонии (*Aufsätze und Abhandlungen*, ii. pp. 149-165).

229.

С этой фразой, которая так часто встречается в вавилонских текстах, Хоммель сравнивает такие имена, как Бен-Амми, "сын (бога) Амми".

230.

Thureau-Dangin в Recueil de Travaux, xix. p. 186.

231.

Цитируется по King, *Babylonian Religion*, p. 49.

232.

В результате ассимиляции Эн-лил превратился в Эль-лил (и Уль-лил) в одном из шумерских диалектов (WAI. v. 37. 21). Отсюда Иллинос (который следует читать как Иллилос) Дамасия.

233.

Ašari-galu-dugga. Толкованием этого имени мы обязаны проницательности и образованности о. Ленорманта, от безвременной кончины которого исследование вавилонской религии сильно пострадало.

234.

Возможно ли, что первоначальное различие между "зи" и "лил" заключалось в том, что один термин использовался в Эриду, а другой - в Ниппуре, причем значение в обоих случаях было практически одинаковым? К сожалению, в настоящее время у нас нет материалов для ответа на этот вопрос.

235.

WAI. ii. 55. 43, 58. 57; iii. 67. 156.

236.

Ее назначение в жены богу солнца из Киса или Нин-ипу из Ниппура относится к более позднему периоду; см. мои "Лекции Хибберта", стр. 263.

237.

Первоначально, однако, она была просто духом в виде телицы; WAI. ii. 62. 45, где "корабль Бау" называется "кораблем священной коровы". Это имя, несомненно, шумерское, и, по-видимому, от него происходит Баау из финикийской космологии, утверждавшей, что первые люди, Эон и Протогонос, родились от "ветра Колпия и его жены Баау, что означает Ночь" (Евсевий, *Præpar. Evang.* i. 10). Баау - это, вероятно, древнееврейское Боху.

238.

См. мои "Лекции Хибберта", стр. 262, 374, 375. К-кур, "дом земли", - так назывался храм Эн-лиля в Ниппуре. Это была обитель "повелителя духов" земли и подземного мира.

239.

Она называется "служанкой духа Э-кура" (WAI. ii. 54. 18). Дух Э-кура - это Эн-лиль, чьим храмом был Э-кура, и, следовательно, титул отождествляет ее с киль-лиллой или "служанкой Лиль", которая в конечном итоге стала Лилит в еврейском фольклоре.

240.

Поэтому в гимне, описывающем дерево оракулур в Эриду (WAI. v. 15), "диван" Эа называется "ложе Зи-кум" в "центральной месте земли".

241.

См. мои "Лекции Хибберта о религии древних вавилонян", с. 374, 375.

242.

Точно так же, как я впервые указал в моих "Хиббертовых лекциях" (с. 132), первые два доэдилувианских царя Вавилонии, приведенные Бероссом, не принадлежат к первоначальному списку, а были добавлены к нему, когда Вавилон стал ведущим городом страны, и, соответственно, было необходимо сделать его столицей царства с самого начала времен. Стоит заметить, что как первые два допотопных вавилонских царя являются более поздним дополнением к первоначальному списку, так и первые два допотопных патриарха в Книге Бытия, похоже, были добавлены к первоначальной восьмерке. Адам и Енос - синонимы, как Каинан и Каин, которого заменил Сиф, Суту или Бедавин (Числ. xxiv. 17). В вавилонском списке Амелон или Амилу, "человек", соответствует Еносу, так же как Амменон (Умману, "ремесленник") соответствует Каинану или Каину, "кузнецу". Как в вавилонском, так

и в древнееврейском языках за абстрактным человеком сразу же следовал цивилизованный человек.

243.

Игиги идеографически представлены v+ii (идеограмма множественности). Возможно, поэтому первоначально они были духами пяти планет, дублированных в соответствии с их появлением вечером и утром. Если подтвердится мнение Поньона (*L'Inscription de Bavian*, i. p. 25), что первоначальный идеограф был действительно vii, а не v+ii, мы сможем лучше объяснить их как семь планет, которые в халдейской астрономии включали солнце и луну. Значение названия неизвестно. Предположение Гиара, что оно происходит от ассирийского agâgu, "гневаться" (а не "быть сильным", как он полагал), лишено вероятности. В K 2100, col. iv., оно также написано Igâgâ и объясняется isartum, "справедливость" или "прямое направление". В WAI. ii. 35. 37, Нун-гал (произносится Кисагал) называется Рибу, что Иенсен связывает с древнееврейским Рахаб.

244.

Божественный "повелитель" места или территории, встречающийся в южноаравийских или финикийских надписях, совершенно не похож на повелителя призрачного мира в Ниппуре. Первый был хозяином определенной территории на поверхности земли, второй - духом, властвующим над другими духами в подземном мире. Эти два представления не имеют ничего общего друг с другом.

245.

Появившиеся с тех пор свидетельства показывают, что я ошибался в своих "Лекциях Хибберта" (стр. 110, 193), полагая, что происхождение триады было чисто шумерским. На самом деле она возникла в результате слияния шумерских и семитских элементов в официальной вавилонской религии. Возможно, астрономическая триада солнца, луны и вечерней звезды могла навести на мысль об искусственном объединении богов трех великих очагов религиозной культуры, но не более того. Происхождение триады следует искать в географии, а точнее, в том факте, что Ана, Эн-лиль и Эа представляли собой три главных святилища и центра религиозного влияния в Вавилонии. Я уже отмечал (*Hibbert Lectures*, p. 192), что из того факта, что Ана - первый в триаде, можно сделать вывод, что вся доктрина зародилась в теологической школе Эреха. Эрах, по сути, был местом встречи семитов и шумеров, где впервые проявилось семитское влияние. Ваал исторической семитской религии был богом неба, несмотря на гениальные филологические попытки Робертсона Смита найти для него земной источник.

246.

Ср. Hommel, *Aufsätze und Abhandlungen*, ii. pp. 149-165. Хоммель доказал с помощью минейских надписей, что первобытная семитская религия состояла из поклонения луне и звездам, во главе пантеона стояли лунный бог Аттар и бог-"ангел", а богиня солнца была прикреплена к ним в качестве дочери или жены. Таким образом, верховный Ваал западных семитов изначально был богом луны, и этот факт проливает свет на его культ в Уре и Харране, которые находились за пределами Вавилонии и были населены многочисленным западносемитским населением.

247.

Религия Вавилонии и Ассирии, с. 74.

248.

Имя эдомитского царя В-рамму во времена Сеннахериба показывает, что имя и поклонение В были перенесены на Запад. Сравните также имя Эхуд (Суд. iii. 15). Похоже, что Â был титулом, означающим "отец", а реальное шумерское имя божества - Сирригам (см. мои "Лекции Хибберта", с. 178).

249.

О поглощении Хададом шумерского бога воздуха Мери или Мермера, божественного покровителя города Муру, можно прочесть в моих "Лекциях Хибберта", р. 202 sqq. Губара, "владычица равнины", очевидно, первоначально была женой Мери; когда Мери перешла в Хадада, Губара неизбежно стала женой последнего, "владыки горы", как его называли. Поскольку у Хадада уже была жена Сала, следующим шагом было отождествление Салы и Губары. Правильно говоря, Губара представлял ханаанейскую богиню Ашеру, Асиртум по-вавилонски: см. Reisner, "Sumerisch-babylonische Hymnen nach Thontafeln griechischer Zeit", в Mittheilungen aus den orientalischen Sammlungen zu Berlin, x. p. 139, где шумерское Martue mulu kharsagga-ga Gubarra gasan gu-edin переведено Amurru bel sadî Asratum belit tseri, "аморейский бог (Хадад), владыка горы; Асратум (Ашера), владычица равнины".

250.

Триада Аттар, бог луны и "ангел-посланник", которая, как показал Хоммель, предполагается в южноаравийских надписях, была обусловлена влиянием вавилонской культуры. Об этом свидетельствует вавилонское имя бога луны, Син, в надписях Хадрамаута и Аубай, т.е. Небо, в надписях Катабана. С другой стороны, добавление к триаде богини солнца является чисто семитским.

251.

Надпись Ост-Индского дома, i. 52-ii. 5.

252.

Надпись Ост-Индского дома, ix. 45-x. 5.

253.

На солярный характер Меродаха впервые указал я сам (Trans. SBA. (1873) ii. p. 246), а доказательства этого были приведены в моих "Лекциях Хибберта", р. 100 sqq. В шумерской поэме, где сотворение мира приписывается Эа, К-Саггиль первоначально было названием храма Эа в Эриду, откуда оно, должно быть, было перенесено в Вавилон, когда Эа был вытеснен Меродахом. Из списка вавилонских царей, в котором объясняются их имена, можно сделать вывод, что храм в Вавилоне назывался Е(с)-Гузи. В шумерском языке Гузи имел то же значение, что и К-Саггил, "дом верховного главы" (WAI. ii. 30. 4, 26. 58).

254.

Сравните Ати, "принц", титул Осириса.

255.

На это впервые указал Болл, Труды Общества библейской археологии, xii. 8, с. 401, 402.

256.

Мы можем сравнить утверждение в гимне (WAI. v. 50. i. 5), что бог солнца "восходит из Ду-азагга, места судеб", где в ассирийском переводе есть "гора судеб". Ду-азагга находилась на горизонте владений Эа, в глубине.

257.

Чаще всего пишется Šumu.

258.

Абиль-Син, "сын бога луны", бог города Ур, к которому принадлежала предыдущая династия.

259.

Хотя Зи используется здесь в своем семитском значении "жизнь" в абстрактном смысле, место, отведенное ему как первому из божественных имен и качеств, дарованных Меродаху, очень важно. Прежде чем его можно будет отождествить с любым из богов официального пантеона, он должен стать Зи или "духом", или, более строго, "духом" небес. Точно так же божественная сущность Эа до сих пор называется его Zi или "духом", что сохранилось с тех времен, когда Эа еще не был богом.

260.

Вероятно, слово "ветер" здесь, хотя его первоначальный смысл был затемнен или забыт, восходит к эпохе, когда оно обозначало лил, эквивалентом которого оно является в лексических скрижалях.

261.

Следует также помнить, что внимание, уделенное Набонидом более древним святилищам Вавилонии за стенами Вавилона, относится к более раннему периоду его правления.

262.

WAI. ii. 54, № 4; iii. 69, № 1. В ii. 54, № 3, космические божества названы "матерью (матерями) и отцом (отцами) Ану", а не отождествлены с ним. Но отождествление, несомненно, связано с тем, что ана означало "бог", а также "Ану".

263.

Журнал Института Виктории, ххviii. 8-10.

264.

Так, бог Тиспак (Сусинак из Суз, K 92691, Rev. ii. 35) отождествляется с Истаром в WAI. 35. 18, comp. ii. 57. 35; а Исхара, другое имя Истар, называется мужским божеством с женой Алманати (Strassmaier, 3901). Профессор Бартон отмечает (Journal of American Oriental Society, 21, pp. 186-188), что надпись Лугаль-хаŠši, раннего царя Киша, посвящена "царю Нане и госпоже Нане".

265.

WAI. iii. 53. 30-9.

266.

Я не могу предложить лучшей этимологии для слова "анунна", чем та, что предложена в моих "Лекциях Хибберта", стр. 182. Ее поддерживает K 2100, col. iv., где шумерское произношение Анунна-ки передано как Эну-ки, "владыка земли". Когда "духов земли" стали отличать от "ангелов" или "духов" воздуха, форма Анунна-ки или Анунна-ге, "дух земли" или "нижнего мира", стала более привычной, чем просто Анунна. Последняя используется для обозначения Игиги или "ангелов" в K 4629, Rev., и для Анунна-ки в WAI. iv. 1, 2, col. iv. 3.

267.

Хоффманн замечает по поводу арамейских надписей Зенджирли (*Zeitschrift für Assyriologie*, xi. p. 253): "Наиболее интересным фактом является то, что даже в теологической Хадад-стеле не упоминается женщина-богиня".

268.

Происхождение и природа Таммуза были исследованы в моих "Лекциях Хибберта", стр. 220-245, и нет необходимости повторять их здесь. В первую очередь он был Зи или духом, которому поклонялись в Эриду, где он был известен как "Сын Духа Глубин", то есть Эа. По сути, он был первобытным солнечным богом Эриду, хотя его характер претерпел странные трансформации в ходе его отождествления с Нин-гир (Ингури) и другими богами. Но Таммуз был богом солнца, который половину своей годовой жизни проводил в подземном мире, или, согласно другой точке зрения, вместе с Нин-гиз-зидой охранял врата рая. Поэтому он пас свой скот на полях за рекой Хубур, океанским потоком, опоясывающим землю, на пути в страну мертвых (*Craig, Religious Texts*, i. p. 17). С другой стороны, говорили, что он обитает посреди космического храма Эа в Эриду, между Тигром и Евфратом (*WAI*. iv. 15. 58-59). Возможно, хотя это еще не доказано, что в Таммузе были объединены два божества: бог солнца и весенняя растительность, которую порождает молодое солнце года. Как бы то ни было, в Таммузе и Нин-гиз-зиде я вижу вавилонские прототипы двух столбов - Яхина и Боаза, воздвигнутых Соломоном перед храмом (1 Цар. vii. 21). Нин-гиз-зида означает "повелитель вертикального столба" (*bil itsi kêni* на семитском вавилонском) и, таким образом, соотносится с Иахином.

269.

Thureau-Dangin в *Recueil de Travaux relatifs à la Philologie et à l'Archéologie égyptiennes et assyriennes*, xix. pp. 185-187.

270.

Опубликовано и переведено мною в *Transactions of the Society of Biblical Archæology*, v. (1877) p. 441, где я впервые указал на то, что ранние вавилонские цари были обожествлены.

271.

Scheil в *Recueil de Travaux*, xviii. p. 71, xxi. p. 27.

272.

См. Brünnow, *Classified List*, No. 8883.

273.

WAI. ii. 55. 27, iv. 25. 40. Дара, семитское туракху, является "антилопой" благодаря фигуре антилопы, заканчивающейся рыбой, которая, как утверждается, представляет Эа на межевом камне из Сузы, опубликованном в "*Délégation en Perse*" де Моргана, том i., и объясненном Шейлем в "*Recueil de Travaux*", xxiii. pp. 96, 97. Фигура сопровождается символом Эа - оружием, оканчивающимся головой барана.

274.

WAI. iii. 68. 12-14. См. мои "Лекции Хибберта", стр. 286. О "корове" Бау см. выше, с. 148. Непрал или Алламу первоначально был газелью (Brünnow, *Classified List*, Nos. 1906, 1907).

275.

WAI. ii. 18. 57, 55. 69, iv. 3. 25.

276.

Таким образом, обезьяна ассоциируется с Ну-гиддой, "карликом", который, в свою очередь, сопровождает бога Луны.

277.

Последняя строка этого гимна (WAI. iv. 15. 52 sqq.), перевод которого я привел в своих "Лекциях Хибберта", стр. 238, была обнаружена доктором Пинчесом и опубликована им в "Журнале операций Института Виктории", xxix. p. 44.

278.

В книге Рейснера "Шумеро-вавилонские гимны в начале греческой эпохи", в *Mittheilungen aus den orientalischen Sammlungen*, x. p. 135, 25-32, и p. 139, 151-158, мы читаем: "Великие боги - 50; боги судьбы - 7; ануннаки небес - 300; ануннаки земли - 600".

279.

Поэтому Навуходоносор называет его *pakid kissat samê u irtsitim*, "военачальник воинств неба и земли" (WAI. i. 51. 13).

280.

Об анунна-ки и игиги см. выше, с. 344.

281.

Солнечный характер Нин-ипа был впервые отмечен мною в *Transactions of the Society of Biblical Archæology*, ii. (1873) p. 246, и еще раз в моих "Лекциях Хибберта", pp. 152, 153. На ассирийском языке его, вероятно, звали Бэр, но киликийский Нинепс показывает, что он был известен и под шумерским титулом Нин-ип. См. мою статью в *Proc. SBA.* xx. 7, pp. 261, 262.

282.

Идеограмма обозначает кефию, соответствующую как чадре, так и тюрбану. В самом раннем изображении она представляет собой вуаль, покрывающую голову и лицо и оставляющую видимыми только волосы на затылке. Обычно его называли *uras* - слово, заимствованное семитским вавилонским языком в форме *urasu*, от которого, в свою очередь, произошли глагол *arâsu*, "покрывать", и слово *aristu*, "плащ". В шумерском языке кеффийя была также известна как мутра, семитское *mutru*, из которого было заимствовано греческое *μίτρα*. Митра правильно означала восточный тюрбан; но поскольку греки не носили такого головного убора, уже Гомер использовал его для обозначения поясного ремня. Помимо значения *uras*, идеограмма также имела значение *dara* (в ассирийском *nibittu* и *išku*, "вуаль"). Возможно, что на самом деле имя Нин-ип произносилось как Ин-дар.

283.

WAI. ii. 57. 39.

284.

Гвидион хитростью убедил Придери отдать часть из них ему и таким образом перенес их из Диведа в Северный Уэльс; Rhys, *Hibbert Lectures on Celtic Heathendom*, pp. 242-244.

285.

Ср. WAI. ii. 19. 49b: "Духов земли я заставил рыскать по впадинам, как свиней".

286.

См. например, WAI. ii. 54. 3 Obv. 4-14, 4. 37-45.

287.

Нет никаких оснований считать, что храм К-Зиды, перестроенный Хаммурапи в Борсиппе, был иным, чем старый К-Зида, который был посвящен Небо.

288.

О таких именах, как Сиппар-сади, Сиппар-садуни, Упе-семи и Упе-нацир, см. Pinches, *Revue de l'Histoire des Religions*, xliii. p. 277.

289.

Поддержку этой этимологии можно найти в распространенном титуле Ассур "добрый бог", который идеографически пишется an-dugga. Но даже если ассирийцы считали, что это правильное обозначение имени их бога, из этого не следует, что они были правы; а поскольку символы, обозначающие титул, могут читаться как АН-САР, возможно, это лишь игра на предполагаемой связи имени с шумерским Ансар. Последнее имя встречается у Дамасия как Ассорос. Возможно, Ассур (первоначально Асур) - это просто Асурру, "стена".

290.

Glaser, *Skizze der Geschichte Arabiens* (1889), pp. 64-74.

291.

Ду-азагга. Поскольку "священный курган" был домом Эа, из этого следует, что первоначально он был частью Персидского залива; с другой стороны, название, данное ему, подразумевает, что он напоминал гору, поднимающуюся в небо. Солнце вставало из-за нее (WAI. v. 50. 5a); следовательно, это должен был быть восточный горизонт, который для жителя Эриду был бы горизонтом моря, возносящегося к небесам как великий курган. С него была сделана модель, которая стала паракку или местом милосердия Эа в его храме в Эриду. Когда Эриду и его бог были вытеснены Вавилоном и Бел-Меродахом, Ду-азагга был перенесен в последний город и стал "местом оракулов" в святилище Бел-Меродаха, "где, - по словам Навуходоносора, "в праздник Загмуку, в начале года, в 8-й и 11-й день, царь богов неба и земли, Бел, бог, садится сам, а боги неба и земли благоговейно внимают ему, стоя перед ним со склоненными головами". "Когда Небо стал министром Меродаха, к нему тоже обращались как к "богу священного кургана" (WAI. ii. 54. 71), а одно из "трех великих имен Ану" было названо "царем, который выходит из священного кургана", другое имя - "создатель небесных воинств" (WAI. iii. 68. 19, 20). Даже Истар, или, скорее, Исхара, называется "богиней священного кургана" (WAI. iii. 68. 27). Можно добавить, что лексическая табличка делает "священный курган" синонимом глубины (WAI. v. 41, No. 1).

292.

WAI. ii. 58. 57. Его шумерский титул божественного гончара был Нунурра, что объясняется как "бог горшка" или, более буквально, "повелитель горшка" (Brünnow, *Classified List*, 5895). См. Scheil, *Recueil de Travaux*, xx. p. 125.

293.

Эль-лиль, следует отметить, назывался "великой горой" (Кур-гал, Саду-рабу по-семитски), а название его храма было К-кур, "дом горы". Вероятно, вера в Харсаг-куркурру, или "гору мира", на которой жили боги, зародилась в Ниппуре. Из Ис. xiv. 13 мы узнаем, что она располагалась на севере. Нин-лиль, жена Эн-лиля, называется Нин-харсаг, "владычица горы", у Самсу-илуны, который описывает ее как "мать, создавшую меня" (Brit. Mus., pl. 199, 1. 41).

294.

Это существа, описанные Бероссом как вышедшие из лона Тиамы: крылатые люди с четырьмя или двумя лицами, или с ногами лошадей и козлов; быки с человеческими головами; лошади с собачьими головами и тому подобное - которые были изображены на стенах храма Бел-Меродаха, преемника Бела из Ниппура (Syncell. p. 29; Euseb. Chron. Armen. p. 10, ed. Mai).

295.

Вариант фрагмента легенды, который был впервые признан мной в Proc. SBA. xx. pp. 187-189, был опубликован д-ром Шейлем с ранней вавилонской таблички в Recueil de Travaux, xx. pp. 66, 67. pp. 66, 67.

296.

Однако можно найти указание на то, что Лиллум или "Лил" был "отцом-матерью" Энлиля (WAI. iv. 27. 5), и дальнейшее упоминание Зи или "духа", который был "отцом-матерью" Энлиля и Нинлиля (WAI. iv. 1. Col. ii. 25-28). Бесполой шумер не знал различий полов; творческий принцип был одновременно женским и мужским. Заметим, что в отличие от семитских представлений женский элемент превалирует над мужским.

297.

Эти две строки являются интерполяцией.

298.

Эти три строки являются интерполяцией.

299.

Имя Меродаха заменено именем Эа.

300.

Игра с именем Эри-дугга, "добрый город".

301.

Вероятно, интерполяция.

302.

Первоначально Эа.

303.

Эти две строки не принадлежат оригинальному стихотворению.

304.

О Таммузе и Нин-гис-зиде см. выше, с. 350, примечание. Можно добавить, что в сборнике текстов заклинаний Maqlû Нин-гис-зида, похоже, считается богиней и супругой Нуску, бога огня. Нин в шумерском языке чаще означала "госпожа", чем "господин". Возможно, что в Эриду она считалась женой Таммуза.

305.

Возможно, Хоммель прав, переводя "пальма".

306.

Ср. Быт. iii. 8.

307.

Зикум или Намму, бездна, которая называется матерью Эа. Намму - шумерское имя или титул Зикума в "Клинописных текстах", xii. p. 26, 1. 20.

308.

См. мои Лекции Хибберта, стр. 238, и Пинчес, Журнал Института Виктории, xxix. стр. 44.

309.

WAI. iv. 15, Col. ii. 5, 6.

310.

Так в WAI. iv. 25. 49, an-sar ki-sar переведено как "воинство неба и земли". В WAI. v. 43. 27, шумерское "божественный писец, создатель воинства земли" перефразировано семитским переводчиком Nabû rakid kissat samê u irtsiti, "Небо, начальник воинства неба и земли". Для семита бог, которому он поклонялся, был повелителем как небесного воинства, так и земных духов.

311.

Возможно, древнееврейские Урим и Туммим действительно были связаны с вавилонскими "скрижалями судьбы". Последние крепились "на груди", согласно Эпосу Творения, подобно уриму и туммиму израильского первосвященника. В книге WAI. iv. 18, № 3, Эа описывает некий магический нагрудник из золота, который должен был быть украшен драгоценными камнями и прикреплен к груди. Названы девять камней, которые, по-видимому, были вырезаны в виде фигурок богов, подобно египетским амулетам, поскольку о них говорится, что они "плоть богов". Профессор Циммерн даже предполагает (Beiträge zur Kenntniss der babylonischen Religion, p. 91), что Урим следует отождествлять с ассирийским urtu, синонимом tertu (tôrâh), "наставление" или "закон".

312.

Сравните "лестницу" Иакова (Быт. xxviii. 12). Подобная лестница изображена на коническом или яйцеобразном камне, который символизировал лунного бога Харрана (например, Lajard, Culte de Mithra, 54, 4).

313.

Эн-ме, буквально "повелитель голоса", по-видимому, произносилось как ên в шумерском языке, поскольку семитское ênu было заимствовано из него. Это слово имеет тот же корень, что и ên, "заклинание", а ênu обозначало жреца, который "произносил" заклинательный ритуал. Таким образом, его можно сравнить с египетским хер-хебом. Существовал êну или "заклинатель Истара", чье техническое имя было Укуррим, и другой Эа, "святой отец", который назывался Сенну. Следует помнить, что заклинательные формулы по большей части относятся к Эа и Истарту. Другой класс êну назывался sailu, "маг" на ассирийском языке (буквально, "вопрошающий" духов, которые, возможно, практиковали чрево вещание); на шумерском языке это имя можно прочитать ên-lil, "болтун лил".

314.

Я все еще не вижу лучшей этимологии для dimmer, dingir, "бог", чем та, которую я предложил в своих "Лекциях Хибберта" (стр. 143), т. е. dim, "создавать" или "творить". От того же корня мы имеем dim или dimma, "потомство" (WAI. v. 29. 71), что иллюстрирует противопоставление шумера, считавшего порождение актом творения, и семита, рассматривавшего творение как акт порождения. В WAI. ii. 47. 29, dim занимает место dumu, "сын". Dimme и dimmea показывают, что в dimmer конечный согласный является суффиксом.

315.

WAI. ii. 55. 27, iv. 25. 40. Я сохранил здесь обычное значение "газель" для ассирийского *ditanu*, хотя более вероятно, что его шумерский эквивалент *elim* (возможно, евр. *âyîl*) означает "баран". Во всяком случае, *elim* передается как *kušarikku* или "баран" в Sc. 315. Однако есть трудности с определением бога, к которому первоначально относилось это имя. В WAI. ii. 55. 31-33, "князь Элим", "могучий Элим" и "творящий землю Элим" названы именами Эа; в то время как в WAI. v. 21. 11, Элим - синоним бога Ахари, а в Sc. 312 он эквивалентен Эль-лилю. Поскольку "корабль" или ковчег Эа был "кораблем антилопы из глубин", Эа должен был быть антилопой (тураху), а не бараном или газелью; поэтому я считаю, что перенос имени Эль-лиля на Асари и Эа был вызван путаницей, возникшей между Эль-лилем после его превращения в семитского Бела и Асари после его превращения в семитского Бел-Меродаха. Идеограмма, обозначающая Элим, представляет собой четвероногое животное, иногда с глазом, иногда с идеограммой овцы, прикрепленной к нему.

316.

WAI. v. 52, Col. iv. 8.

317.

Возможно, однако, что "божественная семерка" произошла от семи богов, которые были сыновьями Эн-ме-сарры, согласно WAI. iv. 23, No. 1. Эн-ме-сарра означает "заклинатель-жрец (небесных) воинств" (*ênu sa kissati*), и его "сыновья", таким образом, напоминают нам об Иове xxxviii. 7. Не стоит забывать, что Филон Библий считал "семь сыновей Сидыка, Кабейри, с их восьмым братом Асклепием (Ашмуном)" первыми писателями истории (Euseb. *Præp. evang.* i. 10).

318.

Она была отредактирована и переведена Таллквистом (Tallqvist, *Die Assyrische Beschwörungsserie Maqlû*, 1894), который подсчитал, что она содержит 1550 строк, или более 9000 слов.

319.

Вся работа написана в метрической форме, характерной для семитского вавилонского языка. Оно было отредактировано Циммерном, *Beiträge zur Kenntniss der babylonischen Religion; Die Beschwörungstafeln Shurpu* (1896).

320.

Иса. viii. 19. Начало, например, второй книги сборника "Маклу" нужно было произносить шепотом перед восковым изображением.

321.

Поскольку название последней работы иногда пишется как *UD-MA AN EN-LIL*, так и *UD AN EN-LIL*, настоящий перевод может быть "Когда (*enu-ma*) Бел", а не "Просветление (*namaru*) Бела", именно этими словами открывается первая скрижаль. Однако, поскольку она была переведена на греческий Бероссом как произведение "Бэла" (Сенека, *Quæst. Nat.* iii. 29), в целом следует предпочесть название, присвоенное ей в тексте.

322.

WAI. iv. 19, No. 2.

323.

WAI. iv. 28, No. 1.

324.

Буквально: "пророческий дом" или "коллегия пророков" (isipputi).

325.

WAI. v. 4. 86-91.

326.

Terêti, евр. thôrâh. Имеются в виду законы, которым должны подчиняться боги.

327.

Гильгамес, по-видимому, означает "великий отец", от gilga, "отец", и mes, т. е. mas, "великий".

328.

Hist. Anim. xii. 21. Соккарос, царь Вавилонии, опасаясь, что сын его дочери свергнет и убьет его, заточил ее в башню. Однако у нее родился Гильгамос. По приказу деда он был сброшен с башни, но его спас орел, поймавший его на свои крылья. Филологически можно отождествить Соккарос и Акрис-иос.

329.

Hilprecht, The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania, i. 15. 26; Хоммель в Proc. SBA. xvi. pp. 13-15. Надпись выглядит следующим образом: "Обожествленный Абель-или(?), отец армии Эреха, сын Бел-Семей, восстановил стены Эреха, построенные в давние времена обожествленным Гильгамешем".

330.

Однако профессор Хаупт, которому мы обязаны "editio princeps" "Эпоса о Гильгамеше", считает, что описание осады Эреха вообще не принадлежит эпосу. Он находит его начало во фрагменте K 2756 c, который обычно относят к третьей книге поэмы. См. его статью "Начало вавилонского эпоса о Нимроде" в "Johns Hopkins Semitic Papers" (Journal of the American Oriental Society, xxii. 1 (1901)).

331.

Поскольку Бероссос рассказал нам, как произносилось имя героя халдейского потопа, споры современных ассириологов о том, было ли это Пир-напистим или что-то подобное, потеряли смысл. Истинный анализ имени Ксисутрос до сих пор неизвестен, хотя возможно, но не вероятно, что Джордж Смит был прав, видя в нем метатезу титула Адра-хасис, применяемого к нескольким ранним вавилонским героям. Адра-хасис означает "очень умный", напоминая нам о "Мухаммеде-умнике" в современном египетском фольклоре.

332.

Самту, евр. шохем (Быт. ii. 12).

333.

Так считает Хоммель, который, вероятно, прав, усматривая в этом слове название Сабы в Южной Аравии.

334.

Циммерн, правда, предположил, что этот последний текст относится к легенде об Атарпи, которая, однако, к сожалению, дошла до нас в таком изуродованном состоянии, что ее невозможно точно истолковать. Скорее всего, первооткрыватель таблички прав, связывая ее с историей о Потопе.

335.

Кто здесь занимает место Аруру.

336.

Слова "Я не буду больше жить в твоём городе и обращу лицо мое к земле Эн-лиль" подразумевают, что Сурипак находился недалеко от Ниппура.

337.

Гора Низир находилась в стране, которую ассирийцы называли Лулуби или Лулуви, в ваннских надписях - Лулу. В двуязычной надписи Топзавы Лулу является эквивалентом ассирийского Урардху, древнееврейского Арарата.

338.

См. мою "Раннюю историю евреев", с. 122 sqq.

339.

Loc. cit., p. 126.

340.

Schöpfung und Chaos in Urzeit und Endzeit (1895).

341.

Следует заметить, что, как путешествие Ксисутроса длилось вавилонскую неделю из семи ночей, так и путешествие Девкалиона длилось греческую неделю из девяти дней. Огигес - это всего лишь местный вариант Девкалиона.

342.

См. Meissner, Alexander und Gilgames (1894).

343.

См. мои "Лекции Хибберта", с. 360-363, где цитируются различные отрывки, относящиеся к вавилонскому Олимпусу.

344.

Земля Араллу или Аид.

345.

Это, однако, скорее "священный курган" вод, в котором Эа имел свой дом, чем внутренняя гора Эн-лиль.

346.

Ур - шумерское слово, означающее "зона". Оно переводится arâru, "связывать"; etsêdu, "связывать снопы" для сбора урожая; и khamâtu, "связывать" или "устанавливать" законы.

347.

Из слов мистера Смита трудно определить, находились ли ворота в первом или втором дворе, или же (что кажется более вероятным) табличка хотела, чтобы мы поняли, что ворота относились к обоим дворам.

348.

Первый помост был 300 футов в квадрате и 110 футов в высоту, а самый верхний - 80 футов в длину, 70 в ширину и 50 в высоту.

349.

О хлебах см. Zimmern, Beiträge zur Kenntniss der babylonischen Religion, pp. 94, 95; и Haupt, "Babylonian Elements in the Levitic Ritual", p. 59 (Journal of Biblical Literature, 1900). Иногда перед богом клали шесть дюжин лепешек, иногда три дюжины, чаще всего только одну дюжину, как у израильтян. Хлеб называется акал пани, что является точным эквивалентом еврейского лехем хаппаним; профессор Хаупт указывает, что он должен был быть пресным (мутк).

350.

Ср. Быт. xi. 5.

351.

Шумерское du, разумеется, не имеет ничего общего с семитским вавилонским dû, "часовня" (если, конечно, последнее не заимствовано из шумерского слова). Оно является эквивалентом tilu, "курган" или "холм"; но поскольку tilu или tel были обычно обитаемы, оно приобрело значение subtu, "жилое место".

352.

ВАИ. т. 50. и. 5; 41. 1, Откр. 18.

353.

См. выше, с. 374, прим. 1.

354.

Самасумукин, ii. стр. 47-51. Навуходоносор называет Ду-азагга "местом оракулов Убсу-гинны, вершителя судеб, которые в праздник Нового года (Заг-муку), на восьмой и одиннадцатый день, Бел оглашает перед собравшимися богами". Йенсен (Kosmologie der Babylonier, pp. 239-242) впервые указал, что Убсу-гинна - это "место собрания" богов, которое находилось в или на К-куре, "Горе Мира" (WAI. iv. 63. 17.). Таким образом, она соотносится с "горой собрания" из Ис. xiv. 13 и иллюстрирует сочетание теологии Эриду с теологией Ниппура.

355.

WAI. iv. 23, No. 1, переведено в моих "Лекциях Хибберта", p. 495.

356.

De Sarzec, Découvertes en Chaldée, pp. 216, 217.

357.

В шумерском языке сангу называли êbar, с которым, возможно, сопоставлено имя Эбера в Быт. xi. 15, возможно, можно сравнить.

358.

Не "астрологи", как иногда предполагают. Kalû заимствовано из шумерского kal, как takhkhû - из takh. Во главе их стоял Абба-калла, Абба-кул или Аб-гал - слово, которое в первой форме используется как имя собственное в ранних вавилонских текстах. Ассирийские колонисты перенесли его в Каппадокию, и Страбон, соответственно, говорит нам, что первосвященника Команы звали Абаклес. Эллинизированная форма титула, Bakêlos, приводится Исихием, который переводит его как "вельможа" и "галлос - священник" (см. мое примечание в Proc. SBA. xxiii. p. 106). Абгал, как утверждается, является эквивалентом не только заимствованного ассирийского abkallu, но и bil terti, "мастер закона"; khassu и imqu, "ученый" (как арабское 'alim); и mar ummanî, "ремесленник" или "профессионал" (WAI. v. 13. 37-42). Отношение kalû к gallu (шумерские kal и galla), "слуга",

пока неясно, хотя следует помнить, что gallos был "службой" Кибелы. Об использовании kal, "слуга" в шумерских текстах см. Reisner, Tempelurkunden aus Telloh, pp. 20, 21.

359.

Так, в тексте, цитируемом в моих "Лекциях Хибберта", стр. 81, "подобно Бэлу на крышке судьбы будет произнесено пророчество, будет сказано: "Бэл вышел, царь заботился обо мне"." Особый класс "пророков" носил имя масмас (отсюда masmasu на ассирийском), которое переводится mullilu, "восхваляющий" богов (евр. hillêl).

360.

См. мои "Лекции Хибберта", с. 79.

361.

Ê-kua и Mâ-Kua, bit-assaputi и elip-assaputi в семитском языке. Джастроу ошибочно переводит "жилище" вместо "оракул" или "пророчество"; истинное значение этого слова было открыто Оппертом еще на заре клинописной дешифровки.

362.

Сабру отличалось от бару, чье название, по-видимому, имеет более общее значение, и профессор Хаупт, вероятно, прав, считая его формой шафеля. Однако он придает barû слишком широкое значение, когда обозначает им "прорицателя" любого рода и вида. Верно, что магия входила в сферу вавилонского богословия, и так же, как асипи или "пророки" могли включать в себя "чародеев" и "произносящих заклинания", так и бари могли включать тех, кто пытался предсказать будущее, исследуя внутренности жертв или с помощью чаши (ср. Быт. xlv. 5). Но, говоря правильно, бару, как и сабру, "открывали" будущее с помощью снов. Хаупт исправляет baddîm на bârîm, "прорицатели", в Ис. xlv. 25 и Jer. l. 36, является блестящим (Babylonian Elements in the Levitic Ritual, p. 57). Шумерский эквивалент barû - KHAL (или более правильно âkhal); sabrû - PA-AL, где PA означает "чиновник".

363.

Thureau-Dangin, "Tablettes chaldéennes inédites," in the Revue d'Assyriologie, iv. 3, pl. xiii. 40, Obv.

364.

Так же называли и незаконнорожденных, на что указывал Хаупт (Journal of Biblical Literature (1900), p. 57).

365.

Л. Д. Прайс в журнале Американского восточного общества, xxi. 2, с. 1-22. В гемерологии, опубликованной в WAI. iv. 32, животное, упомянутое в col. 1, строка 3, является не газелью, как я предполагал в своих "Лекциях Хибберта", с. 70, а "козлом" (шумерское sikku, ассирийское sapparu).

366.

Здесь нет речи о козле отпущения или чем-то подобном. Слово "потомство" - uritsu, что является обычным эквивалентом Bir "suboles". Добавление слов sa amiluti, "из человечества", ограничивает его в данном случае человеком. Уже в 1875 году в своей "Элементарной ассирийской грамматике" (стр. 123) я указал, что оно связано с арабским warats, которое, как я вижу (как и многие другие вещи того же рода), недавно было объявлено новым открытием. Глагол ittadin, кстати, является ифтеалом, а не нифалом, и поэтому не может быть переведен как пассив.

367.

De Sarzec, Découvertes en Chaldée, iv. 1, pl. 4 bis. Это было во времена царя Э-анна-ду. Барельеф времен Энтемена на той же плите, 5 bis (3b), изображает, возможно, человеческое жертвоприношение: один обнаженный пленник лежит на земле, уже убитый, а другого ведут на казнь.

368.

Ссылки приведены в Jastrow, Religion of Babylonia and Assyria, p. 666.

369.

Десятина была выплачена 5-го числа месяца Аб; 16-го числа Таммуза, за девятнадцать дней до этого, Гобриас вошел в Вавилон с солдатами Кира.

370.

Более полным термином было ginû, "фиксированное жертвоприношение", которое включало не только ежедневные жертвы, но и все другие установленные жертвоприношения.

371.

См. мои "Лекции Хибберта", с. 72, прим. 2.

372.

WAI. i. 65, ii. 19-21; 54. iii. 48-50. См. Trumbull, The Threshold Covenant, pp. 110, 116.

373.

Ср. Лев. ст. 7, 11.

374.

Haupt, Babylonian Elements in the Levitic Ritual, pp. 60, 61.

375.

Zimmern, Beiträge zur Kenntniss der Babylonischen Religion, p. 127.

376.

L.c., p. 88, прим. 2.

377.

О раннем вавилонском календаре см. в Radau, Early Babylonian History, pp. 287-307.

378.

Настоящее прочтение имени бога неизвестно. Его отождествляли с Нин-ипом (WAI. ii. 57. 68), солнцем юга (WAI. ii. 57. 51), а значит, полуденным солнцем, а не утренним, как утверждается в последнее время. Нин-ип был посланником или "ангелом" Эль-Лила из Ниппура, и, следовательно, Бил-си далее отождествляется с "луной Ниппура" (WAI. 57. 56), ангел владыки призрачного мира более соответствует луне, чем солнцу. Когда вавилонский Бел-Меродах узурпировал функции Эл-лила, Бел-си, естественно, стал Небо, "силой силы" (WAI. v. 43. 37), который стоял в том же отношении к Меродаху, что и Нин-ип к Эл-лилу. Биль-'си был также седьмым из тикпи-звезд (WAI. ii. 49. 10-13, iii. 50-52).

379.

Перевод Амиауда в "Записях прошлого", новая серия, ii. с. 83, 84.

380.

Афиней, Деипнософист, 14.

381.

Наиболее очевидной деривацией ивритского Пурим является та, которую я предложил в Трудах Общества библейской археологии, хіх. 7, стр. 280, 281, как бы мало она ни подходила для некоторых модных гипотез. На Черном обелиске (175) Шалманесер говорит: "Во второй раз я отпраздновал праздник Пур Ассура и Хадада"; а договор купли-продажи (Rm. 2. 19) датируется в эпонимии Бел-данана 734 годом до н. э., "в год его правления Пуром" (*ina sanê puri-su*). Пур, который толкуется как "много", естественно, не имеет никакого отношения к ассирийскому *bur*, который, как утверждается, означает "камень". О том, что мы должны читать *bur*, а не *pur*, свидетельствует вариант написания *ba-ar* (Sa 5. iv. 10).

382.

WAI. ii. 32. 16. Чтение Делицша и меня было поставлено под сомнение, поскольку табличка, очевидно, была повреждена с тех пор, как мы ее исследовали, но все сомнения теперь устранены благодаря K 93037, Obv. 24 (опубликовано в *Cuneiform Texts*, xii. 6), где *sabattum* является эквивалентом шумерского "день" *par excellence*. Вавилония была родиной астрономии и святости числа семь, связанной с существованием семи планет, так что суббота седьмого дня была там естественной.

383.

Сравните раввинское выражение "испачкать руки", применяемое к вдохновенным книгам Писания.

384.

Перевод всего текста приведен в моих "Лекциях Хибберта", с. 70-76. С последним запретом сравните Ис. lviii. 13, "не говорить слов своих" в день субботний.

385.

Jastrow, *The Religion of Babylonia and Assyria*, pp. 322, 323.

386.

Ædipus Judaicus (London, 1811).

387.

Так во второй книге серии Сурпу (WAI. iv. 59, Col. ii. 106, Col. iv. 7-9, переведенные в моих "Хиббертских лекциях", стр. 508, 509); WAI. iii. 66. а 9, 13.

388.

Aufsätze und Abhandlungen, ii. pp. 149-165.

389.

См. мои "Лекции Хибберта", с. 177, 178.

390.

Expository Times, ix. (1898) p. 522; March 1900, p. 270.

391.

P. 316.

392.

WAI. i. 51. 1, 13.

393.

В семитском языке произносится как Кн-сарра, Кну-са-киссати.

394.

См. перевод гимна в моих "Лекциях Хибберта", р. 301. Текст прокомментирован Фр. Мартином, *Textes religieux assyriens et babyloniens*, pp. 77-80.

395.

Бог "великой горы", см. выше, с. [376](#), [452](#).

396.

Zimmern, *Die Beschwörungstafeln Shurpu*, p. 3 sqq.

397.

Можно заметить, что именно народ, а не царь, будет страдать за проступки последнего; ср. 2 Sam. xxiv. 17, и Гораций, *Ep. i. 12, 20*: "quicquid delirant reges, plerumque tunc Achivi."

398.

WAI. iv. 55. Эта надпись была впервые переведена Джорджем Смитом, "Ассирийские открытия" (1875), с. 409-411, и мной в "Записях прошлого", первая серия, vii. (1876), с. 119-122. Г-н Кинг недавно привел первую часть текста в своей книге "Вавилонская религия", стр. 217, 218.

399.

Хоммель предполагает, что *silân*, "полное место под землей", происходит от *sa'ûlânû*, "шеол" (*Aufsätze und Abhandlungen*, iii. p. 347).

400.

Babylonian Religion and Mythology, p. 83. См. George Smith, *Chaldæan Account of Genesis*, pp. 78-80 (ll. 10-13, 16-23).

401.

K 255, Obv. i. 19, *Ablu dannu mutir gimilli Bili abi-su*, "могучий сын, мститель за Бэла, своего отца".

402.

Textes religieux assyriens et babyloniens, p. xvi.

403.

Martin, *l.c.*, p. 14.

404.

H. Gunkel, *Schöpfung und Chaos in Urzeit und Endzeit* (1895).
